3. Бравая Служба

Удачная работа - 3

Роман (Крысь) Хаер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация:
Третья история о бравом джисталкере

- Роман (Крысь) Хаер
  - Часть 1. Предварительная работа
    - Работа 1. Уговорная
    - Работа 2. Рекламно-предварительная
    - Работа 3. Охотничья
    - Работа 4. Официальная
    - Работа 5. Консультационная
    - Работа 6. Беззаботная офисная
    - Работа 7. Идейная
    - Работа 8. Отправная
  - Часть 2. Основная работа
    - Работа 1. Встречальная
    - Работа 2. Дружительная
    - Работа 3. Технико-подготовительная
    - Работа 4. Охотничья
    - Работа 5. Результативная
    - Работа 6. Рывковая
    - Работа 7. Промежуточная
    - Работа 8. Предстартовая
    - Работа 9. Степная
    - Работа 10. Драчливая
    - Работа 11. Сменная
    - Работа 12. Экономная
    - Работа 13. Банная
    - Работа 14. Плановая
    - Работа 15. Приморская
    - Работа 16. Предбоевая
    - Работа 17. Быстротечная
    - Работа 18. Вялотекущая
    - Работа 19. Отправная
    - Работа 20. Круизная
    - Работа 21. Штурманская
    - Работа 22. Результативная
    - Работа 23. Военная
    - Работа 24. Отработанная
    - Работа 25. Чувствительная
    - Работа 26. Кошачья
    - Работа 27. Возвратная

- Работа 28. Перелетная
- Работа 29. Плавательно-финишная
- Эпилог

Роман (Крысь) Хаер
БРАВАЯ СЛУЖБА

День — зачарованный странник,
Я никого не послушал.
Я — как мальчишка-карманник.
В чей бы карман сунуть душу?

Часть 1. Предварительная работа

Работа 1. Уговорная

Цели-то у вас хорошие, а вот средства пахнут дурно…

(запись в книге жалоб магазина бытовой химии)

Меня зовут Тим — пользуясь случаем, передаю привет всем, кто меня знает (радостно улыбаюсь и машу рукой). Для тех же, с кем я до сего момента знаком не был, кратенько представлюсь:

Начну, пожалуй, с того, что я — джисталкер. На фоне остальных представителей своей профессии я выделяюсь великолепной подготовкой, редкостной удачливостью и самое главное — скромностью. Как вы уже поняли, это я пытаюсь шутить — на самом деле ничем я особо среди прочих джисталкеров не выделяюсь. Кстати, шутить у меня получаются лучше всего на свете (да и нравится тоже больше всего), и если бы мне действительно везло в жизни, то я бы сейчас был всемирно известным юмористом или сатириком (а может быть и просто «глюпым клоуном», как говаривала моя дочь, когда находилась в возрасте четырех лет). Но почему-то частенько над моими шутками смеюсь я один (зато очень заразительно хихикаю, так что все улыбаются и крутят пальцем у виска в знак поддержки), и это меня останавливает, не давая бросить все и уйти выступать на сцену или арену. Так что смешу я в основном своих друзей-компаньонов (по-совместительству бывших одноклассников) — Александра и Дмитрия. За периодические шоу, которые ваш покорный слуга устраивает в офисе, меня и терпят, иначе бы выгнали давно на улицу. В принципе это справедливо — ребята тянут всю основную работу офиса (организацию делопроизводства, отчет и бухгалтерию), а я просто шатаюсь по мирам в свое удовольствие (рискую шкурой и притаскиваю им в клювике всякие ценности).

Последние несколько лет, после известных событий, я в основном специализируюсь по миру Ворк, причем считаюсь чем-то вроде эксперта как по Этой, так и по Той Сторонам. Если уж говорить до конца откровенно — ничего особо выдающегося я там не совершил. Бегал, добывал вещицы для клиентов, попутно обзаводился друзьями среди местного населения — а в результате оказалось, что полезных знакомств в мире Ворк у меня значительно больше, чем на Земле-матушке. Причем что характерно — знакомые и друзья в другом мире у меня

достаточно высокопоставленные, имеющие довольно серьезный вес (не только в переносном смысле этого слова, если говорить об оградах) в обществе. На Земле все наоборот — серьезные, весомые ребята у меня в друзьях почему-то не задерживаются, разве что один главный бухгалтер с килограммами своего веса не подвел, но это исключение, лишь подтверждающее правило. Да и в роли просто знакомых сильные мира сего у меня пребывают недолго и забывают о существовании некоего джисталкера достаточно быстро (может потому, что я не люблю о себе напоминать лишний раз?), хоть и частенько пересекает меня судьба с достаточно весомыми людьми (вот привязалось словечко-то, все — о весе больше не слова, разве что какой-нибудь весомый аргумент все не перевесит!)

Ну, вот и все о себе, в принципе. Вступительную часть считаю полностью завершенной, так как больше мне рассказывать абсолютно нечего. Перейду собственно к повествованию.

А закрутилось все с того, что ко мне в гости заявилась не кто-нибудь, а моя великолепная дочь собственной персоной. Сейчас моей крошке (рост сто восемьдесят пять сантиметров, четыреста пятнадцатая ракетка мира, плюс черный пояс в трех видах восточных ногомашеств и рукодрыжеств) восемнадцать лет, и когда я иду с ней по улице — нас принимают за влюбленную парочку (это я так себе льщу, хотя для своих тридцати семи я выгляжу на все сто! Что-то я опять не то сказал…). Наши отношения от полного и безграничного единения в ее тринадцать (чудо-ребенок, просто ангел!) скатились к серьезному вооруженному противостоянию в пятнадцать (жуткое зеленоволосое чудовище, вся в заклепках на ноздрях, щеках и ушах) и вернулись к уважительному взаимопониманию к ее семнадцати годам (не девушка она сейчас, а картинка — горжусь!) — так что я переживаю ренессанс отцовско-дочерней любви.

В тот раз мы решили никуда не ходить, и расположились на лоджии, попивая ароматный чай, который я научился особым образом заваривать в мире Ворк, когда работал во льдах северного побережья у светлокожих варваров — очень уж они искушены в заваривании любого травяного напитка. Говорили мы, естественно, о месте работы Арины. Дело в том, что дочь не так давно окончила колледж, название которого постоянно вылетает у меня из головы (что-то там по современному менеджменту), получила начальное высшее образование, и сейчас пробовала себя на разных рабочих местах.

Кстати об образовании. Раньше, говорят, обучение в разнообразных заведениях в основном сводилось к выучиванию или, как тогда выражались, «прохождению» большого количества общеобразовательных предметов. Тогда даже шутка такая ходила в научной среде, перескажу коротко:

Пришел как-то Резерфорд (не путать с Рокфеллером, это из другой области) к одному из своих помощников, и увидел его за составлением какого-то списка.

— Что это ты там пишешь? — спросил великий ученый.

— У меня освободилось место лаборанта, а желающих поработать в лабораториях великого Резерфорда очень большое количество, — отвечает помощник. — Вот я и составляю список вопросов к претендентам.

— Ну-ка дай посмотрю, — сказал Резерфорд, взял список и начал читать вопросы.

— Это надо посмотреть в справочнике, это глянуть в другом справочнике, это в учебнике посмотреть можно, — тихо бормотал великий ученый, читая вопросы к претендентам на место лаборанта в одной из своих лабораторий. Прочитав все, он вернул список своему помощнику и горько заметил: — Меня бы ты на работу точно не принял…

Это, конечно, шутка — но в каждой шутке есть доля правды. Раньше образование минимум на пятьдесят процентов сводилось к выучиванию. Сейчас зубрежкой занимаются только дети до десяти лет, с целью общего развития. Образование нынче включает в себя не столько знания (выучить при помощи трикетов разного уровня и вида можно все), сколько умение этими знаниями пользоваться. Так что теперь начальное образование дети получают одинаковое, далее выбирают колледж и в течение года получают начальное высшее. Потом они должны отработать пару лет «молодыми специалистами», и далее решить для себя — их ли это дело на всю оставшуюся жизнь. Если выбор молодых людей устраивает — они идут совершенствоваться дальше, получая полноценное высшее.

Раньше, говорят, дети сразу после школы шли в институты и получали полное высшее образование. В результате потом по специальности начинали работать меньше десяти процентов выпускников — и это считалось нормальным явлением! Это получается, девяносто процентов времени преподаватели в институтах просто тратили зря? В голове такое ужасающее расточительство не укладывается. Ладно, преподаватели (хотя я бы при такой отдаче работать отказался наотрез), но и сами дети пять-шесть лет жизни упорно получали знания, которые им

просто не нужны! Странно был тогда мир устроен. Ну, может у меня сведения неполные, утверждать не буду — давно все было, сейчас об этом историки такого понапридумывают…

По спортивному направлению дочь в свое время решила не идти, ее мама (моя бывшая жена) надавила авторитетом на ребенка и девочка закончила колледж по менеджменту. Вот теперь мы вместе с ней и мучались, выбирая будущую любимую работу.

— А что твое увлечение мерчендайзингом? — вежливо поинтересовался я, на самом деле смутно понимая, что означает это понятие.

— Пап, нет такого слова, — улыбнулась дочь, снисходительно относясь к моей плохой ориентации в современных реалиях. — Это должность такая в отделах продаж — мерчендайзер.

— Ясно, — хлопая глазами, сказал я и сделал вид, что увлеченно дегустирую чай. Но потом не выдержал и спросил: — А что там с треш-логистикой?

— Да тоже не по мне, — задумчиво ответила дочь, по счастью не спросив меня, знаю ли я что такое «треш-логистика».

«Это, наверное, такая логистика по трешу. Хотя, что такое „треш“, и зачем о нем надо думать — непонятно. Или думают, вроде, логисты, а логистики прокладывают маршрут?» — пришла в голову странная мысль и мы с Ариной замолчали, попивая вкусный чаек и предаваясь тяжелым мыслям.

— И супервизором быть не хочу, да и супервайзеры мне не по душе… — пробормотал мой ребенок, нахмурив бровки.

— Понятно, — солидно покивал головой я, в душе искренне надеясь, что сделал подобающее выражение лица и по мне сразу видно — этот человек хорошо разбирается как в «супервизорах», так и в «супервайзерах» (того, кто придумал такие неудобопроизносимые названия — прибил бы к офисному стулу собственноручно, хоть я и не сторонник физических расправ).

— Пап, мне конечно перед тобой очень неудобно, но я по делу пришла, — наконец решилась Арина, как будто я по ней и так не видел, что она очень хочет что-то у меня попросить.

— Да ладно, доча, все нормально, — улыбнулся я. — Сколько тебе надо на этот раз?

— Нет, пап, деньги мне сегодня не нужны, — серьезно ответила девочка и взглянула на меня моими же глазами (как из зеркала сам на себя взглянул).

— Говори уже, не томи, — тут же растаял я, подумав: «Я люблю свою дочь».

— Мне можешь помочь только ты, — сказала Арина, и я очень

удивился, когда понял — к этой речи она готовилась и даже репетировала ее перед зеркалом — а значит, предстояло что-то очень серьезное с ее точки зрения (обычно она репетирует перед зеркалом только деловые выступления, отношения с единственным отцом в эту категорию до сего момента не входили ни разу).

— Заинтриговала, — сразу погрустнел я, почуяв неладное и, пытаясь оттянуть неизбежное, предложил: — Может еще чайку?

— Пап! — укоризненно нахмурился мой ребенок.

— Все, понял, — тяжело вздохнул я. — Говори уж…

— Не хочу я работать в офисе! — решительно сказала Арина.

— И это я уже понял, — грустно пробормотал я.

— Я хочу быть… — тут дочь сделала паузу (я в страхе затаил дыхание), сверкнула очами и выдала: — Магом!

— Уф, слава богу! — не сдержал я облегченный выдох, так как я очень боялся того, что Арина скажет: «Джисталкером!». Потом до меня дошло, какое слово сказала дочь, и я поперхнулся чаем.

Когда суета на лоджии, сопровождаемая стуком по моей спине (вот у дочери рука тяжелая, я вам доложу!), закончилась и я смог привести себя в относительный порядок, мы снова вернулись к неспешному беззаботному времяпрепровождению, а разговор тем временем пошел на новый виток.

— А ты чего боялся, — ехидно улыбаясь, спросила Арина, налив в заварочный чайник кипятка. — Что я к тебе в ученики джисталкера пришла напрашиваться?

— Ну… — замялся я, не зная как выразить чувства, возникшие у меня при мысли о том, что дочь надо будет вводить в круг моих знакомых в мире Ворк.

— Да ты не переживай, я же не совсем у тебя дурочка, — сверкая глазенками, сказала Арина.

— Ну, дочь, ну что за выражения? — обиженным голосом протянул я, войдя в привычный образ идеального отца.

— Извини, пап, — так же привычно отмахнулась от меня Арина, и продолжила: — Я же знаю, что такое «конфликт ролевого поведения».

Тут я снова поперхнулся чаем, и вынужден был опять прибегнуть к умению четыреста пятнадцатой ракетки мира, да еще и черного пояса чего-то там с окончанием «до», стучать по моей спине (надо сказать — лупит здорово!).

— Ты не знаешь, что означает этот термин? — в процессе приведения моих дыхательных путей в порядок поинтересовалась Арина. — Я тебе сейчас расскажу!

— Кхе-на-кха, — попытался возразить я, но моя дочь вошла в раж и, продолжая лупцевать отца по спине, начала говорить:

— Ну, например, на дискотеке я очень вызывающе танцую (бабах!). А с тобой я примерная дочь, — поглядев на мои выпученные глаза, девочка врезала мне еще раз по спине, и продолжила: — И если бы ты пришел на дискотеку, где я танцую, то у меня бы возник «конфликт ролевого поведения», понятно? (бабах!)

— Понял! — крикнул я, в этот момент обретая возможность говорить. — И хватит бить отца!

— Извини, пап, — покладисто согласилась доча, потупив глазки — ну чистый ангелочек.

— Ты лучше скажи, с чего это вдруг ты решила, что можешь стать магом? — задал я, наконец, действительно интересующий меня вопрос, пытаясь потереть отбитую спину. — Насколько я знаю, на Земле в данный момент не функционирует ни один действующий маг, да и раньше таких случаев, если мне память не изменяет, не было. Не бывает у нас магов, не зафиксировано в надежных источниках ни одного на протяжении всей человеческой истории — ты в курсе?

— Да знаю, но есть же шанс, — девочка посмотрела на меня, нижняя губа у нее задрожала, и на глазах появились слезы. — Я себе никогда не прощу, если все это пройдет мимо. Я чувствую — я могу стать магом!

— Ты только не реви, — предупредил я, но было уже поздно. Как говаривала в таких случаях бабушка: «Разверзлись хляби небесные…»

— Ладно, все что надо — сделаю, не плачь, — уже через минуту бормотал я, прижимая к груди голову любимой дочери, при этом ворот моей рубашки был ужасно мокрый. — Все у тебя получится, и ты станешь первым магом в человеческой истории.

Техничная дочь, не переставая реветь в три ручья, подсунула мне мобильник, и я, не отрывая ребенка от отцовской груди, набрал знакомый номер.

— Привет, негодяй, — буркнул я, когда соединился с абонентом и увидел сочувствующее лицо Сани. Показав взглядом на голову, покоящуюся на моем плече, я грозно нахмурился и спросил: — Твоих рук дело?

— Привет, Тим! Нет, как ты мог такое подумать! — проорал Александр, и я сразу понял, что доля его участия в этом деле достаточно приличная. — Мы же друзья!

— Негодяй ты законченный, все-таки. Ладно, я согласен, фиговое дерево с вами и на всех на вас. Оформляй там все, —

грустно ухмыльнулся я, не выдержал и выругался: — Якорный батор…

— Тим, все сделаем в лучшем виде! — радостно заорал Саня. — Ты не сомневайся!

— Уже наделали, деятели. Бывай здоров… — хмыкнул я, и дал отбой.

— Ты самый лучший папочка на свете! — просияла как электрическая лампочка моя девочка и радостно чмокнула меня в щеку. Слезы к этому времени, естественно, уже высохли, и дочь забегала по лоджии, наливая нам в кружки свежезаваренный чай.

— Чем тебя купили-то? — с грустной улыбочкой поинтересовался я.

— Поступлением на первый курс без экзаменов и последующее обучение без оплаты! — радостно призналась Арина.

— Серьезно, за такое предложение единственного отца продавать в рабство имело смысл, — согласился я. — Но ты понимаешь, что это может быть очень нескоро, возможно через много лет?

— Я согласна ждать хоть целую вечность! — воодушевленно пропела дочь.

— А если склонности к магии у тебя не будет, что тогда делать?

— Папа! Не начинай опять! — сердито крикнула девочка, сверкая глазенками.

— Ладно, шучу, — тут же сдал назад я, и пропел свою любимую мантру: — Все у нас получится.

— Я знаю! — согласилась со мной дочь, и продолжила хозяйственные хлопоты.

Через пять минут мы сидели в креслах и молча пили чай. На лице у Арины застыло мечтательное выражение, и я впервые за последний год видел задумавшуюся дочь не насупленной и озабоченной из-за свалившейся на ее голову взрослой жизни, а тихонько-восторженной как в детстве перед Новым Годом, в ожидании Деда Мороза. От этого на душе было легко, и грядущие хлопоты не казались такими уж ужасными.

Потом я посмотрел на Москву, снующую за окном. Что-то (наверно та часть тела, которая сейчас спокойно покоилась в кресле-качалке) подсказывало, что с этого момента таких спокойных минут в моей жизни с каждым новым днем будет все меньше и меньше. От судьбы, как и от пули снайпера, далеко не убежишь — есть только шанс больше устать перед логическим концом такого бегства.

«Спокойная жизнь закончилась», — пришла в голову, как впоследствии я неоднократно успел убедиться, пророческая мысль.

Работа 2. Рекламно-предварительная

А, как известно — мы народ горячий!
И потому всегда везде косячим…

(песня из м.ф. «Бременские музыканты», в переводе на гоблинский)

На самом деле все началось, конечно же, гораздо раньше. Года два-три назад господа-бюрократы издали, наконец-то, очень удобный указ, который еще более примирил меня с современными делопроизводственными реалиями. Теперь отчеты о проделанной работе джисталкеры могут сами не сдавать. Информация, снятая с записывающих устройств внутри трикетов, после корректировки самим джисталкером (на тайну личной жизни, слава небу, никто пока не претендует), передавалась своему юристу, и уже он имел полное право идти в джисталкерский комитет для сдачи отчетности. Надо ли говорить, что я тут же спихнул эту почетную обязанность на Александра и Дмитрия? Впрочем, ребята не сильно возражали, тем более что вскоре очереди, ранее состоящие их хмурых джисталкеров, периодически начинающих буянить и уважающих только бодигардов с винтокрылами, сменились приветливыми колоннами бухгалтеров и юристов в черно-белых одеяниях. Телохранителей с винтокрылами, которые ранее несли службу у дверей практически каждого кабинета, массово сократили, сэкономив огромное количество денег, которые высокопоставленные бюрократы тут же использовали на неизвестные мне (да и вообще никому лишнему) нужды. В результате этого я сделал интересное жизненное наблюдение:

Не только благие цели оправдывают любые средства, но и благие средства порой оправдывают любые цели.

Конечно же, ничего совсем уж идеального в жизни не бывает. Вот и то, что мне теперь не приходится самому тратить по пять часов после каждого прыжка на ненавидимое всеми фибрами души занятие, имеет и свою неприятную сторону. Неприятности от этого без сомнения, в общем, положительного момента в мою жизнь привносит человеческий фактор, а конкретно мой друг и бывший одноклассник Александр — по совместительству директор обслуживающей мою работу конторы.

Хотя, конечно же, произошедшая метаморфоза в отделе приема отчетностей джисталкерского комитета вполне понятна. Вместо нелюдимых джисталкеров коридоры отдела заполнились приветливыми юристами, делопроизводителями и бухгалтерами, и сразу (как же иначе среди наших-то людей) возникло поле различных микро-сообществ, групп и просто знакомых, именуемое емким словом «тусовка». Александр в этом информативном поле чувствовал себя как рыба в воде и естественно на мою голову посыпались предложения, часто в виде уже готовых контрактов, под которыми оставалось только поставить мой автограф.

Девяносто процентов таких предложений являлось полной и абсолютной чушью, которые я с улыбкой отвергал. Оставшиеся десять процентов делились так:

Из-за пяти процентов я орал на Саню, да с такой мощью, что все стекла в нашем офисе звенели; три процента заставляли меня садиться в уголочке и горько плакать; один процент (в случае большой суммы контракта) надолго уводил меня в подполье и отключал мобильник, а Саня с Димой начинали караулить меня у подъезда; оставшийся один процент я самым серьезным образом изучал.

Далее этот процент делился так: в половине случаев я снова орал на Саню и наотрез отказывался от предложения, оставшаяся половина делилась почти поровну на плач и подполье. И только в одном проценте от оставшегося процента (что-то я сам запутался, словом — один раз из тысячи) я отправлялся выполнять контракт.

Саня про весь этот ужас говорил, что, мол, все нормально — это обычное дело, называемое «воронкой проектов». Чтобы получить деньги по одному контракту надо заключить их десять штук, при этом вести переговоры на предмет подписания ста договоров. Намекал, что до меня доходит всего один проект из десятка предложенных ему. Я в бизнесе разбираюсь слабо, поэтому особой благодарности за это не испытываю, а вот неприятности — они очень даже на виду, так что злюсь я вполне, на мой взгляд, обосновано. Примиряет меня с этим фактом только одно — если я сбегу от ребят, то кто будет оценивать мой неподражаемый юмор? Они моя единственная зрительская аудитория, так что я, как подлинный творец, люблю своих зрителей и готов прощать им многое за признание моего, не побоюсь этого слова, необъятного и искрометного таланта.

В один из деньков, ничем особо не примечательных, зашел я в офис к ребятам, текущие какие-то бумажки подписать. Зайдя в офис, сразу почуял — что-то тут не так.

— Тим, привет! — проорал Саня, ласково глядя на меня (что-то подозрительно ласково, я вам скажу).

— Здорово, — прогудел Дима, тоже не отрывая свои глазки от моей скромной персоны, впервые за много лет произнеся приветственное слово в стенах офиса — при этом не глядя в свой монитор.

— У меня тут дела образовались, — пряча глаза, пробормотал я, и попробовал улизнуть. — Завтра загляну…

— Стоять-бояться! — тут же завопил невысокий глава предприятия, и глаза на полненьком личике Сани чуть не выскочили из орбит. — Мы тебя тут ждем, понимаешь…

— Ну, ты погодь, — начал бубнить холм мяса и жира, по какому-то капризу судьбы олицетворяющий в офисе бухгалтерию. — Только зашел и сразу уходишь…

— Что-то вы очень вежливые, не иначе какую-то пакость замыслили, — подозрительно буркнул я, опасливо зыркая от двери на одноклассников и готовый в любую секунду задать стрекоча. — Знаете же, что я боюсь вас таких, зачем человека пугаете?

— Да в мыслях такого не было! — радушно выкрикнул Саня, и я еще более утвердился в своих подозрениях.

— Как ты мог о нас так плохо подумать, — улыбаясь, проворчал добродушно Дима, и сирена опасности в моей голове загудела на полную мощность, крича свой «аларм» уже на запредельных частотах.

— Могут же быть у человека неотложные дела… — возмущенно выдохнул я, развернулся и схватился за ручку двери, намериваясь в ближайшее время укрыться в каком-нибудь безопасном местечке и переждать там дня три как минимум.

— Ладно, раскусил ты нас, — буркнул мне в спину Дима, заставив замереть на пороге. — Предложение очень приличное нам сделали…

— Да какое предложение! — заорал Александр, когда я уже перешагнул порог и готовился закрыть за собой дверь. — Целое огроменное предложеньище! Такого раньше не было никогда!

— Правда, ничего подобного никогда раньше не предлагали, — буркнул Дима вдогонку, я услышал его через прикрытую за собой долей секундой раньше дверь, и только это заставило меня вернуться. Дима никогда не врал, и меня зацепили на примитивном любопытстве.

«Выслушаю, о чем идет речь, а потом сбегу», — твердо решил я, и снова зашел в офис.

— Выкладывайте, что там у вас, — разрешил я и, глядя на то, как засуетились приятели-предприниматели, строго добавил: —

Только быстро, у меня дел полно!

— Нам сделали предложение, от которого нельзя отказаться! — радостно выдал Александр где-то услышанную им фразу, имея ввиду будущие сверхприбыли.

— Это меня и пугает больше всего, — скептически хмыкнув, ответил я, вспомнив методы чикагской мафии тридцатых годов двадцатого столетия, убедительные просто до невероятности.

Идея прозвучала, без сомнения, космическая по своим масштабам. Некая частная фирма (контора того самого Гнома, которому принадлежат огромные Гном-маркеты всего мира, расположенные в каждом мало-мальски заметном городе планеты), совместно с рядом государств, в число которых входила Россия, задумали грандиозный проект. За основу взята мечта Гнома, первого джисталкера Земли — привнести в наш мир магию. Идея эта долго вынашивалась в недрах Гном-корпорации, и вот недавно, наконец, была представлена на рассмотрение всем крупным мировым державам. Из всего спектра миров, в которых практикуется магия, был выбран мир Ворк, из-за того, что принципы изучения магической науки там максимально приближены к нашему университетскому образованию (имеется ввиду — в сравнении с другими магическими мирами, где царит мракобесие и многочисленные «темные властелины» и «светлые господины» не дают спокойно жить простым ребятам). Было решено организовать в мире Ворк учебное заведение, где бы могли получать магическое образование люди с планеты Земля. Все расходы брала на себя частная корпорация — а это просто невероятные деньги, одного джитази на поддержание пребывания там обслуживающего персонала института, студентов и администрации уйдет в год на сумму, сопоставимую с бюджетом средней европейской страны.

Но блестящая идея, как всегда, имела из рук вон плохое воплощение. Во главе встали политики, думающие больше о голосах избирателей, чем о деле. Объявлены какие-то конкурсы на должности, тендеры на поставки, вакансии на выполнение поручений — словом полный бюрократический ужас во всем его международно-транснациональном проявлении. И мои приятели-предприниматели предложили мне участвовать мне во всех этих тараканьих бегах! Надо было бежать сломя голову и свесив язык на плечо, чтобы доказать какому-то политику, о существовании которого до сего момента никто из присутствующих не слышал, что я — лучший специалист в своей области, и должен обязательно поучаствовать в этом проекте.

— С головой надо дружить, хотя бы иногда, — грустной фразой начал я свою ответную речь, когда ребята вывалили на меня всю информацию.

— Не, Тим, там все очень серьезно, — широко открыв глаза, завопил Саня. — Такой размах! Столько денег вбухано!

— Документы, выставленные на официальном сайте, я посмотрел, — пробубнил следом Дима. — Как говорится, комар носа не подточит…

— А как насчет того, чтобы подключить к делу свою голову на секунду? Или средства массовой информации, запустившие биты и байты в вашу систему восприятия, заменили ими движения нейронов в головном мозге? — витиевато выразился я, хотя хороших ударов по голове давно уже не получал (не иначе количество перешло в качество, и теперь я буду всегда говорить и мыслить так же мудро, как недавно ударенный по голове).

На ребят фраза тоже произвела впечатление, и они озадаченно замолчали. После этого я методично, по пунктам, расписал все будущие шаги организаторов этого колоссального проекта. Потом немного поразмыслил, и так же неспешно рассказал, из-за чего все развалится. И вовсе не надо быть семи пядей во лбу, чтобы это понять — ибо всегда и все решают кадры, об этом знали во все времена, и только с развитием цивилизации пытаются заслонить эту очевидную истину дешевым лозунгом: «незаменимых нет». Уровень любого учебного заведения держится только на одном — курсы читают высококлассные специалисты в этой области. А где уважаемые товарищи политики собираются их брать? Я лично знаком со многими теоретиками и практиками от магии мира Ворк, и скажу вам прямо — с каждым из них договориться о чем-либо — это целое искусство. И высококлассным магам глубоко наплевать на любые авторитеты, тем более авторитет земных политиканов, о существовании которых они даже не подозревают. Естественно, четкой программы, где и как будут завербованы преподаватели для будущего маг-института, представлено не было (склонен предположить, что такая программа вообще отсутствовала в природе).

Через полчаса моей гневной отповеди энтузиазм покинул ребят, интенсивность восторженного красного цвета лиц немного спала и я, спокойно подписав необходимые бумажки, отправился восвояси.

Как выяснилось чуть позднее, я угадал почти по всем позициям. За полгода проект полностью развалился. Единственное, чего я не учел — это серьезности подхода к делу

Гном-корпорации. Как я узнал значительно позже, первая попытка с привлечением политических структур и открытых тендеров была даже не пробным шаром, а вполне осмысленной диверсионной акцией, четко спланированной и рассчитанной на провал. Таким образом, отсекли целый пласт ненужного интереса к предстоящему делу у структур, которые ничем помочь не могут, но обязательно вцепятся и повиснут на плечах организаторов мертвой хваткой, желая въехать в рай на чужом горбу, при этом приписав себе все заслуги.

Новый этап операции корпорации, детища первого джисталкера планеты, шумом не отличался. На этот раз участие мировых держав заключалось только в скромном наблюдении со стороны спецслужб. В Москве (и не только, как я узнал позднее), прямо в здании джисталкерского комитета, открылся огромный этаж-пентхаус, в котором засел филиал некой международной корпорации под названием «Гном-инст». Филиал тут же начал процесс, который в деловом мире называется «охотой за головами». И вскоре под пристальный интерес этого хед-хантерского агентства попал и джисталкер, которого называют Тим, то есть я — ваш покорный слуга…

Работа 3. Охотничья

Сколько веревочка не вейся –
Концы все равно в воду.

(салат из пословиц)

О том, что меня уже обложили, как волка-одиночку, и гонят мимо красных флажков на номера затаившихся охотников — я долго не догадывался и спокойно продолжал заниматься своими обыденными делами. В принципе, как я сейчас вижу, все необходимые звоночки предупреждения были сделаны, и я мог бы подготовиться к предстоящей схватке с хед-хантерами почти на равных — но, как говориться, задним умом все сильны. Судите сами:

Сначала мне на почту пришло письмо с предложением от корпорации Гном-инст. Покаюсь — я его не прочитал и привычно засунул в спам-контроль, где оно наверно до сих пор пылится среди тысяч уведомлений о выигрыше миллиона еврази, выгодных предложений по семейно-сексуальному отдыху и заманчивых намеков на бесплатную возможность увеличения некоторых частей тела. По-видимому, корпорация этот мой шаг расценила, как акт объявления войны, и сезон охоты на меня был открыт.

Следующим шагом многоходовой охотничьей комбинации явился вызов во все тот же джисталкерский комитет. Неожиданно улыбчивый клерк чрезвычайно вежливо попросил меня поставить автограф на какой-то совершенно незначительной бумажонке, потом очень незаметно испарился из кабинета и я оказался тет-а-тет с приветливым господином средних лет, который очень доброжелательно изучал мое лицо сквозь богато поблескивающие стекла, заключенные в невероятно ценные оправы умопомрачительно солидных очков.

— Я могу быть свободен? — иронично вздернув бровь, поинтересовался я.

— Конечно, вас никто не задерживает, — радушие просто зашкаливало за черту разумности в голосе респектабельного человека, что послужило спусковым крючком для моих решительных действий.

Как позже выяснилось — я тогда сделал одну из самых грандиозных ошибок в противостоянии человека и системы — повел себя нестандартно. Мне надо бы надо было наброситься на солидного дядю с ливнем вопросов, проявить

заинтересованность, уважение и восторг — словом, не выделяться из толпы. От души повилять хвостиком — глядишь, и пронесло бы. Я же поступил самым неправильным способом — после этих слов встал и, не прощаясь (а зачем прощаться, если мы не здоровались), покинул кабинет. Это очень заинтересовало господина, который в иерархии «охотников за головами» Гном-корпорации находился на довольно высокой ступени.

Следующим сигналом, предупреждающим о приближающейся опасности, можно считать звонок мобильника, который нарушил мой покой следующим утром. Я уже сделал утренний комплекс разминочных упражнений, четвертый десяток на исходе как-никак — сухожилия уже не те, забота им нужна (с грустью почувствовал, что в моем организме есть связки, где-то после тридцати пяти), и спокойно пил чай, когда мне позвонил Роман Гель-младший собственной персоной. Сказать, что я удивился — это ничего не сказать. За последние пять лет Рома позвонил мне всего два раза, включая этот.

— Привет, Тим, — весело улыбнулся мне погрузневший невысокий Рома. Высокоуровневый бизнес отложил отпечаток на парня — мешки под глазами, десяток лишних килограммов веса и пронизывающий взгляд капиталистического хищника — все это не украшает хомо сапиенса, во всяком случае, внешне уж точно. — Ты не меняешься, как замороженный просто.

— Ладно хоть, не отмороженный, — хмыкнул я в ответ. — Привет Роман. Как жена, как дети?

— Спасибо, нормально все. Недавно тебя вспомнили со Светланой, когда свадебные фотографии просматривали. Света с «Камнем Света», — сказал Роман, и цепкий взгляд бизнесмена на секунду превратился в одухотворенный взор поэта. Впрочем, мгновенно произошла обратная метаморфоза, и меня снова окинула оценивающим взглядом акула империализма. — Что звоню-то. Предупредить хочу — серьезные ребята тобой интересовались.

Вот за что люблю наших людей — так это за взаимовыручку. Мы можем подраться, нечаянно наступив на ногу соседу в толкотне Телеполитена. Можем ругаться в очереди на оплату коммунальных услуг, и вообще, часто ведем себя как волки в стае — грыземся, взлаиваем и воем друг на друга. Но если человеку рядом грозят серьезные неприятности — наши люди, возможно, вмешиваться и не будут, но предупредят обязательно. Говорят раньше, когда вся страна боролась со страшной службой ГАИ (чем правда эта служба занималась точно не скажу, но сатрапов и душителей в истории нашей родины всегда было вдоволь —

опричнина, царская охранка, НКВД, КГБ и вот ГАИ наверно тоже), то о присутствии этих жутких мракобесов на их пути наши люди предупреждали друг друга миганием фар старинных авто. И это далеко не единственный факт истории взаимовыручки моей любимой родины — что Рома сейчас лишний раз и подтвердил. Но когда есть проблема с мозгами — не всякое содействие может помочь человеку, что наглядно продемонстрировала моя реакция на звонок Романа.

— Понял, — ухмыльнулся я, хоть и ничего толком не понял.

— Люди серьезные настолько, что рядом с ними я совсем несерьезный, — попробовал еще раз достучаться до моего головного мозга финансовый магнат, но серое вещество в моей голове в тот момент оказалось надежно защищено от постороннего воздействия, в том числе и от умных слов.

— Спасибо Роман, я все понял, — продолжил глупо улыбаться я, думая о том, что Роме надо посещать спортзал хотя бы раз в неделю.

— Это хорошо, — в ответ улыбнулся олигарх, видимо отчаявшись достучаться через мою лобную кость до самого головного мозга, мы перекинулись парой общих фраз, попрощались, и Рома дал отбой.

Как в насмешку мобильник зазвонил снова и через секунду я уже говорил с Борисом Кузнецом.

— Тимчик, приветик, — пропищал гениальный кузнец-коллекционер. — Тут такое дело — интересуются тобой.

— Привет, Борис, — ответил я, гадая — зачем звонил мне только что Роман. — Надеюсь, интересуются моими делами, а не частями моего тела. В последнем случае гони их подальше.

— С тобой нельзя серьезно разговаривать, клоун, — сердито сказал Борис, и тут же глуповато хихикнул, что лишний раз убедило меня в том, что неотразимое чувство юмора живо во мне до сих пор несмотря ни на что. Впрочем, Кузнец сразу встряхнулся, и еще раз попробовал до меня достучаться: — Все наши контракты недавно перелопатили. Мне тихонько сообщили друзья о пристальном интересе серьезных людей, и я сначала решил, что под меня копают. Потом оказалось — интересовались только нашими общими делами. Вот я и позвонил, чтобы тебя предупредить…

— У нас с тобой, уважаемый Борис, нет ничего общего. Я высок, красив и умен — а ты невысок, над златом чахнешь, и вообще — жмот и жлоб, — ухватился я за словосочетание «нашими общими», все остальные слова пропустив мимо ушей, и понесло меня в юмористическую сторону, на что Кузнец еще

разок хихикнул, попрощался и дал отбой.

После этого я выкинул оба разговора из головы и отправился в компьютерный клуб «Динамо». Там в тот момент проходил очередной чемпионат мира по компьютерным стрелялкам, и я хотел поболеть за наших, а потом и самому размяться в виртуальном огневом контакте. В свое оправдание скажу только одно — сама мысль о том, что мною можно серьезно заинтересоваться на предмет долговременного сотрудничества, мне в голову просто не пришла. С самого начала моей работы в качестве джисталкера я создал себе имидж капризного удачливого одиночки — таких людей в команды зовут редко. Вот и притупилось мое чувство опасности в этом направлении, за что я, в конце концов, и поплатился. А хотя вполне возможно, что это произошло, потому что Борис и Роман мне только позвонили. Зашли бы в гости, поговорили бы по душам — глядишь, все по-другому бы сложилось. Дозвониться гораздо проще, чем достучаться — но проще это вовсе не означает, что качественнее. Душевности в нашей жизни не хватает.… Впрочем, что-то я отвлекся.

После клуба заглянул в офис, и там меня ждала неожиданность, которую я затрудняюсь квалифицировать, но к приятным ее (эту неожиданность) отнести никак не могу.

— Привет Тим. А нас с Димочкой на работу пригласили, — заявил Саня, как только я перешагнул порог офиса. — В крупную компанию.

— Там один мой месячный оклад, без учета подъемных и премиальных, в два раза больше прибыли нашей конторы за прошлый год, — буркнул Дима, пряча глаза. — Так что тут особо думать не приходится.

— Поздравляю вас, парни, — искренне порадовался я за ребят, хоть в душе и немного кольнуло, так как привык я к ним. — За меня не волнуйтесь, не пропаду. Давайте отпразднуем долгую совместную работу. Но накрыть стол придется — банкет за ваш счет!

— Погоди, — прервал меня Саня, на секунду замялся, а потом выдал: — С одним условием нас с Димочкой берут — ты тоже должен туда же на работу устроиться, в другой отдел только.

— Причем твоя зарплата больше, чем сумма моего и Саниного оклада, — тут же завистливо пробурчал Дмитрий. — Так что я уже документы готовлю…

— На следующей неделе на работу все вместе выйдем, — растянул в улыбке физиономию Саня.

После этого последовала сцена, о которой я не люблю вспоминать. Двадцать пять лет занятий единоборствами оказались мною мгновенно забыты от возмущения. Хотя в принципе, я до этого момента в последний раз дрался в далеком детстве, по-моему, как раз с Саней. Нам было по двенадцать лет, и эта сволочь рассказала Ольке из шестого «Б» о том, что она мне не безразлична (подлый предатель). Мои последующие занятия рукомашествами и ногодрыжствами, черные пояса, выигранные любительские чемпионаты города, дальнейшая шлифовка мастерства десятилетиями спарринговс сэнсэем Андреем и боевые столкновения в других мирах к дракам никакого отношения не имеют. Настоящая драка — это когда двое стоят друг напротив друга, толкают (не сильно, но очень вызывающе) оппонента в грудь и кричат что-то типа: «Я тебя сейчас урою, козел!»

Разнял нас, как и четверть века назад, огромный Дима, который просто встал между нами. После этого приятели-предприниматели признали свою неправоту, на свет была вытащена бутылка водки и мы отпраздновали примирение. Надо сказать, после этого парни по-прежнему периодически пытались вернуться к вопросу трудоустройства в крупную фирму, но уже достаточно корректно, и попыток «без меня — меня женить» больше не предпринималось.

После этого случая до меня наконец-то дошло то, что охота ведется грамотная, и обложили меня по всем направлениям. Постепенно я начал ощущать это давление — но присутствия духа не терял. К деньгам я всегда относился философски, есть — хорошо, нет — тоже неплохо, из-за отсутствия лишних искушений. Да и не являлись деньги большой проблемой — за время работы вольным джисталкером я добыл несколько серьезных вещичек, за которые мне были заплачены неплохие суммы — в принципе я бы мог больше никогда не работать и до глубокой старости существовать безбедно. Но при одной мысли об этом мне становится грустно, так что давайте обойдем эту тему. Да и если бы, как в дурацком голливудском фильме, жутким полугосударственным преступникам удалось бы заблокировать мою кредитку и лишить всех честно нажитых денег (хотя, по-моему, это — бред собачий) с целью шантажом заставить меня выполнять работу — со мной такой номер бы не прошел. С голоду из моих знакомых никто так ни разу почему-то и не помер — о чем еще можно серьезно беспокоиться? Денег бы снова заработал, а не дали бы работать по специальности — пошел интерактивным оператором вагоны разгружать (я зверек

маленький, но гордый — в неволе не танцую). Так что, до поры до времени, мне без особых проблем удавалось избегать сетей «охотников за головами» Гном-инста.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о моей необоснованной капризности — но это не так. Я просто очень не люблю всего две вещи: браться за безнадежные дела и тащить на своем горбу к светлому будущему большое количество бездельников. А в данной ситуации я четко, как на экране монитора, видел взрывоопасную смесь этих двух вещей, и только поэтому прикладывал все усилия, чтобы уйти как рыба в глубину. Впрочем, в конечном счете, нарисовалась совершенно противоположная картина — я бился как рыба об лед.

Однажды, зайдя в офис, я встретил насупленный взгляд Сани.

— Только не ори, — заявил он вместо приветствия. — Если не хочешь, то никто тебя не заставляет — вали на все четыре стороны.

— О чем это ты? — удивился я, тоже не став здороваться.

— Человек один с тобой встретиться хочет, чтобы просто поговорить, — на полтона ниже чем обычно завопил Александр, и в его исполнении это означало, что он проникновенно шепчет. — Но ты как девчонка-недотрога последнее время себя ведешь, лишнего слова тебе не скажи…

— Да я всегда готов встретиться с любым человеком, если при этом из меня не будут делать дурачка местного, — тут же возмущенно заорал я. — Ты же первый раз за последние пять лет просто сказал: «Тим, поговори, пожалуйста, с человеком». У тебя же все происходит якобы случайно. Я тебе что — игрушечный солдатик, чтобы меня двигать?

— Ну, так что, поговоришь? — прервал мой возмущенный ор Саня.

— Да легко, — согласился я. — Ты со мной как с человеком — и я тебе навстречу пойду.

Наш невысокий директор предприятия просиял радостно и тут же начал звонить куда-то по Гашек-фону.

— Ну вот, а вы сомневались, Рудольф Иванович, — вальяжно сказал Саня невидимому для меня собеседнику. — Фирма вениках не пишет! Обещал, что устрою встречу — свое обещание сдержал! Можете приезжать, вас ждут.

После отбоя мы с Александром переглянулись, и он мне хитро подмигнул.

— Кстати, я давно хотел тебе одну вещь сказать, только все забывал, — прервал я затянувшееся молчание.

— И какую же вещь, интересно? — забеспокоился Саня. —

Только не говори, что у тебя дела — ты мне обещал!

— Нет, раз пообещал, то все сделаю, ты же меня знаешь, — мой одноклассник перевел дух, и я продолжил выражение своей свежей и оригинальной идеи: — А вот ты, Саня, все-таки законченный негодяй!

Эту мысль мы муссировали со всех сторон вплоть до прибытия Рудольфа Ивановича, с которым я, оказывается, был знаком. Им оказался тот самый респектабельный человек, с которым мы перекинулись парой слов в кабинете клерка, в джисталкерском комитете. При появлении Рудольфа Ивановича даже Дмитрий ненадолго оторвался от экрана монитора, буркнул что-то приветливо-почтительное, и снова погрузился в виртуальное бухгалтерское пространство. Человек в невероятно дорогих очках уважительно глянул на Диму, пожал руку Сане как старому знакомому и церемонно поклонился мне. Это меня ужасно удивило, (я привык, что люди в массе своей относятся ко мне несерьезно) и я точно так же поклонился ему в ответ.

— Пожалуйте в переговорную, вам там никто не будет мешать, — как радушный хозяин воскликнул Александр, открыл дверь в затрапезную заднюю комнату, которую он так величественно окрестил при госте, и застыл перед порогом, олицетворяя всем своим видом древнерусский плакат: «Велкам!».

— Так это вы на меня охоту устроили, Рудольф Иванович? — вежливо поинтересовался я, когда мы с респектабельным человечком остались наедине и закончили, наконец-то, обмениваться заверениями во взаимном почтении.

— Тим, называйте меня Рудольф, пожалуйста. Без всяких отчеств, — попросил меня сотрудник Гном-инста. — И, может быть, перейдем на «ты»?

— Согласен, Рудольф, — улыбнулся я. — Ну, так зачем я нужен-то?

— Ты меня в прошлую встречу удивил, — улыбнулся в ответ хед-хантер. — Я заинтересовался поначалу необычной реакцией.

— Не как все поступил я тогда? — расстроено поинтересовался я, дождался ответного кивка с полу-улыбочкой, и горестно выдохнул: — Вечно так. Как только начинаю считать себя самым умным — в результате всегда сажусь в лужу…

После этого у нас состоялся недолгий, но откровенный и плодотворный разговор. Рудольф честно признался, что внимательно просмотрел все мои отчеты в джисталкерском комитете (практически законодательство нарушили — ничего не боятся!). Его поразил процент выполнения мною предварительных заказов — ни одна частная контора,

индивидуальные джисталкеры и даже государственные служащие (имеющие, кстати, большие звезды на погонах) как говориться — даже в затылок не дышали. Думая, что тут произошла какая-то ошибка, хед-хантер через обширные связи Гном-корпорации прошелся по основным заказчикам — и с удивлением понял, что на практике дела с выполнениями заказов у меня обстоят значительно лучше, чем указывалось в отчетах (выполняя основные заказы я при этом и побочные дела проворачивал). В моем лице, как говорится: — «ему подсунули гораздо более ценный мех». Тут мы немного поспорили. Я убеждал его, что потому, мол, и хорошо справляюсь, что не берусь за особо сложные дела. Он тут же предоставил мне пару случаев, когда я делал в мире Ворк практически невыполнимые вещи. Я в ответ привел поговорку о том, что исключения лишь подтверждают правила.

Потом Рудольф посетовал на то, что я оказался крепким орешком.

— Ты, Тим, сейчас практически рекордсмен! — гордо сказал Рудольф, с удовольствием поглядывая на меня.

— Что я там опять умудрился натворить невзначай?

Оказывается, у «охотников за головами» есть своя классификация жертв. Есть люди, которые работают в серьезных конкурирующих структурах — и такие «головы» заарканить труднее всего. Следующие по сложности — работники компаний, стоящие в иерархии ниже компании-заказчика. Потом идут семейные фирмы, а на самом дне — безработные специалисты. Так вот — поначалу я по всем признакам относился к безработным, а в результате он на меня потратил сил больше, чем на переманивание «головы» какого-нибудь чрезвычайно нужного компании специалиста из конкурирующей структуры, сопоставимой с заказчиком величины.

— И вовсе ты меня не заарканил, — честно ответил я, и все вернулось на круги своя.

Я коротко обрисовал, почему я капризничаю и Рудольф, в принципе, полностью согласился с моими доводами. После этого мне сразу было предложено место консультанта проекта, подчиняющегося непосредственно главе компании, от которого я тоже с благодарностью отказался. Знаю я такой подходец — сегодня консультируешь, завтра помогаешь выполнять, а послезавтра уже запряжен в плуг и пашешь как ломовая лошадь. Мило беседуя примерно в таком же ключе, мы вышли из комнаты отдыха в офисную комнату, и подошли к двери.

— Интересный ты человек, Тим, — пожав мне руку на

прощание, сказал Рудольф. — Очень плодотворная у нас беседа получилась, и я лишний раз убедился в том, что ты необходим проекту.

— Спасибо на добром слове, — улыбнулся я в ответ. — Но искренне надеюсь, что у вас все получится. В плане — получится без моего участия…

— Поглядим, — улыбнулся хед-хантер и заслужил мою ответную искреннюю улыбку уверенного в себе человека.

— Все нормально у вас там? — поинтересовался Саня, не вставая из-за стола.

— Все отлично, — хором ответили я и Рудольф, синхронно улыбнулись друг другу, и хед-хантер вышел из комнаты.

— Нет у вас методов против Кости Сапрыкина! — цитатой из любимого классического фильма высказал я свое отношение к ситуации, попрощался с ребятами и покинул офис.

А вечером ко мне в гости заявилась не кто-нибудь, а моя великолепная дочь собственной персоной…

Работа 4. Официальная

Первый день — комом, блин…

(новая интерпретация старой поговорки)

Первое утро работы в крупной фирме началось ужасно. Я встал, побрился, сел на край ванны и заплакал. Это я, конечно, выразился фигурально — заставить меня заплакать не смогут все бюрократы мира вместе взятые! Но если честно, то плакать хотелось. Вы не поверите, по какой причине — мне было не в чем идти на эту проклятую работу! Я почувствовал себя просто блондинкой из анекдотов — полный шкаф тряпья, а одеть нечего. Деваться было некуда, я встал и отправился за одеждой.

Не понимаю, почему женщинам нравятся хождения по магазинам? Это же ужасно долго, нудно и дорого. А мне предстояло купить все — у меня в гардеробе отсутствовал не только костюм, рубашка, запонки, галстук и чего там еще надо, точно не вспомню — у меня не было даже подобающей обуви. Тяжело вздыхая, я как на каторгу пошел на грандиозный шоп. Честно сказать — самому до сих пор не понятно, с какого перепугу я решил, что мне на работу надо явиться, вырядившись как офисный клерк. Загадка для меня это сейчас, если уж говорить до конца откровенно. Но вот втемяшилось в голову — и все тут. И ведь никого рядом не оказалось, чтобы спросить: «Тим, а зачем ты хочешь на работу в костюме прийти?» Если бы меня кто-нибудь спросил бы об этом — я бы сразу в чувство пришел, рассмеялся и отправился на место новой работы в привычном «милитари». Но такого умника рядом не оказалось, и отправился я, в свой первый рабочий день на новом месте, с раннего утра в магазин модной одежды.

Самым главным ударом в магазине для меня явилась цена костюмов и иже с ними. Вот никак не ожидал, что этот черно-белый ужас столько стоит! Вернее, вся ценовая палитра присутствовала в полном ассортименте — но носить что-либо, не испытывая при этом жуткие неудобства (подмышками давит, штаны болтаются, ворот рубашки шею трет), можно было только то, что ужасно дорого стоило. Я в принципе парень небедный — но в самом конце процедуры жуткой примерки, когда все силы из меня были высосаны приветливыми менеджерами магазина, и я мог в том, во что меня нарядили, худо-бедно передвигаться, мне принесли счет — все волосы на теле встали дыбом. Цена этого

официального маскарада была сопоставима с ценой моего любимого гоночного болида!

Время поджимало, да и проходить снова через весь ужас промеривания мне вовсе не улыбалось, так что я, скрипя зубами, расплатился и уже в черно-белом одеянии, как типичная офисная крыса, вышел из магазина, сжимая в руках приличный кожаный портфель, прикупленный там же. В портфеле гордо покоились обычные удобные шмотки, да я еще кроссовки туда умудрился запихать, так что сей бюрократический аксессуар в крепких джисталкерских руках казался достаточно пухлым, что придавало (как я искренне надеялся) моему глупому виду некоторую толику солидности.

Перед дверями офиса ребят я застыл в нерешительности, проклиная тот день, когда в мою голову пришла мысль о джисталкерстве, которая, в конце концов, поставила меня в это неудобное положение. Спокойно, уверенно и с чувством собственного достоинства, показаться на глаза Диме и Сане в деловом костюме оказалось выше моих сил.

«Соберись, тряпка!» — прикрикнул я на себя мысленно, после чего решительно перешагнул порог офиса, который всем нам вскорости предстояло навечно покинуть.

Вопреки ожиданиям, ребята на мой деловой костюм отреагировали вполне нормально. Хотя чего я говорю — если бы они действительно адекватно отреагировали, то я бы до конца своих дней не отмылся. А так Саня и Дима продемонстрировали абсолютный, с моей точки зрения, неадекват.

— Вау, — закричал Александр, как только я перешагнул порог офиса. — Да ты на человека стал похож!

— Почем сукно? — вторя ему, буркнул Дмитрий, и я было напрягся, приготовившись к потоку глумления, который, казалось, готов был сорваться с их змеиных уст, но тут случилось невероятное.

— Ух ты, костюмчик от «Армани»! — вдруг воодушевленно выкрикнул Саня. — А ну-ка — лейбл покажи!

— Солидно, — подтвердил Дима, ради этого встав со своей табуреточки и пощупав рукав моего пиджака. Причем проделано это было с пиететом и западанием в глубочайшем пардоне перед фирмой-производителем товара.

— А галстук-то — «Кати БутОвская»! — выкатив глаза, аж затрясся маленький глава предприятия.

— И булавка на галстуке от «Картье», — подпевал восхищенно огромный бухгалтер.

Следующие десять минут ребята обменивались гламурными

словечками. Я услышал краткий сравнительный анализ современных производителей деловой одежды, последние направления в развитии офисного костюмированного искусства и прочая, прочая, прочая.… Одним словом — меня не покидало ощущение того, что я разговариваю не со своими друзьями-мужчинами, а пытаюсь вести беседу одновременно с бывшей женой и дочерью, находясь перед стройными рядами каких-нибудь бутиков в гигантском супермаркете модной одежды.

То, что мои офисные крысы оказались ужасными модниками — для меня явилось невероятным откровением, сравнимым по значимости с открытием теории относительности для современной науки. Совершенно по другому взглянул я на ребят — и не скажу, кстати, что с этого ракурса они мне понравились больше. Я то был уверен раньше — свои костюмы они покупают где-нибудь в магазине спецодежды. Так прямо и стояла перед глазами картина: огромный зал, длинный ряд оранжевых жилеток служб коммунальных услуг; рядом ряд спецодежды для работы в агрессивных средах (резиновые сапоги там, гидрокостюмы и т. д.); следом ряд грубых спецовок строителей; и вот, наконец, мы дошли до черно-белой спецодежды офисных работников. А оказалось вон оно что — прямо-таки подиум у нас был все это время, а не офис.

Мои друзья не были прекрасными дамами, так что я с ними особо церемониться не собирался. Да и вообще слово «прекрасные» к моим приятелям-предпринимателям мало применимо, разве что в контексте со словом «друзья». Но в этой ситуации им не помогло то, что они мои друзья, ибо любимая мозоль — есть любимая мозоль.

— Разгалделись, сороки черно-белые! — прервал я разговоры об офисной модности. — То, что я на себя снаружи этот ужас нацепил, вовсе не означает, что я внутри поменялся. Нашлись тут фотомодели…

— Да ладно тебе, Тим, — сразу замялся Саня, сделав виноватое выражение лица. — Это же на имидж работает…

— ИмИдж делами крепИдж! — выдал я неожиданно возникшую в голове поговорку, чем вверг в легкий ступор офисных работников (признаюсь, сам немного опешил). Из ступора я вышел первым, и этим грех было не воспользоваться, что я и сделал: — Мы тут вечно будем стоять, или пойдем куда-нибудь?

— Собрать документацию надо, — потерянно пробурчал Дима, оглядывая наш затрапезный офис, к которому мы привязались за долгие годы всей душой. — Вещи личные опять

же…

— Сейф тут, лицензии всякие, — тоже вдруг струхнул Саня. Чувствовалось, что ему страшновато срываться с насиженного места. — Опять же, вещи личные…

— Трусить команды не было! — гаркнул я, решив взять дело в свои руки, и в глазах ребят проявилась некая осмысленность. — Все вон из офиса! Не на каторгу идем, а на новое место работы. Если выгонят нас оттуда через неделю — вернемся обратно, и всех делов!

Командные интонации, прорезавшиеся в моем голосе, привели ребят в чувство, мы быстренько собрались, и уже через пять минут вышли из офисного центра втроем. Это было немного непривычно — рабочий день еще к обеденному перерыву не подошел, а весь состав конторы уже покинул офисное здание.

Как я уже говорил, фирма «Гном-инст» располагалась на последнем этаже прямо в небоскребе джисталкерского комитета. В сам комитет у всех нас имелись пропуски, а вот попасть на нужный этаж мы сразу не смогли. Телепорт-лифты подниматься на уровень пентхауса без специального ключа отказывались наотрез. Пришлось вернуться к охране у входа и представиться по полной программе, с предоставлением всех официальных документов. Естественно, это заняло кучу времени. Буквально через какой-то жалкий час мне все это жутко надоело, и я пару раз пытался позвонить Рудольфу Ивановичу, чтобы избавится от этой бюрократической волокиты, но Саня и Дима каждый раз делали страшные глаза и при этом порывались отнять у меня мобильник. Появляться на новом месте работы, минуя препоны при помощи начальства, они посчитали для себя неприемлемым — оказывается и у офисных крыс существуют какие-то кодексы чести, хотя признаюсь, что для меня все это абсолютно непонятно и немного дико.

В конце концов, мы преодолели охрану при входе, первое препятствие на пути к светлому будущему, и у нас на руках оказались карточки пропусков на уровень пентхауса. Далее все оказалось тоже не совсем просто — лифты на нужный нам уровень по-прежнему идти отказывались. С последнего этажа джисталкерского комитета по длинному коридору мы прошли к незаметной двери, и еще раз уперлись в охрану. Впрочем, наши карточки-пропуска, которые мы больше часа получали внизу, оказали магическое воздействие на парочку бодигардов с винтокрылами, и мы оказались допущены во внутреннее пространство фирмы «Гном-инст».

Поднявшись еще на один этаж пешочком по лестнице, мы очутились в длинном коридоре с большим количеством дверей, на которых табличек не было.

— Как давно я по лесенкам не бегал, — тяжело дыша, буркнул Дима, стоя у стены и держась за нее чуть согнувшись. — Всюду лифты и эскалаторы, отвык…

— Ага, а солидная фирма вроде, — поддакнул Саня, пристраиваясь к другой стене в аналогичной позиции и прижав правую руку к селезенке. — Бок что-то прихватило…

— Вот так на чужого дядю работать, — хмыкнул я, без всякого сочувствия глядя на ребят. — Не успели на работу устроиться, а уже все соки из вас выжимают…

— Так это вы отдел номер тринадцать! — раздался за спиной рассерженный звонкий голосок. — Я вас с самого утра жду!

Мы синхронно обернулись и увидели белокурое создание в деловом костюмчике. При взгляде на нее у меня в голове всплыли строки великого поэта Кисы Воробьянинова: «к поцелуям зовущая, вся такая воздушная…», что я и не замедлил произнести вслух. Романом «Двенадцать стульев» мы с ребятами в школе зачитывались вместе, так что после этих моих слов Дима и Саня так и не смогли разогнуться, теперь уже от смеха. Создание глумления не заметило, скептически оглядело нас, деловито заявило:

— За мной следуйте, — после чего развернулось и, строго виляя бедрами, двинулось вдоль по коридору.

Мы последовали за нашей белокурой проводницей, которая на нас никакого внимания больше не обращала. Мы же напротив, шли следом и вполголоса комментировали выдающуюся походку секретаря, причем явно референта. Девушка топала по коридору как по подиуму, в полной уверенности что следом за ней идут «эти несносные тринадцатые», как она периодически выплевывала в нашу сторону, при этом даже не оглядываясь (умопомрачительный профессионализм). Остановившись у неприметной двери, девица достала откуда-то ключ-карту, открыла офисную комнату, оглянулась, наметанным взглядом вычленила Диму, как самого ответственного, сунула ему в руку карту и ушла, больше не сказав ни слова, опять же строго виляя бедрами (то, что такое возможно, я до сего дня даже не представлял). Мы втроем, и при этом в гордом одиночестве, в нерешительности застыли на пороге нашего нового места работы.

— Ну что, двинули, — не совсем уверенно сказал я, и первым пересек порог кабинета, на который мы сменили старый, верный и ужасно непритязательный частный офис в огромном центре-приюте для мелкого бизнесменства.

Через десять минут мы уже прижились на новом месте. Офис по устройству оказался точной копией недавно покинутого, что лишний раз убедило меня в великой истине: ничего принципиально нового придумать невозможно! Наш отдел за номером тринадцать (все силы приложу, чтобы сменить цифру эту — да, я суеверный, и что?) располагался в двух комнатах. В первой имелся стол с начальственным креслом, шкафом для бумаг, сейфом и всем сопутствующим офисным оборудованием. Во второй комнате имелся шикарный кожаный диван (есть на чем поспать!), умывальная комната, обеденный стол, заправленный кофейный аппарат последней модели (в отличие от древнего аппарата, оставленного на прежнем месте и вечно пустого) и масса прочих удобных вещичек. Принципиальная разница заключалась в отсутствии старенькой Гашек-камеры.

— А мне тут нравится! — воодушевленно пропел Саня, когда мы собрались за большим офисным столом. Наш директор, естественно, занял начальственное кресло.

— Табуретку мою надо принести, — хмуро пробубнил Дима, напряженно сидя на офисном стуле, который под ним смотрелся очень хлипко.

— У меня такое ощущение, что мы просто пересели с древней модели гоночного болида, максимальная скорость которого не больше четырехсот километров в час, на современный, богато отделанный автомобиль, — высказал я свои ощущения от нового офиса. — Теперь остается только рвануть и переложить спидометр за полтысячи — а иначе отберут авто.

После этого мы принялись обсуждать достоинства нового места работы и его преимущества перед старым. В принципе — всех все устраивало, за исключением совсем уж незначительных мелочей. Сошлись на том, что все отлично, кроме одного — делать нам здесь абсолютно нечего. И действительно — на старом месте Дима и Саня постоянно чем-то занимались — а тут мы уже полчаса сидели и просто галдели, как три огромные черно-белые галки. Хотя честно признаюсь — безделье потихоньку засасывает, и всего лишь через полчаса такого времяпрепровождения мы уже освоились и нам это начало нравится. Еще и зарплата шла, а размер оклада нам поставлен просто фантастический. Словом, свершилась мечта любого нашего человека — мы ничего не делали и гребли деньги лопатой. К моему сожалению, для меня такое правильное занятие закончилось довольно быстро. В самый, можно сказать, разгар безделья дверь открылась и на пороге возникла давешняя белокурая проводница.

— Тим-тринадцать, что вы тут делаете? — раздался обвиняющий звонкий голос. — Давно уже идет заседание, и вы там обязаны присутствовать!

— Так предупреждать надо! — проворчал я, вставая с полюбившегося мне стула, явной реинкарнации умершего не так давно подо мной в старом офисе такого же бойца офисного фронта (скрип и кряхтение просто один в один, и ощущения при сидении точно такие же). Обращение секретаря мне не понравилось, и поэтому я продолжил ворчание: — И что за «Тим-тринадцать»? Неправильно это как-то…

— Знать надо свои обязанности, за что зарплату вам платят? — резко, не обратив никакого внимания на мое неудовольствие, поинтересовалась офисная фея. Через полсекунды она, не закрыв за собой дверь и, не дождавшись моего ответа, скрылась с наших глаз, поэтому я ничего уже не увидел, а только услышал звонкий голос под стук удаляющихся каблучков: — Идите за мной, если не хотите потеряться…

Потеряться я не захотел, поэтому сказал приятелям-предпринимателям:

— Пожелайте удачи в бою, — не стал слушать ответа и вышел в коридор, отправившись на первое в своей жизни официальное заседание.

Работа 5. Консультационная

Совет — относись серьезно к нашему совету.

(плакат в сельсовете)

Правильно говорят — нельзя очень сильно чего-либо желать или бояться. Исключительно потому нельзя, что твои сильные чувства способствуют исполнению этого желания (или нежелания). Вот мне скажут, что тут плохого, если сбудется то, чего желаешь всей душой. А я вам вот что скажу — ничего хорошего в этом нет. Если хотите чего-то больше всего на свете — морально будьте готовы к тому, что, дойдя до финиша, испытаете жестокое разочарование.

«И зачем я рвал себе жилы?» — в свое время подумал я, когда сменил свой первый недорогой болид на роскошную последнюю модель и пролетел пару кругов по МКАДу.

Когда я долго ухаживаю за прекрасными дамами, почему-то получается похожая картина. Вот помню, полюбилась мне как-то арт-модель. Нет, я вовсе не сторонник анекдотичного словосочетания «прекрасная дура-блондинка», и считаю, что внешность и ум никакой связи между собой не имеют, разве что я сам исключение, ибо одновременно умен и внешне красив, что в сочетании со скромностью дают просто феерическую картину (хотя есть у меня подозрение, что многие так о себе думают). Ну, так вот, по поводу этой девушки-модели. Потратил море средств, сил и времени. Через определенный (довольно длительный) отрезок времени добился желаемого — и сразу же сбежал, не перенеся разочарования. Разочаровался я ни в коем случае не в даме (душевные качества, внешность, темперамент и прочая — все там было на высоте) — сама ситуация все чувства во мне убила. Столько сил было потрачено на сам процесс ухаживания, что на девушку меня уже просто не хватило.

Кстати, пришла в голову дурацкая мыслишка — в личной жизни почему-то самыми счастливыми являются мужчины, придерживающиеся принципа: все женщины делятся на два вида, первый — «прелестная дурочка», второй — «ужасная дура». Вот я всегда вижу в даме человека, собеседника, друга, помощника и прочая — и вот результат, скоро сорок лет — а один как перст. А вот мой друг и по совместительству бухгалтер нашей бывшей конторы Дима иначе чем «курицами» прекрасных женщин не называет, причем как в лицо, так и за глаза. И что бы вы думали

— мало того, что на него никто никогда не обижается (мне бы всю рожу расцарапали за такое!), так еще он в среднем раз в восемь лет женится, с бывшими женами в отличных отношениях остается, да еще и тайных воздыхательниц у Димочки пруд пруди. Причем, как только Дмитрий становился холостяком — мы сразу прекращаем работу, ибо в офис моментально начинают названивать невесты, и ни о каких делах речи уже в принципе не ведется. Поэтому холостым мужчиной наш гигант обычно ходит недолго. Хотя надо отдать ему должное — жене Дима не изменяет, и как только он на ком-нибудь женится, наплыв невест в офисе сходит на «нет» практически моментально.

А вот Саня наоборот — ужасный ловелас и дамский угодник. Но я что-то не туда ушел. Вернусь к теме.

Ну, так вот, к чему я все это — нельзя слишком сильно чего-то желать ни в плюс, ни в минус. Вот боялся я всю жизнь крупных фирм и работы в команде — и вот результат: понуро иду на совещание за офисной феей, строго виляющей перед моим носом бедрами.

Примерно такие мыслишки одолевали меня, когда я в невеселом настроении шел на свое первое в жизни заседание, но стоило мне переступить порог места, где все должно происходить, минорные мысли мгновенно вылетели из головы — зал заседаний меня удивил. Во-первых, размером он был с половину футбольного поля. Во-вторых, мест сидения для присутствующих не наблюдалось. Больше всего это серьезное заседание мне напомнило слет каких-нибудь ролевиков на лесной поляне. Люди в огромном зале стояли кучками, человек по пять в каждой, и внимательно следили за огромной проекцией человека, вещающего со сцены. Надо сказать, что эта проекция никакой роли, кроме дизайнерской, не играла — просто украшение комнаты для стороннего взгляда и намек — не мешать, работают люди. Настоящая работа происходила в виртуальной Гашек-реальности.… Об этом расскажу чуть позже.

— Тим, сюда, — спокойно, не боясь никому помешать, крикнул мне мужчина, одиноко стоящий недалеко от проекции лектора.

Этим человеком оказался Рудольф Иванович.

— Добрый день, — поздоровался я, подойдя к хед-хантеру, дождался ответного приветствия и после этого поинтересовался: — Ты тоже тут? Я думал, твоя работа закончилась, когда меня заарканил…

— Да нет, если бы, — грустно усмехнулся Рудольф. — Поиском кадров я для удовольствия занимаюсь, молодость

вспоминая. Сейчас моя основная работа — этот проект курировать.

— Так что, я удосужился быть отловленным ручками «самого»? — ухмыльнулся я во всю ширину лица. — Хоть немного ты меня сейчас порадовал. Это ж, сколько времени я отнял у вашей компании в твоем лице! Какие убытки…

— Ну да, ну да. У соседа коза издохла — мелочь, а как приятно! — поговоркой в тему ответил Рудольф Иванович, не отрывая глаз от огромной проекции докладчика. — Можешь звать меня Руди, в крайнем случае Руд. Но ни в коем разе не Рудик — а то я тебя Тимчиком буду называть, как твой Борис Кузнец.

— Серьезно подготовились, — уважительно покивал головой я. — Все сплетни собрали…

— А ты думал, — залихватски ответствовал Рудольф Иванович.

— Идет — но с одним условием. Номер отдела поменяй, а?

— Не, на это я пойти не могу. Тут в сметы уже четко включены двенадцать отделов разработки. Дюжина — количество, завещанное фирме самим основателем Гномом, традиция незыблемая, — тут Руди отвлекся от докладчика и посмотрел на меня. — Я под тебя отдельный консультационный отдел выбил, так что извини.

— Ладно, Руд и Руди принимается, а к номеру отдела вернемся позднее, — пошел я на первый рабочий компромисс.

— Идет, — мотнул головой Руд и протянул мне прибор, чем-то похожий на обычный трикет. — Одевай и работай. Теперь до девятнадцати ноль-ноль твоя задача — честно консультировать.

— Объясни хоть, что я должен делать, — не поспешил я надевать на уши незнакомое оборудование. — Первичные установки давай, начальничек!

— Установки просты, — сказал Руди, снова грустно усмехнулся, и выдал: — Ты выслушиваешь докладчика, и компетентно заявляешь, взялся бы ты за этот контракт или нет.

— Нет, — твердо ответил я, глядя в глаза своему единственному непосредственному начальнику.

— Что «нет»? — озадаченно переспросил Руди. — Работать отказываешься?

— Да нет, как ты мог так плохо обо мне подумать, — преувеличенно вежливо запротестовал я. — Просто мой ответ уже готов и он звучит так: нет!

— Хм, и даже не посмотришь вводную?

— А чего там смотреть, все и так ясно, — меня понесло, как великого комбинатора: — Ты, Руди, сейчас разбазариваешь деньги компании, что, можно сказать, тебе доверили в память о

великом Гноме!

— Хм…

— Конечно, сам посуди. Ты взял на работу человека, платишь ему бешеные деньги, выделил кабинет в центре города, разве что секретаршу не дал, — тут я притормозил, и мысль ушла в другом направлении: — А кстати, почему не дал секретаршу? Вот сколько живу на этом свете — а личных секретарей-референтов у меня еще ни разу не было. Непорядок!

— Хм, ты продолжай, продолжай…

— Ну, так вот, платишь нереальную зарплату — так мало того, еще и двух бездельников взял на сопоставимые оклады из-за меня, — я сделал паузу и со значением заглянул в хитрые глаза главы «Гном-инста», смотрящие на меня исподлобья. — Ты же взял Диму и Саню только из-за меня, ведь так?

— Хм, предположим. Ты продолжай, продолжай…

— Уху. И вот платишь ты такие сумасшедшие деньги за консультации — а зачем? — я сделал круглые глаза и развел руками. — Ты же знаешь мой ответ на девяносто девять целых и девятьсот девяносто девять тысячных процента! И этот ответ — нет!

— Хм, и?..

— Вывод прост — ты по какой-то неведомой мне причине решил разорить свою компанию! — гордо завершил я свое сольное выступление.

— Браво! — воодушевленно выдохнул Руди, не переставая скептически улыбаться и, два раза хлопнув в ладоши, пробормотал якобы в сторону: — Еще один клоун на мою голову…

— … — начал раскланиваться я.

— Выступления артиста разговорного жанра закончены? — поинтересовался мой шеф.

— В принципе — да.

— Ну вот, а намекал, что всегда будешь говорить «нет», — разочарованно протянул этот динозавр от бизнеса, сунул мне в руку свой необычный трикет и сделал движение пальцами, как будто он отгоняет навязчивую муху: — Надевай и работай, давай-давай…

Продолжать отлынивать от рабского труда никак не получалось, и я решил проиграть с достоинством. Взял клипсу, чем-то похожую на обычный трикет, прицепил к уху и мгновенно очутился в Гашек-пространстве виртуальной реальности, сооруженной докладчиком. На мою голову обрушились сведения, которые говоривший уже успел выплеснуть с утра и меня чуть

качнуло.

«Наказание за опоздание», — думал я, пока мой головной мозг приходил в себя от информационного удара.

Впрочем, я был достаточно натренированным пользователем трикета, так что на меня этот инфор-удар не произвел серьезного эффекта, зато в глазах Руди, уже стоящего рядом со мной в виртуальной реальности докладчика, я прочитал удовлетворение от моей реакции на стрессовую ситуацию.

Докладчик между тем продолжал вливать в нас информацию уже с нормальной скоростью. Виртуальное поле, сооруженное в комнате переговоров, меня просто поразило своим удобством, информативностью и объемом доступа к разнообразным базам данных. В любой момент, не привлекая к себе внимания и не отвлекая докладчика, можно было затребовать абсолютно любую информацию, как по данной теме, так и вне нее.

С темой я разобрался достаточно быстро, так как почти все то, что пытался донести до меня говоривший джисталкер (рыбак рыбака видит издалека), я знал не хуже него. Парень, делающий доклад, был молодой, горячий — соответственно все то, что он предлагал, слегка попахивало авантюрой. Да что я говорю-то — полную ахинею он нес, причем не простую ахинею, а высокозатратную чушь. Загружать вас подробностями не стану, просто проверьте на слово. А не хотите поверить — залезьте на любой сайт народной фантастической литературы — там подобного бреда терабайты лежат.

Сняв с уха прибор я выжидающе взглянул на Руди, стоящего рядом и наблюдающего за залом. Рудольф замети мою реакцию, и через секунду в глазах его появилась осмысленное ожидание. Надо сказать — я поразился его умению работать с виртуальным пространством. Я бы так не смог — для переговоров мне надо отключиться от информативного поля. А Руди одновременно обрабатывал в своей голове что-то невидимое мною, при этом был готов к полноценному разговору.

— Дальше он будет говорить вот что, — начал я, и коротко пересказал шефу идею докладчика. — Естественно — мой ответ «нет».

— Понятненько, — улыбнувшись, ответил Руди, но прерывать докладчика не стал.

— Все? — вальяжно поинтересовался я. — На сегодня работа закончена?

— Вот скоро сорок тебе, всего через три года — а наивен по-прежнему как бледный вьюношь с горящим взором, — улыбнулся Рудольф, потом скорчил умную физиономию и отдал начальственное распоряжение: — Надевай стрикет и иди на

второй уровень.

— Так это прибор стрикет называется? — заинтересовался я, и тут же нашел способ немного побездельничать: — Расскажи, что это за зверь такой…

Руди выдал понимающую улыбочку, но подзатыльник зарвавшемуся подчиненному давать не стал, в честь первого дня работы, а провел краткий курс ликвидации безграмотности. Оказывается, весь огромный зал заседаний накрыт Гашек-полем, которое подключено к самому мощному на сегодняшний день компьютеру — практически искусственному интеллекту. Причем настроено поле таким образом, что вступает в контакт с человеческими органами чувств только в сочетании с индивидуальным трикетом, тоже последним достижением земной науки. Трикет, который назывался стрикет, не требует контактных линз, а сам создает маленькие лазерные информационные экранчики прямо перед зрачками, практически невидимые со стороны. В комнате переговоров стрикет отключает лазерные линзы и подключается к Гашек-полю. Очень удобное изобретение, из-за оптики в основном. Я в принципе давно привык к мягким глазным информационным линзам, но отвыкать от них буду с величайшим удовольствием.

Надев стрикет и нырнув в виртуальную реальность, где по прежнему распинался неинтересный мне докладчик, я оказался рядом с Руди, который ткнул меня носом в клавишу перехода на следующий уровень и сразу исчез, убежав из моего поля куда-то в другое место по своим виртуальным делам. При этом в обычной реальности мой шеф стоял рядом со мной, и я его прекрасно видел — но «видеть» это вовсе не означает «замечать». Я плохо работаю с Гашек-реальностями — опыта почти нет. Вот Саня и Дима могут в паре виртуалов (так обычно называют виртуальные реальности) сразу находится и при этом как-то реагировать на раздражители, поступающие из реала (реал — устоявшееся название первой реальности, которая не виртуальная). Руди, похоже, в этом плане значительно опережает Александра и Дмитрия. Находясь неизвестно в скольких виртуалах, он вел абсолютно адекватный разговор со мной в реале (даже шутил) — это было просто фантастично. Я же, попав в виртуал (игровой, деловой или информационный — все равно) сразу отключаюсь от реала, и меня тут возможно только водить за ручку как сомнамбулу, можно смеяться надо мной, издеваться, махать перед носом руками — я просто не отреагирую ни на что. Если, конечно, меня сильно ущипнуть, то я моментально окажусь в реале, и «щипачу» не поздоровится — но при этом из виртуала я

тут же выпаду и тамошняя моя «сущность» не будет ни на что реагировать и, соответственно, воспринимать информацию. Словом, не приспособлен я к современной жизни — как ни крути. Средневековый мир Ворк — вот где мое настоящее место.

Перейдя на следующий уровень, я успел понять, что это уже совсем другой докладчик — и тут на меня обрушился новый инфор-удар, аналогичный недавно пережитому. На этот раз нервная система получила хорошую встряску, и соображать я начал только минуты через три в лучшем случае. От Руди это не ускользнуло, и он тут же оказался рядом со мной в виртуале, после чего я заслужил заинтересованный взгляд. Показав на пальцах знак «окей», я начал впитывать информацию о втором проекте. Шеф сразу успокоился и куда-то смылся.

Естественно и этот докладчик порол чушь. Ну, не совсем уж полную, как предыдущий лектор, но достаточно толстенькую. Чтобы разобраться в этом мне потребовался примерно час, с учетом приведения мыслей в относительный порядок после встряски информационным ударом. Когда я пришел к логичному выводу и готов был оформить свое резюме консультанта в виде краткого: «Нет!», мне пришла в голову интересная мысль.

«А сколько тут имеется уровней?» — подумал я, и осмотрел подробнее (как иначе сказать — не знаю, ну не силен я в виртуальной терминологии) клавишу перехода на следующий уровень.

В принципе она оказалась устроена так же, как и в любой игре устроена кнопка доступа на новый игровой уровень — разве что в ней была предусмотрена возможность выйти на любой из двенадцати уровней, полностью заполненных информацией.

«Руди говорил, что отделов двенадцать, мой тринадцатый. Видимо каждый отдел выдает свою версию, — подумал я, порадовался своей проницательности, и тут же расстроился: — Если я сейчас пойду по всем двенадцати уровням, то мой мозг просто взорвется от перегрузки и все».

Шеф, как будто прочитав мои мысли, материализовался рядом, сделал мне знак выхода в реал и исчез. Я поспешил за ним следом.

— Ты совсем не умеешь работать с компьютером? — первым делом спросил Рудольф, когда я очнулся в реале.

— У каждого свои недостатки, — ехидно пожаловался я на жизнь, разведя руками. — И зачем я тебе такой нужен, увечный. Может, отпустишь, пока не поздно?

— Ты бросай тут упаднические настроения распространять, — усмехнулся Рудольф. — Просто больше

работать тебе придется в разы и всего-то дел…

— Порадовал, чего могу еще сказать, — не стал спорить я с непосредственным начальником. — Выдать резюме высокооплачиваемого консультанта по второму докладчику?

— Опять ответ «нет»? — задал риторический вопрос шеф, посмотрел на мою ехидную физиономию и протянул: — А может и правда, зачем ты тут нужен?

— Во-во! — сразу обрадовался я. — Давай мы сейчас домой пойдем, а свою зарплату за один день потом переведем в фонд защиты барсуков Приуралья?

— Нет, я тебя лучше оставлю в фирме на должности офисного клоуна, — не остался в долгу Руди. — Будешь местным стрессоотводом — мы в тебя кидаться пластиковыми стаканчиками из-под кофе будем.

— Все вы, офисные крысы, одинаковые, — якобы обиженно буркнул я, вспоминая Саню, который тоже обожает кидаться в меня использованными пластиковыми стаканчиками.

— На третий заход не иди сейчас, пошлое геройство мне тут без надобности, — перешел на серьезный тон Рудольф, и я внутренне подобрался. Все-таки дар у человека — быть руководителем. Я аж немного (совсем чуть-чуть) позавидовал.

— А что делать тогда? — удивился я.

— Ты в огромной корпорации работаешь, забыл? — снова перешел на шутливый тон шеф. — А главное в любой крупной конторе — обеденный перерыв! Так что дуй в свой кабинет.

— Есть сэр! — бодро отрапортовал я, приложив руку к пустой голове, на что Руди скорчил кислую мину, из чего я сделал вывод — когда-то на погонах у него имелись звезды, и судя по степени кислоты скроенной физиономии — немаленькие.

— Вали отсель, клоун, — якобы грозно рявкнул Рудольф Иванович, и я поспешил ретироваться.

Только закончив разговор и покидая зал заседаний, я понял — Руди все это время не выходил из вирта (возможно и не одного), продолжая работать. Могучий профессионал мой нынешний шеф оказался — это немного примирило меня с создавшейся рабовладельческой ситуацией.

— Перерыв так перерыв, кто бы взялся спорить, — пропел я, выйдя в пустой коридор, и отправился в кабинет, который я уже начал считать своим. Надо было поделиться новостями с моими приятелями-предпринимателями.

Работа 6. Беззаботная офисная

Счастье было недолгим,
От Урала до Волги
Нас, коней, собирали…

(стройотрядная песня)

К моему удивлению приятели-предприниматели работали. Зайдя в кабинет (вот именно — в свой собственный кабинет!) я подвергся психологическому давлению, которое имеет название «полный игнор», и заключается, как вы уже догадываетесь, в том, чтобы не обращать ни малейшего внимания на входящего. Дима сидел на стуле, который должен был вот-вот под ним развалиться, и витал в виртуальном пространстве местной бухгалтерской бюрократии, а Саня нашел себе явно какой-то делопроизводственный виртуал и рьяно углубился в новые для него дебри корпоративного бизнеса.

— Обеденный перерыв! — громко объявил я.

— Сейчас, минутку, — хором ответили сотрудники моего отдела (как звучит-то солидно!), и продолжили заниматься своими делами.

Как начинающий руководитель я не смог допустить поколебания своего свежеиспеченного авторитета, и решился на грандиозную пакость. Найдя взглядом щиток с электро-предохранителями, я еще раз громко заявил:

— Кушать подано!

Естественно, реакции на мою реплику не последовало. Я решил дать ребятам последний шанс, и практически проорал гениальную фразу Василия Алибабаевича:

— Пойдемте жрать, пожалуйста!

Но и на это реакции не последовало. Тогда я подошел к щитку и обесточил помещение. Наградой мне явились две ошарашенные физиономии. Причем что удивительно, на меня никто не бросился с целью нанести телесные повреждение различной степени тяжести — настолько захватили ребят открывшиеся возможности нового рабочего места.

— Как вы посмели ослушаться непосредственного начальства! — рявкнул я, чтобы уж окончательно сбить друзей с рабочего настроя, потом запнулся и добавил: — В смысле не послушаться. Ну, в плане, не отреагировали на то, что я вас звал. Словом, вы просто-напросто негодяи…

— Да тут так интересно! — заорал Саня, не обратив никакого

внимания на мои попытки надуть щеки, и они наперебой с Димой начали вываливать на мою голову абсолютно лишние сведения о новом месте работы.

— Так, идем в местную столовую, — прервал я восторженное громкоголосое описание доступного нам оборудования, иногда прерывающегося радостным бурчанием о возможностях местных баз данных. Возражений не последовало.

В местной столовой кормили сносно. Обстановка, конечно, немного отличалась от роскошной атмосферы дорогих ночных заведений, зато уровень приготовления пищи был вполне сопоставим с лучшими кухнями московских ресторанов. Все было настолько вкусно, что приятели-предприниматели отказались вести разговоры за столом, и я отобедал под треск, который разносился на весь зал столовой из-за их ушей.

— Ни одного обеда не пропущу! — твердо заявил Саня, когда все блюда, которыми был заставлен столик с табличкой, на которой значилась число «тринадцать», наконец-то опустели.

— А завтраками тут кормят, интересно, — ненавязчиво пробурчал Дима, расстегнув поясной ремень и откинувшись на стуле, который под ним подозрительно поскрипывал.

— Ну что, нам тут нравится? — поинтересовался я у ребят. — Остаемся?

— Да, — хором ответили разомлевшие от сытости приятели-предприниматели.

Вот таким образом мы и стали фактически государственной собственностью.

После обеда я вернулся в зал заседаний, и под чутким присмотром своего любимого шефа продрался еще через два уровня докладчиков. Мои резюме разнообразием не отличались, что впрочем, вполне ожидаемо — разве что одна идейка была неплоха, о чем я и заявил. После окончания рабочего дня, перед тем как отпустить домой, Руди сообщил мне прекрасную новость. Оказывается, у них тут имелся телепорт на стадион, который полностью принадлежал Гном-корпорации. Это был закрытый стадион, на котором тренировались только сотрудники корпорации и государственной джисталкерской службы. Но хорошая новость заключалась не в этом. Самым приятным оказалось то, что сотрудник, посещающий зал минимум десять раз в месяц и за каждое посещение получивший зачет-плюс у любого тренера-инструктора, имеет двадцати процентную прибавку к жалованию. Порадовало меня это по единственной причине — у меня появлялся реальный шанс заставить своих друзей заняться собственным здоровьем, которое они изрядно

подкосили на вольных хлебах.

В тот же день я сообщил ребятам эту прекрасную новость, которая, как я и ожидал, никакого энтузиазма у Сани и Димы не вызвала.

— Да мы эти зачеты у тренеров в жизни не получим, — горестно проорал Александр, чуть не плача от жадности.

— В лучшем случае через полгода прибавку будем получать, — проворчал Дмитрий. — Смысла нет.

— Вот с чего вы взяли, что тренерами тут работают полные придурки? — ехидно поинтересовался я. — И эти жуткие монстры не поставят зачетов, пока вы не продемонстрируете повторение олимпийских легкоатлетических рекордов или чистую победу над бодигардами с винтокрылами?

Мой сарказм возымел действие, и после работы мы вместе отправились на стадион. Как только мы вышли из телепорт-камеры на территорию стадиона, к нам сразу же подошел немолодой мужчина в докторском халате.

— Добрый вечер, — поздоровался приветливый доктор, окинул нас профессиональным взглядом и спросил: — Вы новые сотрудники Гном-инста?

— Тринадцатый отдел в полном составе, — бодро отрапортовал я, начиная привыкать к нашему несчастливому числу.

— Вы начальник отдела, Тим? — поинтересовался доктор, глядя на меня, на что я удивленно кивнул, подумав о том, что не иначе как врач уже получил о нас первоначальные сведения. — Вам ко мне не надо, если хотите, можете тут все осмотреть.

— Хорошо, — не стал я спорить с эскулапом. — А с ними что?

— Ваши сотрудники могут пройти со мной процедуру анализа общефизического состояния и получить направления на рекомендуемые виды фитнес-нагрузок. О спорте пока речи не ведется, — доктор оглядел по-доброму ребят, и добавил: — Да, проведение анализов засчитывается как полный зачетный день тренировок.

Приятели-предприниматели, ощутив мою готовность к жестокому подавлению любого бунта, не протестовали и с обреченным видом пошли за доктором. Я скептическим взглядом проводил их понурые спины, после чего отправился на экскурсию по спортивному храму, закрытому от общего пользования.

Первым делом я забрел, естественно, в зал единоборств. Надо сказать, работники государственной джисталкерской службы имели славу непревзойденных рукопашных бойцов — и мне всегда было интересно оценить уровень их подготовки.

Любопытно мне было не настолько, чтобы начинать к ним приставать на улице, предлагая схватку, и уж естественно не до такой степени, чтобы самому пойти на службу. Но уж если по воле злого рока я стал сам частью системы — то почему бы мне было не удовлетворить свое многолетнее любопытство?

Чуть больше чем через час я вышел из секции залов местных рукопашников в ужасном разочаровании. За это время я провел почти двадцать спаррингов — и только в одном из них, с местным тренером и по совместительству чемпионом, была зафиксирована ничья по очкам (да и то подсудили ему местные электронные судьи, по-моему). Остальные схватки на татами и ринге длились не больше минуты и заканчивались одинаково — мои соперники либо совершали три хлопка по татами в честь поражения, либо их нокаутированные тушки выносили за канаты ринга в сторону медицинских регенерационных кресел профессионального образца. В принципе среди местных средневесов и легковесов были ребята примерно моего уровня подготовки — но против моих ста килограммов они просто не вышли, да и я бы с ними биться отказался. Этот момент потом мы в дружеской обстановке обсудили и я пообещал привести бойца весом шестьдесят килограммов, который бьет меня в шести случаях из десяти и при этом я жутко горжусь оставшимися четырьмя. Про сэнсэя Андрея, который весит восемьдесят пять килограммов и бьет меня в десяти случаях из десяти, я упоминать не стал, чтобы уж совсем не расстраивать хороших ребят.

В тот день ничего особо интересного больше не произошло, так что я не буду растекаться мыслью по древу и перейду к последующим событиям.

Придя на работу на следующий день, я сразу, не заходя в кабинет, отправился в зал заседаний. Дома я забыл надеть галстук, но на работе никто на это внимания не обратил. Нырнув в виртуальную реальность, я честно отработал еще одного докладчика и вынырнул в реал. Рядом со мной уже стоял Руди и скептически поглядывал все это время на мое оторванное от мира тельце.

— Привет, сотрудничек, — скептически бросил шеф. — Никак не привыкну, что у меня в подчинении имеется человек, владеющий компьютерами на уровне ребенка начальных классов.

— Привыкай, начальничек, — в тон ответил я. — То ли еще будет…

— Не пугай, мы тут уже все давно пуганные, — хмыкнул Рудольф, после чего внимательно на меня взглянул и серьезным голосом сказал: — Совпадение результатов сто процентов.

— Не понял?..

— Ты вчера выдал четыре резюме — я их зафиксировал, — Руди посмотрел на мою недоуменную физиономию и еще раз скептически хмыкнув сказал: — Тим, хватит бараном прикидываться.

— Да я, правда, ничего не понимаю! — возмутился я.

— Вот послал мне бог наказание… — пробормотал Рудольф, и взялся за объяснения.

Оказывается все то, что я вчера нес в зале заседаний, зафиксировано и является моим официальным вкладом в общее дело (хотя я считаю, что фиксировать стоило только шутки). Далее — естественно мое мнение не является непреложной истиной, на которое сразу же после приема меня на работу будет равняться вся Гном-корпорация. И все это шоу с докладчиками устроено вовсе не для моего развлечения, как я искренне считал поначалу. Разработки двенадцати отделов, постоянно корректируемые в процессе работы, вносятся в таблицу, которую обрабатывает один из самых мощных компьютеров современности, подключенный к базе данных джисталкерского комитета. Все сведения, от самых первых, внесенных еще до моего рождения, до самых последних отчетов вольных джисталкеров (в том числе и все мои отчеты, что я когда-либо сдавал) учитываются при обработке данной таблицы. После этого искусственный интеллект выдает вердикт о предложении. В процентах. Так вот — мое твердое «нет» расценено как ноль процентов, и в тех случаях, про которые я ляпнул не подумавши, этот электронный экзаменатор скорее со мной согласился, чем нет.

— Так что, считай, зарплату отработал, — закончил ликбез шеф. — Еще бы время ИскИна не тратить и вместо этого ты шпарить тут будешь — цены бы тебе не было.

— А что это за зверек такой, ИскИн? — заинтересовался я.

— Искусственный интеллект, деревня ты незаасфальтированная, — возмутился Руди. — Об этом еще в двадцатом веке каждый младенец знал!

— Лишние знания — многие беды, — к месту посетила меня религиозная мыслишка, после чего снова перешел, как я считал, к делопроизводству: — А польза хоть какая-то есть в моей работе? Или только электричество буду экономить на этом вашем большом калькуляторе?

— Ты точно деревня, — горестно вздохнул Руди, и снова взялся за ликбез.

На этот раз рассказ шефа был короток. Компьютер такого уровня имелся на планете Земля всего один, и его время стоило

безумно дорого. Это был даже не компьютер в моем понимании слова, и даже не Интернет-сеть, а некий монстрообразный паразит, взращенный сумасшедшими компьютерными специалистами на шкуре современного Интернета и контролируемый способами, которые находились за пределами моего слабого понимания. И компания «Гном-инст» платила за каждый час работы этого монстра огромные деньги.

— Понял ты или нет, спрашивать не буду, потому что меня это совершенно не интересует. Спрошу только одно — еще вопросы есть? — прошипел Рудольф Иванович, и я испуганно замотал головой.

— Ну, вот и славненько, — сразу повеселел шеф. — А теперь — работай, негр, давай-давай…

Деваться было некуда и я, возмущенно кряхтя якобы от непосильной нагрузки, прицепил к уху стрикет и нырнул в виртуал нового докладчика.

Жизнь покатилась по новым рельсам, перейдя на них с послушностью поезда стрелочнику. Я начал регулярно ходить на работу. Во второй день я забыл надеть пиджак и появился на рабочем месте в строгих черных брюках, туфлях и белой рубашке. Потом пришел, сменив брюки на аккуратные черные джинсы. Ну и закончилось все тем, что я стал ходить на службу в потертом «милитари», как обычно — и никто мне это в глаза не тыкал. Пахал как древний трактор на колхозном поле я все тем же способом — продолжал нырять в виртуалы разработчиков проектов, имеющих общее название: «Организация возможности обучения курсантов Земли магической науке в мире Ворк». Вердикты мои разнообразием не отличались и по-прежнему тщательно проверялись ИскИном, который имел со мной по основному количеству вопросов сходное мнение (даже уважать его в душе начал и охотно поболтал бы с этим парнем о жизни вообще). Как только я успевал разобраться с существующими наработками — сразу заканчивалась рабочая неделя, и наступали выходные, которые я проводил в основном в зале сэнсэя Андрея и в компьютерном клубе «Динамо». Каждый понедельник меня ждали новые разработки, которые я начинал беззастенчиво «срезать», чем и занимался всю рабочую неделю. Постепенно я в это занятие втянулся, и оно перестало меня раздражать.

Бойцам единоборств закрытого стадиона Гном-корпорации и джисталкерского комитета я, как и обещал, привел бойца весом в шестьдесят килограммов. Это была мой постоянный и любимый спарринг-партнер Лера, по прозвищу Ягуара. После того, что она сделала с местными чемпионами на ринге, все согласились с тем,

что я с ними можно сказать церемонился. Лера-ягуара как раз закончила профессиональную карьеру бойца «экстремальных безрежущих единоборств» (очень популярный вид спорта в некоторых кругах любителей остренького), и поэтому согласилась на тренерскую работу, моментально предложенную ей тут. Так что теперь ежедневно после работы я забегаю в ее зал, и мы устраиваем «контрольный спарринг дня», на который собирается поглазеть весь стадион. Соотношение побед-поражений примерно то же, что и всегда — в шести случаях из десяти я заканчиваю спарринг в ближайшем медицинском регенерационном кресле (благо они тут гораздо совершеннее моего домашнего), в оставшихся четырех я умудряюсь использовать преимущества лишних сорока килограммов и в кресле оказывается Лера-ягуара. Бережному и джентльменскому отношению к себе эта гибкая и верткая как кошка блондиночка меня отучила еще пять лет назад очень действенными способами — нокаутирующими ударами, многочисленными вывихами конечностей и парочкой переломов. Словом, нас спасает только современная медицина — иначе каждый такой бой означал бы лишение одного из нас трудоспособности минимум на месяцок, а то и подолее. Вне ринга у нас идиллия — Лера считает меня чем-то вроде старшего безалаберного брата, которого надо постоянно опекать, а я вижу в ней любимую сестренку, которой у меня никогда не было (с детства мечтал о младшей сестричке-красавице). Это налагает на меня тяжелую обязанность периодически подставлять свою жилетку для слез, в которую они частенько проливаются из-за постоянных неудач на фронтах личной жизни Леры-ягуары.

После «контрольного спарринга» иду я обычно в местный тир. Там картина кардинальным образом меняется — государственные профессионалы дают сто очков вперед частным структурам. В первый же приход протащили меня через все стрелковые тесты, и я их постыдно провалил. Вернее не совсем провалил — показал нижне-зачетный государственно-джисталкерский уровень, и не более того (разве что как лучник я оказался на высоте). А преподают тут стрельбу бывшие волкодавы из международных антитеррористических структур — и вот на их фоне все мои умения, наработанные десятилетиями тренингов в стрелковом дворце «Лужники», кажутся не более чем швырянием снежков бойцов из дошкольных воспитательных учреждений типа «детский сад». Я в первый же день получил необидную кличку «Самоучка», снисходительное отношение матерых зубров к бодливому бычку и массу очень правильных советов и рекомендаций. Так что теперь после работы я с увлечением совершенствую свои навыки стрельбы.

Александр и Дмитрий постепенно втянулись в фитнес, их лица приобрели здоровый румянец — чему я был ужасно рад. Через пару месяцев аккуратных нагрузок Дима слез с беговых дорожек и прочно прописался в зале силовых тренажеров, штанг и зеркал, став своим человеком в сообществе местных культуристов и тяжелоатлетов. Саня нашел свое место в бассейне, и теперь под присмотром местных профессионалов как торпеда часами рассекает водную гладь

Такая идиллическая жизнь, похожая на пасхально-патриархальные пасторали голландских живописцев семнадцатого века, продолжалась несколько месяцев. Я уже начал привыкать к этому болотцу, как вдруг все закончилось. Беда началась с того, что я, как обычно, удачно завершив первую половину рабочего дня, зашел в свой кабинет, где Саня и Дима как всегда витали в виртуалах. Даже и не подумав предупреждать ребят о предстоящем акте вандализма, я привычно подошел к электрическому щитку и обесточил помещение.

— Что, уже перерыв?! — тут же радостно заорал Саня.

— Что сегодня у нас в меню, интересно, — пробурчал Дима, вставая с табуретки, которую он притащил в офис на второй рабочий день.

После этого ребята удивленно застыли на месте, глядя на меня. Я ничего не понял, внимательно себя осмотрел на предмет не застегнутой одежды (ширинки там или чего еще), и только потом додумался оглянуться. За моей спиной молча стояло несчастное испуганное создание с кучей папок прижатых к боку одной рукой и корзины с вещами в другой. В этом несчастном испуганном ребенке с широко раскрытыми голубыми глазищами, в которых набухли готовые сорваться в любой момент слезы, я с удивлением узнал офисную фею, оскорбительно и строго махавшую бедрами перед нами в первый день работы. За все время моего тут пребывания имени ее я так и не узнал — очень уж заносчивая девчонка попалась.

— Чего пришла? — строго поинтересовался я.

— Я тут теперь работаю, — жалобно проблеяла готовая вот-вот расплакаться бывшая офисная фея, сейчас больше похожая на мокрого цыпленка. — В тринадцатый отдел переведена, секретарем-референтом…

Все в офисе ошарашено застыли, и тут в дверь вошел Рудольф Иванович.

— Тим, что спросить тебя хотел. Ты долго еще бездельничать собираешься? — с ходу заявил Руди, как только переступил порог.

— Руд, это что? — широко раскрыв глаза спросил я, невоспитанно тыкая пальцем в офисную фею.

— Это Леночка, ты же просил секретаршу в первый день своей тут работы. Пока запрос послал, пока согласовали — вот только теперь получи и распишись, — ехидно улыбаясь, заявил шеф, потом встряхнулся и снова как танк попер на меня: — Но я, грозный твой начальник, не за тем пришел, чтобы тебя с твоим же референтом знакомить. Повторяю вопрос — ты долго бездельничать у меня собираешься?

— Мое мнение — я пашу как негр с рассвета до заката! — почуяв опасность, попробовал улизнуть я от ответа. — Кстати, у меня сейчас обеденный перерыв — а это святое!

— Три минуты еще, — отмахнулся от моих необоснованных претензий шеф и продолжил беззастенчиво давить авторитетом: — И меня мнение рабов, как опытного плантатора, интересует мало. Меня интересует, почему негр, способный держать в руках кирку и лопату, вышивает крестиком?

— Ты обещал, что я буду только консультировать! — искренне возмутился я, начиная понимать, куда клонит этот хитрый лис.

— Так ты и консультируй, я не отказываюсь от своих слов, — в ответ хитро улыбнулся Руди, и я понял что мне кранты. — Завтра жду от тебя развернутую консультацию, в каком направлении должны работать двенадцать моих отделов.

После этого Рудольф Иванович подмигнул мне, развернулся и вышел из кабинета. Я стоял и горестно пялился на открытую дверь, на меня испуганно смотрела новоиспеченная секретарша боевого тринадцатого отдела Леночка, и на эту картину подозрительно поглядывали краса и гордость все того же отдела за номером тринадцать, высокооплачиваемые сотрудники фирмы «Гном-инст» Александр и Дмитрий. Вот так и закончилась моя спокойная офисная жизнь…

Работа 7. Идейная

Есть идея?
Есть «Икея»!

(стенограмма с заседания исламских фундаментальных террористов)

Обед прошел в задумчивой и тихой обстановке. Саня и Дима уплетали изысканные блюда со скоростью дорожных снегоуборочных машин, а я много думал (как в бородатом анекдоте про пейджер, правда, что такое пейджер — я понимаю смутно), что тоже не располагает к беседе. Так что направление движения компании «Гном-инст», определившее пути развития на долгие годы, я придумал можно сказать под скрип челюстей в процессе пережевывание пищи, из чего можно сделать вывод — мысли все-таки текут через желудок, а еда может и должна вдохновлять!

Хотя в принципе я немного лукавлю. Процесс рождения идеи происходил постепенно и ничего гениального я в тот обеденный перерыв не совершал. Мое твердое убеждение — гениальных озарений в чистом виде не бывает — вот такой вот парадокс. Сейчас объясню:

Меня спросят, а Менделеев с периодической таблицей? А Ньютон с его яблоком? Я же в ответ задам резонный вопрос — они в какой области знаний открытия сделали? Правильно, в той области, где эти ребята являлись профессионалами экстра-класса, мало того еще и работающими прямо на переднем крае. И их гениальные озарения — на девяносто девять процентов являются плодом многолетнего труда. Как раз та самая ситуация, когда перышко, упавшее на нагруженного верблюда, свалило могучего зверька. Интересно мне было бы посмотреть на верблюда, который действительно упадет от веса единственного перышка. Хотя возможны две ситуации: во-первых, если это цирковой верблюд-симулянт, во-вторых, если все происходит в горячечном бреду, более известном под названием «глюк». Ну, еще форс-мажорные обстоятельства вероятны в теории: землетрясение вовремя случившееся, бандитская пуля в верблюда попала в самый ответственный момент и прочие несуразности.

Так что не бывает гениальных озарений в чистом виде, и точка. Не сможет глухой от рождения дядя Вася по фамилии

Булочкин, сантехник по профессии, не зная даже нотной грамоты написать великое симфоническое оркестровое произведение. И парень по имени Маугли теорему Ферма в жизни бы не доказал, с его-то лесным образом жизни. А выражения, типа: «Устами младенца глаголет истина», — тоже ряд сомнений вызывают. Всякий раз, когда ребенку предписывается неземную глубину мыслепостроений — неизменно оказывается, что пацаненок (или девчушка) имели ввиду вовсе не вопросы о смысле бытия, а очень даже конкретные вещи, вроде газировки или мороженного.

Что касается моего «обеденного озарения». Хитроумный шеф не стал меня сразу склонять к работе, а дал время освоиться, повариться в общей каше, так скажем. И когда понял, что плод по имени Тим созрел — тут он и потряс чуть-чуть деревце моего интеллекта, с которого скатилось почти готовое к употреблению яблоко решения. Это еще раз говорит в пользу высокого профессионализма Руди, да и о моей предсказуемости и управляемости общее представление дает. В общем, я так и не решил — гордиться мне своей конгениальностью или по этому поводу стоит лучше поплакать. Да и ничего нового я, в принципе, не придумал. Все куски решения были равномерно разбросаны по огромному количеству докладов, которые я на пару с ИскИном «срезал» за время работы в фирме. Так что если вдумчиво покопаться, то решение проблемы мне приписывать никак нельзя — все, что я предложил, не раз уже предлагалось (только не одновременно и в жутком смешении с высокозатратной глупостью) сотрудниками других отделов. Разве что одну вещь придумал я сам, но об этом чуть позже.

Словом, факт остается фактом — после обеденного перерыва я уже сидел у Руди в кабинете и излагал общие направления развития фирмы «Гном-инст».

— …получается, проект «монастырь» имеет почти семьдесят процентов удачи у ИксИна, — завершил я перечисление вариантов более-менее приемлемых разработок двенадцати отделов. — Но воплощение этого проекта займет чуть меньше полувека. На этом закончили, так?

— ИскИна, — привычно поправил меня Рудольф Иванович, потом недовольно рыкнул, аки зверь лесной, вскочил и забегал по кабинету. — Топчемся на месте уже скоро полгода как…

— Ну слушай, — начал говорить я и Руди, как породистая легавая взявшая след, сделал стойку. — Знаешь принцип работы фокусника? Престидижитатора, который ловкостью рук промышляет.

— Ну да, кто ж этого не знает, — удивился шеф. —

Привлекай внимание к одной руке и второй твори что хочешь.

— Ну вот! Теперь смотри — отчего у нас разваливается основное количество проектов?

— Чрезмерное внимание местного населения, рано или поздно накопится напряжение и начнется «война с нечистью». А местные ребята на такую войну натасканы тысячелетиями, — четко, как по учебнику, отбарабанил Рудольф Иванович, не выдержал и сердито проворчал: — Древние уродские магические экспериментаторы…

— А почему «шаолиньский магический монастырь» так долго развивать, напомни, пожалуйста…

— Кадры очень тщательно подбирать надо и все в атмосфере повышенной секретности держать. Опять же, подкуп не применить и все строить на имидже придется, — ответил Руди, потом прищурился и сказал: — Ты давай со мной не темни. Что удумал?

— Надо отвлекающий фактор, как у престидижитатора. А какой самый лучший отвлекающий фактор в мире Ворк?

— Какой?

— Для Той Стороны — Эта Сторона, и наоборот! — заявил я, и гордо взглянул на шефа.

— Ну да, в принципе, — пробормотал Руди, и на минуту задумался. — Но ведь если затевать противостояние — оно же в конфликт выльется! Каждая сторона свои силы подтягивать начнет. Да и где все это прикажешь затевать? На Ничейной территории, неподалеку от пограничных крепостей? Большую войну провоцировать?

— Острова, — сказал я всего одно слово, и Руди прекратил бегать по кабинету и сел напротив меня.

— Но там же не живут коты мира Ворк, — пробормотал Рудольф. — А близость к Институту хотя бы одного прайда котов повышает по всем таблицам успешность проекта почти на двадцать процентов…

— Эмиграция, — снова сказал я всего одно слово, которое и было моим ноу-хау, и Рудольф Иванович застыл столбом за своим столом минуты на четыре.

— Тим, ты голова! — с уважительным восхищением негромко сказал мой шеф после продолжительного молчания.

— Только про палец в рот не надо, — ухмыльнувшись, попросил я.

— У тебя всего один недостаток… — так же восхищенно продолжил Руди, потом скорчил хитрую мину и закончил мысль: — Дурак ты, и шутки у тебя дурацкие.

— И ведь не оспоришь, якорный батор… — согласился я, и мы принялись за обсуждение предстоящего дела.

До самого вечера мы с Рудольфом занимались тем, что в крупных компаниях называется «постановка задачи». Это только кажется простым — на самом деле мы, не разгибая спины, трудились над проектом еще пару недель после «гениального обеденного озарения». Весь следующий день мы с шефом тоже провели в его кабинете, и под вечер разбивка задач была успешно осуществлена, техзадания спущены вниз по всем двенадцати отделам и работа в фирме «Гном-инст» закипела как никогда ранее. Если коротко, без технологических подробностей, описаний и прочей бюрократическо-технической шелухи, то план действий нарисовался такой:

Найти подходящий большой остров (чем больше — тем лучше, в идеале размером с земные Мадагаскар или Кубу), находящийся в южных широтах на другой стороне планеты, как можно дальше от единственного материка мира Ворк — с целью затруднить возможность подхода сил подкрепления к любой из сторон. Организовать подконтрольное фирме «Гном-инст» поселение, состоящее из местных ребят (выглядящее поначалу как два отдельных поселения Этой и Той сторон). Острова заполнены враждебной жизнью, и горячим головам найдется на ком спустить пар, так что первое время бойцы обеих сторон, с достаточно высокой степенью вероятности, схлестнуться между собой не должны. Еще один немаловажный фактор, говорящий в пользу поселения враждебных фракций в одном месте — присутствие в населенном пункте представителей одновременно Этой и Той сторон облегчит в недалеком будущем вербовку высокопрофессиональных магических кадров для преподавания, так как возможность выбора увеличится вдвое. Особое место в постановке задач (два отдела Рудольфа Ивановича мы поставили исключительно на это направление) уделялось предварительной организации на выбранном острове обустроенной территории для жительства прайда котов мира Ворк.

В процессе этого как-то очень ненавязчиво получилось то, что наш тринадцатый отдел, и так имевший статус привилегированного, стал главным штабом фирмы. Дима и Саня, успевшие к тому времени освоиться, стали просто незаменимыми людьми — все-то они делали вовремя, бумаги составлялись, подписывались и отправлялись по инстанциям, необходимое оборудование было заказано и предоставлено — словом, клад, а не парни. Секретарша Леночка, первое время ходившая по коридорам фирмы как испуганная серая мышка (так как считала свой перевод к нам жутким понижением в должности), снова

задрала свой курносый носик и бегала по всем кабинетам, выполняя курьерские поручения, с гордым видом большой шишки. Хотя надо отдать ей должное — понятие субординации у нее было в крови, и ее задранный нос не распространялся на приятелей-предпринимателей. Меня Леночка начала бояться до печеночных колик (как же, ежедневно на три часа я запирался с шефом в кабинете и оттуда на весь пентхаус доносился изредка жуткий ор, когда мы не сходились во мнениях), при виде моего потертого хаки впадала в ступор и прижималась к стене, стараясь слиться с ландшафтом и выглядеть неприметной. Я, впрочем, ее действительно не замечал, до поры до времени…

Наконец, абстрактная задача была профессионально разбита на конкретные тех-задания, все двенадцать отделов дружно отработали, переводя мою конгениальную идею в развернутый план, пригодный для скармливания ИскИну, и самый мощный компьютер Земли поочередно заглотал все эти наработки. Рудольф Иванович на радостях после работы устроил небольшой корпоратив (я общественное мероприятие проманкировал и весь вечер провел в зале сэнсэя Андрея), на котором мои уже слегка спортивные приятели-предприниматели вспомнили старое и оторвались в плане потребления алкогольной продукции. Потом Саня и Дима учудили что-то, так и оставшееся для меня неизвестным, что вызывало потом недельное восторженное перешептывание у всего женского коллектива фирмы «Гном-инст».

На следующее утро я, придя на работу, как всегда первым делом привычно зашел в кабинет к Рудольфу Ивановичу. Застал шефа в отличном настроении. Он, что удивительно, не витал ни в одном виртуале а, как древний клерк, просматривал бумаги лежащие в богатой кожаной папке.

— Ну что там с результатами? — поинтересовался я после обмена приветствиями.

— Отлично, — расцвел Руди. — Семьдесят семь процентов, больше чем у «монастыря». И срок не полвека, а полтора года. Блеск!

— Шик, — согласился я, тоже порадовавшись. Все-таки общая работа затягивает.

— Только для тебя есть один не совсем положительный моментик, — испортил триумфальную минуту Руд, и оценивающе взглянул на меня, как бы гадая — стоит мне это говорить, или нет. — Семьдесят семь процентов ИскИн дает при выполнении некоторых участков работы определенными людьми. Там и список есть рекомендованных им джисталкеров — название

работы, и под ним ряд имен, в порядке рейтинга спрогнозированной удачности.

— Ну, так найми их, «Гном-инст» может все, — ухмыльнулся я.

— На, сам погляди, — ехидно хмыкнул шеф, и всунул мне в руку дорогую кожаную папку.

Через три минуты папку пришлось вернуть широко улыбающемуся Рудольфу Ивановичу, а я присел на край стула и жалобно посмотрел на своего шефа. Молчание затянулось минуты на три.

— Может не надо, а? — без малейшей надежды спросил я.

— Надо, Федя, надо! — радостно выдал Руди. — И чего ты такой недовольный? Любой другой на твоем месте наоборот, возгордился, и пришлось бы с небес на грешную землю спускать.

— Чем гордиться-то? — удивился я. — Тем, что твой Х-Ин полный придурок? Я что — могу сам себя клонировать в трех экземплярах? Людей нельзя использовать как тройник розетки, ты в курсе?

Как вы уже догадались, по трем основным направлениям (работа с Этой, Той сторонами, а так же все движения по котам) ИскИн из огромного количества практикующих джисталкеров-одиночек и команд высококлассных специалистов на первую позицию рейтинга выдвинул некоего джисталкера, проходящего по всем спискам как «джисталкер Тим».

— Ты тут прекращай прикидываться чайником, хотя бы по серьезным вопросам, — ехидно попросил шеф, и опять протянул мне папку с бумагами. — Это же теоретически идеальная ситуация, как стопроцентное КПД у двигателя, чего на практике не бывает. Есть и более приземленные разработки, почитай. Тебе всего-то надо для этого папочку снова взять и одну страничку перевернуть.

Пришлось вернуться к чтению документов в папке, хоть листы бумаги как носители информации вызывают у меня что-то вроде аллергии головного мозга — ибо это либо бюрократическая чушь, либо (что еще хуже) реклама, а то и вовсе какая-нибудь официальная пропаганда.

Сведения оказались неутешительные. Если с работой по Этой и Той сторонам еще худо-бедно имелись равноценные кадровые замены мне, великому, то с котами мира Ворк дела обстояли значительно хуже. Я долго читал эти белые листочки, вглядывался между строк, отыскивая тайные знаки или намеки на

сокрытые многовековые секреты — но ничего нового так и не нашел. Из резюме ИскИна (что-то я разочаровался в умственных способностях этого парня) четко следовало, что если работой по набору местных специалистов на территории Этой и Той сторон будут заниматься джисталкеры, которых зовут не Тим, то вероятность удачного исхода всего проекта снизится в общей сложности процентов на семь, не более. Но вот если некий джисталкер Тим не будет заниматься котами, то вероятность неудачи увеличится почти на двадцать процентов.

— Таймаут день возьму, — нерадостно буркнув, поставил я в известность свое непосредственное начальство о том, что еще ничего не решил.

— Конечно-конечно, — преувеличенно вежливо сказал шеф, хитро щурясь как кот переевший чужой сметаны.

— И отгул на один день, — все так же недовольно продолжил я.

— И для этого препятствий не вижу, — довольным голосом ответил Руди.

Через пять минут я уже выходил из здания джисталкерского комитета, причем, куда меня ноги понесут — представлял смутно. Просто не хотелось сидеть в конторе, и все тут. Побегал по осеннему городу, прошелся туда и обратно по Бульварному кольцу, в который раз расстроившись из-за того, что невозможно сделать полный круг. Под конец не выдержал и забрел в компьютерный клуб «Динамо», откуда вылез уже под вечер и отправился спать.

Утром встал, и не придумал ничего более умного как пойти на работу. В свой отдел заходить не стал, а отправился, как всегда за последние две недели, сразу в кабинет к шефу. Руди уже был на месте. По-моему, он с работы совсем не уходит, так и живет в этом офисном пентхаусе. Во всяком случае, все с кем я разговаривал по этому поводу, как бы рано не приходили на работу и как бы поздно не покидали рабочее место, ни разу так и не пришли раньше и не ушли позже него. Из этого я сделал вывод о том, что он находится в офисе всегда! Ценный предмет офисной мебели, инвентарный код «шеф», в количестве одного экземпляра.

— Руди, ты мне должен пообещать одну вещь, — начал я сложный разговор после обмена вежливостями, практикуемого людьми при встрече и заключающемся в слове «привет», произносимом с радостным выражением на лице.

— Заранее обещать не могу, — посмеиваясь ответил Руди. — Но ты попробуй, поделись.

— Я к тебе с серьезным разговором! — тут же возмутился

я. — А ты ведешь себя как… я!

— Во! Почувствовал, каково побывать в моей шкурке? — тут же искренне обрадовался шеф. — А я тебя каждый день терплю! Мне прижизненный памятник положен.

— Будешь слушать или нет?

— Излагай.

— Словом, я возьмусь за котов, но с одним условием. Ты мне должен пообещать одну вещь, — сказал я и запнулся, так как мне на мгновение показалось, что я уже это говорил.

— Не тяни кота за… хвост!

— Если проект развалится, фирма там обанкротится, или еще что… — быстренько перешел я к сути дела. — То ты со мной в доле. Не как сотрудник «Гном-корпорации», а как ответственный человек, которого я уважаю, и мой друг.

— В чем конкретно в доле? — заинтересовался Рудольф.

— Я сейчас буду заниматься тем, что попытаюсь сдернуть котов с их родного места. Если это получится — без нашей помощи прайд на островах не выживет.

— Понял.

— Ну и придется переселять их обратно, а это ужасно затратное дело — боюсь, у меня не хватит своих сбережений…

— Да понял уже. Считай я с тобой лично в равной доле во всех начинаниях.

— Тогда у меня все. Когда приступать к работе? — перешел я на шутливый тон и (исключительно чтобы позлить Руди) приложил руку к пустой голове.

— А когда сможешь, клоун? — спросил шеф, скривившись уже не так сильно, как морщился в первое время.

— Да хоть завтра, — бесшабашно выдохнул я.

— Вот и отличненько, — обрадовался начальник «Гном-инста». — Завтра и отчаливай.

— Разрешите покинуть кабинет? — вытянувшись по стойке «смирно», проорал я.

— Вали, и чтоб глаза мои тебя не видели! — сердито прошипел Руди, но в уголках его глаз собрались веселые паутинки морщинок.

— Есть, сэр! — рявкнул я, опять приложил руку к пустой голове, четко развернулся и строевым шагом покинул кабинет.

Вслед мне полетел пустой пластиковый стаканчик.

Работа 8. Отправная

Фальстарт находится где-то между фальшивым пением и фальшивой купюрой.

(легкоатлетические размышления)

Процедура отправления в этот раз мало напоминала обычные старты из нашего бывшего скромного офиса, существование в котором уже вспоминалось как некий интересный, но неправдоподобный сон. В принципе имелась возможность старта из зала Гашек-камер государственной джисталкерской службы, но Рудольф Иванович, с подачи моих приятелей-предпринимателей, решил, что это несолидно и сумма, которая потребуется на содержание своего зала старта — является каплей в общем море трат и расходов. Возможно, это выглядело ошибкой, но в свете последующих событий данное решение оказалось как нельзя более кстати — сор из избы не вынесли. Впрочем, я как всегда немного вперед забегаю …

Начну с того, что мне не пришлось бегать, высунув язык, по всему городу перед прыжком, чтобы достать необходимую для работы одежду и снаряжение. Как вы догадываетесь, прокат одежды, находящийся в огромном торговом центре продаж внеземных артефактов, являлся таким же подразделением огромной «Гном-корпорации», каким являлся сам «Гном-маркет» и фирма «Гном-инст», где в данный момент несли службу Саня, Дима и я. Все, что обычно заказывалось для прыжка, было доставлено прямо к залу старта без всякого упоминания с моей стороны — оставалось только расписаться в ведомости, и все (несомненная заслуга делопроизводителя тринадцатого отдела Александра). Та же ситуация получилась с золотой наличностью — нужная сумма в полновесных монетах, заключенных в кожаный кошель, ждала меня на столике, стоящем прямо перед Гашек-камерой, на котором помимо этого находился еще и компьютер управления с готовым «ключом» переноса (эта часть ответственности досталась Дмитрию). Так что определенные преимущества при работе в крупной компании периодически имеют место быть.

Опять же — с Борисом Кузнецом значительно проще стало общаться с позиции крупной фирмы. Если раньше капризный кузнец мог отказаться ковать специально под меня вещички,

мотивируя это тем, что у него на складе и так богатый выбор и нечего зря железо мять — то теперь налицо обратная ситуация. Правда почему-то, как только я смог вертеть Борисом по собственному усмотрению — мне это стало неинтересно, и теперь чаще всего при визитах на его великолепную кузницу выбираю предметы из ассортимента готовых изделий.

Кстати, в последнее время Руди с моей подачи всерьез заинтересовался Борисом Кузнецом и его работой — и тщательно копает под него вот уже в течении месяца, с целью заполучить эту умную голову в свою хед-хантерскую коллекцию (не одному же мне мучаться в его школьном альбомчике распятых булавками бабочек!). Кузнец отчаянно сопротивляется, но у Рудольфа Ивановича последние пару недель, как только заходил разговор о Борисе, в глазах загорается сумасшедший огонек фаната-коллекционера, при этом в подвале небоскреба джисталкерского комитета у фирмы «Гном-инст» вдруг нашлись помещения под производственные мощности (об этом мне сообщил Саня), причем никем не задействованные. Так что думаю — Борису осталось летать свободным как птичка уже недолго.

Утро перед моим первым прыжком, который я должен был совершить не в качестве вольного джисталкера, а как сотрудник крупной корпорации, прошло без особых происшествий. Как только встал — сразу залез в ванну, в теплой воде которой предварительно растворил оттеночную зеленую краску для кожи. Принял последнюю таблетку химии для нужного хищного запаха, потом сложил в специальный чемодан все причиндалы для перекидывания в орка (коллоидную маску, вставную клыкастую челюсть и прочая) и отправился на работу. Подойдя к залу, в котором стояло два десятка наших Гашек-камер, расписался в парочке ведомостей и получил все необходимые для джипрыжка вещи. Затем зашел в раздевалку, удобно расположенную рядом залом камер, напоминающую переодевалку в спортзалах и оборудованную душевой, небольшой сауной и прочими удобствами. Переодевшись в средневековую одежду и амуницию, запер в удобном личном шкафчике свои цивильные (если так можно выразиться о потертом «милитари») вещички и вышел к месту старта.

Перед самой Гашек-камерой меня привычно затрясло (всегда, сколько себя помню, перед любым прыжком в иной мир меня охватывает веселая предстартовая дрожь), и я взглянул на сослуживцев из родного тринадцатого отдела Саню и Диму, которые как всегда находились рядом со мной. Чуть в стороне стояли еще с десяток сотрудников фирмы «Гном-инст», из числа

тех, что не хотели пропустить торжественного момента начала работы. Люди собрались опытные, и моя орчья физиономия ни у кого не вызвала и тени нездорового интереса. Врач (тот самый доктор в белом халате, который встретил нас в первый день посещения местного закрытого стадиона), подошел ко мне, улыбнулся, освидетельствовал состояние здоровья ручным диагностическим прибором, расписался в ведомости и отошел от стола.

Обстановка царила какая-то предпраздничная, и поэтому бутылка водки, невзначай появившаяся в руках у Сани, пришлась очень даже к месту.

— Ну желаю, чтобы все… — традиционно произнес Саня незабвенный шариковский тост.

— И вам также, — привычно отозвался я ироничной фразой доктора Борменталя, и мы опрокинули в себя по пятьдесят граммов обжигающей жидкости.

Задержав на мгновение дыхание, я выдохнул носом уколовшие обоняние алкогольные пары и решительно шагнул в камеру старта. Дима помудрил с небольшим компьютером, стоящим рядом с Гашек-камерой, и буквально через пять секунд я оказался в привычном виртуале древней компьютерной игры, являющейся «ключом» к переходу в мир Ворк.

Через положенные тридцать секунд в глазах полыхнуло, и я очутился на знакомой до боли поляне, с которой начинались мои приключения в мире Ворк в девяноста процентах случаев. Перенос произошел идеально — я оказался буквально в пяти сантиметрах над поверхностью, так что ощущения при прикосновении к земле напоминали прыжок с невысокой ступеньки загородного дома на газонную травку.

— Хорошо-то как! — не удержался я от довольного возгласа, вдохнув полной грудью пьяный лесной воздух, от которого кровь в жилах просто закипела, заставляя тело двигаться в разы быстрее, чем обычно.

После этого я оглянулся, радостно подумав, что маскировать следы своего прибытия на этот раз не придется — и тут мир померк у меня в глазах. Только через долгую минуту, проведенную в темноте, я окончательно осознал ужаснувшую меня истину — я стою в камере старта, которая обесточена. Я, впервые в своей джисталкерской практике, нарвался на явление под названием «дисконнект» — бич древних джисталкеров-первооткрывателей.

Первое что я увидел, выйдя из Гашек-камеры под искусственный свет зала старта, было строгое лицо нашей

секретарши Леночки, которая с недоумением посмотрела на меня и начала с весьма многозначительной миной:

— Рудольф Иванович попросил… — и тут эта офисная фея увидела мою перекошенную орчью рожу, так что конец фразы был больше похож на панический всписк цыпленка, чуть придушенного кошкой: — …без него не начинать…

Не знаю уж, каким образом рядом с местом предстоящих событий оказался тяжелый железный лом (возможно, остался от монтажников, окончательно смонтировавших зал часа за два до этих событий) — но он пришелся как нельзя более кстати. Мои глаза заволокла ярость берсерка, и чтобы не задушить эту глупую блондинистую курицу я схватил первый предмет, подвернувшийся под руку (им оказался искомый лом), развернулся и начал крошить бедный, ни в чем неповинный аппарат, который вернул меня обратно в наш мир. Как мне потом рассказал Саня — лом в моих руках со стороны выглядел размытым, как винт у взлетающего вертолета, по всему залу сначала полетели пластмассовые детали, а чуть позже искры, высекаемые ударом большого железного карандаша об металлический каркас Гашек-камеры.

Потом я, глядя на то, что умудрился в гневе соорудить из примитивной Гашек-камеры с одним ломом в руках, поражался буйству фантазии великого бога случайностей, носящему в среде виртуальных атлетов гордое имя «Рандом». Картина была достойна резца Рафаэля, если бы великий мастер начал вдруг злоупотреблять тяжелыми наркотиками и при этом одновременно впал в детство. Этот образчик абстрактного искусства вызывал необъяснимую никаким рациональным способом оторопь. Руди, когда увидел сей шедевр офисного творчества, наотрез отказался сдавать безнадежно испорченную Гашек-камеру в утиль. Сейчас эта статуя в стиле сумасшедшего киберпанка стоит в зале старта компании «Гном-инст» на самом почетном месте и ею пугают новичков, рассказывая сказочные страшилки о том, какой ужас может иногда забрести в наш мир из иных реальностей. Хотя, по-моему, каждый знает, что в наш мир извне попасть никому (даже бактериям) невозможно, но при взгляде на то, что я соорудил из обычной Гашек-камеры — и сам иногда начинаю в сказки верить.

Возможно, я бы и более гениальное изделие (хотя куда уж дальше-то) из примитивной Гашек-камеры соорудил — но мне помешал шеф.

— Техническое усовершенствование устаревшего оборудования? — раздался командный голос Рудольфа Ивановича, перекрывший грохот лома в моих руках. — Почему без согласования с руководством? Я бы под апгрейд серьезную

сумму списал…

Может, я к этому времени подустал, а может, по какой другой причине — но крушить аппарат перестал, повернулся к шефу, трясущимся пальцем с черным когтем ткнул в бедную Леночку и жалобно прорычал:

— Руди, а давай мы эту курицу зажарим и съедим, а?

Это оказалось последней каплей, и после моих слов Леночка закатила глазки и с размаху попыталась удариться тельцем об пол — благо ее успел подхватить довольный жизнью Саня, неплохо подкачавший мускулы брассом, кролем и баттерфляем в местном бассейне.

— А что случилось-то? — удивленно проговорил Рудольф Иванович, немного ошарашено переводя взгляд с Леночки, висящей как блондинистая тряпочка на руках Александра, на меня, потом на Диму, с философским видом сидящего за компьютером и обратно на офисную фею, не подающую признаков жизни.

— Походу, с твоей подачи устроен мой первый в джисталкерской карьере дисконнект, — рыкнул я уже на шефа, развернулся и решительно отправился в раздевалку, злобно ворча себе под нос: — Сами тут как-нибудь справляйтесь теперь. Без меня…

Переодеваться я начал в гордом одиночестве — никто не решился следом за мной войти в раздевалку. Примерно через пару минут дверь открылась, и в комнату со шкафчиками вошел Рудольф Иванович. Я продолжил приводить себя в порядок, не обращая никакого внимания на шефа.

— Ты это, извини, — сказал Руди, и виновато взглянул на меня. — Я на заседании совета «Гном-корпорации» задержался.

— Мне бы позвонил, знаешь же мобильник, — недовольно пробурчал я. — На край — Сане или Диме. Но никак не этой глупой курице.

— Да на автомате в ваш кабинет звякнул, Леночка трубу взяла, я и передал как просьбу. А она вон что учудила, — покаялся шеф, и тут же поинтересовался «дисконнектом»: — А что, совсем плохо было?

— Да не то чтобы плохо, — уже достаточно спокойно проговорил я, пытаясь передать словами свои сложные чувства: — Представь, что тебя пинком с постели сбросили прямо перед… ну сам понимаешь.

— Даже так? — удивленно протянул Руди.

— Ну, не совсем, — задумался я, продолжая подбирать слова. — Скорее так — ты собрался стометровку бежать, с

низкого старта. Рванулся изо всех сил, а в четырех метрах от стартовой черты — стена бетонная вдруг возникла. Вроде и не особо покалечился — а попытка убиться об стену налицо. И все сопутствующие ощущения.

— Ладно, прости, — еще раз покаялся Рудольф. — Я ж не мог додуматься до того, что Леночка инициативу вздумает проявить, все пломбы сорвет и Гашек-камеру обесточит после того, как Дима откажется тебя возвращать.

— Точно нельзя ее зажарить и съесть? — мечтательно поинтересовался я у шефа.

— Хочешь — уволю ее, если тебе это надо.

— Да ладно, пусть бегает пока, — чуть поостыл я. — Только передай лично, что в следующий раз за такую инициативу я ей нос откушу — и ничто меня не остановит. В качестве секретаря-референта можно и без носа поработать — да и не нужен особо-то ей нос, только задирает его зазря. Сам ей скажи, без посредников и прочих передатчиков.

— Это передам, как очнется. И стоимость Гашек-камеры у нее из зарплаты вычту.

— Да не, не надо, — протянул я. — Неправильно это как-то…

— Хотя да, сам я тоже виноват. Да и ты к порче инвентаря немного руку приложил, — согласился шеф. — Ладно, не бери в голову — придумаем что-нибудь.

— Но сегодня не пойду в прыжок, даже не проси, — отрезал я. — В ноль настрой сбит.

— Не настаиваю. На завтра все отложим, не горит особо.

— Вот и ладушки, — завершил я разговор, мы с Руди хлопнули по рукам и шеф покинул раздевалку.

Выйдя в зал старта, я обнаружил толпу сотрудников «Гном-инста» во главе с бессменным лидером предприятия Рудольфом Ивановичем вокруг покореженной Гашек-камеры. Толпа восхищенно гудела, обсуждая изящные формы получившегося шедевра декоративно-прикладного искусства, и я прошел мимо никем не замеченный.

«Блондинка блондинке рознь», — посетила меня здравая мысль, и я отправился на стадион, в зал к Лере-ягуаре, чтобы привести голову в порядок.

С этой дикой кошкой я провел в тот день в общей сложности боев десять. Фантастическая скорость движений у этой девчонки — при этом ее маленькое тело сделано из гвоздей в лучшем для меня случае. Мягких мест у Леры в организме просто нет — либо кости, либо мышцы по твердости костям не уступающие. А как она держит удары!

Нервы пошаливали, поэтому в первых пяти боях я был каждый раз жестоко избит. На ринге Лера-ягуара снисхождений не делает, но после схваток, когда я приводил организм в порядок под жужжание регенерационных кресел, моя названая сестричка всячески отговаривала меня от следующих попыток. Но я был непреклонен и снова пер на рожон — и был снова бит. На шестой раз мозг со щелчком встал на свое место, я начал двигаться как расчетливый механизм — и как следствие отволок Леру в кресло, которые я пять раз занимал до этого. После чего мы провели еще четыре спарринга уже в нашей стандартной манере.

«Блондинку блондинкой вышибают», — с улыбкой подумал я, покидая зал Леры-ягуары.

После сеанса шоковой терапии я немного отошел от психологической травмы первого в жизни дисконнекта. Остаток дня провел в виртуалах разнообразных игр в компьютерном клубе «Динамо», приводя психику в окончательный порядок. Домой пришел поздно и завалился спать без задних ног.

Следующее утро было абсолютным клоном предыдущего, разве что ванну с краской принимать не стал, так как и так имел тело и физиономию интенсивного зеленоватого оттенка. На работе все тоже выглядело копией вчерашнего дня, разве что рядом с камерой кроме Сани и Димы меня встретил любимый шеф, да и сослуживцев вокруг находилось не скромный вчерашний десяток, а, пожалуй, раза в три больше. Все разглядывали покореженную аппаратуру, уже занявшую самое почетное место в зале, и иногда поощрительно поглядывали на меня, показывая жестами, что являются поклонниками моего таланта скульптора. Секретарши Леночки, что характерно, на горизонте не наблюдалось.

Саня при виде меня заговорчески подмигнул шефу, на что тот как фокусник извлек из воздуха поднос с четырьмя наполненными рюмками.

— То, с чем невозможно бороться — надо сделать доброй традицией, — озвучил Руди свой поступок, после чего принял участие в нашем традиционном предпрыжковом опятидесятиграммливании.

После этого к нам подошел доктор и освидетельствовал мое здоровье. Тут меня затрясло — тело почуяло приближение джипрыжка, и я наконец-то успокоился, как бы странно это и ни прозвучало.

«У меня все получится», — привычно крутанул я в голове настройку на успех и решительно шагнул в Гашек-камеру.

Дима завозился с управляющим компьютером, и через пять секунд я оказался в виртуале старинной интерактивной игры. Встав рядом со схематичным изображением небольшого и почему-то зеленого гоблина (хотя каждый ребенок знает, что гоблины обладают коричневым цветом кожи) я застыл в ожидании. Через тридцать секунд вспышка света ударила прямо в мозг, минуя зрительный нерв, и я переместился в другой мир, на этот раз надолго…

Часть 2. Основная работа

Работа 1. Встречальная

— Где это я?

(первый вопрос российского туриста в турецком отеле на следующее утро после приезда)

Что удивительно — перенос снова произошел практически идеально. Оказался над поверхностью земли сантиметрах в двадцати. Очутившись на траве, присел и инстинктивно застыл на месте, ожидая дисконнекта. Потом встряхнулся, пробормотал: «Это, похоже, паранойя», — встал на ноги и огляделся. Утреннее солнышко освещало яркую зеленую травку, пели пташки и стрекотали насекомые. Идиллическую картину изредка нарушал одинокий кошачий ор, раздававшийся неподалеку — какой-то котенок пел.

— Здравствуй Ворк! — выпрямившись во весь рост, радостно крикнул я.

«Здравствуй Тим!» — сказал мне молодой кот и выпрыгнул на поляну.

Через секунду вокруг меня заплясал рыже-белый шерстяной вихрь. Котик радостно взлетал в воздух на метр-полтора, мягко приземлялся на четыре лапы, чтобы сделать следующий быстрый оборот вокруг моих ног и снова взмыть вверх (напоминаю: этот меховой мячик имел вес под четыре пуда, и потому картина выглядела просто феерично), при этом не забывая окатывать меня волнами телепатического веселья. Я стоял в центре этого водоворота и весело смеялся — общаться с котами мира Ворк очень приятно, особенно после достаточно долгого перерыва.

«Сусанин, хватит уже! У меня голова закружилась», — взмолился я под конец, котик сжалился, присел на травку и начал умываться.

Я подошел к зверю и почесал его за ушком. Сусанин зажмурился, прилег, и я плюхнулся на травку рядом с ним. Мы начали общаться.

Это был не тот Сусанин, котенок-подросток, приведший меня на войну котов с пауками, про это я упоминал уже как-то раз. Я беседовал с его сыном, Сусаниным-младшим. Тогдашний котенок, при мне сказавший свою первую связную фразу, звучавшую: «Я — Сусанин!», сейчас серьезный отец семейства и заботится о своем втором выводке — Сусанин-младший его сын из первого помета,

случившегося три года назад. Впрочем, несмотря на молодость, рыжий в белую полоску котик являлся уже могучим и опытным бойцом — мы с ним даже летали в Огрбург на дирижабле, в последний мой прыжок сюда, чуть больше полугода назад. Кстати, это был мой последний поход в качестве вольного джисталкера. Ну, не будем о грустном…

«… я его и куснул несильно, а он мне лапой по морде! Я тоже в долгу не остался — и вот Старшие коты на неделю нас в патрулирование определили на разных концах леса. А ты как там? Давно что-то не был у нас», — закончил тем временем выливать на меня лесные сплетни Сусанин-младший — ужасный болтун, в отличие от Рыжика.

«Да у меня ничего интересного», — честно сказал я коту, так как с его точки зрения у меня в жизни действительно ничего интересного не произошло.

«Без нас, котов, жизни нет!» — гордо заявил Сусанин-младший, и я был вынужден с ним согласиться.

«Сусанин, тут такое дело — мне нужен Старший кот. Но не любой, а конкретный вожак — мой Рыжик», — после обмена новостями взялся я за дело, и сразу переложил на котика часть задачи, которая стояла передо мной.

«А скажешь ему, чтобы ошейник мне дали?» — тут же попросил меня рыже-белый шантажист.

«Сусанин!» — мысленно прикрикнул я на него, но не сдержался и хихикнул, так что кот не воспринял мой воспитательный порыв всерьез.

Ошейники Бориса Кузнеца на первых порах мне здорово помогли в деле освоения мира Ворк. Сделанные по моим эскизам специально под котов, ошейники имеют бронированные накладки, защищающие шею. Также эта амуниция оборудована дистанционно включающимся виброрежимом и управляется кольцом-когтем, позволяющим его активировать на дистанции до километра. Оба предмета оборудованы подзарядкой от движения. Помимо этого на ошейник можно прикрепить огромное количество усовершенствований, типа электро-кристаллов, фонарей, вспышек, объективов слежения и прочих приспособлений. Борис каждый раз придумывал что-то новое, так как его натура творца начинала протестовать при попытках поставить изготовление любого предмета на поток, то есть занятия ремесленничеством. Правда все приспособления работали недолго и достаточно быстро выходили из строя, а то и вовсе деструктуризовывались в чужом мире — чего нельзя сказать о самих ошейниках и о колечках управления — те, благодаря

простоте конструкции и невероятному таланту Бориса, оказались просто неубиваемыми.

Для котов ошейники стали самым удобным способом бесшумной связи на расстоянии и передавались между прайдами в случае острой необходимости. Со временем я притащил таких устройств достаточно приличное количество, и у некоторых котов (в частности у моего друга Рыжика) ошейник остался в личном пользовании. Но, конечно же, этой амуниции на весь лес по-прежнему не хватало, и ошейники среди котов мира Ворк очень котировались (которые котами котировались — каламбур получился!). Если кот, случайно повстречавшийся вам в лесу, имеет ошейник — можно с достаточной долей уверенности предположить, что это вожак прайда или, как минимум, член совета вожаков леса.

Так что Сусанин пока усами не вышел такой знак отличия носить, и он это где-то в глубине души понимал. Но при последнем нашем походе я выдал ему ошейник (который после возвращения Рыжик тут же у подчиненного отобрал), и теперь у котика возникла по этому поводу идея-фикс.

«Ошейник хочу!» — снова начал канючить Сусанин, вскочил и запрыгал вокруг меня, иногда толкая мягкими лапами.

Я не поддался на провокацию, с невозмутимым видом остался сидеть, потом резко выбросил руку и поймал котика за шкирку. После этого мы начали возиться в траве, как дети в песочнице — коты мира Ворк располагают к беззаботному времяпрепровождению как ничто более в двух мирах.

«Ладно, открою тебе секрет, только больше никому», — сказал я, когда вдоволь наигрался с пушистым теплым котом.

«Говори, никому не скажу», — пообещал Сусанин, сел рядом и начал умываться лапой.

«Если все у меня и Рыжика получится, то в течение года будет у тебя ошейник — я тебе обещаю. И никто его у тебя не отнимет», — сказал я, котик уловил мою искренность (котов мира Ворк обмануть невозможно), обрадовался и вскочил на четыре лапы, готовый к любым свершениям.

Я тоже встал, и мы отправились на поиски Рыжика, неспешно шествуя рядом друг с другом и весело обсуждая все важные лесные события, которые происходили прямо у нас на глазах — белки, вороны, бобры и прочая живность на пути давали массу интереснейших тем для разговоров.

С Рыжиком я хотел встретиться не только потому, что ужасно по нему соскучился. Моему лучшему другу среди котов мира

Ворк уготовано одно из самых важных мест в дальнейших планах, и надо сказать — молодой вожак как нельзя более соответствует этому месту.

Рыжик, разумеется, полностью рыж. Это первый кот мира Ворк, с которым меня связала долгая дружба. До него я несколько раз общался с котами, и даже путешествовал на пару с некоторыми из них. Но после возвращения домой тех котов (тоже без сомнения очень умных, ловких и красивых) я больше так и не встречал. С Рыжиком получилась совершенно другая картина — после первой же совместной работы (очень удачной, кстати) я просто уже не представлял себе другого компаньона. Все последующие путешествия в мир Ворк, как на Ту так и на Эту сторону, я совершал в течении четырех долгих лет только вместе с моим любимым другом Рыжиком. За это время мы начали понимать друг друга с полу-мысли, «полуслова» при общении с котами и не скажешь — громких слов коты мира Ворк не произносят, разве что тихонько урчат иногда, телепаты пушистые (ну и при нужде могут оглушительно заорать).

За это время Рыжик из кота-юноши превратился сначала в могучего молодого бойца в полном расцвете сил, а после стал зрелым воином, мнение которого ценили все прайды Леса котов. Его постоянная подруга, прекрасная черная Халва, относилась ко мне с неизменным теплым чувством, и всегда отпускала Рыжика в наши совместные путешествия. Впрочем, рыжий Одиссей не мог надолго оторваться от любви всей своей жизни, и неизменно возвращался к своей пушистой черной Пенелопе. Правда, в последний поход Рыжик со мной отправится не смог — он как раз закончил вместе с Халвой выращивать выводок (тоже последний, так как мой кот уже вышел к тому времени из детородного возраста), сдал двух своих котят (черного мальчика и рыженькую девочку) в кошачий детский сад — и его тут же призвали в Старшие коты. Рыжик не смог разорваться на две части и поэтому прикрепил ко мне Сусанина-младшего, а сам отправился «принимать пост». Надо сказать, Сусанин отлично показал себя в деле (правда задание в тот раз было несложное — слетал в Огрбург, встретился со своим агентом, одной высокопоставленной гоблинкой, забрал пару вещей и отбыл обратно), но все равно — Рыжика мне ужасно не хватало. Поэтому я шел по лесу, весело болтая с Сусаниным-младшим, и при этом немного волновался, предвкушая встречу со своим лучшим другом, с которым не виделся почти год (то пересечение путей мельком полгода назад за полноценную встречу считать нельзя). При этом я привычно прокручивал в голове далекоидущие планы.

Как я уже упоминал, без Рыжика я, скорее всего, не смог бы выполнить ту работу, которую на меня возложил ИскИн — переселение хотя бы одного прайда котов на острова. Да и при полном содействии моего кошачьего брата это являлось очень непростой задачей. Судите сами:

Для начала надо было получить принципиальное согласие не только вожака и самого прайда — совет котов леса тоже должен был дать свое добро, а это, я вам скажу, бюрократическая организация похлеще джисталкерского комитета. Если даже они меня выслушают, то не факт что примут хоть какое-то решение — данный вопрос для котов чрезвычайно абстрактен, и может рассматриваться поколениями вожаков, сменяющими друг друга на ваших глазах, без малейшего продвижения в нужном направлении. Так что в этом деле у меня вся надежда была только на Рыжика, причем я думаю, что ему даже доказывать ничего придется — просто попрошу помочь, надеюсь этого хватит.

Второй непростой момент — место жительства прайда. Нельзя везти большое кошачье семейство на абсолютно новую для них землю. Потому что никто, кроме самих котов, не может сказать — подходит им это место для жительства, или нет. Насколько я знаю — все может быть на наш взгляд идеальным, но коты мира Ворк на этом месте жить не будут никогда, мотивируя это одной отговоркой: «Не кошачье место», и все тут, хоть ты тресни. Так что после получения предварительного согласия (да-да, типично бюрократическая формулировка) от совета вожаков придется мне и Рыжику (в теории любому кошачьему вождю, но другой кот такого уровня со мной просто-напросто никуда не поедет, приключения — дело молодежи) добраться до цели, чтобы там, среди почти полутысячи островов архипелага, найти подходящее место для жизни прайда. Так что нас, после получения одобрения только на попытку переселения, будет ждать путешествие через треть планеты, и это мероприятие тоже надо продумать пошагово.

Далее, предположим, все прошло удачно — искомый остров найден, мы с Рыжиком поем песню победы и прочая, прочая, прочая. Следующим этапом идет возвращение в лес котов — это обратно тащиться через треть планеты. После снова следуют долгие переговоры с советом котов — уже конкретные. Настанет время подарков — коты всегда остаются котами, даже если это высокоумные телепаты мира Ворк.

Ну, наконец-то, совет котов умаслен, добровольцы набраны, все готовы — встает в полный рост резонный вопрос — как? Как

перетащить целый кошачий прайд (с семейными парами, беременными кошками, котятами и прочим) через треть планеты? И этот момент тоже придется решать именно мне.

И вот, после бесчисленных телодвижений, прайд оказывается на острове — вот тут-то и начинаются настоящие трудности…

Ладно, не буду забегать вперед — для начала надо просто с Рыжиком встретиться. Кстати, весь этот план методично проработан стараниями целых двух отделов «Гном-инста», как будто я все это и так не знаю. Как я и предполагал в самом начале — придется мне потеть в гордом одиночестве и при этом за шиворот тащить массу бездельников к светлому будущему. В общем — все прогнозируемо и ожидаемо.

Так что мы шли по утреннему лесу, весело болтали с молодым котом о совершеннейших пустяках — и при этом совесть моя была чиста, ибо я, можно сказать, пахал как древний трактор, двигаясь в нужном направлении.

«Сусанин, расскажи, как там дела у Рыжика», — попросил я котика после того, как мы в очередной раз посмеялись над белкой, которая скакала по веткам вслед за нами, пронзительно вереща.

«Нормально у него все», — жизнерадостно передал мне кот и хотел закрыть тему, не особо ему интересную на данный момент времени.

«Он сейчас все так же в совете Старших вашего прайда?» — не отставал я.

«Нет, ты что!» — удивился Сусанин моей оторванности от кошачьей жизни: — «Рыжик сейчас главный координатор совета котов леса по вопросам войны и охоты!»

Естественно, понятием «главный координатор по вопросам войны и охоты» я заменил сложнопонимаемое для людей звание: «Авторитетный вожак, почти главный над всеми, но только с едой и врагом, при этом подчиняющийся тройке Старших совета и стоящий по значимости сразу после главного вожака отдельного прайда, последний уровень сохранивших свое имя». Ну и естественно должность Рыжика передавалась одним единственным словом.

«Так он уже скоро Вожаком станет?» — удивился я.

Обычно кот становится Вожаком (оставляет в прошлом свое имя и берет управление прайдом в могучие лапы) в лучшем случае черед пару лет после того, как становится Старшим котом. При этом далеко не все коты, переставшие заниматься производством новых котов, становятся Старшими — основное большинство обучает малышей в кошачьих школах либо служит у

Старших в качестве порученцев. Мой Рыжик стал Старшим всего полгода назад — и уже сделал столь стремительную карьеру.

«Так он и должен уже скоро стать Вожаком. Просто все места пока заняты. Еще он может стать еще Вожаком-без-прайда», — проинформировал меня Сусанин и тут же отвлекся, убежав ловить пролетевшую мимо яркую бабочку.

«Сусанин, а почему он уже не стал Вожаком-без-прайда?» — не давал я сбиться с мысли озорнику.

«Скоро станет, после Большой Охоты», — как само собой разумеющееся мимоходом упомянул кот.

«Ну-ка стой», — остановился я, подумав о том, что ситуация складывается удачно.

«Стою», — с готовностью отозвался Сусанин и тоже замер на месте, моментально уловив мой серьезный настрой.

«Когда Большая Охота?» — спросил я.

«Скоро. Как только Рыжик скажет», — поняв, что это всего лишь продолжение разговора, а не бой или еще чего более серьезное, Сусанин лениво потянулся и снова отвлекся на очередную бабочку.

Я улыбнулся и пошел следом за котом, который рванулся за бабочкой, весело махая в воздухе могучими лапами.

«А куда ты меня ведешь, Сусанин?» — спросил я, и от такого вопроса сам же и закатился в хохоте, вспомнив незабвенный белый стих родом из детства:

> Куда ты ведешь нас, проклятый старик?
> Идите вы лесом — я сам заблудился!

«Странные вы существа, почти коты. Вот ничего смешного не сказал — а радуешься как котенок куропатке», — скептически отреагировал кот на мое поведение.

«Да вспомнил человеческую историю одну, для котов неинтересную. Про человека, которого звали Сусанин», — сказал я.

«Расскажи!» — тут же потребовал Сусанин-кот, и от любопытства у него вздыбилась шерстка.

Деваться было некуда, и я принялся за вольный пересказ истории про Ивана Сусанина. Кота сюжет заинтриговал, и он молча шел рядом, внимательно слушая рассказ. Когда я закончил, котик спросил:

«А чего тут смешного?»

Я замялся, ибо действительно ничего забавного в подвиге Ивана Сусанина не усматривалось. А объяснить коту, почему это для нас весело, я бы возможно и смог за пару недель — но это

было бы точно не смешно!

«Я же говорил — человеческая легенда, для котов неинтересная», — попробовал отвертеться я.

«Очень даже интересная история», — возразил Сусанин. — «Вот только несмешная, и чего ты укатывался тут — не пойму. Я вот теперь горжусь, что у меня такое имя!»

«Согласен, глупая шутка и я зря смеялся. Извини», — покаялся я перед Сусаниным.

«Да ладно, вы, люди, иногда как котята — на вас и обижаться нельзя толком», — пристыдил меня напоследок молоденький кот, но тут мимо пролетела очередная яркая бабочка, и он рванулся за ней вдогонку.

«Так куда ты меня ведешь-то?» — попробовал я вернуться к прежней теме.

«К Рыжику, куда ж еще», — удивленно ответил Сусанин, и скрылся за деревьями.

По лесу бежал рыжий, в белую полоску, молодой лесной кот. Кот делал важное дело — он работал проводником. За ним спешил джисталкер, пытаясь на ходу выяснить у кота, куда конкретно его ведут. Кот терпеливо выслушивал джисталкера, односложно отвечал: «К Рыжику», и бежал дальше, считая свой ответ максимально информативным. Джисталкер упорно пробовал интересоваться, где конкретно находится искомый Рыжик. Столь сложные вопросы кот по имени Сусанин не воспринимал всерьез, относясь к человеку как к нетерпеливому котенку, отвечал: «В лесу» и тут же отвлекался на какое-нибудь интересное событие, приходившее прямо перед его носом, не сбиваясь с маршрута. Джисталкер в ответ тяжело вздыхал, пробовал подойти к вопросу с другой стороны и снова натыкался на межвидовое недопонимание.

Работа 2. Дружительная

«По-дружбе почему-то все обходится значительно дороже», — подумал я, оплачивая счет в ресторане.

(история «дружбы» с гашниками)

В какой-то момент, примерно через час быстрой ходьбы, я вдруг понял — со мной рядом никого нет. Только что я ощущал присутствие Сусанина — и вот на тебе, я остался один в лесу. Деваться было некуда, я сверился с компасом из скелета магнитной рыбы, которым оказался заботливо укомплектован выданный мне Саней набор снаряжения, по стрикету (расщедрился Рудольф Иванович — выделил мне экспериментальный образец) скорректировал пройденный путь и двинулся дальше в высчитанном направлении.

«Хорошо, что у меня есть всякие современные приборчики, амуниция и вооружение», — подумал я, так как, несмотря на изрядный опыт ориентирования на местности, в лесу мира Ворк я бы точно пошел кругами — чутье человека опирается на магнитное поле Земли, а тут все устроено совершенно по-другому.

Внезапно вдалеке, по направлению моего движения, раздался охотничий рев кота, который подхватили еще несколько луженых глоток.

«Вот они орут!» — восхищенно подумал я.

Рев вскоре повторился, причем по ощущениям он стал доноситься с гораздо более близкого расстояния. Хотя в лесу все обманчиво, и я не придал этому особого значения. Шел неспешно вперед, дыша полной грудью, — поэтому то, что произошло, стало для меня совершеннейшей неожиданностью.

Динозавра я заметил, когда до него оставалось метров двадцать. Это был не гигантский тираннозавр, не жуткий рогатый трицератопс и не безобидный диплодок. Скорее я бы его назвал велоси-раптором, и он очень походил на рапторов, которые участвуют в колесничных гонках на Соревнованиях в Огрбурге, только этот экземпляр имел примерно раза в два большие размеры. Еще, в отличие от упряжных огрбуржских рапторов, на этом хищном звере не было железного намордника, передние

страшные лапы с десятисантиметровыми когтями не скрывались мягкими кожаными варежками, и мощные ноги никогда не знали цепей-кандалов.

— Вот это коты дичь себе нашли, — ошарашено сказал я, что послужило сигналом для хищника. Раптор завизжал и бросился в атаку — как вы уже догадываетесь, атаковал он первого же подвернувшегося под руку джисталкера.

Очень хочется похвастаться тем, как я ловко выхватил меч и, шутя, разрубил на куски жуткую зверюгу. Но, к сожалению, на самом деле все выглядело несколько иначе — мое тело независимо от головного мозга вдруг вспомнило, что ближайшим родственником человека является обезьяна и, с поразившим меня проворством, вскарабкалось на ближайшее дерево. С ящеркой весом под тонну мое умное тело драться наотрез отказалось.

Раптор вместо того, чтобы отправится туда, куда шел до встречи со мной, вдруг изъявил желание пообщаться. Подбежав, он удобно расположился под деревом (благо то оказалось могучим дубом) и начал прыгать, пытаясь зубами ухватить за какую-нибудь ненужную мне часть тела, чтобы стащить на землю и там уже обо всем серьезно поговорить. Я в ответ карабкался все выше, и мужского разговора у нас как-то не получилось. Зато после того, как устроился на толстой ветке и смог чуть перевести дух, я начал вещать как социалистический вождь с трибуны мавзолея.

— Чего, съел? Вернее не сумел съесть? — первым делом спросил я у раптора.

— Рииии, — в ответ раздался визг, очень похожий на звук работы бензопилы.

— Вот так-то! — гордо сказал я. — Сейчас еще коты подоспеют, и тебе крышка!

— Рииии, — не согласившись со мной по этому вопросу, завизжал раптор и, видимо выражая свой протест, в очередной раз прыгнул вверх, громко лязгнув в воздухе жуткими челюстями.

«И как теперь его гнать из моего леса?» — спросил меня кот, которого я, конечно же, не увидел — но этот мыслеголос я узнаю из миллиона (хотя если в моей голове раздастся одновременно миллион голосов — психиатрическая лечебница пополнится очередным пациентом).

«А почему Сусанин меня бросил? Так бы он предупредил о том, что вы гоните зверя прямо на меня, и я спрятался», — резонно возразил я.

«Я его срочно позвал, котят надо было отвести в сторону», — чуть виновато ответил Рыжик (да, это был именно мой кот).

«И кто из нас в результате глупый кот?» — иронично поинтересовался я.

«А кто это у нас на дерево залез?» — в ответ ехидно спросил Рыжик, и передал мне мыслеобраз зеленого котенка, дрожащего на верхушке небольшого кустика.

Так мы припирались еще минуты три, совершенно забыв о визжащем и лязгающем челюстями ящере. Встреча старых друзей — самое важное событие, которому не может помешать какая-то глупая ящерица весом всего лишь в тонну.

«Ладно, у меня был четкий план, как избавится от раптора. Ты мне помешал — теперь думай сам как его выгнать из леса», — вдоволь поглумившись над моим смешным положением, поставил меня перед фактом рыжий друг.

«А он съедобный?» — спросил я.

«Маленькие такие — по вкусу как куропатки. Этот — понятия не имею», — честно признался Рыжик.

«Может его тогда подстрелить?» — предложил я.

«А как мы эту тушу будем кушать? Его шкуру когтями не порвешь», — удивленно сказал Рыжик.

«Да не проблема, помогу разделать».

«Ну, давай тогда», — согласился кот.

Арбалет, к которому я привык уже настолько, что совершенно не замечал его веса за спиной, тут же оказался в руках, я прицелился в глупую зверюгу и открыл огонь на поражение, выпустив точно в уязвимые места на голове ящера несколько очередей. Надо сказать, тварюга оказалась живуча до невероятности. Как курица с отрезанной головой способна некоторое время бегать, так и раптор с десятком десятисантиметровых болтов внутри черепа еще минут пятнадцать отказывался становиться дичью и норовил сделать своей добычей меня. Так что никакого подвига в моей победе над жутким динозавром не наблюдалось — сидя в полной безопасности, расстрелял безобидную зверушку, дождался момента, когда огромная куча мяса перестанет трепыхаться, спустился и при помощи высокотехнологичного меча часа два занимался мясницкой работой под присмотром пары десятков котов во главе с Рыжиком.

«И часто к вам в лес такие чудовища забредают?» — лишь один раз оторвавшись от работы, для короткой передышки, спросил я Рыжика.

«Очень редко. Раньше я говорил, что к счастью, а сейчас, когда у меня под рукой есть ты — думаю что, к сожалению», — отозвался рыжий бездельник, успевший к этому времени перекусить приличным куском динозаврятинки.

Когда от зверя остался скелет, который послужил бы достойным украшением любого палеонтологического музея, и Коты растащили по прайдам большие куски довольно неплохого мяса, действительно чем-то похожего на куриное, (жаль кур таких размеров не бывает), завернутое в куски шкур — я пошел мыться к ближайшему ручью. Рыжик шел рядом и тащил мои вещи, так как я оказался не очень умелым мясником и ужасно обляпался (ладно хоть догадался перед разделкой туши раздеться, благо котов мой обнаженный вид совершенно не смущал).

Вода в ручье оказалась ледяная, что было очень хорошо для смывания крови, но далеко не так радостно для моих ощущений. Впрочем — альтернативы ледяному ручью поблизости не было, так что я был рад и такой водной процедуре. Во время помывки я не мог не то-что говорить — даже думать получалось неважно от постоянно перехватываемого дыхания. Рыжик, глядя на меня, веселился, и в периодически посылаемых мне мыслеобразах я из зеленого клыкастого котенка постепенно превратился в дрожащего синего лягушонка, почему-то похожего на ощипанную курицу. Помывшись, я вылез из воды, оделся и для того, чтобы согреться, занялся мщением — начал гонять одного рыжего насмешника по всему лесу. Под конец мне удалось его поймать (поддался, негодяй) и мы устроили межвидовую борьбу. В результате победила дружба, что опять же благоприятно сказалось в дальнейшем на отношениях котов и людей.

«Рыжик, я по очень серьезному делу на этот раз», — сказал я, когда мы вдоволь наигрались и беспечно валялись на травке, при этом я чесал рыжего неженку за ушком.

«У тебя все всегда серьезно», — ответил могучий воин, блаженно щурясь.

«На этот раз действительно очень непросто дела обстоят», — возразил я, и начал ставить Рыжика в курс предстоящего мероприятия.

Рассказывал я долго. Рыжик буквально через минуту разговора превратился из моего лучшего друга в серьезного Старшего кота, и иногда задавал очень грамотные вопросы. Когда я закончил ставить его в курс дела, Рыжик надолго задумался, уложив голову на передние лапы. Потом он спросил:

«А что будут делать коты после переселения?»

«Первое время главная задача котов будет помощь в улаживании конфликтов», — честно признался я о полицейской роли прайда в жизни будущего поселения.

Нахождение рядом Той и Этой стороны в любом случае

подобно близости огня и пороха. Взрывоопасная ситуация, с какой стороны не глянь. И предстояла огромная работа по поддержанию мира (особенно на первых порах), даже если будет на ком выпустить пар горячим ребятам обеих сторон. В этой ситуации без таких вот полицейских телепатов за дело даже и браться не стоило. Коты могут сами погасить конфликт волнами паники, ну и профилактикой позаниматься, если что, настраивая всех вокруг на миролюбие. Да и шпионская деятельность опять же возможна — могут рассказать нам о том, что сами не смогут проконтролировать, и будем гасить конфликтную ситуацию уже вместе.

Вторым положительным моментом является то, что при постоянном общении земного персонала с котами фирма «Гном-инст» получает огромную экономию джитази. Этот телепатический контакт одновременно является подзарядкой теплоэнергетической оболочки человека (ее иногда называют «аура», но это вовсе не аура), и обратно на землю враждебное окружение мира Ворк тебя не отбрасывает. Как этот процесс происходит на самом деле — представляю себе плохо, я все же не химик-ядерщик (хотя честно признаюсь — представления не имею, существует ли в действительности такая профессия).

Ну и третий плюс — сами коты. Никто лучше них не создаст благоприятную неконфликтную атмосферу в будущем поселении.

Рыжика предстоящая работа добровольного помощника защиты правопорядка абсолютно не смутила, и он задал следующий важный вопрос:

«А с чего ты взял, что мы захотим из своего леса уходить?»

«Во-первых, всем котам на островах выдадут ошейники. Во-вторых — со временем отработаем дорогу от островов до леса котов, и можно будет вам сюда в гости ездить. Ну и, в-третьих, я тебя об этом прошу», — ответил я.

«Твое „в-третьих“ оказалось для меня самым весомым аргументом», — пошутил Рыжик, скосив взгляд на свой личный ошейник.

«Я на это надеялся», — признался я, и заслужил легкий толчок мягкой лапой в бок.

«Ладно, ты думал, как с советом вожаков говорить будешь?» — перешел Рыжик к следующему вопросу.

«В общих чертах. Думал с тобой посоветоваться», — сказал я.

«Смотри-ка, ты иногда тоже думать умеешь», — притворно удивился этот рыжий клоун, за что тут же был схвачен за мягкую шкуру, перевернут на спину, и подвергнут щекотанию.

«Ладно, хватит баловаться. Лучше вот что скажи — кто у тебя

на островах будет Вожаком прайда?» — спросил меня лежащий на спине и абсолютно не боящийся щекотки кот.

Вопрос застал меня врасплох, и я перестал щекотать рыжего негодяя. Удивленно посмотрев на кота, я протянул вслух от неожиданности:

— Ты, конечно. Кто ж еще-то?

«Так меня Рыжик зовут пока, а не Вожак», — резонно возразил кот.

«Ты для меня всегда Рыжиком останешься», — тут же улыбнулся я.

«Для тебя потом можно будет сделать исключение», — хитро сказал Рыжик, но затем снова перешел на серьезный тон: — «Но я-то пока не Вожак».

После этого кот начал ставить в курс дела уже меня, причем так же обстоятельно, как я его до этого. Дело было в Большой Охоте. Хоть Сусанин и говорил, что Рыжик сразу же после этого мероприятия станет Вожаком, в действительности его слова объяснялись больше преклонением молодого кота перед своим кумиром, чем реальным положением дел. На самом деле после Большой Охоты, организованной Рыжиком, у моего кота будет не более чем шанс на вхождение в правящую кошачью элиту. Причем совет котов будет сопротивляться этому, в силу крайней молодости Рыжика как Старшего кота. Вожаком-без-прайда мой кот может стать только в одном случае — если мнение кошачьей общественности сделает выдвижение (выкрикнет) его на это почетное звание. Одним словом — надо чтобы сразу после охоты все участвующие в ней коты (а это будет почти весь лес) дружно выкрикнули: «Вожак!».

С другой стороны — это вполне логично, ибо Вожак-без-прайда недолго оставался в такой роли. Обычно ему либо сразу находилось место Вожака прайда, либо он достаточно быстро собирал свой прайд — территориальный вопрос этих высокоразумных существ особо не беспокоил, и прайды спокойно могли потесниться. Так что в действительности на такую роль мог бы претендовать только очень выдающийся представитель котов мира Ворк, и последний Вожак-без-прайда был «выкрикнут» еще до моего первого прыжка сюда.

«Так что я уже голову сломал, думая, чем удивить весь лес. Как обычно — в степи бизонов загонять — совсем не то…», — закончил кандидат в кошачьи вожди свой рассказ.

«Понятно», — задумчиво ответил я.

«Ну, зато теперь гора с плеч», — весело подытожил Рыжик.

«Это почему?» — поинтересовался я.

«Ты же теперь тут. Придумаешь что-нибудь», — сказал рыжий кандидат в начальники и решительно уложил голову на мои колени.

На лесной поляне, прямо на траве, сидел слегка обалдевший джисталкер и машинально чесал за ушком огромного рыжего кота, который доверчиво уложил покрытую шрамами голову человеку на колени. Кот блаженно жмурился, ни о чем конкретном не думая, и в его груди начало зарождаться басовитое довольное урчание. Джисталкер запустил руку в меховую шею рыжего неженки, и в его голове вертелась странная мыслишка. Мысль эта была не совсем о коте, скорее думка касалась самого джисталкера и, в общем и целом, всей жизни как таковой. Если отсечь все лишнее, то эту мысль можно сформулировать примерно в таком виде:

«Интересно, почему на мне всегда либо кто-то ездит, либо что-то возят. Может быть, на самом деле я — конь?»

Работа 3. Технико-подготовительная

Чем больше техники — тем больше работы…

(горькая правда о замене коня трактором)

В принципе — в нашей жизни нет ничего сложного. Даже, казалось бы, сложнейшие научные разработки оказываются достаточно просто понимаемыми, если вдумчиво подходить к изучению предмета и иметь приличную теоретическую базу. А уж если начинают говорить об искусстве, или же, к примеру, о той же литературе — и неожиданно возникает явление, которое вроде как понимается только «избранными», в моей голове тут же начинает зарождаться убеждение, что происходит примитивное надувательство, имеющее одну цель — мой карман. Нет, я, конечно, не отрицаю некоторой «избранности», только склонен это явление назвать по-другому — общее информационное поле. Вот почему многие считают, что если сложно понять разговор эстетствующей братии — то те явно ведут «высокоинтеллектуальные беседы», а с другой стороны — если непонятен тем же ребятам сленг «псов городских окраин», занимающихся делом под сочным названием «гоп-стоп», — то они «быдлят и по фене ботают»? Я ни в коем разе не против «эстетов» и не за «гопников» — я ратую за справедливость!

Кстати, вернемся опять же к карману, имея ввиду банковский счет либо наличность в кошельке. И «эстеты», и «гопники» стремятся к нему самым простым способом — показывая свое над вами превосходство. И если в первом случае вы платите добровольно (поддавшись моде или пиар-компании), стремясь приобщиться к «высокому», то во втором эпизоде платеж происходит под принуждением, к примеру, физической расправы (хотя и там бывает такое, что платят просто от стремления «приобщиться», что тоже достигается так называемыми «непонятками»). Ну, так вот — я не вижу принципиальной разницы в насилии над личностью, осуществляемом инфор-ударами по головному мозгу или физ-ударами по болевым точкам на теле.

Вовсе не о том хотел сказать, но увело что-то в сторону мою мысль (мозговая деятельность — штука достаточно непредсказуемая). Повторюсь — в жизни нет ничего очень уж

сложного, если думать в нужном направлении и иметь четкую задачу. А для того, чтобы большая задача была правильно поставлена — ее надо грамотно разбить на части.

Вернемся к нашим… котам. Разобьем задачу на подзадачи. Чтобы достичь нужного результата — надо оказать некоторое воздействие на окружающую действительность. Какой нам нужен результат? Правильно — Рыжик должен стать Вожаком. Что для этого необходимо? Выдвижение-выкрикивание. Как достигнуть выдвижения? Кошачью общественность надо удивить.

Часть вторая. Чем можно удивить кошачью общественность? Необычной охотой, что понятно, — обычной удивить невозможно. Необычное — это либо героическое что-то, либо экстремальное — а чаще и то и то совместно. Первая мысль, которая приходит мне в голову при выборе дичи — динозавр. Оставим как рабочую версию.

Далее — если я напрямую помогу Рыжику убить динозавра — это котов ничуть не удивит (как не удивило то, что я расстрелял раптора сидя на ветвях дуба). Следовательно — Рыжик должен завалить гигантского зверя самостоятельно.

В честной драке Рыжик раптора не одолеет — это факт. Значит надо придумать что-то не совсем честное (по отношению к дичи). Каким образом лесной кот может получить преимущество над огромным ящером? Если организовать место и время схватки. Далее — если все правильно организовать — особого значения размер дичи не имеет, а значит, можно поохотиться не на большого велоси-раптора, а, к примеру, на огромного тираннозавра. Ибо если предстоит честный бой, то не имеет значение — кто по ту сторону баррикад, раптор или пострашнее зверек, а если нечестный — то фактически точно такая же картина со знаком минус. А чем крупнее побежденный зверь — тем значительнее удивление кошачьей общественности, что в результате увеличивает вероятность достижения нужного конечного результата (огромного количества выкриков: «Вожак!»).

Значит, решено — охотиться будем на тираннозавра, и Рыжик его должен убить самостоятельно или хотя бы нанести добивающий удар.

Примерно в таком направлении я думал, сидя на полянке и гладя довольно урчащего рыжего бездельника. План окончательно дозрел в голове минут через десять, и я изложил его Рыжику. После этого мы еще минут двадцать обсуждали всякие тонкости, а потом встали, распрощались и отправились каждый по своим делам.

Ситуация с Большой Охотой тоже оказалась сложной лишь на

первый взгляд. На самом деле все можно было организовать достаточно просто. Но понятие «просто» — вовсе не подразумевает отсутствие трудоемкости. И поэтому следующую неделю я пахал как конь, готовя предстоящее шоу, под названием «Большая Охота», где в роли звезды предстояло блеснуть моему другу Рыжику, а в качестве аплодисментов были запланированы восторженные выкрики кошачьей общественности, заключающиеся в одном слове: «Вожак!»

Отойдя на приличное расстояние от Рыжика, я дождался первого сигнала о разрядке, которое подал датчик состояния теплоэлектрической оболочки, и вколол себе компенсирующую инъекцию. Через минуту вывалился из Гашек-камеры зала старта родной фирмы и затряс головой, приходя в себя. Когда зрение вернулось — я увидел презабавную картину.

Рудольф Иванович мерил Леночкой джикамеру. Как иначе назвать то, что он вытворял с несчастной секретаршей боевого тринадцатого отдела, я не знаю. Вокруг стояло около двадцати сотрудников и все вразнобой давали шефу полезные советы. Происходящее меня заворожило, и я некоторое время, не вмешиваясь в процесс измерения, наблюдал за всем этим безобразием.

Руди творил. Он заставлял Леночку залезать вовнутрь перекореженных моими усилиями обводов джикамеры (той самой, которую я ломом отрихтовал), принимать там красивый позы (надо сказать, в окружении исковерканного железа все позы девушки выглядели довольно нелепо) и чуть касался стрикета у себя в ухе, явно делая какие-то снимки. Я тоже настроил свой стрикет и вошел в виртуал — с целью поинтересоваться, чем это они там занимаются.

В виртуале наша боевая секретарша оказалась мало того, что полуголой — вместо остатков одежды на ее довольно-таки неплохой фигурке красовались пальмовые листочки. На всем теле была нанесена то ли дичайшая татуировка, то ли боевая раскраска. Словом — создавалось полное впечатление, что эта симпатичная дурочка только что вылезла из джикамеры и тут же начала ее ломать, рыча аки зверь лесной.

— А что это вы тут делаете? — не выдержал я, наконец, всеобщего игнорирования.

— Тим, еще парочка снимков, подожди пожалуйста, — как ни в чем небывало сказал Рудольф Иванович, давно заметивший меня в своем виртуале но ничем это не проявивший, и продолжил

снимать Леночку.

— Руди, дел полно! — возмутился я. — Я, по-твоему, в мир Ворк прохлаждаться прыгал?

— Ну ладно, ладно, уймись, — тяжко вздохнул шеф, отрываясь от своих арт-снимков. — Пойдем в реал, а то ты у нас увечненький — тебе персональное общение требуется.

Сотрудники фирмы «Гном-инст», с интересом наблюдавшие за экзекуцией над Леночкой, после слов Руди начали покидать этот виртуал, и что характерно — над дружеской подначкой главы никто хихикать не стал (боятся — значит уважают!).

В реале Леночка, тяжело дыша, выбралась из перекореженных прутьев и тут же куда-то убежала, полыхая покрасневшим личиком. Я удивленно проводил ее взглядом, а потом повернулся к Рудольфу Ивановичу и спросил:

— Так что вы там сейчас делали-то?

— Мы же с тобой решили ее как-то наказать. Вот я и наказывал.

— Развернутый ответ, — не удержался я от ехидного замечания. — Информативный и легко понимаемый.

— Ты тут прекрати субординацию портить, непосредственному начальству споря поперек! — витиевато исковеркал шеф великий и могучий язык, но, видя мое нетерпеливое любопытство, сжалился и сказал: — Да ничего особенного. Буклет фирмы надо делать, вот я и решил для красоты твое творение туда впихнуть. Ну а Леночка, за все свои прегрешения, поработала арт-моделью немного. Вроде как реклама дорогих аэро с красивыми девчонками на дюзах.

— Вот у тебя фантазия, — удивился я. — Я там дело вперед толкаю в поте лица, а ты тут в папарацци переквалифицировался, значит…

— Я в твои дела не лезу — и ты в мои не суйся, — резонно возразил Руди, и перешел к делу: — Что-то потребовалось из материально-технической базы?

— Ты прям провидец, — усмехнулся я, и начал ставить шефа в курс кошачьего дела.

Через десять минут работа уже вовсю кипела. Саня носился по всему «Гном-инсту», выпучив глаза, и периодически подбегал к стационарному телепорту, ведущему на огромный склад фирмы, чтобы через пару минут появиться снова в коридорах уже груженным под завязку оборудованием, при этом подгоняя начальственными пинками небольшой караван офисных работников, нагруженных не меньше. Дима, не отходя от камеры старта, оформлял, выписывал и строил отчетность прямо за

компом, управляющим заодно и джи-камерой. У каждого из ребят образовалось откуда-то с десяток подчиненных, так что приятели-предприниматели вели в бой уже целые отряды бойцов офисного фронта.

Не прошло и полугода, как все было готово (шутка — меньше чем за час управились). Дав тех-задание Сане (на этот раз найти определенного рода химию) я залез в скафандр высшей защиты, снабженный кое-какими усовершенствованиями (именно этими улучшениями и занимался Саня — причем то, что он уложился в час, я считаю маленьким делопроизводственным подвигом), и уже готовый ко всему приготовился к джипрыжку. Бронескафандр на прорезиненном поддоне со мной внутри медленно заехал в Гашек-камеру, тяжелая герметичная дверь джикамеры закрылась, и потянулись минуты ожидания.

Скафандр высшей защиты — без сомнения очень полезное оборудование, но все джисталкеры не очень его уважают. Оно и понятно — находясь в бронекостюме размером с древнеегипетский саркофаг, много не наработаешь. Осмелюсь напомнить, что золотой гробик, в котором покоился несовершеннолетний Тутанхамон, был самым маленьким саркофагом. Он был заключен во второй, а тот в свою очередь в третий гроб. СВЗ (скафандр высшей защиты) имеет размер именно третьего древнеегипетского саркофага, причем рассчитанного явно не на юного Тутанхамона. Сходство с саркофагом подчеркивается еще и тройным уровнем устройства защиты СВЗ. Внутренний скафандр напоминает облегающую тело кольчугу, в отличие от обычной железной кожи очень высокотехнологичную и при случае дающую возможность достаточно долго продержаться даже в открытом космосе. Вторая часть СВЗ, надеваемая поверх «кольчуги», имеет отдаленное сходство с латами средневековых рыцарей, но в отличие от древних железных костюмчиков может полностью защитить, к примеру, от раскаленной лавы. В третьем слое СВЗ заключено все вооружение, экзоскелет, полетные дюзы и масса другого полезного оборудования. При нужде вся эта конструкция, похожая на двигатель внутреннего сгорания моего болида вывернутого наизнанку каким-нибудь сумасшедшим ученым, окутывается силовыми полями и становится практически непробиваемой снаружи (разве что против тяжелого бластера не устоит). Третий слой этой электронно-механической матрешки мне и сравнить с чем-либо сложно — разве что с какими-нибудь детскими игрушечными трансформерами.

Сами посудите — как можно работать, если ты выглядишь

как какой-нибудь Мегатрон? Вот вы, к примеру, продавец в кожгалантерее. Как вы отреагируете, если к прилавку подойдет Мегатрон и вежливо попросит продать вон тот прелестный кожаный кошелек? Вот то-то и оно. Возможна любая реакция, кроме той, которая описывается выражением «не привлекать лишнего внимания» и является главным условием высокопрофессиональной работы джисталкера.

Такой размер СВЗ (с древнеегипетский саркофаг) обуславливается еще и тем, что это как раз примерный размер теплоэнергетической оболочки человека (ее часто называют аурой, но повторюсь — это вовсе не аура). А перенос из мира в мир предметов возможен только в том случае, если они попадают в объем этой оболочки. Так что у СВЗ есть еще один огромный, с точки зрения джисталкера, недостаток — в нем много не унесешь из мира джипрыжка. Да еще и пользоваться надо уметь бронескафандром при переносе — это не в легкой одежде почти в любой позе делать прыжок, даже с учетом добычи (со временем начинаешь принимать нужные позиции практически инстинктивно, учитывая размеры добытых сокровищ, как хороший водитель чувствует габариты авто вокруг себя и умудряется втискивать машину на парковочное место с сантиметровым зазором). Надо выпрямиться, сложить руки в специальные пазы на боках, втянуть псевдо-шею, убрать дюзы, сложить прыжковые колени — словом, произвести массу технических операций. Иначе вместо дорогого бронекостюма можно получить обломки металла, которые в тесной джикамере в момент обратного переноса постараются нанести тебе массу травм, зачастую несовместимых с жизненным процессом. Кстати, именно поэтому джисталкерская лицензия на пользование СВЗ выдается в последнюю очередь, когда достигается высший двенадцатый разряд (который у меня естественно был уже около пары лет).

Джикамера имеет размер с СВЗ в сложенном виде исключительно из-за того же всесильного бога по имени «Рандом», то есть бога случайностей. Как происходит джипрыжок, я точно сказать не могу (опять повторюсь — я не химик-ядерщик), но в момент «приземления» ты имеешь некоторую скорость. При движении туда скорость невелика, и варьируется от прыжка с невысокой ступеньки до прыжка с поезда на скорости около пятидесяти километров в час (нетренированному человеку можно расшибиться, но все джисталкеры — парни тертые). Обратный перенос значительно более жесткий (из-за того вроде бы, что тот мир тебя «выбрасывает») и частенько пребольно бьешься об

обитые мягкой резиной внутренние борта джикамеры даже с учетом того, что зазор между твоей теплоэнергетической оболочкой и краем Гашек-поля составляет всего пару сантиметров. Если Гашек-поле, из которого осуществляется джипрыжок, достаточно большого размера то существует вероятность того, что вернувшегося джисталкера придется отскребать от стенок. В бронескафандре у джисталкера при возвращении в большую Гашек-камеру шанс выжить значительно увеличивается, но зато существенно снижается вероятность того, что уцелеет сама джикамера и, в случае ее поломки, окружающая обстановка.

Так что размер и стартовой Гашек-камеры, и джисталкерского СВЗ в сложенном виде обуславливается теплоэнергетической оболочкой человека и имеет примерно одинаковый размер. При этом имеется немалое количество миров, в котором СВЗ далеко не идеальная защита, вовсе не гарантирующая возвращения. Но, как говорится — у каждой профессии свои трудности и джисталкерство не является исключением.

Вернувшись в мир Ворк, я привел бронескафандр в рабочее положение, взлетел над деревьями, включил радар и полетел зигзагами над лесом котов, разыскивая Рыжика. Имея чуткие приборы, которые подсоединились к моему стрикету и, скачав оттуда данные Рыжика, начали поиск, я совершил достаточно редкий в нашей совместной практике поступок — засек кота раньше, чем он меня. Рыжику я дал задание перед тем, как возвращаться на Землю за СВЗ, — найти место будущей схватки, которые удовлетворяли заданным условиям. Кот справился со своей задачей.

На самой границе леса котов, неподалеку от холма одной бабушки, которая заведует местными летучими скакунами-драконами, имелась похожая каменистая скала, на которой никто не жил. Так же, как и под горкой бабы Тори (так зовут эту вредную старушку), под этой возвышенностью находилась пещера. У подножия каменистого холма в данный момент сидел одинокий Рыжик (как и договаривались, ибо все предстояло делать втайне от кошачьей общественности) и ждал меня.

Повисев в воздухе неподалеку от кота (спрятавшись с другой стороны холма), я сполна насладился недоуменным удивлением, когда вошел с рыжим телепатом в мыслеконтакт и при этом он не мог определить, где конкретно я нахожусь.

«Какой ты смешной в этой железной рубашке», — первым делом сказал кот, когда обнаружил меня, и передал мне образ зеленого котенка в гигантском ошейнике, который был раза в два

больше самого котенка.

«Эта одежда нам очень поможет», — улыбнулся я в ответ, и взялся за работу.

По нашему плану под горой предстояло выкопать тоннель, причем такой, в какой без особого труда сможет залезть огромный тираннозавр, при этом тоннель очень надежный — он ни в коем разе не должен обвалиться от тяжелых шагов десятитонной махины. Местные тирексы в полтора раза больше их вымерших земных аналогов, при этом они далеко не самые страшные твари в лесах мира Ворк, заполненных порой просто ужасающими магическими монстрами (в основном плодами древних магических экспериментов). Тоннель предстояло выкопать еще и особой формы — и естественно, все это я взялся делать соло, дабы не расстраивать Рыжика посвящением в нашу тайну еще некоторого количества людей. То, что на далекой Земле будут знать о применении хитрости во время Большой Охоты — Рыжика абсолютно не волновало, а вот если кто-то кроме меня будет находиться в курсе предстоящих событий и вертеться неподалеку — такая ситуация кота совершенно не устраивала. Оно и понятно — я имел некоторый опыт сокрытия мыслей от этих пушистых телепатов. В основном же люди для котов являются открытой книгой, поэтому обычного помощника любой пробежавший случайно мимо кот раскусит с полу-мысли, а другого, такого как я, в фирме «Гном-инст» не нашлось.

Предстояло значительно расширить и укрепить ход в пещеру, да еще и пробить к ней второй тоннель. В общей сложности мне в одиночку предстояло выкопать тоннель, высотой в шесть (пригнется тираннозавр, чай не граф) и длинной около ста пятидесяти метров. Сама пещера была достаточно большой, для того чтобы в нее сваливать лишнюю породу, так что экологию вокруг скалы я отходами производства не испорчу. Задача немного облегчалась тем, что в основном (метров сто двадцать) надо было расширить и укрепить уже существующий проход — но тридцать метров простояло пройти в камне. От грандиозности предстоящей задачи захватывало дух, но деваться особо было некуда — и я начал работать.

Под горой на протяжении нескольких дней слышался грохот. Создавалось впечатление, как будто в пещере под каменистым холмом поселился беспокойный гранитный великан, страдающий бессонницей и постоянно ворочающийся в своей каменной кровати. Впрочем, такое соседство совершенно не беспокоило рыжего кота, который все это время далеко от холма не отходил. Изредка из пещеры на свет вылетало автоматизированное

чудовище, покрытое каменной пылью. Механический человек трехметрового роста длинной рукой оканчивающейся вращающимся ножом срубал большое дерево, как самурай катаной срезает молодой бамбук, и утаскивал его в недра холма. Впрочем, три раза в день железный великан вылетал из пещеры и нырял в речку, текущую в десяти метрах от холма. Полностью очищенный от пыли железный тоннелепроходец останавливался недалеко от кота, и из него на свет вылезал ошалевший джисталкер. Кот дожидался выключения двигателей СВЗ, после чего притаскивал человеку большой кусок сырого мяса, который тут же запекался в полыхающих жаром ладонях механического чудовища. После того, как мясо совместно уничтожалось человеком и зверем, наступало время недолгого отдыха. Затем джисталкер опять залезал в бронескафандр, кот отбегал в сторонку, СВЗ оживал и железный человек взлетал над землей, после чего снова нырял в недра пещеры.

Работа 4. Охотничья

Ей неохота — мне тоже не очень-то и охота. Какая уж тут охота…

(причина развода с женой одного знакомого егеря)

Все хорошее рано или поздно кончается. Закончилась и моя тоннелепроходная эпопея. Когда я вылетел на поверхность в последний раз, после того как прогнал в виртуальной копии тоннеля макетик десятиметрового тирекса и гигантский динозавр идеально прошел трассу (пока в теории), — я не поверил своему счастью. Хотя надо признать — тяжелый физический труд затягивает. Первые пару дней под вечер я мечтал о том, чтобы умереть и мне пришлось даже отсылать Рыжика, по причине невозможности возвращения на Землю рядом с постоянно подзаряжающим меня котом. Дома я принимал курс восстановления в медицинском регенерационном кресле и отсыпался в мягкой постели. На третий день усталость под вечер уже не так навалилась и я, решив не травить лишний раз организм компенсирующей инъекцией, остался ночевать в мире Ворк и провел ночь у костра с теплым котом в обнимку. Всю последующую тоннелепрокладную неделю я спал уже практически на рабочем месте, и на Землю вернулся всего лишь раз, за кое-какими шахтерскими инструментами-насадками для СВЗ, взамен вышедших из строя.

Привычно нырнув напоследок в реку и включив вибрационную очистку бронескафандра, я через минуту уже находился на берегу неподалеку от Рыжика и выбирался из механического агрегата, который сверкал на солнце блестящим металлом своих вывернутых внутренностей. Впрочем, кот отнесся достаточно спокойно к досрочной сдаче объекта строительства и не стал поздравлять меня с завершением грандиозной стройки века.

«Пойдем, пробежимся по тоннелю», — предложил я коту.

«А там ничего не обвалится?» — опасливо поинтересовался рыжий трусишка.

«Не переживай. С соблюдением последних технологий горной прокладки построено. Такие тоннели у нас по пятьдесят лет без капремонта стоят», — успокоил я кота.

«Пойдем», — ответил мне Рыжик, который ничего не понимал в технологии строительства, зато прекрасно уловил мою уверенность в надежности своей постройки.

Внутри тоннель меня поразил, хоть и был проложен практически собственноручно (тот узкий проход в пещеру можно не считать). Все-таки виртуальный вид из СВЗ сильно отличается от обычного просмотра, корректируемого лишь стрикетными всплывающими напоминаниями в уголке левого глаза. Для полноты картины не хватало только яркой тоннельной иллюминации, которую заменяла всего одна лампа, светящаяся на ошейнике Рыжика. Потолок в шести метрах над головой напоминал небо, а пятиметровое расстояние между стенами давало ощущение простора. Впрочем, я тут же вспомнил, как тесно было в виртуальном тоннеле копии тираннозавра, и ощущение огромности постройки меня моментально покинуло. Зала пещеры как такового практически не осталось (много лишней породы оказалось), зато теперь при взгляде со стороны, куда планировалось заманить динозавра, в конце тоннеля был виден свет выхода, что должно было, по моему мнению, облегчить заманивание зверька в ловушку.

Выйдя из тоннеля, мы уселись на травке у входа, рядом с поникшим бронескафандром, и я начал инструктировать Рыжика по поводу предстоящего мероприятия.

«…примерно через три-четыре часа ждите гостя», — закончил я инструктаж.

«Первый кот встречного эскорта через два твоих часа будет на условленном месте», — доложил мой рыжий начштаба.

«Если не успею или сразу подходящего тираннозавра не найду — возможно, придется несколько часов подождать», — предупредил я напоследок.

«Котам не привыкать сидеть в засаде!» — бодренько выдал Рыжик, передал мне мыслеобраз могучего рыжего бойца, подкарауливающего в засаде маленького вкусненького динозаврика, и вскочил на лапы готовый ко всему.

«Давай, действуй», — улыбнувшись, отдал я полководческий приказ, мой рыжий боевой командир хитро на меня взглянул и убежал организовывать кошачьи отряды на Большую Охоту.

Если я сам заманю тирекса в тоннель, то заслугу в удачной охоте могут не приписать Рыжику, поэтому я должен буду подвести гигантского ящера к лесу котов и незаметно пропасть из вида — дальнейшую эстафету перехватят уже сами коты. Надо сказать, что огромный тираннозавр, несмотря на кажущуюся неповоротливость, рано или поздно поймает одинокого кота как

кошка мышку, если тот не спрячется — поэтому залогом успеха являются слаженные действия кошачьей команды. А вот тут уже вступают в действие организационные умения Рыжика, который должен будет продемонстрировать во всей красе свой яркий талант по управлению отрядами боевых котов.

Когда кот ушел я снова залез в СВЗ и перевел скафандр в положение «домой». Дождавшись момента, когда полоса на счетчике, указывающем на мою зарядку, ушла на одно деление, и он противно пикнул, я отдал голосовую команду, инжектор внутри бронекостюма вкатил мне компенсирующую инъекцию — и ровно через тридцать секунд я уже находился дома.

Когда СВЗ выкатился на специальном поддоне из Гашек-камеры, а потом и я вылез из него наружу, вокруг нас уже вертелась лихорадочная рабочая карусель. С бронескафандра снимали копательные насадки и оборудовали технику для выполнения следующего по плану задания. В этот раз в принципе ничего особенного на стандартный блок СВЗ не нацепили — голопроектор да сложную камеру синтеза запахов, вот и все дополнительное оборудование.

Скопления начальства в зале старта не наблюдалось — за управляющим компьютером сидел одинокий заспанный Саня и зевал. Я подгадал с возвращением примерно в пять утра по московскому времени.

— В этот раз ты как блоха — постоянно туда-сюда прыгаешь, — сладко позевывая, сказал мне этот негодяй вместо приветствия.

— А тебе лишний раз поработать лень, да? — бодренько поинтересовался я.

— С тобой постоянно сверх всяческих нормативов пахать приходится, — крикнул Саня, хитро сморщив физиономию. — Ладно, хоть теперь нам сверхурочные за это положены, причем с двадцати процентной надбавкой за спортивные достижения!

— Ты алчный самовлюбленный негодяй, — улыбнувшись, поставил я диагноз своему школьному другу, впрочем — я это проделал далеко не в первый и думаю не в последний раз. — Не забыл новую точку переноса?

— Обижаешь, начальник, — хитро протянул бывший начальничек частной конторки, а теперь доблестный подчиненный моего боевого отдела. — Да тут Димочкой вся информация вбита — мне только кнопку надо нажать.

— Ну, раз Димой — тогда ладно, — согласился я. — Кстати — я еще разок вернусь СВЗ сдать — а потом надолго прыгну. Возможно на три-четыре месяца.

— Уху, в курсе.

— Я к чему это. Ты там к дочери забегай иногда, не теряй из вида, — просил я Саню.

— Обижаешь! — всерьез возмутился мой друг. — Мы тут с Димой график посещений на все время твоего отсутствия организовали! Не пропадет твой ребеночек ненаглядный…

— Ну, вот и ладненько, — улыбнулся я, ощущая в душе тепло благодарности. — Да, я там буду в очень сложной ситуации. Если случится дисконнект — никакой работы больше не будет, да и фирмы «Гном-инст» тоже, скорее всего, больше не будет.

— Да не пережувай, Козлодоеу, — успокоил меня Саня цитатой из любимого древнего кинофильма. — Тут порядок круглосуточного дежурства у этой Гашек-камеры на два года вперед установлен. Даже шеф туда вписан.

— Заболтался я что-то тут с тобой. Пора мне, — улыбнулся я другу.

— Давай, аккуратнее там, — дал напоследок напутствие мой школьный приятель, я махнул в ответ рукой и привычно залез в снаряженный новыми примочками СВЗ.

Поддон, мягко жужжа, завез сложенный СВЗ со мной в качестве начинки в джикамеру, и я привычно окунулся в ожидание.

На этот раз перенос должен был осуществиться не на обычную для меня поляну в лесу котов. Теперь я планировал оказаться в двухстах километрах западнее, примерно на полпути между местом жительства Рыжика и дирижабельным островом Той Стороны. Там, по данным все того же высокоумного ИскИна, находится самое большое в мире Ворк скопление вымирающих динозавров. Во многих местах магические монстры постепенно вытесняли тираннозавров из ареалов их обитания, так что работу гигантского метеорита, избавившего в свое время землян от столь неприятных соседей, в мире Ворк взяла на себя вышедшая из-под контроля магическая наука.

«Как хорошо, что электроника значительно быстрее любой мышечной реакции, якорный батор…», — только эта мысль крутилась в моей голове первые минуты две после переноса.

Потому что я тоже крутился заключенный в бронескафанд, электроника которого моментально окутала нас силовыми полями. Четыре огромных тираннозавра, вовсе не смущаясь тем, что не могут раскусить крепкий бронированный орешек, продолжали увлекательное занятие — футбол с использованием вместо мячика СВЗ со мной внутри. Больше всего картина

напоминала деревенский двор во время кормления кур — четыре огромные закованные в броню своей кожи ящерицы бегали за бронескафандром, скользящем в пыли, толкаясь как курицы-несушки возле корыта с кормом.

Вдруг зверюги оглушительно закудахтали и разошлись в разные стороны. Я не стал интересоваться причиной этого, быстро активировал СВЗ и тут же взлетел, сопровождаемый разочарованным клекотом ящеров. Поднявшись метров на тридцать, я включил режим «хамелеон» (полностью слившись с небом во всех видимых и невидимых спектрах излучений, известных современной науке) и начал наблюдать за событиями, происходящими внизу.

Надо признаться в том, что ящерами я тираннозавров называю исключительно в силу инерционности мышления. Сходства с обычными ящерицами почти не наблюдалось. Если огрбуржские упряжные рапторы и тот зверь, которого я застрелил сидя на ветвях дуба, еще чем-то напоминали гладкокожих и чешуйчатых рептилий Земли, то тираннозавры были больше похожи на огромных кур и петухов. У них даже перья имелись (если можно назвать эти облезлые палки перьями, каждое из которых превосходило размером взрослого мужчину). Издали они производили впечатление не до конца ощипанных кур, которые в результате какой-то радиоактивной мутации отрастили огромные когти на почти атрофировавшихся крыльях и приобрели странные головы с обвисшими гребешками, вместо клювов оснащенные жуткой пастью с огромными клыками. Впрочем, всяким жучкам и червячкам, большое количество которых каждый цыпленок в деревне склевывает в неимоверных количествах, обычные курицы наверняка кажутся не менее ужасными монстрами.

События, происходившие под зависшим в воздухе и невидимом снизу СВЗ, больше всего тоже напоминали происшествия на деревенском дворике. Тираннозавры, гонявшие мой бронескафандр по равнине, оказались самками, состоящими в гареме огромного и гордого петуха-тираннозара. Подойдя к месту свары и не обнаружив ничего для себя интересного, самец злобно заклекотал и тут же направился к стоящим в отдалении огромным самкам, с явным намерением, как говорят бесхитростные деревенские ребята, начать «топтать» одну из курочек-тираннозавриц. Служительницы гарема прыснули в разные стороны, и исполинский петух погнался за одной из них. Я висел над местом проявления поистине мезозойской страсти, приборы моего скафандра тщательно фиксировали происходящие внизу события, а я с искренним интересом наблюдал за

гигантским петушком, которого вскоре планировал пустить на супчик для кошек.

Два события случились одновременно:

Во-первых, тираннозавру надоело гоняться за шустрой самкой (хотя, скорее всего, в связи с дальнейшими событиями, я предполагаю, что именно эта самка грозному доисторическому производителю примитивно надоела), он остановился и обиженно заорал, да так громко, что у меня заложило уши (как будто обычный петух прокукарекал в микрофон рок-певца на стадионном концерте).

Во-вторых, приборы закончили собирать необходимые данные и выдали о полной готовности к предстоящим маневрам.

— Ну что, птичка — пора в котелок? — ехидно сказал я, глядя с высоты тридцати метров на гору хищного мяса, стоящего на холмистой равнине, и начал действовать.

Опустившись на равнину с наветренной от зверя стороны, я включил голопроектор и камеру синтеза запахов. Через секунду надо мной возникла неотразимая (естественно — только для представителя своего вида) тираннозаврица, которую даже при взгляде в упор нельзя было отличить от настоящей, издала призывный крик и испустила волну запахов, способных свести с ума всех гигантских петухов в округе. Результат не заставил себя ждать — моя дичь встрепенулась, оглушительно заклекотала, взмахнула в воздухе передними лапами с ужасающими кинжалами когтей и рванулась к предмету своей мезозойской страсти. Надо сказать — быстрота движения этой горы мяса поражала воображение — никак не меньше ста километров в час стартовой скорости показал сей гигантский доисторический болид.

Позволить этому здоровенному петуху из юрского периода «топтать» мой СВЗ я не мог, поэтому развернулся и гигантскими тридцатиметровыми прыжками (чтобы создавать иллюзию топота) рванул от разгоряченного самца в сторону леса котов. За мной точно такими же тридцатиметровыми прыжками скакал главный (после Рыжика) участник предстоящего шоу, под названием «Большая Охота».

Надо признать — дичь, преследующая меня, была на высоте. Стартовая скорость стайера оказалась ненамного больше крейсерской, и уже через десять минут мы вошли в ритм марафонской гонки преследования. Несколько раз за три часа забега тираннозавр останавливался и начинал обиженно орать.

Приходилось тоже тормозить (я к тому времени уже не прыгал, а летел низко над землей — от постоянной болтанки укачивало), и включать манок. Мой СВЗ разражался жутким шипением, периодически прерываемом оглушительным кудахтаньем. По-видимому, эта пламенная речь убеждала гигантского петуха в моих честнейших намерениях, хотя я думаю, что главную роль в процессе уговоров играла химия, тонкой струей запускаемая в его сторону синтезатором запахов, от которой доисторический производитель терял и так не очень большой ум. Тираннозавр делал несколько нерешительных шагов в нужном направлении, а я так же неспешно передвигал вместе со скафандром голообраз тираннозаврицы в правильную сторону. Тирекс яростно кукарекал, и гонка преследования возобновлялась.

Примерно через три часа я приблизился к месту, где предстоящая эстафета должна была подхватиться слаженной кошачьей командой (тираннозавр в этой ситуации выступал в качестве эстафетной палочки). Огромного петуха ждало жуткое разочарование — прекрасная динозавра, которую он преследовал чуть больше трех часов, предлагая себя в качестве неотразимого Дона Жуана, вдруг совершила невообразимый (с точки зрения тираннозавра) поступок. Соблазнительница неожиданно взлетела как птичка и растаяла в воздухе (я поднял СВЗ на тридцать метров над поверхностью и включил маскировочный режим).

Сказать, что петушок рассердился — это ничего не сказать. Тирекс заорал так, что у всех деревьев в округе задрожала листва. В течение пяти минут в воздух взлетали могучие деревья, огромные камни и целые самосвалы земли от яростных ударов огромных ног — зверек бесился от расстройства. Поэтому якобы невзначай появившийся лесной кот оказался очень кстати.

Не знаю, чего уж там обидного сказал обманутому любовнику ехидный серый котяра, но тирекс перестал нарушать экологию окрестных лесов и рванулся к обидчику. Кот развернулся и бросился наутек. Я незаметно летел над ними для контроля ситуации.

Огромный ящер начал настигать кота, но тот вдруг неожиданно пропал из вида, а впереди (на дистанции около ста метров) появился новый кот, перехвативший эстафетного динозавра. По-моему огромный петух так и не понял, что преследует уже другого кота — настолько филигранно пушистые охотники произвели подмену. Так тирекса передали с лап на лапы еще раз шесть, и последним принял эстафету великолепный рыжий кот — руководитель Большой Охоты.

Без лишних мяуканий Рыжик нырнул в тоннель, плод моего

недельного рабского труда. Тираннозавр послушно проследовал за ним. Третьим в тоннель влетел замаскированный скафандр высшей защиты, со мной в качестве начинки (все для того же контроля ситуации). Далее все произошло по заранее приготовленному сценарию:

Сначала проход позволил динозавру сделать пару огромных шагов в полный рост, затем зверю пришлось пригнуться. Потом тирекс продолжил преследование в полу-приседе, а под самый конец проталкивал себя вперед уже лежа. Видя, что все идет, как и было задумано, я развернулся, быстро облетел холм и начал ждать окончания шоу, незаметный для огромной компании котов, которые собрались сюда со всего леса. Когда Рыжик выскочил из тоннеля с другой стороны горки — за ним сразу же высунулась сначала огромная голова с поникшим гребешком, вооруженная ужасающими челюстями. Следом за головой последовала длинная шея, а вот плечи уже не прошли. Тирекс, гроза всего немагического зверья мира Ворк, застрял в узком тоннеле. Динозавр попытался выбраться обратно — но не тут то было! Острые камни (вмонтированные в стены под определенным углом), совершенно не мешали огромной туше продвигаться вперед — а вот при попытках двинуться назад впились в толстую шкуру и остановили движение. Обреченный хищный петух обиженно заорал, чуя близость своего последнего супа.

Рыжик в это время на огромной скорости понесся вверх почти по отвесной стене. На самой вершине в нужном месте мною был заботливо установлен специально обработанный плоский камень, весом в пару тонн и имеющий острый край (с пятой попытки удалось вырезать скалу нужной формы — на ней как раз и сломал насадку, за которой пришлось возвращаться на Землю). Рыжий акробат запрыгнул на камень в расчетном месте, и он чуть качнулся. Затем плоская двухтонная скала пришла в движение, и как на полозьях поехала вниз, постепенно набирая скорость. На ее вершине ехал гордый рыжий сноубордист. У самого подножья траектория движения скалы пересеклась с выходом из тоннеля, и острый край плоского камня на большой скорости ударил в шею тираннозавра. Скала отсекла голову гигантской дичи как гильотина. Лес подо мной взорвался от могучего восторженного ора сотен кошачьих глоток.

У большой скалы, неподалеку от реки, прямо на траве лежала огромная голова тираннозавра, размерами и формой напоминающая древний автомобиль формы кузова хетчбек. На ней прыгал большой рыжий кот, вопящий от восторга. Вокруг него носились сотни других котов, создавая феерическую

атмосферу бразильского карнавала. Все коты при взгляде на рыжего хозяина праздника периодически кричали: «Рыжик — Вожак!». Кот при этом довольно жмурился, купаясь в лучах заслуженной славы. Над всем этим безобразием в воздухе, на высоте около километра, висел так никем и незамеченный СВЗ с джисталкером в качестве начинки. Человек при помощи современнейших средств наблюдения с улыбкой следил за шоу, происходящем внизу. Джисталкер испытывал полное удовлетворение от хорошо выполненной работы.

Работа 5. Результативная

Нажми на кнопку — Получишь результат…

(песенная инструкция)

От рабского труда отвертеться не удалось и на этот раз. Хотя я такой вариант развития событий, в общем-то, и предполагал с самого начала. Разделать гигантского петуха с каменной шкурой котам было просто не под силу. Да и мне на этот раз не помог бы высокотехнологичный меч Бориса Кузнеца — тяжелую мясницкую работу я выполнял прямо в скафандре высшей защиты.

Коты, вдоволь нарезвившись вокруг головы тираннозавра, спокойно отошли в сторону, я спустился с небес на грешную землю и взялся за дело. Отношение ко мне у непосредственного кошачьего народа в этот момент чем-то походило на то, как домашние кошки вертятся под ногами хозяйки, готовящей на кухне обед. Вроде не и мешают — но и о себе забывать не дают. Хотя выражение «вертеться под ногами» тут больше фигуральное — ближе, чем на пятнадцать метров коты ко мне не подходили. На роль кухарки при разделке птички, размером с карьерный самосвал, идеально подошел всем нам знакомый джисталкер.

Первым делом я решил вопрос с кровью. Из тушки этой птахи постепенно натекло с полтонны красной жидкости, образовав на камнях приличную глубокую лужу, фактически небольшую ванну. Кровь я всосал в СВЗ, используя высокотехнологичный скафандр как примитивный моющий пылесос, и слетав раз пять к реке, подкрасил водичку. Ниже по течению по внезапно сменившемуся цвету потоков можно было бы предположить, что на берегу реки произошла великая битва с кучей жертв. Сделал я это вовремя, оставив на месте кровавой лужи, к которой уже начали было слетаться неприятные в соседстве насекомые, только мокрые камни. После этого залетел в пещеру с другой стороны и вскоре на полянке неподалеку от места событий развернулся кошачий пир — ножка по-прежнему для многих лакомок самая вкусная часть курочки. Я ее еще очистил от твердой шкурки, нарезал удобными для котов кусками и слегка поджарил раскаленными ладонями СВЗ. Просто высшего класса кошачий повар и официант в одном лице из меня получился (правда, чаевых никто так и не предложил).

Коты донимали меня вопросами, но опыт — великая вещь! Еще буквально года четыре назад я был для любого Старшего

Кота открытой книгой, которую он мог почитать перед сном. Постоянное общение с Рыжиком не только взрастило одного кота умным и гибким лидером (весь в меня), но и научило различным хитростям и методикам некоего джисталкера, благодаря которым мои мысли для котов стали непрозрачны. Нет, каждый их них по-прежнему отлично улавливал мое настроение, чувствовал расположение и к котам мира Ворк в общем, и к себе в частности — но вот мои мысли для пушистых телепатов стали закрыты, если я не хотел ими делиться. Так что вопрос о не совсем честной охоте даже не возник, ибо Рыжик (при всем его уме, ловкости и организаторских талантах) оставался истинным котом в прямом смысле этого слова. Перед самой охотой лишних вопросов не задавалось, в процессе ведения тираннозавра тоже, а когда новоявленный Вожак-без-прайда радостно прыгал на огромной голове хищного петуха — кот уже сам искренне верил в то, что он убил гигантскую дичь чуть ли не соло. Мою незначительную помощь можно не считать, как и не обращать внимания на работу других котов, которые просто подманили птичку под страшные когти опасного рыжего пушистика! Хотя может быть именно за эту нахальную непосредственность многие из нас и любят кошек? Впрочем, давайте оставим этот философский вопрос на потом…

Пока на полянах вокруг засадной скалы продолжалось кошачье пиршество, я успел разделать тушку гигантского петушка, сложил мясо аккуратными стопками у входа в пещеру, очищенные кости свалил в большую яму внутри тоннеля и засыпал имеющейся в избытке породой (вот радость-то будущим палеонтологам). Словом, работал не покладая манипуляторов СВЗ.

«Рыжик, что делать с головой динозавра?» — спросил я своего рыжего хозяина как покорный металлический раб.

«А можно из нее сделать постамент? На ней так удобно прыгать», — заявил непосредственный кот.

«Сделаю, господин», — откликнулся я, и передал коту мыслеобраз вытянувшегося по струнке металлического зеленого человечка (а что — не только же котам над людьми издеваться).

«Давай-давай, дурень», — сварливо отозвался Рыжик, скопировав интонации бабы Тори, так что поле юмористического боя осталось за ним.

Подлетев к огромной голове, я крепко ухватил ее манипуляторами СВЗ, взлетел и через пять секунд плюхнулся в ту же многострадальную речку. Через пару минут вынырнул уже с совершенно чистым черепом тираннозавра без нижней челюсти (химия нейтрализовалась плотью и на местную экологию уже

повлиять была не должна). С черепушкой в манипуляторах слетал на полянку в центре кошачьего леса (образ полянки передал мне рыжий штурман) и вбил этот замечательный постамент зубами в землю на месте сбора совета леса. Теперь череп тираннозавра будет долгие годы работать трибуной для выступления кошачьих вождей, и одновременно служить напоминанием о великом подвиге нового Вожака, когда-то носившего славное имя Рыжик.

«Все сделано, рыжий господин», — отрапортовал я, вернувшись к скале, у которой новоявленный Вожак-без-прайда распределял мясо, добытое им в сложной и напряженной (а главное прекрасно им же подготовленной и продуманной) Большой Охоте.

Рыжик на мое ерничанье внимания не обратил, продолжая распределять добычу. Хотя — я свою часть работы сделал, теперь предстояло поработать коту, а он как раз этим и занимался (укреплял свежеиспеченный авторитет).

«Отвлекись на секунду», — попросил я Рыжика уже серьезно.

«Да, Тим, слушаю», — тут же откликнулся мой рыжий товарищ.

«Через какое время мне появиться? Сколько тебе дней надо на утряску всех дел?» — спросил я кошачьего начальника.

Да, раньше на наши приключения мне надо было отпрашивать кота у Старших, а теперь мой рыжий компаньон сам кого захочет, того и отпустит. Налицо все признаки служебного роста.

«Послезавтра утром буду ждать у твоей любимой поляны, хорошо?» — четко и информативно ответил кот.

«Отлично. Ладно, больше не отвлекаю — улетел» — сказал я, поднимая СВЗ в воздух.

«Не скучай», — традиционно попрощался со мной Рыжик, и продолжил прерванную раздачу провизии.

Через двадцать минут я уже выкатывался из Гашек-камеры в зале старта фирмы. Когда я освободился от скафандра, то узрел уже привычное скопление сотрудников у произведения искусства, которое я сваял при помощи лома и ярости, заменившей в тот момент вдохновение.

Руди опять занимался фотографированием Леночки, но на этот раз наша офисная мартышка была разнаряжена похлеще богатой гоблинки на городском празднике (эти маленькие модницы умудряются нацепить на себя одежд и украшений вровень с собственным весом).

— И что на этот раз? — громко поинтересовался я, не залезая в виртуал где творилось это безобразие.

— На презентации фирмы были представители известного глянцевого журнала, — продолжая свое черное дело, ответил Рудольф Иванович. — Очень их мои фото заинтересовали. Вот теперь для них эксклюзивчик леплю.

— Может мне взять ломик и немного улучшить шедевр? — ненавязчиво предложил я, оглядываясь в поисках какого-нибудь тяжелого предмета.

— Понял, виноват, исправлюсь, — тотчас же признал шеф свою неправоту и вынырнул из папарацционного виртуала.

Леночка при взгляде на мою орчью рожу вздрогнула, покраснела и показала хорошее ускорение при покидании зала старта. Кстати, пришла пора рассказать, почему я все это время бегал с зеленой кожей и в коллоидной маске. Если кто думает, что в этом есть глубинный смысл — заранее скажу, что он ошибается. Во всем виноваты пресловутые стереотипы сознания. Судите сами:

Спланировано путешествие было пошагово. Как я уже раньше говорил, география мира Ворк не отличается большим числом огромных участков тверди. Единственный гигантский континент размером примерно как две Евразии, имеет название Суша и простирается ото льдов на юге до северных холодных морей. Здешняя Антарктида соединена реликтовыми ледниками (переходящими в вечную мерзлоту) с материковой частью, и в понимании местных ребят, о науке геологии имеющих смутное представление, является продолжением континента. Центральную часть материка занимает Эта Сторона, а с восточной и западной части Суши испокон веков живут представители Той Стороны. На другой стороне планеты, по размерам схожей с Землей, раскинулся Архипелаг, состоящий из полутысячи островов.

Архипелаг как раз является нашей целью и у представителей Той Стороны, среди которых я получил уже некоторую известность в качестве знатного орка тейпа Грым по имени Тим, есть огромное преимущество для его достижения. Теплые порты южных морей имеются только у хищников, да и добираться до Архипелага от экваториальных берегов минимум на неделю (а то и на две) быстрее, чем через северные порты светлокожих варваров. Это перевесило все удобства работы на Этой Стороне, тем более что для меня особой разницы не было, на какой из сторон действовать. Да и в дальнейшем использование возможностей Той Стороны для переселения прайда на острова предоставляло более широкий спектр возможностей, но об этом позже.

Так что изначальные условия, благодаря которым я перекинулся в орка, были логически обоснованы — а вот зачем я больше недели мотался по лесу котов с клыкастой челюстью во рту, в коллоидной маске и покрашенный в зеленый цвет — не спрашивайте, ибо это для меня самого большая загадка. Продумал ситуацию, пришел к определенному выводу и начал воплощать задуманное. В процессе изменились условия задачи — но начальные установки не мешали ее выполнять — вот ничего и не поменял. Так всю неделю и бегал в гордом одиночестве по лесу котов с зеленой рожей.

Хотя впрочем, это не самый яркий случай подобной забывчивости. Еще в пору моей женитьбы и счастливой семейной жизни я как-то заявился одетый в милитари и со спортивной сумкой на плече в оперу, на которую меня потащила жена, тогда еще не бывшая (после тренировок очень спешил). Причем я опоздал, и приперся в таком виде сразу в партер на третий ряд, куда моя тогдашняя вторая половина с трудом достала билеты — в результате провел ужасный вечер среди изысканных дам в вечерних платьях с бриллиантами и мужчин в черных смокингах. О нашем разговоре после оперы рассказывать, скорее всего, не стоит — суть и так многим известна. Думаете, я за пятнадцать лет, прошедших с того случая сильно изменился? Вынужден вас разочаровать, рассказав следующую историю. Не так давно познакомился с прелестной девушкой (даже влюбился, можно сказать). Так спешил на свидание после очередного джипрыжка, что забыл принять ванну с растворителем — в результате заявился в модный московский ресторан с зеленой физиономией, где и произошла наша последняя (в смысле — самая последняя) встреча. Если после вышесказанного кто-то еще удивляется тому, зачем я неделю бегал по лесу котов с орчьей рожей, когда в радиусе пятидесяти километров не было ни одного разумного двуногого прямоходящего — то мне уже сказать нечего.

— Все там удачно? — поинтересовался Руди, провожая меня в раздевалку.

— Отстрелялись на зачет, — ответил я. — Послезавтра с утра дальше двинем. Все по плану.

— Отличненько! — порадовался шеф. — Что надо по матчасти или координации внепланового?

— Нет, все четко по графику, — отчитался я. — Завтра все согласуем окончательно.

— Вопросов больше не имею, — улыбнулся Руди. — Отдыхай.

— Есть сэр! — рявкнул я, и полез в джакузи с раствором компенсирующей краски. Раз уж предстояло сегодняшний и

завтрашний дни провести дома — то зеленым мне быть при этом вовсе не обязательно.

Выйдя из раздевалки, переодевшись в цивильное одеяние (ну вы понимаете, о чем я), подошел к веселым сотрудникам своего великолепного отдела за номером тринадцать. Саня и Дима что-то мудрили прямо за столиком управления рядом с джикамерой.

— Привет негодяи! — бодро начал я. — Приготовьтесь к первому в истории тринадцатого отдела грозному начальственному разносу!

— Что там? — пробурчал Дима, за-ради такого шоу соизволив вылезти из виртуала бухгалтерской бюрократии.

— Давай-давай! А то что-то скучновато тут стало, — подхватил Саня, ничуть не убоявшись предстоящих экзекуционных мероприятий.

— Кто установки настроек производил? — невинно поинтересовался я.

— Я, как обычно, — проворчал Дима, по-прежнему не включаясь в ситуацию.

— В последний перенос, предполагаемое место большого скопления крупных зверей, как надо было координаты вводить, согласно технике безопасности? — с невинным видом поинтересовался я.

Дима замер на секунду, и вдруг позеленел. Потом на его лице попеременно пронесся весь спектр радужных цветов (в том числе и редкий фиолетовый оттенок), и я даже на секунду не на шутку перепугался за его здоровье. Впрочем, Дмитрий взял себя в руки и через минуту на его лице снова застыло вечное непроницаемое выражение (даже когда он шутил, только блеск глаз выдавал это).

— Виноват, — покаялся наш финансист, и вдруг выдал на полном серьезе: — Готов, если надо, написать «по-собственному желанию», или понести наказание в виде лишения годовой премии за некомпетентность.

— Ты че, обалдел? — успел раньше меня высказать свое «фи» Саня, после чего мы с ним вдвоем набросились на одноклассника.

Надо сказать, что наш непогрешимый Дмитрий действительно не учел некоторые параметры — но это вовсе не означает, что он по-прежнему не лучший в своей области. А что до ошибок — не ошибается только тот, кто ничего не делает! Да, цитата общеизвестная — но она от этого не становится менее правильной.

По поводу переносов в СВЗ.

Поляна в лесу котов, на которую мы прыгали обычно, за долгое время джисталкерства стала необитаемой. Большую роль в

этом сыграли сами коты мира Ворк, которые на протяжении многих лет гоняли с этой поляны всю местную живность. Поэтому все переносы Дмитрий осуществлял в стандартной манере, задавая координаты конечной точки джипрыжка точно над поверхностью. Перенос, как я уже упоминал, осуществляется с погрешностью плюс-минус пять метров. Джисталкер может оказаться в конечной точке маршрута в любом месте десятиметровой сферы, причем фактически в произвольном положении. Бывало, что приходилось падать вниз головой с пятиметровой высоты, благо рефлексы на высоте. Хотя самое неприятное в этом случае — оказаться в пяти метрах под поверхностью (в склепе размером с саркофаг) — приходится делать себе компенсирующую инъекцию и возвращаться (джикамера старта в этот момент заполняется породой из мира переноса). Порой такие движения приходится делать по нескольку раз — у каждой профессии свои издержки.

Если на тебе СВЗ, то ситуация с переносом меняется коренным образом. В случае, когда в предполагаемом месте финиша нет крупных передвижных объектов, точка переноса задается в пяти метрах над поверхностью. В этом случае не приведенный в рабочее состояние СВЗ падает на землю максимум с десятиметровой высоты (зависит от того же всесильного бога по имени «Рандом»), после чего скафандр вцепляется в грунт (может и в гранит вцепиться при надобности) и самопроизвольно переводится в рабочее положение.

В случае возможного нахождения в месте переноса живых объектов ситуация регламентирована таким образом: точка переноса задается в шести метрах под поверхностью, и СВЗ запрограммировано переносится в недра земли. После чего сканируется поверхность и через некоторое время СВЗ выбирается наружу как большой металлический крот уже совершенно в безопасном месте.

В защиту Димы я приведу все ту же инерционность мышления. За многие годы наш высокотехнологичный бухгалтер привык бросать меня в одну и ту же точку (за все время совместной работы один раз я прыгнул не на поляну в лесу котов — и то самостоятельно вводил координаты). Вот он по инерции и продолжал меня швырять в СВЗ так же и туда же. Четыре раза он отправлял меня на поляну не как в СВЗ, а как без средств высокой защиты (не в пяти метрах над землей точку переноса задавал, а на самой поверхности). Бог Рандом был в этой ситуации за него, и все четыре раза СВЗ оказывался над поверхностью. При джипереносе к тираннозаврам Дима на автомате задал точку на поверхности, а не в шести метрах под ней. И мой СВЗ оказался

прямо перед этими огромными курицами наполовину вкопанным в землю, как большая личинка (ладно хоть, не внутри какого-нибудь зверька оказался — была бы не нужная для дела жертва). Что произошло дальше — вы уже знаете.

Кстати, по поводу наказания. В этом Дмитрий прав. При его дотошном характере и огромной любви цепляться ко всяким мелочам сам он просто обязан оставаться непогрешимым — а иначе к его упрекам и придиркам у нас будет соответствующее отношение. Димочка это в душе понимал прекрасно, и поэтому твердо стоял на своем, требуя его наказать. Сошлись на лишении месячной премии, этот минус Дмитрий с чувством глубокого удовлетворения сам тут же и вбил в реестр, отправляемый в кассу фирмы «Гном-инст». После мы наконец-то покинули зал старта и перебрались в свой кабинет. Далее последовал разбор полетов, планирование предстоящих мероприятий — и мы что-то подзадержались на рабочем месте.

— А который час? — поинтересовался я.

— Ночь на дворе, — информативно ответил Дима.

Я обошел Дмитрия и взглянул на часы в бронзовом корпусе, стоящие на начальственном столе, который абсолютно незаслуженно, но зато очень традиционно занимал Александр. Такое количество лишних движений я сделал исключительно для того, чтобы не лезть в карман за мобилкой — использование средства связи в качестве часов является плохой приметой. Стоит поинтересоваться временем на экране мобильника — как моментально кто-нибудь позвонит и убьет время! Так что всякого рода ходики и будильники для меня — жизненная необходимость.

— Вау, двенадцать ночи! — возмутился я и начал прощаться со своими сотрудниками.

Прощание не затянулось, и вскоре я уже был дома. Залез перед сном в медицинское регенерационное кресло (больше для профилактики) потом почистил зубы и в гордом одиночестве завалился в белоснежную постель.

Работа 6. Рывковая

Где натыканы преграды –
Там имеются награды!

(из опыта карьериста)

Почти весь следующий день провел на планерках. Обсуждались, в основном, вопросы снаряжения и оборудования для длительного джипрыжка.

Деструктуризация вещей и материалов в мирах переноса, как я уже упоминал, — процесс не моментальный. Скорее это напоминает поведение предметов в агрессивных средах. Для некоторых веществ наша с вами окружающая среда является местом, где совершенно невозможно находиться (к примеру, щелочные металлы или тот же хлор). А есть места, где натрий очень даже устойчивый металл, правда людям там присутствовать без СВЗ рекомендуется не дольше одной тысячной секунды.

На самом деле все гораздо сложнее, и сопротивляемость веществ и материалов воздействию чужих миров сродни скорее бичу студентов всех технических специальностей — предмету «Сопромат», чем подходит под описание точной науки. Как нет доступного объяснения, почему то или иное вещество имеет определенное сопротивление на срез и разрыв, точно так же нет однозначного логичного толкования того, по какой причине железо практически везде бесконечно устойчиво к деструктуризации, а полиэтилен через день пребывания в другом мире может в любой момент распасться кучей углеводородов, да еще и вспыхнуть или приобрести кислотные свойства (в зависимости опять же от мира переноса).

Впрочем, практически все вещества и субстанции уже давно изучены и классифицированы, составлены громадные справочники и всеобъемлющие базы данных. Все профессионалы прекрасно знают, из каких материалов надо изготавливать вещи для того или иного мира. Но, как известно, идеальное встречается только в теории.

Ранее все свои хождения в иные миры я проделывал в течение трех-четырех дней, максимум недели — и не более того. Так что я спокойно использовал в своей экипировке предметы достаточно нестабильные. К примеру, мономолекулярное покрытие на мече, благодаря которому я всегда был вооружен просто невероятным для мира Ворк оружием, через неделю эксплуатации в этом мире прекращает свое существование. Если

использовать меч более недели — в результате в руках останется тупая железка. Любой местный деревенский кузнец скует за полчаса гораздо более приличное оружие. Но это не самое неприятное — гораздо хуже остаться, к примеру, без трикета или стрикета (некоторые наномикросхемы в них становятся нестабильны по истечении месяца пребывания в другом мире). В случае работы среди хищников возникает ряд дополнительных сложностей при длительных путешествиях. К примеру, коллоидная маска теряет свои свойства через две, максимум три недели эксплуатации. Согласитесь — очень странно будет выглядеть для окружающих орк, у которого лицо внезапно потечет как смола. Опять же — клыки могут рассыпаться после четырех-пяти недель эксплуатации.

Психологическое воздействие окружающей среды тоже необходимо учитывать. Как древние космонавты, вращаясь в течение месяцев на орбите вокруг Земли, помимо ослабления костей скелета под действием невесомости испытывали ужасное давление на свою психику безвоздушным пространством за бортом (по слухам кости потом восстанавливались гораздо быстрее нервов), так и другие миры действуют на головы людей чуждой реальностью при долгом пребывании там. При коротких джипрыжках это незаметно, но при длительном пребывании накладывает определенный отпечаток на личность джисталкера. Впрочем, в этом плане у меня уже имелся хороший стаж — только в мире Ворк суммарное нахождение за всю карьеру набежало больше года (приближается порог десяти тысяч «джи-часов» работы — «десятитысячников» среди джисталкеров мало и это очень почетное звание).

Эти и другие аспекты предстоящей работы мы и мусолили на многочисленных планерках, заседаниях, согласованиях и прочих обсуждениях.

Первое. Психологический аспект — явление до сих пор малоизученное и уважаемые психологи делают свои выводы скорее по косвенным данным (тестам, ключевым словам и ответам на каверзные вопросы) чем согласно строгим научным замерами мозговой активности, к примеру, или другим измеряемым точными приборами характеристикам нервной системы. Поэтому состояние моего психологического здоровья будет зафиксировано всего два раза — в начале путешествия и в конце (если точные приборы на промежуточных этапах не укажут на явные отклонения). На промежуточные собеседования у нас примитивно нет времени.

Второе. Проработка предстоящего маршрута путешествия с

учетом специфики моих деловых связей. Весь участок был разбит на отрезки, которые я должен буду стараться проходить согласно плану.

Третье. Сами отрезки пути привязывались непосредственно к местности. Осуществить переброс джисталкера с Земли напрямую, к примеру, в город Огрбург — несколько затруднительно (впрочем, это еще мягко сказано — в Огрбург прыгать просто-напросто самоубийство). Поэтому маршрут предстоящего путешествия прокладывался с учетом прохождения через удобные для джипрыжков точки. В конце каждого отрезка возможны, опять же, два варианта:

В первом случае мне предстоит изыскать способ уединения (отрыва от подзаряжающего меня кота). После чего я возвращаюсь на Землю, мгновенно меняю все свое снаряжение и оборудование на новое, и возвращаюсь обратно. Отчеты мне в этой ситуации сдавать не требовалось (все-таки работа в солидной конторе имеет ряд преимуществ). Во втором случае — в укромном месте меня будет поджидать контейнер с недавно привнесенными с Земли приборами и оборудованием, либо курьер передаст мне все необходимое при якобы случайной встрече. Какой из этих вариантов будет использоваться — зависит от окружающей обстановки, хотя для меня психологически было бы проще прыгнуть домой.

Ко времени официального окончания рабочего дня конца-края всем этим согласованиям видно не было. Тут я не выдержал и взбунтовался — Руди меня понял и поддержал — после чего произошла замена игрока, ничуть не повлиявшая на качество игры. Саня, по компетентности официальных знаний о неком «джисталкере Тиме», превосходил меня на порядок. А если он чего-то не знал (хоть это и маловероятно) — под рукой у него всегда имелся Дима.

Я же отправился на стадион к Лере-ягуаре, победил слабую (ха-ха-ха три раза) девушку в спарринге, после чего мы долго болтали, пока она валялась в регенерационном кресле — Лера опять ревела и жаловалась на своего очередного бой-френда, который не понимает ее тонкую натуру. Морально поддержав слабую (на этот раз без шуток) девушку я попрощался, предупредив о своем долгом отсутствии, и отправился к дочери.

Прощание со своим ребенком описывать не буду, по причине малой интересности этого события для всех кроме собственно отца и дочери. Потом день неожиданно закончился, и я пошел спать.

Утром залез в теплую воду с зеленой краской и через пятнадцать минут после выхода из ванной комнаты уже стоял напротив гашек-камеры в зале старта на работе. Всю одежду и снаряжение заботливые сотрудники обновили, новая коллоидная маска и вставная челюсть, копия прежней с точностью до одного микрона (во всяком случае, разницы я совсем не чувствовал), были уже на мне. Впрочем, последняя рабочая неделя и постоянные возвращения торжественность момента сбили, и никакого нездорового ажиотажа мой очередной джипрыжок не вызвал. Дело было ранним утром, и провожали меня неизменные Саня и Дима. К нашей маленькой компании привычно присоединился Рудольф Иванович, внесший в момент провожания свою небольшую лепту. С тех пор, как Руди начал присутствовать при моих джи-прыжках, в неизменную традицию (пятьдесят грамм перед прыжком) он привнес соответственные уровню фирмы изменения. Теперь традиционный русский напиток, имеющий веское название «водка» заменил ее шотландский аналог, обладающий несерьезным наименованием «виски», но отличающийся не меньшей градусностью. Последнее обстоятельство способствовало тому, что приятели-предприниматели с радостью приняли этот апгрейд, тем более что виски Рудольф Иванович выбирал очень дорогое и, естественно, оплачивал это дело из своего кармана.

— Ну, за удачу, — провозгласил неизменный тамада Саня, мы чокнулись и опрокинули вовнутрь по пятьдесят грамм обжигающей сущности ячменя.

Через пять минут на лесной поляне уже в совершенно другом мире я встретился со своим старинным другом-котом.

Вот за что я люблю кошек — так это за отсутствие пресловутого «чувства долга». Некоторые назовут это предательством, некоторые легкомыслием — а по мне это называется одним словом — свобода. Зато если уж кот любит — то он любит нас именно такими, какие мы есть — а вовсе не за то, что сегодня выданы ему особо вкусные кошачьи консервы (про консервы этот пушистый комок шерсти забыл ровно через секунду после того, как они кончились). И поев, кот не виляет хвостом, выражая невероятную благодарность покормившему хозяину — он просто становится доволен жизнью, и немного делится этим удовлетворением со всеми, кого он любит. Причем любовь это гордая, не терпящая панибратства — можно погладить за ушком, можно животик почесать — и не более того. Попробуйте потрепать кота по загривку и, скорее всего, через секунду состоится близкое знакомство с выпущенными коготками

— в крайнем случае, усатый аристократ оскорбится и преисполненный чувства собственного достоинства отойдет в сторонку.

Так что когда я очутился на поляне в лесу мира Ворк, где меня встречал новоиспеченный рыжий Вожак, который мне искренне обрадовался — я твердо знал, что Рыжик меня любит и ценит как друга. Его радость не была следствием того, что я помог коту занять высокое положение среди себе подобных (кстати, Рыжик о самой помощи уже забыл, искренне считая себя полностью подходящим для столь высокого статуса). Нет «чувства долга» — соответственно нет «предательства долга». Мои отношения с котом не изменились с тех пор, когда он был почти котенком, недавно вошедшим во взрослую жизнь, и по сей момент. Высшая должность кошачьей иерархии совершенно не испортила Рыжика, а тот же пес, став альфа-лидером, коренным образом пересмотрел бы любые отношения с прежними друзьями. Основная причина, по которой Рыжик готов отправиться со мной в дальний, полный опасностей поход, состояла в том, что ему со мной было ужасно весело! Одним словом — люблю я кошек.

«Ну что, к бабе Торе пойдем?» — поинтересовался Рыжик после обмена приветствиями.

«К ней. Как она там, кстати?» — задал я встречный вопрос.

«Давно не видел. Да что с ней сделается — только ворчит да спит», — ехидно сказал рыжий умник, и мы отправились по знакомой дороге к местной ведьме-ведунье.

Баба Торя — достопримечательность местного леса. С вашего позволения напомню:

Способности телепатического контакта среди представителей разумных двуногих встречаются редко. Все кто, так или иначе, владеют способностями к ментальному контакту — называются ведуны. Коты мира Ворк среди существ, способных к телепатии, стоят обособленно — самый сильный ведун никогда не сможет достичь даже уровня котенка.

Существа, обладающие разумом, чувствуют только направленные телепатические атаки Котов мира Ворк. Коты прогоняют незваных гостей, и подвергшийся атаке разумный двуногий теряет ненадолго свой разум и бежит, куда глаза глядят, теряя по дороге все, что к нему крепко не привязано. Начинающие ведуны воспринимают уже чувства Котов, и в спокойном состоянии способны купаться в эмпатических волнах сознания этих прекрасных зверей. Такие ребята как я поднялись на вторую ступень ведовства (а может, и опустились — это смотря с какой стороны взглянуть). Ведуны моего уровня обладают

способностями диких зверей и могут многое почувствовать (обостренное чувство опасности, периодически кричащее свой аларм в моей голове, тоже, как выяснилось, относится к этой способности). Побочный эффект такого развития (или деградации, спорить не буду) заключается в возможности полноценного общения с котами мира Ворк.

Ведуны третьей ступени могут улавливать чувства всех живых существ. Четвертый уровень позволяет читать ясные и четко сформулированные (как сказать точнее — не знаю, нет пока такого слова про мыслеформы) мысли разумных.

Баба Торя — ведун пятого и высшего уровня. Она может спокойно рыться в голове у животных, и многие из них делают то, что бабушка им прикажет (или попросит, я как-то в тонкости не никогда вдавался). Телепатами, более сильными чем баба Торя, были только коты мира Ворк. Главное же достоинство старушки в том, что она обладает монопольным владением на местные авиаперевозки, осуществляемые при помощи дракона мира Ворк, который слушается бабушку, как будто она — главная драконья мама.

При этом старушка обладает воистину несносным характером! Последнее время нападки на меня почти прекратились, и то при одном условии — я в ее присутствии не раскрываю рта и отчетливо ни о чем не думаю. В этом случае старушка деловито берет у меня золотую монету, я привожу к ней дракона Гошу (каким способом — умолчу), потом баба Торя о чем-то шепчется с добродушной зверюгой, после чего я улетаю на нем по своим делам.

— Чавой-та долга тя не была, — встретила меня ведунья без своей обычной ворчливости. — Дажа поскучалася я чейта по тябе, дурню такому…

— И тебе здравствовать, бабуля-хорошуля, — не поддался я на провокацию (опыт — вещь великая).

— Чувствую в тябе новое чейта, а че — нипанятна мине, — медленно проговорила баба Торя, задумчиво глядя на меня. — Вродя ты, а вродя как большой кто, нипайму никак…

— Мне бы на Остров слетать, — попросил я старушку, не став вслушиваться в старческие бредни (старость — не в радость, а баба Торя пожалуй самый древний житель мира Ворк из всех моих знакомых).

— Да ясен пень, что не в Вихрь-город полятишь в зеленой плашке на ляце. Ты уж сапсем из бабки дуру-та не делай, раз сам дурак-дураком уродилси, — забыв о своих думках, возмутилась древняя ведунья, скатившись в привычный для себя ругательный

лад.

Надо сказать, баба Торя единственная из жителей мира Ворк (кроме котов) прекрасно знала о моих маскировках, но значения им особо не предавала. Она и к Той Стороне относилась ничуть не хуже, чем к Этой — всех считала полными дурнями, и «отводила взгляд» при пересечении с основным количеством двуногих разумных. «Отводить взгляд» (при помощи своих телепатических способностей делать так, что ее не замечали даже находясь в двух шагах) баба Торя умела ненамного хуже котов.

— Вести Гошу? — ничуть не обидевшись на бурчание бабульки, спросил я.

— Ну, ни мине ж за ним в пящеру бяжать-та, — моментально взорвалась ведунья новой порцией возмущенья. — Не, ты точна как дурнем радилси — так им и памрешь. Пачудилося мине, что ты вумнеть начал…

Под бурчание бабули-хорошули я пошел, посмеиваясь, под гору. Под каменистым холмом, на котором жила ведунья, имелась глубокая пещера, в которой и проводил основное время жизни дракон по имени Гоша, занимаясь весьма приятственным для драконов занятием — выгрызал из мягкой известковой породы антрацитовые вкрапления.

Еще через двадцать минут Гоша был оседлан большим кожаным седлом, которое ужасно походило на предмет, входящий сейчас в сотню самых ценных человеческих сокровищ (по последней книге рекордов Гиннеса), а мы с Рыжиком удобно расположились на драконьей спине. К бабе Торе уже перекочевала одна золотая монета, и ведунья что-то нашептывала внимающему ей дракону (подозреваю, что программировала древний беспилотник на конечную точку маршрута). Еще через минуту Гоша разбежался, раскрыл крылья, в сложенном виде похожие на костяные наросты на боках, и прыгнул вниз с обрыва.

Над лесом котов заложил вираж огромный летучий ящер, размером с африканского носорога. На спине дракона в удобном кожаном седле расположился джисталкер, поддерживающий перед собой большого рыжего кота, который привычно вцепился в кожу седла и с воодушевлением поглядывал по сторонам. Кот радовался предстоящему путешествию, совершенно не думая о будущих трудностях и опасностях. Джисталкер наоборот, просчитывал варианты развития событий, готовя себя к любому внезапному повороту. Дракон закончил разворот, уверенно взял направление и начал набор высоты. Через две минуты необходимая высота была набрана, и летучий ящер заскользил по воздуху как санки с ледяной горки, увеличивая скорость полета.

Прямо над кроной дракон взмахнул крылами и снова начал набирать высоту. Долгое путешествие джисталкера к Архипелагу наконец-то началось.

Работа 7. Промежуточная

Радость спортсмена,
Промежуточный финиш –
Зрителю пофик…

(спортивное хокку)

Полет на драконе прошел без ненужных происшествий — лишь пару раз Гоша набирал приличную высоту, чуя возможную опасность. Я благополучно задремал в удобном драконьем седле и проснулся только от резкого толчка, когда живой самолет совершил приземление. Ступив на траву, я размял затекшие суставы, после чего отстегнул седло, дав дракону вдоволь поваляться на травке. После того, как Гоша почесал спину, я снова оседлал дракона и через пять минут уже махал рукой удаляющейся точке в небе — очень уж быстро летают эти громадные огнедышащие ящерицы. Потом я развернулся и отправился к местной магической переправе.

Гоблин Трошка, маг Холода, ушедший на покой и поселившийся на берегу озера Глуб, неподалеку от дирижабельного острова, встретил нас с Рыжиком у порога собственной хижины.

— Удивительно старому гоблину видеть моего доброго приятеля Тима опять же без седла, — радостно оскалившись, выдал Трошка стандартную шуточку, которой он постоянно встречал меня на протяжении пяти лет. — Или у Торьки сёдла-таки закончились?

— Уважаемый Трошка, только не надо-таки опять твою шарманку про сёдлы-вёдры, — выдал я в ответ, так как за пять лет полностью освоил разговорную манеру ушлого гоблина. — Мы либо делаем дело, либо разговор говорим. При этом мы-то говорим — а прибыль уходит влево как от меня, так и от тебя, по результату-то разговорчиков.

— Орк Тим, а у тебя не затесались случаем гоблины в предках? — улыбнулся гоблин. — Так излагать может только гоблин, да и то не всякий, а специально обученный.

— Твоя школа способствует усвоению переговорных навыков, — не сбиваясь с гоблинского стиля изложения мыслей, продолжил я, при этом держа в руке золотую монету. — Мы будем делать магию, или мы не будем-таки делать магию?

— Раз в кои-то веки является старому гоблину достойный

собеседник — и на тебе, он спешит-торопится, как будто уберут послезавтра его любимый Огрбург с насиженного места, — притворно посокрушался Трошка, и золотая монетка перекочевала в его безразмерный карман.

Через пять минут мы с Рыжиком неспешно трусили по поверхности озера к виднеющемуся километрах в трех от берега острову (трошкиной магии хватает примерно на час хождения «по морю яко посуху»). В свое время гоблин сжалился над глупым джисталкером и сам предложил напоить своей магической водичкой кота (на мой четвертый или пятый прыжок — уже точно и не вспомню). До этого я таскал четырехпудовый рыжий балласт до самого Острова на своем загривке. Тогда помнится, я ужасно рассердился, а сейчас, по истечении пяти лет, вспоминаю те переходы по воде с Рыжиком на шее с неизменным удовольствием.

Через четверть часа я стучался в ворота дирижабельного бастиона, а еще через десять минут уже выходил из здания кассы с билетом на ближайший цеппелин в город Огрбург, который должен был прилететь с востока через два часа, и практически сразу (после двадцатиминутной стоянки) отправиться в западном направлении.

— Здорово, Тим! — прогремел могучий бас, когда я вышел с билетом из кассы.

— Привет Сиган, — приветливо поздоровался я с огромным огром в широкополой шляпе.

— В курсе, чего на последнюю рыбалку что твой приятель Хоб учудил? — аккуратно хлопнув меня в знак расположения по плечу, спросил местный глава рыболовецкого сообщества.

— Нет, — заинтересовался я. — Я в лесу полгода провел не вылезая.

— Опять ищешь свои ветхие и несъедобные ценности, — пошутил огр, и вернулся к главной теме: — Он снова твою блесну усовершенствовал, и они на этот раз с троллем тридцать восемь магнитных рыб поймали! Новый рекорд!

— Молодец! — искренне порадовался я за друга-гоблина, с которым мы как-то выиграли местный рыболовный чемпионат. — Когда, кстати, его смена?

— Через месяц примерно, он всего два дня назад улетел.

— Ясно.

После чего мы еще минут десять поболтали с Сиганом о рыболовных мелочах — меня тут признавали за эксперта по рыбной ловле, и считали за своего. Перед этим огр уважительно угостил Рыжика большим куском рыбы, достав копченость из

баула, стоящего у его ног. Когда рыжий лакомка доел угощение, мы уже обсудили тонкости вертикального блеснения, посетовали на несовершенство спиннинговых катушек, производимых в Огрбурге (спиннинги кстати — мое нововведение, благодаря которому мы с Хобом выиграли еще один чемпионат), после чего распрощались.

Времени до отлета оставалось прилично, и я решил навестить местного кузнеца. Когда я сюда добрался в первый раз, он еще был подростком. Сейчас огр Клир — достойный пузатый представитель своего народа, чем ужасно гордится. В молодости у огра-подмастерья совсем не было живота, а выглядеть как чемпион Земли по культуризму для огров, мягко скажем, немного не то, что бы им хотелось.

— Ко мне сам орк Тим пожаловал, точно-так! — радостно рыкнул Клир, когда я перешагнул порог его кузни, и отложил в сторону огромный молот для того, чтобы меня обнять (рядом с тушами огров у остальных народов не тела, а тельца — а это был еще и огр-кузнец).

— Отпусти уже, задушишь, — выдавил я, улыбаясь и обнимая огра в ответ.

— Да как я могу друга своего задушить, — рыкнул Клир, но меня отпустил.

— Ну что, процветает торговля блеснами? — поинтересовался я, когда мы закончили обмениваться приветствиями.

— А как же, с твоей легкой руки, точно-так, — оскалился огр, выставив на мое обозрение могучие клыки, и мы пустились в обсуждение рыболовной снасти.

Дело в том, что я как раз при Клире сковал первую в мире Ворк блесну. Потом в течение года мой компаньон по рыбной ловле гоблин Хоб умудрялся скрывать ото всех это якобы мое изобретение — но, как известно, долго шила в мешке не утаить. Как-то в очередной мой приезд я снова попал на местный праздник рыболовства — и с удивлением обнаружил то, что фанат рыбной ловли, мой хороший приятель и местный чемпион Хоб не приехал. Зато у всех рыбаков в инвентаре уже красовались блесны или что-то на них смутно похожее. Вот тогда я и объяснил тонкости изготовления той блесны Клиру. Надо ли говорить, что после этого кузница огра стала самым популярным заведением на Острове?

Позже оказалось, что Хоб сам открыл всем секрет блесны, так что на меня гоблин не обиделся — зато Клир с тех пор испытывает ко мне неизменное благорасположение. Этим я

несколько раз пользовался — огр снабжал меня редкими местными сувенирчиками, которые можно было достать только на Острове (клыки плавучих динозавров, кожа глубоководных рыб и еще массу всего). Эти вещицы на Земле очень удачно удавалось сбывать, так что общение с огром Клиром я искренне считаю взаимовыгодным.

За болтовней с кузнецом (я дал ему пару советов в плане изготовления новых блесен с вращающимися от скорости хвостами, бьющими по воде), время пролетело незаметно, и я чуть не опоздал на дирижабль. Но «чуть-чуть» как известно — не считается, так что через три часа после торжественного вхождения в ворота бастиона на Острове я уже летел на рейсовом дирижабле в город Огрбург. Нахохлившись на неудобной скамейке, я пытался заснуть, автоматически почесывая Рыжика, который вольготно расположился у ног, не испытывая ни малейшего неудобства.

В Огрбург мы прибыли поздней ночью, хотя для кого-то может, это было и раннее утро. Часы на стрикете указывали половину пятого утра (или четыре часа тридцать минут ночи) местного времени, когда я пересек огрбуржскую городскую черту. Попутно обнаружилось первое неудобство стрикета по сравнению с обычным трикетом, которое, по счастью, первым заметил мой кот.

«Ух, и страшен же ты», — без доли иронии сказал Рыжик, после того как я включил стрикет чтобы поинтересоваться временем.

«Почему это?», — спросил я.

«Ты на зомби сейчас похож. Точно так же у них глаза в темноте горят», — сказал кот.

«Понял, спасибо», — поблагодарил я Рыжика и отключил стрикет от греха подальше.

Лазерные экранчики перед зрачками, совершенно невидимые при дневном свете, в темноте создавали жуткое впечатление. Глаза горели страшным зеленоватым огнем, очень похожим на свечение в зрачках некронечисти. Появись я в таком виде перед любым из представителей Той или Этой Сторон — серьезных проблем было бы не избежать. Так что использование новой техники в мире Ворк будет ограничено светлым временем суток. Ночью при необходимости использования этого оборудования придется возвращаться к старым добрым контактным линзам-экранам. Ладно, хоть на улицах Огрбурга в это время никого не было, так что глаза, недолго горевшие в темноте, не добавили лишних неприятностей на мою голову.

Кстати, при первом посещении сего достославного города я

безнадежно заблудился. Огрбург — многоуровневый город, расположенный как на поверхности, так и в недрах большого каменистого холма, окруженного каменной стеной. Потом обстоятельства сложились таким образом, что гостя у друзей огрбуржцев, я старался не афишировать свое тут присутствие. Но, тем не менее — все эти башни переходов, переулки подъемов, спусков и идущие под наклоном широкие улицы я более-менее освоил через пару лет посещений. Сейчас я просто не представляю, как можно тут заблудиться? Все же так просто, логично и понятно — город по местным меркам суперсовременный. При этом еще и информационные надписи на каждом углу — первое время я их просто-напросто не замечал, так как привык на Земле к тому, что все таблички расположены на стенах, тут же используется в основном потолок. На каждой табличке имеется название улицы, при этом цвет потолка соответствует уровню погружения в недра городской горы. При этом каждая переходная башня имеет свое название и на всех этажах, на стенах нарисован план уровня, с обозначением своего местоположения.

Сейчас я чувствую себя в объемном огрбуржском лабиринте улиц как рыба в воде. После того, как произошла адаптация, я с неизменным восхищением, каждый раз появляясь в Огрбурге, вспоминаю проектировщиков этого шедевра архитектурно-магической мысли. Правда, постоянно бегать по лестницам труд достаточно непростой — но у всех жителей этого города общефизическая подготовка на высоте, да и на свою спортивную форму я, как бы, не жалуюсь. Зато имеется огромное преимущество — при населении под триста тысяч пересечь пешком весь город можно за час. Очень компактно все расположено — и на передвижения в городской черте времени тратить почти не приходится.

Вот и сейчас я уже через десять минут стучался в закрытую дверь таверны, в которой останавливался постоянно.

— Кого принесло среди ночи? — услышал я дребезжащий знакомый голос после того, как я постучал второй раз, раза в полтора громче, чем в первый.

— Тим это. Открывай, Моб, устал ужасно, — ответил я.

— Ой, радость-то какая, — запричитал хозяин таверны, и через полминуты я сидел за стойкой бара и заспанный хозяин наливал мне эль в роскошную бронзовую кружку, которую он держал для почетных гостей. Для рыжего лакомки тоже нашелся кусок жареной курятины.

— …завтра всем и займусь, а сейчас бы отдохнуть после дороги, — закончил я короткий пересказ адаптированной версии

своего путешествия.

— Допивай тут, я сейчас сбегаю, номер тебе приготовлю, — сказал мне на это старичок-гоблин, зевнул и шустро убежал, оставив меня в одиночестве у барной стойки.

Через пятнадцать минут я уже завалился в кровать, которую мне постелил заботливый хозяин в ближайшем к выходу номере (что-то вроде местного люкса). Рыжий неженка сопел за спиной, упираясь в поясницу мягкими лапами. Потом на меня навалилась усталость, и я отключился как гоночный болид после поворота ключа зажигания против часовой стрелки.

С утра занялся непростым занятием — сбором команды для предстоящего путешествия (не забыв предварительно позавтракать). Первым делом направился к своему давнему и надежному огрбуржскому агенту — одной известной в городе гоблинке-аристократке. Впрочем, очень уж высоким положение гоблинки, похожей на симпатичную куколку-вампирчика, назвать было нельзя, так что обилия слуг, телохранителей и прочего неизменного окружения высокопоставленных особ у Лии (да-да, это именно она) не наблюдалось. С Лией в ее особнячке, если можно так назвать небольшой двухэтажный таун-хаус шириной метров пять, выходящий из стены огрбуржской улицы, проживали старая ворчливая троллька-служанка (по сравнению с бабой Торей обладающая ангельским характером) и огр-охранник. Впрочем, огр, отставной сержант элитного огрского хирда, постоянно собирался уйти жить в леса (почему — об этом чуть позднее).

— Здорова, Дехор, — радостно выдохнул я, когда огр открыл входную дверь.

— Знатный грымский орк к нам пожаловал! Да не один, а с моим любимым Рыжиком! — радостно рявкнул огромный, даже по меркам огров, отставной сержант, легонько хлопнул меня по плечу, и аккуратно (больше не обращая на меня никакого внимания) взял на руки рыжего неженку, который привычно расположился на руке огра.

В свое время Дехор пару раз пытался украсть у меня Рыжика, почти не реагируя на уговоры. Как только рядом с ним появлялся рыжий пушистик, вместо грозного воина перед нами оказывался избалованный мальчишка, не внемлющий доводам разума. Я уже хотел было ограничить свое общение с Дехором (огр-то парень неплохой, только… кот мне все-таки дороже) — но Рыжик сам решил эту проблему. Как-то раз он нанес такой ментальный удар страхом по могучему огру, что тот побледнел, покрылся потом, сел на пол и после этого начал относится к рыжему телепату с

должным пиететом. Впрочем, на саму любовь огра к коту этот случай никак не повлиял (даже скажу больше — тяга к котам у огра после этого только усилилась), так что Дехор постоянно обещал все тут бросить и уйти жить в кошачий лес.

— Я на кухню, покормлю Рыжика, — поставил меня в известность огр. — Ты поднимайся к хозяйке, я уже позвонил в колокольчик и она одевается.

После чего Дехор развернулся и, громко топая, направился в недра дома. Я глянул вслед увлеченному котом огру, хмыкнул и поднялся на второй этаж. В малюсеньком приемном холле, которым заканчивалась помпезная парадная лестница, имелась всего одна дверь, ведущая в хозяйские покои. Рядом с дверью стояла мягкая тахта, огромное кресло-качалка и длинная скамейка. Я расположился в кресле и начал ждать гоблинку, покачиваясь и глядя на потолок, увешанный лечебными магическими приспособлениями.

Лия — истинная аристократка по внешнему виду, тонкой душевной организации, манере разговора и происхождению. Единственное, что ее отличает от высших представительниц света, это материальное положение — гоблинка не очень богата. Совсем уж церковной мышкой ее называть нельзя, но финансовое состояние Лии невозможно считать особо выдающимся. Да и то, чем она сейчас владеет, в основном заработано ей с моей подачи.

Я много раз пытался улучшить благосостояние гоблинки — но каждый раз упирался в одно очень мешающее этому благому делу обстоятельство, называемое — аристократическая честь. Лия наотрез отказывалась брать какие бы то ни было деньги, если чувствовала, что я пытаюсь дать ей их необоснованно. Прямо-таки настоящий детектор честности, а не гоблинка. Вот уже в течение трех лет я оставил безнадежные попытки хитрыми способами передать золотой металл своему лучшему агенту, и рассчитывался с маленькой светской львицей исключительно по ее первому требованию. Притом, что лишнего ей было не всучить — но и своего эта маленькая хищница никогда не упускала. Такая вот парадоксальная ситуация у нас возникла.

Социальным лифтом, который мог бы вывести Лию на вершину местной аристократической пирамиды, могла послужить только служба. Но служба начинала хорошо оплачиваться на самых верхних эшелонах власти — там, в качестве награды, выдавались здания, земли и прочее дорогостоящее имущество. Корпеть на низких чинах Лие не позволяла аристократическая гордость, а верхних ей никто так и не предложил. Сейчас основной приработок гоблинки составлял цех по производству

спиннингов, которым мы владели совместно. Причем я свою долю не изымал, и теперь в местном банке хранилась довольно приличная сумма, принадлежащая мне, постепенно внесенная туда все той же Лией. Уж как я только не пытался заставить ее взять хотя бы эти деньги — но все было бесполезно.

При всем при том Лия грезила о собственной ложе в местном амфитеатре — а это выкатывалось в такую сумму, что даже если когда-нибудь мы с гоблинкой придем к соглашению, и мне придется все свои земные сбережения перевести сюда, — и то я не уверен, что хватит средств. Обслуживание ложи в месяц вылетает в копеечку, опять же нужно иметь минимум трех чистокровных ездовых волков (жутко дорогое удовольствие), содержать рапторную упряжку и выплачивать приличную зарплату двум возницам. Да и принимать при случае Правителя орков, под патронажем которого проходят Соревнования, Лие было просто негде — эта халупа (хоть и такое удовольствие стоит в Огрбурге о-го-го!) никак не приспособлена для светских приемов, а уж принимать тут Правителя — просто безумие (а это прямая обязанность владельца ложи).

Я был в курсе этой ситуации, и сейчас, ожидая хозяйку дома, привычно прокручивал в голове всевозможные способы быстрого обогащения, не ущемляющие аристократического достоинства маленькой светской львицы. Умные мысли мою голову в тот момент посетить не поторопились, как впрочем, и все предыдущие пять лет, хоть я и неоднократно пытался решить эту дилемму. Ну никак не хотели сочетаться эти два понятия — честность и богатство!

На кресле-качалке в небольшом холле сидел задумчивый джисталкер. Оглядывая непритязательную обстановку, человек предавался грустным мыслям, и не сразу заметил аккуратно открывшуюся единственную дверь. На пороге показалась нарядная гоблинка в сногсшибательном атласном красном платье. На симпатичной коричневой мордашке куколки-вампирчика мелькнула искренняя радость. Не говоря ни слова, гоблинка совершила невероятный прыжок и оказалась на коленях у джисталкера. Кресло стало качаться по самой большой амплитуде, почти переворачиваясь и застывая на долю секунды в крайних положениях, а человек довольно засмеялся, поддержав ловкую проказницу за талию. Гоблинка схватила человека за ухо, легонько куснула в нос, потом элегантно спрыгнула с его колен (почти погасив качание кресла) и через секунду уже удобно расположилась на тахте напротив кресла.

— Я что-то по тебе соскучилась, грымский ты наш, —

сообщила девушка и радостно оскалила красивые белые клыки.

Работа 8. Предстартовая

Чтобы научиться играть на бильярде, надо чаще играть на бильярде!

(народная мудрость)

Особо важных дел в Огрбурге у Лии не было, поэтому отправиться в путешествие к далекому Архипелагу ее даже уговаривать не пришлось (особенно после того, как я рассказал, какая полагается оплата за путешествие — фирма «Гном-инст» что-то расщедрилась не на шутку). Цех по производству спиннингов отлично мог функционировать без гоблинки, поставки и продажи (с моей легкой руки) тоже были налажены — а больше тут девушку ничего особо не удерживало. Конечно, пока Лии не будет в Огрбурге, светская жизнь станет немного скучнее — но думаю, переживут местные аристократы (а некоторые так наоборот — вздохнут с облегчением).

— Для путешествия все готово? — поинтересовалась маленькая светская львица, дав принципиальное согласие.

— Этой ночью прилетел, — ответил я. — И сразу к тебе. Ничего не готово.

— Ясно. Тогда я переодеваюсь и за дело.

— Уху, рассчитывал на тебя. Жаль дирижабли не ходят на побережье — возни бы не было.

— Мы не ищем легких путей, — философски заметила Лия и убежала переодеваться, а я застыл в задумчивости.

Дирижабельное сообщение налажено только между западной и восточной частью Той Стороны. Очень опасны и дорогостоящи путешествия на цеппелинах, поэтому полет над вражеской территорией еще худо-бедно оправдан, а вот над своей землей летать — непозволительная роскошь. За время путешествия я сам разок попал в аварийную ситуацию — мы сели в лесу и три дня отбивались от местной живности в ожидании помощи (я мог бы вернуться на землю компенсирующей инъекцией, но не бросать же Рыжика на произвол судьбы), — и это еще считалось, что нам невероятно повезло. По статистике каждый пятидесятый полет заканчивается поломкой, а каждый тысячный — гибелью экипажа и пассажиров. Но удача пока была на моей стороне (тьфу-тьфу-тьфу не сглазить), а впрочем — у каждой профессии свои издержки.

На остальной территории имелись тракты, дороги и тропы —

почти как на Земле в далеком средневековье. Чем мир Ворк выгодно отличается от нашей родины — это скоростью передвижения ездовых животных. Причем местные скакуны подразделяются на военных и дорожных. К боевым скакунам Той Стороны относятся варги (огромные тяжелые волки) и рапторы, а к ездовым — скаковые волки. Эта Сторона использует для боев тяжелых боевых страусов и небольших военных носорогов, а для путешествий — лошадей. Единственное исключение — это огромные боевые кони желтолицых всадников, которые великолепно подходят как для дальних перегонов, так и для боев. Гоблины ездят на зверях, которых называют куникулами. Куникул чем-то напоминает обычного кролика или зайца, разве что имеет размер с хорошего дога и обладает острыми клыками. На свободе эти ушастые хищники живут в стаях и питаются как раз в основном зайцами, загоняя трусливых бегунов в чистом поле. При этом куникулы передвигаются огромными прыжками, и как гоблинов при езде на них не укачивает — я просто не понимаю. Лия ужасно переносит дирижабельные перелеты, а при езде на этих болтающихся скакунах чувствует себя превосходно.

Ограм для дальних переходов не нужны ездовые животные. Во-первых, мало найдется зверей, которые могли бы спокойно тащить полтонны веса (средний огр весит около четырехсот килограммов, да еще под центнер тянут в сумме его доспехи, оружие и прочее снаряжение). Во-вторых — огры отлично бегают, хоть этого сразу и не скажешь, глядя на их солидные пузатые фигуры. Набирают скорость огры медленно — зато потом, постепенно ускоряясь, могут бежать со скоростью около тридцати-сорока километров в час (в зависимости от тренированности) по нескольку часов без передышки. Правда при таком темпе передвижения аппетит у них возрастает в несколько раз. В обычных условиях огр, при его внушающих уважение габаритах, потребляет примерно столько же провизии, как средний орк или тролль (разве что эль огры пьют в немерянных количествах, и перепить огра практически нереально). Зато если огр бегает четыре-пять часов в день — еды ему требуется как для пятерых взрослых бойцов. Кстати, по поводу провизии, — маленькие гоблины едят ничуть не меньше всех остальных.

Когда гоблинка вышла из своего будуара в простом платье (хотя для многих такой повседневный наряд покажется чересчур праздничным), она остановилась и вопрошающе уставилась на меня.

— Куда пойдем? На городской рынок или загородный базар? — спросила Лия.

— А ты снова переодеваться не будешь? А то я что-то

заскучал тут…

— Нет, платье подходит и туда и туда, — не уловив иронии, на полном серьезе ответила Лия (когда дело касалось нарядов, юмор моментально покидал ветреную головку маленькой модницы).

— Тогда на загородный базар идем. Надо скакунов прикупить, — решил я. — Кстати, у тебя на примете нет пары боевых магов? А то я, ты да Дехор — что-то маловато нас как-то…

— Да, через пустоши легко перейдем, а вот на болотах могут возникнуть проблемы, — согласилась Лия, и на секунду задумалась.

— Ладно, по пути решим, что да как, — прервал я размышления маленькой интриганки, и пошел по ступенькам вниз.

— О, идея! — в этот момент радостно пискнула гоблинка, и поскакала по ступенькам за мной, впрочем, моментально обогнав неповоротливого джисталкера. — Сейчас твой приятель Хоб тут, да и его дружок тролль Висиз неподалеку трется.

— Здорово! — обрадовался я. — А что мне Моб об этом не сказал?

— А ты с ним долго разговаривал?

— Нет, — вынужден был признать я правоту гоблинки. — Вчера ночью парой слов перекинулись, а сегодня так и вовсе его не видел.

Лия ехидно поглядела на меня и, ничего не сказав, попрыгала дальше вниз по ступенькам. Я усмехнулся и последовал за ней. Путь наш лежал на базар.

Снабжение трехсоттысячного города провизией — проблема технически очень непростая. Но решена эта задача была блестяще. Неподалеку от местного амфитеатра, центра культурной жизни Огрбурга, имелась огромная пещера, по площади раза в два больше местного титанического Колизея, но по объему ему значительно уступающая (высота потолков не превышала пяти метров по всему объекту). Здесь был расположен местный продуктовый рынок. Огромное количество различных магазинчиков занимали все стены пещеры (там же была расположена наша с гоблинкой маленькая лавка по продаже спиннингов), а весь центр площади отдали под прилавки торговцев различным съестным товаром. К рынку вела удобная прямая улица прямо от городской стены. За городской чертой улица переходила в мощеную дорогу, упирающуюся примерно через два километра в небольшой пригородный район, который весь являлся загородным базаром.

Сооруженный из небольших бревенчатых строений, базар регулярно разрушался во время войн (сам Огрбург не был захвачен ни разу), чтобы потом отстроится заново. Чего там только не было! Заниматься перечислениями не буду, а то придется только об этом несколько дней говорить — да и желающие сами могут порыться в инете и вытащить всю информацию, которая не является закрытой. Нашей задачей являлись скакуны, и мы направились в ту часть этого огромного пригорода (по занимаемой площади поверхности превышающий сам город раза в три), где происходил торг ездовых и боевых животных. Дехор и Рыжик увязались за нами.

Лия моментально выбрала себе изящного куникула-самца, которого незамысловато звали Ушастик, а вот с ездовым волком пришлось изрядно повозиться. Скакун должен был везти помимо меня еще и кота — соответственно выбирал зверя в основном Рыжик. Наконец один тонконогий черный (чуть не сказал — вороной) волк по кличке Снап устроил рыжего привереду, и тут же был куплен. Изящные очертания бегового зверя великолепно сочетались с большими размерами (холка Снапа была мне по грудь), при этом огромный волк почему-то не производил впечатления грозного хищника. Характер у ездовых волков тоже спокойный (если их вовремя кормить) — так что никаких сложностей скачка на волке не представляла. Если уж честно — то Вихрь (жеребец желтолицых всадников, на котором я как-то раз выполнял задание в мире Ворк) был гораздо опаснее Снапа.

Потом примерно час мы с гоблинкой ездили вокруг Огрбурга на новоприобретенных скакунах, привыкая к норову этих средневековых болидов. Уж не знаю, как умудрялась скакать Лия на своем Ушастике (меня бы укачало после первого же пятиметрового прыжка с места, которым куникул обычно начинает свой бег), но я на Снапе ехал отлично. Немного тряская рысь ездового волка позволяла ехать достаточно расслабленно, а рывок-галоп, когда задние лапы бегуна заходили за его передние, и зверь летел, низко стелясь над землей, так вообще был ровный, и не приходилось прилагать ни малейших усилий, чтобы удержаться в легком волчьем седле. Рыжик, удобно устроившись передо мной на кожаной накладке седла, при езде на волке чувствовал себя великолепно. По прямой куникул Лии выбивался из сил, чтобы поспеть за волком, который легко несся стелящимся галопом. Зато если дело доходило до маневров, то равных Ушастику не было — на огромной скорости куникул гоблинки умудрялся делать такие зигзаги и повороты, что просто дух захватывало. Почти не снижая скорости, ушастый скакун мог развернуться и начать бег против направления своего

первоначального движения — как на его покатой спине умудрялась удерживаться цепкая девушка мне просто непонятно. Кстати, управляла Лия Ушастиком без всяких удил, держа в хватких ручках длинные уши верткого скакуна. Поводья для управления волком не отличалось от лошадиных, разве что сбруя на пасти походила больше на собачий намордник, чем на лошадиную упряжь.

Вдоволь накатавшись, мы оставили своих скакунов в специализированном отеле (назвать эту гостиницу для ездовых зверей загоном или конюшней у меня язык не поворачивается), и вернулись в Огрбург. Кстати — в город запрещен въезд верхом без специального разрешения. Оно и понятно — отлично приспособленные для пешего передвижения улицы являются порой непреодолимой преградой для любого гужевого или верхового транспорта. Есть специальные маршруты, по которым можно передвигаться верхом и в повозках — именно по ним и доставляются на арену звери в случае надобности. Еще на городской рынок и к дворцу Правителя есть дороги, предназначенные для верховой езды — вот в принципе и все места, куда можно попасть на ездовых животных.

Время очень удачно подошло к обеду, и мы решили перекусить у Моба.

— Вы идите пока туда, я за Хобом сбегаю, — сказала Лия, и скрылась в ближайшем переулке.

— Конечно, как скажешь, красавица, — сказал я в пустоту, вызвав радостный оскал у Дехора, и мы отправились в любимую таверну со странным названием «Пьяный гоблин-толмач».

Впереди шел я, за мной шагал огр, неся на ручках рыжего лентяя. Я оглянулся, и эта картина напоминала мне о нашем последнем совещании в «Гном-инсте». Тогда мы утвердили, наконец, предстоящее путешествие с использованием моих местных связей при минимальном использовании земных технических средств.

Поначалу доставка кота-датчика на острова Архипелага вообще не воспринималась как архисложная задача. Планировалось использование СВЗ в качестве транспортного средства. Контейнер с котом при помощи высокотехнологичного скафандра выводился на орбиту планеты, потом происходило приземление уже в районе Архипелага. Вся эта процедура занимала чуть больше двух часов. Как Дехор в данный момент нес Рыжика, так же я в СВЗ брал на руки кота в защитной капсуле и переносил через половину планеты без забот и хлопот. Реальность вмешалась в планы, и как всегда победила (такое уж у

нее свойство, очень реальное).

Дело в том, что при плотном контакте с высокотехнологичным СВЗ у кота мира Ворк надолго отключаются все нужные для работы настройки организма. Так и не выяснено — что конкретно «оглушает» тонко настроенный телепатический кото-датчик, но факт остается фактом — в СВЗ к коту близко подходить не рекомендуется. Вариант с орбитальной доставкой кота сразу зарубил ИскИн (все-таки имелась некоторая польза для проекта от этой нелепой железки), да и потом в процессе работы над подготовкой ловчей пещеры я и сам все понял. Рыжику жутко не нравилось находиться даже в десяти метрах от работающего СВЗ — а кратковременное нахождение в пяти метрах от скафандра «оглушало» кота на денек-другой. Он по-прежнему мог телепатически общаться, но при этом (как он сам пытался объяснить) ничего не чувствовал в окружающем мире. Каким образом СВЗ «оглушает» котов — не изучено, и поэтому экранирующей от воздействия скафандра капсулы тоже не существует. Наверно есть в природе такое вещество — но искать его эмпирическим методом подбора в нашей ситуации было признано нецелесообразным. Плотный контакт кота с СВЗ при двухчасовом переносе через половину планеты по расчетам того же ИскИна должен «выключить» нужные нам способности минимум на полгода. Соответственно от присутствия «оглушенного» кота в районе Архипелага не будет абсолютно никакой пользы, — какой из островов подходит для жительства прайда, временно выведенный из строя кот-датчик показать не сумеет. Поэтому было принято решение не подвергать стрессовому воздействию чутких разумных зверей и ограничится местными возможностями для перемещений на большие расстояния. То есть придется мне и Рыжику попутешествовать.

Через полчаса после того, как гоблинка скрылась в ближайшем переулке, мы большой компанией уже сидели в углу зала таверны, а улыбчивый гоблин-хозяин подносил к нашему столу все новые и новые яства.

— Ну что, — сказал я после того, как поставил в известность Хоба и Васиза о предстоящем путешествии. — Вы в доле?

— Заманчивое предложение, — пробормотал тролль, одетый в балахон мага Стихий, и выжидающе взглянул на гоблина. — Я то всегда готов, а вот Хоб служит, так что его слово.

— У меня сейчас месячный перерыв в службе, я только три дня назад прилетел с Острова. Да могу отпуск взять, хоть полугодовой, — ухмыльнулся гоблин в ответ. — А так очень интересное предложение. Я согласен.

— Ну, вот и хорошо, — обрадовался я. — Кстати, все расходы по путешествию на заказчиках, вождях грымских.

— Так это вообще отлично! — радостно выдохнул Хоб. — У меня нет куникула своего.

— И у меня нет ни волка, ни раптора, — хитро прищурившись, добавил Васиз.

— Не вопрос. После обеда снова идем на базар, — ответил я. — Там наши с Лией с утра купленные звери стоят, ваших скакунов дожидаются.

— Люблю иметь с тобой дела, орк Тим, — подмигнув, сказал Хоб, и мы скрепили договоренности, хлопнув по рукам. — Когда выступаем?

— Да чем скорее, тем лучше, — честно ответил я.

— Я так вообще могу хоть завтра с утра, — весело сказала Лия. — Да и Дехор тоже может, да?

— Я хоть сейчас, — прогудел огр, и тут же украдкой сунул под стол кусок курятины.

— Мы с троллем тоже завтра с утра можем, да Васиз? — повернувшись к товарищу, спросил Хоб.

— Могу, — коротко согласился тролль и вцепился в кусок мяса могучими клыками.

— Вот и отлично, — подвел я итог застольного совещания. — Завтра с утра выступаем.

Возражений не последовало, и разговор перешел на отвлеченные темы.

Гоблинка, похожая на куколку-вампирчика сидела во главе стола. Около нее пристроился гоблин в одежде мага Тверди, не спускающий с гоблинки влюбленных глазок. Рядом с гоблином сидел синекожий сутулый тролль, постоянно гнусно ухмыляющийся и тыкающий своего товарища в бок, отвлекая его внимание от хорошенькой куколки-вампирчика. По другую руку от гоблинки расположился орк, который был вовсе даже и не орк, а замаскированный джисталкер. Половину места за столом занимал огромный огр, иногда украдкой переправляющий вниз самые вкусные кусочки. А все подстольное пространство оккупировал большой рыжий кот, в результате съевший мяса больше всех остальных вместе взятых.

Работа 9. Степная

Степь да степь кругом,
В мире мы другом…

(народная джисталкерская)

Дорога наша пролегала через степь. Назывались эти степные просторы Пустошами. Наверное потому, что там отсутствовали двуногие разумные обитатели — другого объяснения у меня нет. В отличии от желтолицых всадников Этой Стороны (постоянных жителей степей), представителей Той Стороны в таких местах не имеется. Орки, самые многочисленные среди разумных хищников, спустились с гор или вышли из леса, в прямом смысле этого слова, после чего расселились либо на побережье, либо в крупных городах. Часть орков так и осталась в горах и лесах (в частности мое прикрытие тейп Грым), продолжая вести полуоторванное от цивилизации существование. Тролли ведут свою историю от многочисленных поселений вдоль великих рек экваториального юга. Гоблины — исконные обитатели лесов и болот. Кстати — гоблины и тролли тяготеют друг к другу, и испокон веков создают совместные поселения. Основное количество деревень и сел, встречающееся на всей территории Той Стороны, заселено как раз троллями и гоблинами примерно в равной пропорции. Огры жили когда-то очень давно на степных просторах (оттуда и произрастают их беговые таланты), но с развитием цивилизации все огромные толстяки покинули степь, предпочитая жительство в городах или неподалеку от них — так что сейчас степь не заселена разумными существами. Зато неразумных обитателей в степи полным-полно:

Огромные стада бизонов, размерами значительно больше земных и обладающих жуткими рогами. Зебры мира Ворк тоже крупнее наших полосатых лошадок и гораздо быстрее бегают. Резвые сайгаки и газели почти аналогичны земным представителям. Могучие кабаны, клыки которых напоминают бивни. Жуткие ископаемые носороги, бронированные не хуже танков времен отечественной войны.

По количеству жизни пустоши больше походят не на спокойную степь средней полосы, а на буйную африканскую саванну. От земной саванны, помимо размеров живности, Пустоши отличает еще одно обстоятельство.

Динозавры. В степи почему-то огромных ископаемых

хищников и травоядных нет — по-видимому, сказалось близость многочисленных поселений, полных магами и бойцами. Зато мелких динозавров пруд пруди, — и все они хищники. Нишу львов, тигров и прочих крупных охотников прочно оккупировали рапторы, размерами чуть меньше того, что я подстрелил в лесу, вроде оргбуржских колесничных скакунов, которых и отлавливают на Пустошах. Нишу степных волков, а заодно гепардов и гиен, плотно занимают велоцирапторы (кстати — все хищные динозавры не брезгуют падалью).

С одной такой стаей, состоящей из шести особей, мы столкнулись на третий день путешествия, под вечер. Стая показалась на горизонте, с большой скоростью (около шестидесяти километров в час) приблизилась к нам, некоторое время бежала параллельным курсом на расстоянии около полукилометра, но, так и не решившись напасть, развернулась и вскоре скрылась за горизонтом. Вел стаю почти трехметровый ящер, покрытый черными перьями, чем-то неуловимо напоминающий велосипед (при огромной длине велоцираптор весит не больше шестидесяти килограммов — примерно вес Рыжика).

В принципе эти звери, предки современных земных птиц, достаточно умны и обучаемы — вот видимо, и черный вождь прекрасно понимал, чем грозит столкновение его банды степных террористов с нашим отрядом. Жуткий серповидный коготь, главное оружие легких рапторов, для огра в тяжелых доспехах совсем не страшен и небольшую стаю этих опасных быстробегающих птичек легко разогнал бы один Дехор. Правда пара десятков птицеящеров могли победить отставного сержанта, — используя свои серпы в качестве крюков и плотно вцепившись в массивного бойца, велоцирапторы постепенно загрызли бы огра — но мы-то рядом, стоять и просто смотреть на это безобразие не будем. Для магов в матерчатых одеждах заставший их врасплох велоцираптор может представлять серьезную опасность — но если те успеют поставить магическую защиту, то окажутся для легких динозавров практически неуязвимыми. Для меня на открытом пространстве небольшая стайка скоростных птах тоже не представляет серьезной опасности — одна очередь из арбалета решила бы все вопросы (велоцирапторы в отличие от лесных собратьев не обладают невероятной живучестью). Рыжика ящеры просто не замечали. Так что опасны были зверьки только для Лии — а гоблинка по степи путешествовала, защищенная нами со всех сторон.

Кстати, на самом деле это не настоящие велоцирапторы — степные хищники мира Ворк больше походили на дейнонихов. Но

с легкой руки голливудских постановщиков все небольшие хищные ящеры, сопоставимые ростом и весом с человеком, зовутся велоцирапторами. Лесные и степные рапторы (как и огрбуржские колесничные скакуны) тоже относятся скорее к аллозаврам — но тут уже сыграли свою роль многочисленные компьютерные игры, и всех бегающих на двух лапах динозавров по геймерской привычке называют рапторами. Игроков в компьютерные игры на планете Земля оказалось значительно больше, чем биологов и палеонтологов вместе взятых, из-за этого название «раптор» ко всем хищным двуногим доисторическим птицеящерам прицепилось навсегда. Исключение составляет самый большой из них, имеющий отдельное название тираннозавр (чемпионов всегда уважают).

Так что в степях мира Ворк сложилась странная ситуация смешения геологических периодов. Хищники представляют мезозой, а остальное зверье соответствует вполне даже четвертичному периоду, достойным представителем которого является хомо сапиенс. Титанический метеорит, который смел с лица земли огромных динозавров в конце мелового периода, оказал значительную услугу крупным земным хищникам. Млекопитающие в мире Ворк не получили подобную поддержку (скорее к счастью чем к несчастью) и поэтому совсем уж крупных хищников среди видов, выкармливающих молоком своих детенышей, так и не зародилось. Да и остальные отряды живых существ на всей протяженности своего развития вели борьбу за существование с хищниками гораздо крупнее и злее земных кошачьих и собачьих, что, скорее всего, и сказалось на беговых способностях местной живности. Кстати местные волки и варги размерами могут конкурировать с земными львами и тиграми — при этом являются животными достаточно миролюбивыми и приручаемыми. Может быть, это обуславливается тем, что у них имеются конкуренты гораздо крупнее и опаснее? Ну, я не биолог, так что не буду выдвигать необоснованные версии.

Впрочем, самым опасным хищником как был, так и остается разумный убийца, и в местах скоплений двуногих прямоходящих (обеих сторон) хищные динозавры не живут по причине использования случайно забредших представителей в качестве предметов охоты и последующего поедания в виде вкусно приготовленной дичи.

— Не люблю их, — хмуро сказала Лия, когда велоцирапторы, называемые тут рапами, скрылись за горизонтом. — Гадкие твари.

— Дальше их будет больше, — спокойно сказал Дехор, хотя бежал уже часа три с невероятной для человека скоростью под сорок километров в час (профессиональные марафонцы Земли наверно ненавидят огров).

— Впереди будет местность, примерно через пару дней пути, где рапов очень много, — сказал Хоб, скача рядом с Лией на своем куникуле. — За день ее пересечем в лучшем случае — дальше холмы пойдут, там рапторы уже в основном.

— Скорее бы уж, — сказала Лия, и ее всю передернуло при упоминании об этих жутких пташках.

Рапторы мира Ворк не любят рапов (конкуренция) и являются практически неуязвимыми для основного оружия велоцираторов (серповидных когтей) из-за крепости почти каменной шкуры. Бегают рапы значительно быстрее рапторов, и на огромных равнинах обладают определенным преимуществом. Но там, где рапы не видят возможного приближения своих больших сородичей, преимущество теряется — рапторы подходят и попросту отгоняют своих более мелких собратьев-динозавров от любой уже убитой добычи. При этом рапторы для нашего отряда совершенно не опасны — все они бегают медленнее разогнавшегося огра, который и задает темп передвижения нашей команде.

Через полчаса мы на небольшом холме (для лучшего обзора окрестностей) разожгли походный костер и жарили на нем небольшую антилопу, которую я подстрелил, не слезая со спины Снапа. Разговор шел о тактике пересечения опасной территории.

— Хорошим темпом идем. Через два дня на Раповые луга выйдем, — сказал тролль, покручивая на вертеле истекающую жиром антилопью ногу. — Оттуда за день до Пустынных Холмов добраться можно, но придется держать приличный темп, а это очень сложно.

— Не выход, — возразил я, глядя на поджаривающееся мясо и глотая слюну. — Под конец дня мы будем вымотаны, а там как раз самое скопление рапов.

— Да я их тысячу потопчу, — рыкнул огр, на секунду оторвавшись от антилопьей тушки, которую он употреблял в сыром виде. — Чего беспокоиться?

— А если они Рыжика заметят? — подковырнул я Дехора и огр, обеспокоено взглянув на рыжего обжору, с которым только что поделился сырой антилопой, больше в разговор не встревал. — Не дело нам, уставшим, в конце дня самый сложный участок равнины проходить.

— Согласна, — поддержала меня Лия. — И что же делать будем?

— Можно до форта тролля Вениба доехать, но это приличный крюк, — предложил Васиз. — Он мой родственник дальний. Даст отряд до Холмов.

— Можно, но пару недель потеряем, — задумчиво протянул я. — Хотя если тут рапы уже есть, всего в трех днях пути от Огрбурга, то дальше их массы.

— Что-то расплодились, — согласился со мной Хоб. — Раньше их здесь еще не было точно.

Тут подоспела антилопья нога, и мы вгрызлись клыками в горячее мясо. Дехор уже доел вторую ногу, и они с Рыжиком продолжили задумчиво уничтожать антилопье мясцо. Потроха достались скакунам. Над походным костром воцарилась тишина.

Пока все ели, сидя у костра, я взял кусок мяса и отошел в сторонку, после чего начал копаться в базе данных стрикета. Небезрезультатно — вытащил пару планов дальнейших действий нашей небольшой команды.

Во-первых, не совсем на нашем пути, а чуть южнее на карте имелось изображение каких-то сооружений, соответственно могла найтись возможность для ночевки. Во-вторых, рапы одной из манер поведения ужасно напоминают земных ворон — они ужасно боятся трупов других рапов. Во всяком случае, на человека (или орка, не суть), закутанного в кожаный плащ из шкур рапов, эти жуткие птахи нападают только при очень большом численном перевесе. Это натолкнуло меня на одну очень интересную мыслишку, но сначала надо было узнать, что за сооружения находятся в Пустошах.

— Это могильники древних огров, — сразу ответил Дехор на мой вопрос. — На них наложена охранная магия Тверди, но если она от времени погасла — то это обычные камни, горой наваленные над могилой древнего вождя.

— А высокая гора? — тут же поинтересовался я.

— Ну, так, — задумался отставной сержант. — Если шесть таких огров как я друг на друга поставить, голова последнего будет вровень с вершиной кургана.

— Метров двадцать примерно, неплохо, — тихонько пробормотал я, после чего продолжил получение ценной информации: — А если магия с древних времен не погасла?

— Тогда с виду такая же гора, но при попытке взобраться на нее будет активирована ловушка, — ответил Дехор и, взглянув на наши недоуменные физиономии, добавил: — Внутрь горы провалитесь, засосет как болото.

— А ты сможешь определить, есть магия в гробнице или нет? — продолжил я допрос огра.

— Конечно, любой огр это сразу скажет, — буркнул Дехор, и

посмотрел на меня как на полного идиота.

— Отлично. А наших скакунов на гору без ловушки можно завести? — ничуть не смущаясь под недоуменным взглядом огра, продолжил я допрос.

— Да я если что их на руках затащу, — ответил Дехор, и оценивающе глянул на наших пасущихся волков и куникулов. — Гоблинских даже двоих одновременно смогу.

— Славно, — закончил я сбор данных, и начал объяснять нашему небольшому отряду примерный план действий.

Рыжик тем временем доел последний кусок антилопы и покинул нас, присоединившись к пасущимся хищникам, которые давным-давно доели антилопьи потроха. Эта ненасытная рыжая прорва опять не наелась, хотя в этот раз все было понятно — огр уничтожил сырую антилопу с огромной скоростью. Смешно было наблюдать, как рыжий командир моментально организовал наших «лошадок», и процесс выпаски сразу пошел гораздо результативнее. В принципе наши скакуны не ели траву — они «мышковали», хотя издали было достаточно похоже на обычный конный выпас. Авторитет рыжего сержанта у рядового скакового состава достигал заоблачных высот (они кота слушались лучше, чем своих наездников — хотя у каждого из нас имелся свисток, на звук которого наши «кони» были натасканы мчаться, наплевав на все вокруг). Как только за дело взялся Рыжик, «сена» в виде толстых мышей, сусликов и прочих норных обителей степного подполья стало потребляться нашими «конями» значительно больше. Впрочем, рыжий командир про себя не забывал, и если ему нравилась какая-нибудь особенно упитанная мышь, он без лишних слов отбирал вкусность, иногда не стесняясь залезть лапой прямо в пасть волку или куникулу. Наши хищные скакуны терпели такую тиранию без лишнего воя, за что были вознаграждены значительно увеличившимся объемом потребляемой мышатины.

План, посетивший мою голову, был прост как все гениальное (хватит уже скромничать, пора признать собственные таланты). Мы должны будем добраться до огрских древних курганов, на одном из них переночевать в относительной безопасности. Огр затаскивает на вершину предварительно связанных скакунов, чтобы они в темноте не рванулись куда-нибудь и не переломали себе ноги. На курганах мы будем защищены от быстробегающих рапов — как и земные страусы, эти равнинные гонщики практически не могут передвигаться по каменистым склонам. Утром по моим расчетам у кургана должна будет собраться приличная стая рапов. Если хищных птах будет достаточно много,

то они на нас нападут в любом случае. Если не очень большая стая соберется, то они будут нас преследовать на своей территории. Тогда мы передвигаемся к границе зоны курганов, и там снова ночуем на одной из каменистых вершин. Утром следующего дня должна собраться приличная толпа рапов, и на нас обязательно нападут. Мы принимаем бой, всех убиваем, обвешиваемся головами велоцирапторов и добираемся до Пустынных Холмов, спокойно пересекая Раповые луга — по пути (когда мы будем уязвимы) на нас нападать уже побоятся. Примерно так же крестьяне защищают свои поля от ворон, вывешивая трупы черных разбойников на всех заборах. Единственное слабое звено этого конгениального плана находилось в подпункте, под названием «всех убиваем», но я надеялся, что этот момент мы как-нибудь решим общими усилиями.

Тем временем стемнело, и мы начали готовиться к ночлегу. Наши скакуны под чутким руководством рыжего сержанта к этому времени уже обожрались сусликами и мышами, спокойно вернулись к нам и оказались привязанными к вбитому в землю столбику как цепные псы, на что возражений с их стороны не последовало. Хоб и Васиз окружили импровизированный лагерь на холме магическими ловушками, после чего мы начали готовиться ко сну, предварительно распределив вахту, освободив от нее только Дехора (огр набегался за день и ему был нужен полноценный отдых). Мне досталась самая неприятная — «мертвая» вахта, с четырех до шести, которая по совместительству является последней. В походе отход ко сну запланирован рано, около десяти часов вечера, для того чтобы с шести утра начать новый походный день — поэтому я не стал вступать в вечерние беседы, а тут же улегся в некое подобие спального мешка, который практикуется тут повсеместно. Рыжика я в мешок не пустил, на что тот обиделся и ушел ночевать к огру. Я оказался черствым, не обратил никакого внимания на страдания нежной рыжей души и через пять минут беззастенчиво уснул.

В степи, на небольшом холме горел костер. Неподалеку от огня тихонько ворковали гоблин и гоблинка, смело решившие совместить свои вахты. Громадный огр негромко сопел, лежа прямо на сырой земле рядом с танцующим пламенем, а на его огромном пузе вольготно расположился большой рыжий кот. Тут же прилегли два скаковых волка, уложив лобастые головы на тонкие лапы. Рядом с ними примостили свои сутулые спины куникулы, похожие в красноватых отблесках на двух огромных

мирных кроликов. С другой стороны костра рядышком лежали два спальных мешка, грубо сшитых из меховых шкур. В одном тихонько сопел уставший джисталкер, а в другом громко храпел синекожий тролль, забавно выпуская воздух сквозь щели между губами и клыками. Этот храп не сильно выделялся среди звуков ночной опасной жизни, но на холм к костру жуткие обитатели степи предпочитали не соваться. А впрочем, хотя гоблин и гоблинка довольно много времени уделяли друг другу, но и о своих обязанностях не забывали, зорко следя за округой при помощи острого чутья, слуха и магических приспособлений. На вершине холма все как будто говорило: «Спите спокойно, жители Багдада!»

Работа 10. Драчливая

Смело мы в бой пойдем…
И все они умрут!

(правильный вариант песни)

Ночь под открытым небом прошла достаточно спокойно. Лия и Хоб отлично поработали в паре. Наша маленькая аристократка, благодаря талантам служителя Некро являющаяся сканером живых существ гораздо более чутким, чем даже мой суперсовременный прибор в ухе, сразу засекала желающих нарушить наш покой. Затем приличные булыжники, которые Хоб оживлял прямо под ногами неосторожно приблизившихся к костру враждебно настроенных коренных обитателей, неожиданно решали взлететь с огромной скоростью, встречали на своем пути к небу нарушителей и надолго отбивали у них охоту к излишнему любопытству. Васиз в свою вахту поступил еще проще — накрыл лагерь звукоизоляционной воздушной полусферой и рассыпал эклектические ловушки-конденсаторы вокруг лагеря. Далее действие происходило строго по небезызвесной песенке:

…к примеру, так — подходит враг,
и электрический кулак ему по роже…

Насколько я понимаю, ловушка при этом производила жуткий треск, за этим следовал испуганный визг врага, удирающего во все лопатки — так что без звукоизоляции тролль был бы нами нещадно бит за постоянные прерывания отдыха. А так первое что я увидел после того, как Васиз меня разбудил, был сноп искр, осветивший зверя наподобие гоблинского куникула, раскрытый в испуге клыкастый рот твари, а потом я ступнями ощутил удаляющийся топот — причем все это происходило практически в полной тишине.

Светлеющее небо расслабляло. Приняв пост, я дождался громкого храпа тролля, активировал сканирующее поле стрикета на максимальную дальность и обнаружение объектов весом свыше тридцати килограммов, и стал смотреть на небо. Через пять минут из моего спальника вылез Рыжик (как только я крепко уснул рыжий негодяй слез с огра и забрался в мой спальный мешок), расположился у ног и потребовал, чтобы его почесали за ухом. Пришлось подчиниться.

Перед самым восходом, еще в полной темноте, засек штук пять опасных объектов практически на самой границе сканирования. Не стал умничать, снял с плеча арбалет и дал в том направлении длинную очередь вслепую. Явно попал — один из объектов начал остывать, а остальных как ветром сдуло. Когда небо начало светлеть увидел в ста шагах темную кучу, и до самой побудки остальных членов отряда мучался, гадая — кого же я невзначай пристрелил впотьмах.

Перед самым рассветом разбудил ребят, за неимением горна просто прокричав: «Подъем!», и сразу отправился поинтересоваться, кто там пал жертвой злого рока и моих рук. Труп был, — какой надо труп. В степной траве валялся давешний черный велоцираптор, главарь банды степных террористов. Арбалетный болт-дурак пробил длинную шею, перебив позвоночник, — черный рап умер мгновенно и без мучений. Страшная бесшумная гибель главаря отпугнула остальную банду.

Взявшись за длинную шею, я приволок тело велоцираптора к огню, и оно послужило благому делу — было использовано нашей компанией в качестве завтрака. Потроха снова достались скакунам. Мясо рапа по вкусу чем-то напоминало курятину, правда, с довольно специфическим привкусом. Зубастую голову и птичьи лапки с ужасными серповидными когтями Лия обработала при помощи своей магии Некро, и по окончании процесса я привязал к седлу Снапа очень качественно мумифицированные трофеи. Сухие лапки птицеящера я связал с десятисантиметровым обрубком шеи, так что теперь у меня с седла свисал немного жутковатый букетик, вместо бутонов увенчивающийся оскаленной зубастой мордой и растопыренными когтистыми лапками.

«Прямо как башибузук», — пришло в голову сравнение, когда я запрыгивал в волчье седло со свисающей головой рапа.

Через пять минут мы уже скакали по направлению к курганам древних огров. Не знаю, была ли тому виной голова с черным хохолком из перьев, висевшая на моем седле клыками вниз, но небольшие банды рапов к нашему отряду приближаться не решались. Жуткие некрупные динозавры визжали на нас с километровой дистанции, этим и ограничивалась вся их реакция. Хотя эти банды были меньше стайки черного неудачника, закончившего свою бандитскую карьеру в наших желудках (в основном в огромном пузе Дехора). Ну и встречные рапы, вкупе с попадающимися на пути обглоданными скелетами травоядных

обитателей степных просторов, служили нам напоминанием, значительно повышающим бдительность.

Когда солнце только коснулось линии горизонта, мы добрались до зоны курганов. Двигались мы ударным темпом, устроив всего один часовой обеденный привал, да и то из-за огра, которому надо было подкрепиться. Под конец дневного перехода рапы обнаглели, и снова начали бегать с нами параллельным курсом, пронзительно вереща. Два первых кургана на нашем пути огр забраковал, а третий его устроил. Склон кургана представлял собой хаотическое нагромождение острых скал. Как подняться на вершину по пятидесятиметровой наклонной поверхности я представлял плохо. Правда на самом верху кургана имелась небольшая плоская площадка (примерно в двадцати метрах над поверхностью степи), которая позволяла провести ночь в относительной безопасности и комфорте. Мы спешились у подножья кургана и с уважением уставились на каменный хаос.

Огра нагромождение скал абсолютно не смутило, и он отдал команду, проявив во всей красе свое сержантское прошлое:

— Ноги связываем! Быстро!

В принципе, я его прекрасно понимал. Увидев, что мы остановились, несколько стаек рапов заинтересованно начали приближаться. Через пару минут наши скакуны были надежно стреножены и начали проявлять все признаки беспокойства. Огр не обращая никакого внимания на тяжелое испуганное дыхание наших «лошадок» взвалил на могучее плечо моего волка и спокойно пошел по каменному нагромождению. Посмотрев, как идет Дехор, я понял — в одном месте беспорядочный каменистый хаос самообразовывался в удобную уступчатую лестницу, по которой подъем на вершину не составлял ни малейшего труда. При этом лестница в глаза не бросалась, и если бы по уступам в данный момент не шел огр — я бы, возможно, так ничего и не заметил.

Через минуту огр вернулся, взвалил на плечо волка тролля и потащил его на вершину. Я стоял, сжимая в руках арбалет, и наблюдал за несмело подходящими к нам рапами. Рядом приготовились к отражению атаки маги, а за нашими спинами напряглась в ожидании гоблинка. Рыжик не стал проявлять ненужного героизма, и спокойно наблюдал за нами уже с вершины кургана. Когда Дехор спустился в третий раз, то он, как и обещал, взвалил обоих куникулов на могучие плечи и спокойно отправился вверх. За ним отступали мы, прикрывая спину нашего мощного носильщика. Один рап не выдержал, и начал разбег. Уж не знаю, хотела ли птичка нас просто напугать или действительно потеряла голову от голода и жажды крови, но я не стал

испытывать судьбу и подстрелил бегущего на нас велоцираптора. С арбалетным болтом в глазу рапы живут недолго, и через секунду после удачного выстрела прямо под мои ноги свалился очередной трофей. Я не стал отказываться от неожиданного подарка судьбы, и прихватил свежеподстреленного рапа, который и послужил чуть позже нашим ужином. Дальнейшее отступление по полутораметровым ступенькам прошло без происшествий, разве что гоблины на каждый уступ запрыгивали с разбега, да и нам с троллем подниматься было не очень удобно — зато огр вышагивал, неся на плечах куникулов, с величавым достоинством, как камергер по парадной лестнице.

Когда мы поднялись на вершину, я в густых сумерках глянул вниз. Три-четыре рапа стояли у начала лестницы (с вершины удобный подъем на курган был отлично виден) и не могли пересечь незримую границу. Неразвитое пространственное восприятие просто-напросто не давало рапам возможности передвигаться по неровной скалистой поверхности. Каменный курган оказался надежным защитником.

Ночь прошла без происшествий, разве что к моей вахте закончился запас топлива для костра, а пополнить его, спустившись с кургана, мне почему-то не захотелось — так что пришлось дежурить в полной темноте. Впрочем, мне темнота совсем не мешала, так как шлем был оборудован прибором ночного видения, да и сканер четко сигнализировал обо всех изменениях в окружающей обстановке. Утром мы спустились с кургана и продолжили путь — рапы на нас напасть не решились. В течение дня мы проехали бесчисленное количество древних огрских курганов. Пару раз рапы испытывали нашу выдержку, подбегая на опасно близкое расстояние. Двух птах я подстрелил прямо со спины Снапа, и на дневном привале, организованном на вершине очередного кургана с потухшей магической ловушкой, мы ими и отобедали. Правда мне уже изрядно поднадоела динозавровая диета. Под вечер курганы начали попадаться значительно реже — мы вплотную приблизились к Раповым лугам. Заночевали, как и в прошлую ночь, на вершине очередного кургана, на этот раз, насобирав приличный запас топлива. Этот каменистый холм был последним на нашем пути — впереди простилалась бескрайняя равнина, на которой до самого горизонта взгляду не за что было зацепиться.

— Утром нападут, — сказала гоблинка, зябко поведя плечами, несмотря на теплый вечер и жар от костра.

— Да пора бы, на это и весь расчет, — пробурчал я, нерадостно обгладывая тонкую кость рапа. — Не волнуйся, Лия.

Все сделаем по высшему разряду.

— Надоели мне они, — сморщился Дехор, отбрасывая в сторону связанных скаковых хищников слегка поджаренную и недоеденную ногу рапа, которую тут же ухватил клыками куникул и начал с чавканьем доедать. — Тим, антилопу бы, что ли подстрелил или зебру.

— Завтра Раповые луга перейдем, там и поохотимся спокойно, — опередил меня Хоб.

— Надо бы, а то худею, — жалобно сказал Дехор и с недовольством уставился на свой значительно уменьшившийся живот, после двухдневной-то гонки на пределе возможности. — Как сопляк малолетний скоро выглядеть буду…

После этого мы вместе убедили огра, что он смотрится по-прежнему внушительно, мы еще разок обсудили предстоящую схватку с рапами, запланированную на утро, и улеглись спать (кроме, естественно, вахтенных).

Утром разбудил ребят, и пока они приводили себя в порядок, занялся обзором окрестностей. Вокруг нашего кургана курсировало несколько крупных банд степных террористов. Рапы самоуверенно верещали, чувствуя себя хозяевами положения. Я попробовал их пересчитать, но сбился — неугомонные велоцирапторы на месте не стояли, постоянно передвигаясь и уничтожая неосторожных сусликов и мышей. В сумме их было штук пятьдесят — при таком численном перевесе они с огромной долей вероятности должны на нас напасть.

— Все готовы? — спросил я, когда все члены моего отряда привели себя в порядок и встали за моей спиной.

— Да, — единообразно ответили бойцы Той Стороны, лишний раз подтвердив преимущество военного человека перед мирным гражданским лицом.

— Начали, все по плану, — отдал я команду и отошел в сторону.

Первым по уступам пошел огр, за ним следом отправились оба гоблина. Наше шевеление сразу привлекло внимание динозавров. Немного не доходя до подножья ребята на долю секунды замерли, и через миг на степную равнину вышла магическая связка, тускло отражая утреннее солнце гранитным боком. Магический танк начал неспешно двигаться, привлекая внимание хищников, и через пять секунд все рапы в округе пришли в движение.

На огромной скорости велоцирапторы нарезали круги вокруг нашей бронированной приманки. На вершине кургана мы с

троллем готовились к дальнейшему шоу. Я развязал Снапа и крепко держал под уздцы своего хищного скакуна — волк переступал с ноги на ногу, восстанавливая кровообращения. Нам предстояло немного побегать. Васиз стоял и смотрел за событиями, происходящими у подножья холма, готовый в любую минуту вступить в действие, но его время пока не наступило.

Тем временем первый велоцираптор решился на атаку. Основное, великолепное оружие рапа (серповидный пятнадцатисантиметровый коготь на нижних конечностях), помноженное на скорость может давать ужасающий эффект. Жутко представить, что может сделать рап на открытой местности с человеком без средств защиты. Пробежит такое чудовище мимо, в прыжке развернув лапку с когтем в горизонтальную плоскость, и всё, — человек перерублен практически пополам. С магическим танком-связкой такой прием не удался. Коготь рапа со скрежетом прошелся по всей поверхности магической связки, не зацепившись и не нанеся никакого ущерба, и птицеящер обиженно завопил, пробегая мимо надежно защищенных бойцов. Магический танк неспешно продвигался вперед. Следующий рап совершил ошибку — встал на пути продвижения связки и попытался вступить в бой. Трудно животному весом в шестьдесят килограммов драться с живым существом весом в четыре центнера, укрепленного магически и махающего пятидесятикилограммовой булавой. Дехор прихлопнул неосторожного рапа как муху мухобойкой.

Дальше рапы поступили в своей обычной манере при охоте на крупную дичь. Обычно орудуя серповидными когтями, эти хищники забираются на крупных животных и уже зубами наносят ему смертельные раны. Точно так же они попробовали поступить с нашим магическим танком. Буквально через минуту рапы облепили со всех сторон магическую связку бойцов, и с вершины холма место, где находились Дехор, Лия и Хоб, выглядело как огромная куча, вся состоящая из велоцирапторов.

— Тролль, вперед, — скомандовал я, начиная вторую фазу операции, и сам начал тихонько сводить Снапа с вершины кургана.

Васиз взмахнул в воздухе руками и медленно взлетел. Зависнув в тридцати метрах над поверхностью (метрах в десяти над вершиной кургана), тролль так же неспешно поплыл по воздуху в сторону сражающегося магического танка. Я в это время спустил ездового волка с кургана и запрыгнул в седло. С десяток рапов завизжали, отделились от общей кучи и рванули ко мне.

Дав короткую очередь из арбалета по набегающим рапам, я развернул Снапа и пустился наутек. Три птицеящера покатились

по сухой траве, остальных это не смутило и они продолжили гонку. Я тоже не стал стесняться, и продолжил отстрел мелких динозавров со спины ездового волка. Когда я по пологой окружности начал приближаться к шевелящейся куче рапов, меня преследовало всего два хищника, правда дистанция сократилась — рапы бежали почти вплотную, лязгая в воздухе зубами. Я забросил арбалет за плечо, выхватил меч, в лихом кавалерийском замахе располовинил ящера, преследующего меня слева и, не прерывая ход меча, отсек зубастую голову правому преследователю. Для высокотехнологичного меча, скованного Борисом Кузнецом, любая плоть — как масло для раскаленного ножа.

— Пора! — заорал я троллю, зависшему над местом основной схватки.

Васиз пропел что-то скрипучим голосом, и над нашим магическим танком почти мгновенно возникло грозовое облако. Через секунду на копошащихся рапов хлынул дождь. Броня нашего танка, сооруженного магией Тверди, превратилась в вязкую глину и все рапы мгновенно застряли на его поверхности. Туча рассеялась в воздухе, и на завязших птицеящеров обрушился поток горячего воздуха, мгновенно высушив поверхность магической связки. Ненадолго все рапы оказались плотно зафиксированы, и этим следовало быстренько воспользоваться.

Я рубанул мечом копошащуюся поверхность и рапы завопили от бессилья и боли. Следующие три минуты я выполнял тяжелую мясницкую работу, — вернее любой мясник презрительно фыркнул бы, глядя на то, что я делал в тот момент, презирая меня за непрофессионализм и бездарный перевод в отходы ценного мяса. Я, не вылезая из седла, кружился вокруг нашего танка и рубил, рубил, рубил…

Почуяв шевеление воздуха за спиной, я оглянулся. В траве валялся большой велоцираптор в серых перьях с перекушенным горлом, а рядом с ним сидел Рыжик и умывался лапой.

«Не волнуйся, я тебя прикрыл», — ответил рыжий боец, и я благодарно улыбнулся ему в ответ.

Когда я обернулся, магическая связка уже распалась, и на земле, влажной от пролитой крови, стояли огр и два гоблина.

— Экий ты рубака, — ехидно сказала Лия, оглядывая покрошенных в капусту жутких птах. — И как теперь нам головы собирать?

— Увлекся, — честно признался я, после чего все, включая спустившегося с небес тролля, рассмеялись, сбрасывая с себя напряжение боя.

Над степными просторами начинало набирать силу утреннее солнце. Под ласковыми лучами стояли кругом два гоблина, огр, тролль и замаскированный под орка джисталкер. Рядом с ними на траве валялись порубленные рапы, вид которых надолго мог лишить какую-нибудь впечатлительную натуру сна и аппетита. Никто в отряде, состоящем из бывалых бойцов, впечатлительностью не отличался, но то, что они делали, мало напоминало адекватную реакцию на окружающую картину. Гоблины хихикали, прижимая коричневые ручонки к животу, и забавно трясли головами, огр поднимал глаза к небу и утробно выл, издавая звук, похожий брачный рев гиппопотама, а тролль присаживался на корточки и ухал филином, хлопая себя по коленям и растягивая физиономию в широкой клыкастой улыбке. Джисталкер плакал от смеха, рукавом вытирая слезы с зеленой коллоидной маски, и временами ему начинало казаться, что судорога вот-вот сведет его несчастный живот. Но веселее всего было рыжему коту, который не мог стоять на месте и постоянно прыгал, добавляя к смеющемуся хору довольный кошачий мяв.

Работа 11. Сменная

«Сменочка», — с нежностью думал Штирлиц придя с работы домой, снимая черную форму и надевая старенький «адидас».

Раповые луга пересекли спокойно, без неприятностей. Единственное неудобство заключалось в огромном количестве мумифицированных голов рапов, которыми мы обвесили седла наших скакунов. Даже Дехор прикрепил к броне десяток высушенных зубастых голов и бежал по равнине, похожий на ожившее чучело. Встреченные стаи велоцирапторов (порой достаточно приличные) шарахались от нашего отряда как студент от женитьбы, подтверждая извечное правило — подобное лечится подобным. Ближе к вечеру показались первые холмы, которые к темному времени суток окружали нас плотным кольцом, в какой бы точке мы не находились. На вершине одного такого холма мы и заночевали, предварительно с удовольствием отужинав сайгаком, которого я подстрелил.

Последующее неспешное путешествие по Пустынным Холмам заняло четыре дня. За это время никаких происшествий не произошло — схватку с раптором, наткнувшемся на наш дневной лагерь, можно не считать. Мы даже не стали убивать зверя — Васиз прогнал его громом, молниями и ветром (в вихрь Хоб напускал песка, который забил глаза раптора, доставив тому массу неприятных минут).

Близился десятый день моего непрерывного пребывания в мире Ворк. Так долго я тут никогда еще не был. Прекрасно понимая, что еще никаких изменений произойти не может, я все равно нервничал. Постоянно ощупывал коллоидную маску на предмет размягчения, трогал клыки, со страхом ожидая ощутить очаги эрозии, рубил мечом все, что подворачивалось под руку, проверяя мономолекулярный слой режущей кромки. Одним словом — вел себя как законченный психопат. Рыжик, естественно, прекрасно чувствовал мое нервное состояние, и у нас как-то раз состоялся интересный разговор.

«А что ты так нервничаешь?» — спросил меня кот.

«Маскировка может сломаться», — честно ответил я.

«Так отведи глаза, и все», — удивленно предложил рыжий телепат.

«Не умею», — признался я.

«Почему? Должен уметь — ты котенком не прикидывайся», —

возмутился Рыжик.

«А как это делать?» — догадался спросить я.

И рыжий сэнсэй взялся за мое обучение. В принципе — ничего сложного в «отводе глаз» действительно не было. Главное условие оказалось совершенно банальным — не шуметь. Поэтому с практикой при скачке на волке пришлось повременить. Зато теория и тренировка оказалась именно тем, что мне так не хватало в монотонном путешествии. Уровня прирожденного телепата мне достигнуть, конечно же, никогда не светило. Рыжик мог отводить глаза даже мне, хоть я и находился с ним в одном седле. Когда он проделывал этот трюк, я вдруг забывал о том, что рядом со мной имеется кот, поддерживал его в седле чисто автоматически и смотрел на все что угодно, кроме как на рыжего телепата прямо перед моим носом. Когда Рыжик вновь привлекал мое внимание, я даже немного пугался, — ощущения были вроде того, как будто кто-то неслышно и неожиданно подошел и встал рядом, а ты его только что заметил.

Самое сложное и в то же время, как бы это звучало ни парадоксально, самое простое в отводе глаз — умение смотреть. Надо сосредоточиться на объекте, которому отводишь глаза, но в то же время изучать его исключительно боковым зрением. Сосредоточить внимание на чем-либо, находящимся на краю видимости, у меня получалось отлично, но когда надо было делать следующий шаг, глаза непроизвольно скашивались на объект, и все рассыпалось. Рыжик поначалу сердился, но когда понял, что я действительно не могу этого сделать — подобрел и дальше тренировал меня как неразумного котенка. Фактически это был разговор с объектом, от которого прячешься. Я уговаривал Рыжика меня не видеть, а мой телепатический учитель поправлял меня, объясняя как правильнее себя уговаривать. И как при любом разговоре меня тянуло заглянуть в глаза оппонента, чтобы оценить его реакцию на мои действия — а именно это делать было противопоказано.

Кстати, оказалось гораздо проще «уговаривать» не замечать определенные предметы (в частности клыки на лице), чем себя в целом. На привале вволю поиздевался над Лией. Предварительно договорился, что она будет следить за моим головным убором, повязал голову красным платком, и «уговорил» гоблинку его не «замечать». Потом спрятал платок в сумку, и мы всем отрядом потешались над маленькой аристократкой, которая была твердо уверена, что я ничего на голову не надевал. После того, как я вытащил из сумки красный платок и снова повязал его себе на голову — только тогда в глазах Лии забрезжило узнавание.

Гоблинку это не остановило, она прыгнула мне на плечи, и моя спина узнала крепость ее маленьких кулачков — после чего я решил эксперименты впредь проводить на ком-нибудь другом.

— Ты сильный ведун, я таких и не встречал никогда, — сказал Хоб уважительно.

— Вот сильный ведун, — ответил я, и кивнул в сторону кота, который, не обращая внимания на наше баловство, в этот момент строил своих подчиненных скакунов.

— Он-то таки да, — совершенно в гоблинской манере согласился Хоб, и я начал отрабатывать телепатические умения уже на нем.

Через пару дней тренировок мне уже достаточно спокойно удавалось «отводить глаза» друзей от своего лица, одежды и прочих частностей. Если при этом проделывать отвлекающие жесты руками, как любят это делать фокусники-престидижитаторы, так вообще ничего сложного в этом не было. В принципе наша память устроена так, что основное количество людей (кроме особей с ярко выраженными художественными способностями) не придают значения деталям. Мы запоминаем только то, что нас интересует. Мужчины отлично помнят оружие и снаряжение оппонента, женщины никогда не забудут модную вещь, надетую на конкурентку. Но основная масса деталей от не наметанного на определенные вещи взгляда ускользает. Оказывается всем этим возможно управлять, даже больше скажу — особых трудностей при определенных способностях в этом нет.

Но сделать так, чтобы меня совсем не замечали, я не мог. Если при «отводе взгляда» от частностей я прекрасно взаимодействовал с оппонентом, то при попытках скрыться самому это взаимодействие выходило боком — я наоборот привлекал к себе внимание. Да и «отводить взгляд» от отдельных вещей даже у двоих противников мне удавалось с большим трудом — я терял сосредоточенность при переносе внимания с одного на другого. А уж о троих речи вообще не шло — я просто сразу терялся, каждый раз с восхищением вспоминая бабу Торю, которая могла полноценно «отвести глаза» нескольким врагам одновременно. Так что отвести глаза от вышедшей из строя маскировки я пока мог только в теории, поэтому вопрос о замене оборудования вставал передо мной в полный рост — те же клыки еще выглядели нормально, но языком уже ощущалась некоторая шероховатость. Местность мы пересекали пустынную, поэтому схронов тут заложено не было. В таких местах проще отделиться от отряда и прыгнуть на Землю для смены снаряжения, что я и собирался проделать этой ночью.

В свою смену совершить обратный прыжок я не мог — не оставлять же спящих товарищей в опасном месте без присмотра. Поэтому я провернул предварительный финт — мне вдруг перестало везти в стрельбе. Сначала я промазал по добыче, которая находилась буквально в двадцати шагах от меня, чем заслужил недоуменные взгляды всего нашего отряда.

— Руки дрожат? — съехидничал Хоб.

— Нет, он косить начал, — поддержала его язвительная Лия.

— Оружие заклинило? — предложил свою версию Васиз, растянув синюю физиономию в глумливой улыбочке.

— Отстаньте от него, — вступился за меня добродушный Дехор, и без всякой задней мысли ляпнул: — Может, он заболел!

Остальной отряд расценил заявление огра как самую удачную шутку и дружно захохотал, на что я с неудовольствием, а отставной сержант с недоумением на них посмотрели.

После этого я еще несколько раз промахнулся, и веселья значительно поубавилось — предстояло обойтись без свежего мяса на ужин, а это ребят немного расстроило. После ехидства сотоварищей приступа сочувствия я почему-то не испытал. Ничего, сушенина в припасах имеется — и так все это время бесперебойно снабжал всех свежей дичью, хоть бы спасибо кто сказал. Обойдутся один денек.

Вечером без лишних слов стал собираться якобы на ночную охоту. Отговаривать меня не стали — места пошли уже не такие опасные, мы подбирались к Великим Топям. Да и физиономию я держал максимально хмурой, так что никто ко мне особо-то и не лез.

«Рыжик, оставайся здесь», — попросил я кота.

«Ты только возвращайся, не бросай меня одного тут», — немного обеспокоено сказал рыжий трусишка.

«Не переживай, я меньше чем одну ночную вахту буду отсутствовать», — успокоил я кота.

«Тогда ладно», — моментально унял свое беспокойство Рыжик, и перенес внимание на Дехора, выпрашивая у великана сушеного мяса.

— Удачной охоты, — на полном серьезе пожелала мне гоблинка, обеспокоенная моим подавленным состоянием от свалившейся на голову неудачи.

— Уху, — буркнул я и, не прощаясь, устремился во тьму.

Я действительно был ужасно издерган, но отнюдь не своими промахами. Левый клык под языком стал жутко шершавым, плюс к тому мне казалось, что появился неприятный привкус, который говорил о начале деструктуризации. Еще мне постоянно

чудилось, что маска поплыла, и я почти ощущал, что лицо стекает низ. Одним словом — меня посетило обыкновенное параноидальное обострение.

К тому времени сумерки начали сгущаться, плавно переходя в ночь. Отойдя от лагерного костра метров на пятьдесят, включил ночное видение и, не выдержав, побежал. Сканер прилежно показывал, что происходит в округе. Вскоре с экрана исчезли мои компаньоны, и еще через пару минут счетчик пикнул, указывая на то, что я вышел из зоны действия подзаряжающей телепатии Рыжика. Я вколол себе на ходу компенсирующую инъекцию, отошел еще на десяток шагов и застыл в ожидании. Через пару минут оказался в Гашек-камере родного офиса.

Несмотря на поздний вечер\, в зале старта фирмы «Гном-инст» народу находилось прилично. Как это ни удивительно, но часть из них ждала именно меня. Стоило выйти из Гашек-камеры — моментально раздалась мелодичная сигнальная трель, и все пришло в движение.

— Мы тебя заждались уже! — заорал Саня сразу после того, как мы хлопнули по рукам. — Два дня в полной боевой готовности!

— Все запасное оборудование рядом с джакузи, — пробурчал Дима, двинув меня по плечу как заправский огр. — Капсула с краской для кожи на бортике лежит.

— Отлично, — перевел я дух, посмотрел на другой конец зала и удивленно спросил: — А это все кто такие?

— Пошли в раздевалку, — ухмыльнулся Саня. — По пути расскажу.

Мы прошли в зал переодеваний, где я подошел к джакузи и сразу кинул в воду капсулу с краской. Через секунду вода стала ядовито-зеленоватого цвета, после чего я окунулся с головой в спокойную воду и стал ждать положенное время, дыша через соломинку. Заодно Саня продемонстрировал мне новые возможности стрикета. Лазерный экран, проецируемый прибором прямо перед зрачком, отлично работал и с закрытыми глазами. Информационные линзы тоже могли работать с прикрытыми веками, но почему-то это вызывало ужасный дискомфорт, поэтому, отходя ко сну, их желательно было деактивировать. Новые лазерные приспособления стрикета при закрытых глазах преобразовывали сигнал, используя наши веки как экраны, на которых появлялось вполне воспринимаемое высококачественное изображение. Так что я принимал необходимую для маскировки водную процедуру и одновременно с этим просматривал свежие новости, которыми Дима предварительно загрузил сменный

прибор. Интересного в нашем мире за время моего отсутствия произошло немало.

Во-первых, наше московское отделение фирмы «Гном-инст» было признано советом корпорации головным предприятием, в остальных городах мира другие «Гном-исты» либо расформировали либо отдали нам в подчинение. Руди назначен куратором всего проекта, а наш тринадцатый отдел сменил свой несчастный номер. Теперь я, оказывается, руководил специальным отделением, подчиняющимся непосредственно Рудольфу Ивановичу. Впрочем, никакой разницы кроме громкого названия и увеличения заработной платы я не углядел, так что эта новость оставила меня достаточно равнодушным.

Вторая новость касалась изуродованной мной Гашек-камеры. Ловкий Руди снял качественный клип для модного журнала и теперь это произведение корявого искусства было известно в мировом сообществе не менее (а то и более) нашего скромного проекта. Рудольф Иванович, как рачительный «руководятел», не мог этим не воспользоваться, и моментально создал при фирме арт-отдел. Возглавила его, естественно, наша офисная стрекоза по имени Леночка, и теперь это белокурое создание круглосуточно занимается съемками и прочими дефиле рядом с предметом ломоизготавляемого искусства. Должность секретаря-референта в нашем свежеорганизованном отделении оказалась вакантна, и сейчас Дима занимался подбором кадров.

Когда я это узнал, то чуть не захлебнулся от смеха под водой — благо время приема процедуры окрашивания как раз подошло к концу, и я вынырнул на поверхность, хрипя и жадно глотая воздух. Остальная толпа в нашем зале старта, вызвавшая у меня приступ недоумения при выходе из Гашек-камеры, оказалась чем-то вроде вечернего приема-презентации, который ловкий Руди организовал в тот вечер.

— Я оттягивал до последнего, — с улыбкой покаялся Рудольф, забежавший к этому времени в раздевалку. — Но ты на два дня задержался, сколько еще можно было тянуть?

На руководителе проекта великолепно сидел роскошный фрак, и Рудольф Иванович выглядел на все сто процентов одним из успешных руководителей крупнейшей в мире корпорации. Дима и Саня ему вполне соответствовали. Единственное, что немного портило их блестящую компанию — соседство клыкастого зеленокожего орка, в этот момент абсолютно голого.

Впрочем, я как раз начал облачаться в обновленную одежду, предварительно потертую и пропитанную моим хищным запахом, реконструированном синтезирующей камерой. Согласитесь — для моих друзей из мира Ворк (обладающих великолепным

обонянием хищников) было бы немного странным учуять меня в дикой степи в совершенно чистой одежде после всего получасового отсутствия. Снаряжение, оружие и приборы тоже были подкорректированы в плане восприятия на уровне обоняния, и через пару минут я был готов к обратному переносу.

— Пойдем, послужишь иллюстрацией, — не выдержал Руди, взглянув на мою колоритную клыкастую рожу, и потащил в зал.

Разряженная публика поначалу шарахнулась от дикого орка, невзначай появившегося в приличном обществе московского бомонда. Но потом, когда я дал интервью каким-то СМИ, Руди представил меня как одного из руководителей проекта, занимающегося полевой работой, а Леночка ничуть не испугавшись взяла меня под руку во время интервью (я этим был, признаться, немного шокирован) — нарядные люди начали проявлять ко мне свой величавый интерес. Мне это понравилось значительно меньше, чем презрительные гримасы поначалу, и я начал дергать Руди, просясь обратно в привычный дикий мирок. Рудольф Иванович смилостивился, и я в его сопровождении прошел мимо цепи бодигардов с винтокрылами, которые разделяли огромный зал старта на рабочую и праздничную половины.

— А это точно нужно? — спросил я у Руди, когда мы остановились напротив приготовленной Гашек-камеры. — Прямо тут я имею в виду…

— Я к тебе не лезу и ты…

— Понял, можешь не продолжать, — моментально дал я задний ход.

После этого я тепло попрощался с Руди и приятелями-предпринимателями. По пятьдесят грамм мы принимать не стали по причине все того же запаха (откуда я мог взять в степи эль?), хотя в провожающих меня сотрудниках на мой нетренированный взгляд находилась уже такая доза алкоголя, после которой я обычно разбиваю свой гоночный болид.

Через две минуты я стоял под ночным небом в мире Ворк. Серп луны почти не освещал темную равнину. Вдалеке раздавался рев какого-то зверя. Казалось, кругом скользили неясные тени. Почти на самой линии горизонта светился костер моих боевых товарищей.

— Как же тут хорошо-то! — выдохнул я, сбрасывая с себя груз банкетной цивилизации, и со спокойной душей отправился на ночную охоту.

По темной степи шел джисталкер, включив сканер

обновленного стрикета и выискивая подходящую добычу. Приборы, снаряжение и одежда на вид ничем не отличались от бывших у человека буквально полчаса назад — но при этом все было абсолютно новым, имеющим минимум двухнедельную устойчивость к деструктуризации в этом мире. Джисталкер не испытывал ни малейшего неудобства — все снаряжение и одежда были подогнаны под прежние вещи с минимальными допусками. Даже вставная челюсть во рту ощущалась как давно привычная. Приступ паранойи ослабил свою мертвую хватку, и немного подергивался из-за возможности провала легенды прикрытия — но не более чем в стандартных рамках. Зато облегчение от удачного избегания вечернего банкета восторгом кололо легкие человека (а возможно это свежий воздух так контрастировал с кондиционированной атмосферой закрытого зала). Джисталкер в этот момент испытывал почти абсолютное счастье.

Работа 12. Экономная

Скупой платит дважды, если останутся места в бизнес-классе…

(из опыта авиаперелетов длинноногого пассажира)

Приречная деревня троллей показалась внезапно, когда мы въехали на небольшую горку. Граница Пустынных холмов проходила вдоль широкой реки У, которая величаво несла свои волны, омывая высокий берег на нашей стороне. Вчерашним вечером мы достигли реки и переночевали, отужинав свежей рыбой, которую я настрелял буквально за десять минут, заменив арбалетный болт гарпуном на веревке. С утра двинулись вдоль берега и ближе к полудню достигли деревни троллей.

Кстати, другого берега у реки У не было. Буквально через полкилометра прозрачная вода начинала приобретать чуть зеленоватый оттенок, а еще через полкилометра река аккуратно переходила в болото. Логичного объяснения этому феномену нет. Чистейшая степная река на одном берегу резким контрастом смотрелась с болотистой равниной другого берега. Болота дальше тянулись на пару-тройку сотен километров, практически до приморских районов.

Без подготовки лезть в эти топи — самоубийство. Помимо того, что можно невзначай угодить в трясину, способную без следа проглотить какой-нибудь «Титаник», болотная живность имеет дурную привычку жрать все, что плохо шевелится — а хорошо шевелиться мы в здешней местности обучены не были. Но, тем не менее, в этой части маршрута никаких осложнений не предвиделось.

Именно для того, чтобы избежать лишних трудностей наш путь и лежал через деревню болотных троллей. Вернее тролли были самые обыкновенные, разве что испокон веков жили тут. И как исконные обитатели болот тролли не только сами великолепно приспособились к местному окружению, но и приспособили к своему здесь существованию тутошнюю живность. А живность эта для человека с планеты Земля была, прямо скажем, немного экзотической.

При взгляде на некоторых болотных ездовых животных местных троллей многие люди, живущие в окрестностях шотландского озера Лох-Нес, пришли бы в умиление. Остальных

жителей зеленой планеты речные плезиозавры ввели бы в состояние ступора своими размерами и громким ревом, напоминающим звук сирены отходящего теплохода, который сами моряки называют несерьезным словом «гудок». Длинные шеи этих реликтовых гигантов возвышались как радиомачты над поверхностью воды в километре от приречной деревни троллей. Сама деревня располагалась частично на высоком берегу, а частью на сваях, вбитых в речную гальку и уходящих мостками метров на двадцать в реку. На таких сваях стояли примерно десять домиков, соединенных шаткими мостиками. Домики окружали платформу из понтонов с высокими бортиками, которая лежала на воде, создавая что-то вроде небольшого бассейна.

На наше появление тролли отреагировали на удивление флегматично, как будто каждый день отряд, подобный нашей группе, выезжает из труднопроходимых степей. Заинтересовался нами только старый тролль, явно представитель одной из древнейших профессий — торговли, которую цивилизация стеснительно переименовала в «бизнес».

— Ехай к мине, малай кампанья, — увидев нас, запричитал тролль, забавно коверкая оркский язык. — Лучший динозавришка вам продавай-вози только я, тролль Улымка!

— Привет тебе, Улым-малай, — уважительно обратился к старому троллю Васиз, и тоже неожиданно заговорил коверкая язык: — Моя-твоя помнит с детства совсема-на. Твоя моя на рука-ха нянчил-да однако.

— О, Васиз-малай! — обрадовано воскликнул Улым. — Моя-твоя рада однако сильна-да! Пограничный друг с собой взял, да? Хороший малай все однако, да!

После чего тролли перешли на совсем уж малопонятный диалект, в котором я воспринимал только периодическое «малай», означающее «молодой мужчина», и «однако», являющееся просто любимым троллльским словечком.

— «Светеркома-да» поедем или «кабинетка» будем брать? — всего один раз поинтересовался Васиз нашим мнением, причем слово «кабинетка» явно обозначало солидное понятие «кабинет», а «светеркома-да» должно было пониматься как «с ветерком».

— А в чем разница? — задал я встречный вопрос.

— Не помню точно, в чем конкретно, но в цене разница ощутимая, почти в два раза, — ответил Васиз, и озвучил выставленный нам троллями счет за пересечение болот.

Даже путешествие «светеркома-да» оказалось дорогостоящим удовольствием, а «кабинетка» так вообще была сравнима с полетом на дирижабле. Из сумбурного объяснения Улыма информации я получил немного, хоть он и энергично размахивал

руками при разговоре и даже пытался что-то чертить прямо на песке. В конце концов я уяснил — разницы в скорости между двумя способами передвижения нет никакой. Для путешествия «светеркома-да» использовался лист белой кувшинки, а для «кабинетки» — листик чрезвычайно редкой разновидности кувшинок, под названием: «Сильна-ма белый, да!». Для нормального путешествия через болота нам были необходимы два экипажа (бросать привычных ездовых волком и куникулов не хотелось), поэтому в последний момент я повинуясь внезапному импульсу решил совсем уж не экономить (видимо сработало шестое чувство, управляемое ягодичной мышцей) и заказал одну «кабинетку», и один «светеркома-да!».

Получив деньги, тролль Улым забавно сплясал, напомнив мне чем-то приятелей-предпринимателей с Земли, радующихся после выполнения какого-нибудь контракта, после чего развил бурную деятельность. Все тролли в деревне оказались ниже Улыма в местной табели о рангах. Хозяин орал на своих работников на забавном трольском диалекте, сетуя на тупость и неповоротливость подчиненных.

— Ехай скорей-да! Чтоб твой мама тебя не знал, да! А ты что ходить тут? Бегать-бегать ай-лю-лю! — раздавались над трольской деревней истеричные выкрики старого бизнесмена.

Вскоре деревня опустела, и Улым усадил нас прямо на берегу реки на вытащенной откуда-то большой циновке, сам уселся рядом прямо на сырой земле и вступил в бесконечный разговор с Васизом о непонятных всем остальным трольских интересах. Откуда-то возникли две тролльки (старая и совсем молоденькая), раздали нам большущие кружки с ароматным чаем, и снова куда-то пропали. Попивая трольский чаек (уступающий по вкусу и аромату только чаю светлокожих варваров), мы сидели полностью расслабленные после дневного перехода и наблюдали за рекой.

Появилась первая группа троллей, усланных Улымом на работы. Оседлав длинную шею плезиозавра, два тролля правили к берегу, везя на огромной тягловой скотинке какой-то большой предмет. Огромный водный динозавр тащил за собой зеленый овальный плот площадью метров двадцать. Приглядевшись, я понял — этот плот являлся листом исполинской кувшинки.

«Ничего себе листочек», — с уважением подумал я.

— Светеркома-да готова, да! — радостно прокомментировал Улым эту картину.

Мы продолжили пить чай под оживленный гомон троллей, загнавших гигантский листик между понтонов и принявшихся за непонятную посторонним работу. Вскоре зеленый плот был

отогнан от понтонов, и плезиозавр потащил его обратно. Буквально через пятнадцать минут показалась вторая группа троллей на плезиозавре, тащивших к поселку еще один громадный лист.

— Кабинетка, да! — уважительно выдал Улым, с гордостью глядя на необычный зеленоватый плот.

Честно сказать, вид нового листика меня совсем не поразил. Я удивленно смотрел на приближающийся зеленый плот, не понимая — за что с меня содрали столько денег? Лист с названием «кабинетка» почти ничем не отличался от обычного, который «светеркома-да». Я ожидал что нам подадут чуть-ли не дом на листе, ну в крайнем случае вигвам (ладно, согласен на хижину). А этот лист отличался от первого только тем, что у основания загибался, создавая на одном краю борт примерно двухметровой высоты. Больше никаких различий между двумя плотами я не увидел.

— Хороший кабинетка, да! — удовлетворенно выдохнул Улым, когда лист провезли мимо нас, явно считая, что деньги им получены не зря.

— А есть разница, да? — не удержался и тоже почти по-троллльски спросил я.

— Конечно, да! — возмутился старый тролль. — Этот кабинетка, а тот светеркома, да!

— А в чем разница-то? — попробовал поинтересоваться я.

— Ты чево-ма, слепой, да? — с подозрением спросил Улым. — Тот с ветеркома-да, этот кабинетка, да! Не видишь, да?

«Не забирать же с него обратно деньги, да и не отдаст уже», — подумал я, и завершил бесперспективный разговор.

Вскоре тролли закончили мудрить со вторым плотом, и тоже оттащили его на ту сторону реки. После чего перекинули через понтоны мостки, и начали заводить на них наших ездовых волков. Потом настал черед куникулов, а затем и нас самих. Особое внимание уделили огру, который весил ненамного меньше, чем все наши скакуны вместе взятые. В понтоны впрягли все того же плезиозавра, и могучий зверь величаво и быстро перевез нас через километр водной поверхности.

На другой стороне реки, прямо посреди бескрайних болот, тролли готовили к предстоящему путешествию два транспортных средства. Огромные листья кувшинок (сорта «белой» и «сильна-ма белой, да!») были уже снаряжены и в них как раз запрягали могучих болотных скакунов, которых местные тролли ласково называли «скакашками». Больше всего эти плезиозавры напоминали земных бегемотов, разве что размерами

превосходили гиппопотамов раза в три. Такие же вытянутые морды с огромными пастями, толстые бока и маленькие хвостики. Только вместо ног-тумбочек эти звери обладали изящными ластами, великолепно приспособленными для местных условий. Могучие животные часто зевали, поднимая вверх ноздреватые морды и оглашая окрестности трубным ревом. На спине каждого «бегемотозавра-скакашки» в чем-то, немного напоминающем седло, сидел полуголый тролль-погонщик. Когда наш понтон плавно подъехал и встал между двумя плотами-листьями, транспортные средства уже полностью подготовили к приему пассажиров.

— Кто светеркома-да поедет? — ехидно спросил старый тролль, и почему-то посмотрел на меня.

— Волков и куникулов туда загрузим, — пришел мне на помощь подозрительно улыбчивый Васиз, владеющий какой-то интересной информацией, от меня явно утаенной. — И один из нас с ними поедет.

— Связать надо, однако, — засомневался Улым. — Жалко волчонков, да.

— Я связываю, ты едешь, — предложил мне тролль, и я кивнул в ответ (хоть и начал к этому моменту кое-что подозревать).

Вскоре на лист кувшинки с названием «кабинетка» загрузили все вещи, после чего там же расположились огр, оба гоблина и тролль. На зеленый плот «светеркома-да» погрузили связанных волков и куникулов, а рядом с ними на шершавую зеленую поверхность уселись я и Рыжик.

— Удачной дороги, да! — провозгласил старый тролль Улымка, и болотная часть нашего путешествия началась.

Погонщики, сидящие на могучих спинах «скакашек» достали кнуты и одновременно стегнули прямо по бегемотообразным мордам, погруженных по самые ноздри в болотную тину. Бегемотозавры начали медленно всплывать, и через минуту я уже прекрасно понимал то, что название «скакашка» происходит не только от слова «скакать». Как только толстые скакуны полностью показались на поверхности тины, они одновременно решили пустить газы. Со звуком, напоминающем пушечный выстрел, огромные звери синхронно пукнули, перед этим подняв маленькие хвостики как сигнальные флажки. Двухметровый бортик в транспортном средстве с названием «кабинетка» завибрировал от мощного напора воздуха. Плот под названием «светеркома-да» такой защиты был лишен, и я в этот момент по достоинству оценил его колоритное название. От напора газов

«скакашки» волосы у меня на голове зашевелились, как от приличного сквозняка.

«Точно, с ветерком, да», — успел подумать я, и тут по моему обонянию ударила вонь «скакашкиных» газов.

Зажав нос, я согнулся. На глазах выступили слезы. Бедные волки и куникулы жалобно взвыли, а рыжий негодяй вдруг спрыгнул с нашего «светеркома-да» и уже через секунду сидел на руках у огра на прекрасном и удобном листе с гордым наименованием «кабинетка».

— Это только пукнул скакашка, совсема нестрашна-ма, да, — глядя на меня радостно закричал Улымка, махая рукой постепенно набирающему ход плоту. — Ты, орка, бойся только когда скакашка какнет, да!

Ответить на это мне было абсолютно нечем и я, по-прежнему зажимая одной рукой нос, начал спешно укутывать листьями морды волков и куникулов, проклиная в душе собственную скупость и искренне надеясь успеть сделать всю работу до того момента, пока «скакашка» не решится полностью опорожнить кишечник.

Два огромных динозавра, похожих на увеличенных в три раза бегемотов с ластами вместо ног, уверенно набрали ход, двигаясь по прямой через топь. На спине каждого болотного плезиозавра сидел полуголый тролль-погонщик, уверенно управляя огромным скакуном. Когда болотная топь сменялась участками чистой воды, скакуны ныряли и плыли прямо под поверхностью, уверенно продолжая тащить за собой плот из огромного листа кувшинки. Тролли в этот момент прижимались к спине зверя и задерживали дыхание, порой не выныривая на поверхность долгие три-четыре минуты. На одном из листов кувшинки, который тролли называли «кабинетка», удобно расположились огр, два гоблина, тролль и большой рыжий кот. Двухметровый бортик на передней части листа, отделяющий доисторического скакуна от возимого им груза, отлично защищал пассажиров от всех превратностей путешествия. На другом зеленом плоту картина выглядела не так мирно. На открытых участках, когда скакун нырял, лист начинал черпать чистую воду, и через связанных волков и куникулов (а так же непривязанного джисталкера) изредка перекатывалась небольшая волна. Впрочем, все пассажиры плота с названием «светеркома-да» таким водным процедурам были только рады, с ужасом ожидая болотистых участков. На них болотный плезиозавр, называемый троллями «скакашка», полностью оказывался над поверхностью и начинал усиленно работать ластами, кряхтя от натуги и двигаясь почти прыжками (как

гигантский тюлень) с достаточно приличной скоростью. Периодически маленький хвостик зверя как сигнальный флажок взмывал вверх, и джисталкер (вместе с волками и куникулами) в ужасе закрывал глаза и затаивал дыхание. Если раздавался пушечный выстрел и пассажиров обдавало вонючими газами, через пару секунд джисталкер открывал глаза и с облегчением переводил дух. Гораздо хуже им воспринимался звук, похожий на шипение брандспойта во время тушения пожара, изредка раздававшийся после поднятия сигнального хвостика.

Работа 13. Банная

Как же вы меня запарили!

(крик души студента на тринадцатой пересдаче)

Герой — это вовсе не человек, совершивший героический поступок. Вот казалось бы — чего в этом сложного? Спаси разок мир — и ты герой! Тебе посвятят песни и поэмы, юные девушки будут мечтать о тебе по ночам, а мужчины при упоминании твоего героического имени подтянут животы и постараются походить на твой мужественный профиль. Ну там легенды, восхваления и, конечно же, различные ценные призы и подарки, а также награды — именные маузеры и нагрудные значки (особенно мне нравятся медали). Одним словом, считается, что героем можно стать, совершив какой-нибудь подвиг. Как бы не так! На самом деле геройство — это индивидуальная особенность отдельного взятого организма, вроде длинного носа или, к примеру, оттопыренных ушей. Если ты действительно герой, то достаточно вовремя дунуть в дудку — и тебе будут ставить памятники в полный рост с этой самой дудкой, прославляя твой великий подвиг. А вот если ты не герой, то спасай мир хоть два раза на неделе — никому до этого не будет никакого дела. Максимум какой-нибудь малец неуважительно ткнет в тебя пальцем, на что его умная мамаша одернет карапуза и укажет на гипсовую статую настоящего героя с дудкой в руке.

Вот, к примеру, я — джисталкер Тим. Порубал в капусту не один десяток велоцирапторов, которыми пугают все население нашей планеты на протяжении очень долгих десятков (а то и сотен, точно не скажу) лет голливудские повелители иллюзий — и никакого эффекта в виде славы и почестей! Забыт мой великий подвиг через полчаса после свершения. Зато уж точно никогда не забудут то, что меня обгадили бегемоты. И все это исключительно потому, что никакой я не герой.

Примерно такие мысли вертелись в голове, когда я отмокал в горячей ванне естественного происхождения. Болота тут переходили в зону вулканической активности, и земля была полна чистейшими геотермальными источниками. Температура ванн колебалась от крутого кипятка до вполне приемлемой теплой водицы, и в один такой микробассейн, напоминающий работающий джакузи, я и забрался как только слез с листка

кувшинки под названием «светеркома-да». Залез, и вот уже около получаса не мог себя заставить вылезти из воды. Впрочем, наши волки и куникулы тоже забрались в большой бассейн с еще более горячей водой, чем в моем индивидуальном джакузи, и категорически отказывались оттуда выходить.

Когда это бесконечное (непрерывно длившееся часов шесть) путешествие по болотам, напоминающее мне гонку в канализационной трубе бегемотского общежития, наконец, закончилось — обоняние у меня отшибло начисто. Скакашки вытащили наши зеленые плоты на застывшую магмовую поверхность у первого потухшего вулкана, после чего тролли-погонщики без лишних слов (только ехидно поглядывая на меня) отцепили своих скакунов от огромных листов кувшинок и вскоре мы остались одни. Геотермальные ванны были разбросаны повсюду. Как только я развязал волков и куникулов (остальные члены нашего отряда подходить к моим товарищам по несчастью почему-то не захотели) — бедные звери, повизгивая, забежали в ближайший горячий бассейн и вот уже около получаса отказывались двигаться с места. Я тут же поступил по их примеру, и об этом совершенно не жалел. Пытавшихся привлечь мое внимание гоблинов, троллей, огров и котов я величественно игнорировал.

— Снимай вещи, я их почищу, и сушиться на горячие камни выложу, — в очередной раз виновато протянула Лия, присев на край моего бассейна.

На этот раз я отреагировал на ее слова, правда, по-прежнему молча. Сняв с себя все вещи (кроме штанов), я передал их гоблинке, после чего она просияла так, как будто получила не кучу промокших вонючих шмоток, а шубу с барского плеча.

— Не обижайся, — еще раз виновато пискнула Лия.

— Да на тебя-то за что обижаться, — просипел я, первый раз что-то сказав за почти семь часов.

Куколка-вампирчик улыбнулась во все клыки, и убежала приводить в порядок мои вещички. Все-таки не могу я на эту маленькую умницу и красавицу долго обижаться.

«Ты извини, что я тебя бросил», — следующим начал подлизываться Рыжик, подойдя к моему джакузи.

«Да ладно, так бы просто вместе мучились. Ничего бы не изменилось», — ответил я коту, уже немного отойдя от последствий пересечения болотной местности. Кот обрадовался тому, что я уже не так рассержен, и даже не стал надо мной шутить в своей обычной манере.

В принципе, благодаря болотным троллям чрезвычайно

опасный участок пути мы пересекли быстро и практически без потерь (мое уязвленное самолюбие не в счет, как всегда). Болотные обитатели неторопливы, но никак не миролюбивы. Огромные пиявки, способные за полчаса выпить из человека всю кровь, мимикрирующие ящеры с зубастыми пастями, лежащие повсюду как живые капканы, ядовитые жабы и прочие прелести болот мы даже не заметили, проскакав прямо по ним на огромных плезиозаврах. На озерных участках болот скакашки плыли со скоростью около пятидесяти километров в час, а трясины эти звери пересекали, загребая тину ластами, тоже с достаточно приличной скоростью (никак не меньше тридцати километров в час). Двести пятьдесят километров непроходимых болот, пересеченные за каких-то шесть часов, в теории стоили моих мучений — но только в том случае, если бы я их разделил вместе со всеми членами команды.

«Месть моя будет страшна», — прищурив глаза, подумал я, выискивая взглядом тролля. Васиз чуял, что за ним имеется должок, поэтому старался мне на глаза лишний раз не попадаться.

— Ладно скакашки, я разок полдня провел в выгребной яме гнумов, — успокаивающе прогудел Дехор, подошедший к моему джакузи вместе с Хобом. — И ничего, только крепче стал.

— Меня тоже разок птеродактиль обгадил, — внес свою лепту в туалетную тематику гоблин.

— Ребят, хватит уже о фекалиях! — не выдержал я, на что огр и гоблин радостно оскалились. — Что, других тем для разговоров больше нет?!

— Ладно, ладно, — сразу согласился Хоб. — Кстати, сероводородные ванны очень полезны, хоть и пахнут как орочьи какашки… ой.

Гоблин испуганно заткнул рот рукой под моим сердитым взглядом и тут же спрятался за спину огра.

— Тим просто не чувствует этот запах, после вони скакашечьего гомна, — протянул непосредственный гигант, и тоже растерянно примолк под моим суровым взглядом.

— Я в вонючей сероводородной ванне лежу, что-ли? — наконец-то дошло до меня.

Мои друзья радостно закивали.

— Якорный батор… — тихонько выругался я, после чего произошло переселение в соседний булькающий теплый бассейн, в котором (по словам друзей, так как мое обоняние на тот момент к хозяину не вернулось) тухлыми яйцами почти не пахло.

Следующие полчаса я снова нежился в теплой ванне, а

ужином и подготовкой к ночлегу занимались ребята. От ночной вахты я тоже себя освободил волевым решением (возражений не последовало) и перекусив перед сном, закутавшись в огромную простыню, которую огр называет своим полотенцем для рук, завалился спать, напоследок многообещающе взглянув на тролля. Васиз упорно прятал свои наглые тролльские глазенки.

В принципе, как я узнал значительно позже, скидку болотные тролли делали только ради смеха. Такса за пересечение болот на скакашках была установлена твердая и держалась с незапамятных времен. Скидку (причем серьезную, ровно в два раза) делали исключительно для того, чтобы потом было чего вспомнить этим мерзким троллям. Так что в принципе Васиз был не совсем уж виноват — не мог он меня предупредить в силу тролльской солидарности (все равно припомню при случае). Кстати, этот эпизод я потом нигде в официальной документации так и не упомянул — извините уж друзья-джисталкеры, попавшие после меня в сходную ситуацию. Переживете как-нибудь, не смертельный случай (хи-хи-хи три раза).

Утром хорошее настроение вернулось ко мне вместе с обонянием (к той ванной, в которой я отмокал первые полчаса, даже подойти не смог — так там воняло сероводородом). Позавтракав, мы двинулись вдоль границы болот и зоны вулканов к реке Чегурдынка, вдоль которой планировали пересечь последнюю преграду на нашем пути к морю. Двигаться напрямую через равнину, покрытую действующими вулканами различных размеров, было занятием ужасно опасным, близким к полному безумию.

Помимо возможности попасть под извержение действующего вулкана и лавовые потоки, что само по себе чрезвычайно опасно, в зоне вулканической активности высока вероятность встречи с магическими огненными элементалями, спорами которых проклятые маги древности заразили всю магму планеты. В любом месте этой зоны огненные элементали, похожие на собранные из кусков магмы снеговиков на ножках, иногда выбирались из земных недр. На поверхности элементали вели свою непонятную человеку (да и орку тоже) деятельность, перекрывая собой лавовые потоки, иногда растворяясь и снова возникая в потоках расплавленного камня. На любое живое существо огненные элементали реагировали одинаково — пытались догнать, обнять и сплавить со своим телом. Выдержать такую температуру в мире Ворк мог разве что мифрил и некоторые талантливые огненные маги.

Правда существовали целые отряды охотников на элементалей, которые поставили добычу опасных созданий на поток, извлекая из побежденных существ вещества, необходимые для многих магических экспериментов. Но наш отряд не был достаточно экипирован для подобной охоты — да и цели такой пред нами не стояло. И кстати — охотники на элементалей добывали небольших магических созданий. Встреча с махиной десятиметрового роста могла закончиться гибелью даже самого подготовленного отряда ловцов элементалей. А в глубине вулканической зоны из недр, говорят, иногда вылезают монстры ростом метров под сто, правда на поверхности такие титаны долго не задерживаются и снова уходят в свои инфернальные недра. По опять же непроверенным сведениям (по причине трудной выживаемости при проверке) элементали двадцатиметрового и выше роста обладают разумом, непонятным и яростным, как вулканическое извержение. Так что в зону вулканов даже хорошо экипированные отряды охотников на элементалей не углубляются, по самому краю можно сказать бегают.

На второй день путешествия вдоль болот мы были вынуждены вступить в бой с почти двухметровой огненной элементалью. До этого два раза на нас пробовали нападать эти магические создания, но встречи происходили днем и мы от них просто-напросто убегали, так как даже огр бегает быстрее шаткой рыси этих раскаленных снеговиков. Третья элементаль повстречалась нам вечером, когда мы уже подыскивали место для ночлега. Бежать около часа в полной темноте представлялось гораздо более опасным, чем вступить в бой (эти неразумные твари обладают упорством неодушевленных механических приспособлений и прекращают погоню в одном случае — когда больше не чуют, кого догонять), поэтому выбора у нас не оставалось.

Тролль направил на лавовое создание почти реактивную струю воздуха, гоблин заставлял камень проваливаться под ногами у элементали как мягкий снег, чем сильно замедлил ход твари, гоблинка укрепляла слабеющего прямо на глазах Васиза, а мы с Дехором тем временем били врага. Элементаль-то мы победили, но тролль полностью вышел из магического строя минимум на пару дней, огр лишился своей огромной булавы (расплавилась почти полностью), а я израсходовал больше болтов, чем за все остальное время нашего путешествия, благо запас был пополнен не так давно. Добычей стал красноватый светящийся камень, горячий, как стакан с кипятком. Стоимость

добычи была значительно меньше цены одной огровской булавы, так что выгодной нашу схватку ни у кого бы назвать язык не повернулся. Камень Хоб упаковал в сооруженный прямо на месте каменный чехол, и мы начали готовить походный лагерь.

На привале скорректировали построение. Дальше я следовал впереди группы, включив на максимум режим теплового обнаружения на сканере. Свою возможность по обнаружению элементалей я обосновал перед отрядом уже достаточно отточенными умениями ведуна. Я на самом деле неплохо успел продвинуться в этом направлении, и теперь достаточно уверенно частично отводил глаза трем объектам, и даже научился полностью отводить глаза одиночной цели. Правда, при сосредоточении меня обнаруживали мгновенно, но если объект был расслаблен, то я мог достаточно долго оставаться незамеченным, даже находясь рядом.

Новым построением мы достигли реки Чегурдынки без единой проблемы. Дальность сканера значительно превышала чуткость магического существа к живой плоти. Я отметил все участки с температурой, близкой к жару элементали, как потенциально опасные, и сканер вычислял дальнейший маршрут сам — мне надо было просто не сворачивать с ясно обозначенного пути. По моему безопасному следу двигался весь остальной отряд.

Река Чегурдынка зарождалась в болотах, и при входе в зону вулканов имела почти полукилометровую ширину. Болотный туман тут плавно переходил в шапку пара от подводных то ли гейзеров, то ли выходов раскаленной магмы. Пар над рекой не рассеивался круглосуточно, и обитатели этой местности никогда не видели солнечного света. Скорость передвижения пришлось значительно снизить еще на дальних подступах к водной поверхности, но в принципе в этой местности шуметь не следовало — привлекать к себе внимание коренных обитателей было бы минимум неразумно. При подходе к реке пришлось и вовсе спешиться. Впрочем, все действия у нас были обговорены заранее и, взяв Снапа под уздцы, я пошел вдоль берега реки, стараясь производить как можно меньше шума, включив сканер на максимальную чувствительность. Наш небольшой отряд так же бесшумно последовал за мной.

В пещере, к которой вел длинный ход прямо со дна реки, лежал кислотный дракон. Жуткое бессмертное создание, сотворенное гением умершего века назад полусумасшедшего мага, заключало в себе две враждебные стихии — Огонь и Холод. Когда-то обычный дракон, вроде доброго Гоши, нынче злобный и

одержимой жаждой убийства зверь, выросший за многие века примерно в десять раз, лениво ощупывал холодным сознанием окружающую обстановку, захватывая в сотни раз большую площадь, чем обычный огненный элементаль. Недавно магический зверь поглотил двадцатиметрового магмового снеговика, и чувствовал себя полным сил. Вдруг на самом краю его чувствительности показались мелкие создания, обладающие разумом и поработившие свободных животных. Ярость захлестнула сознание зверя, и он рванулся по пещере наказать нарушителей контролируемой им территории, чем-то похожих на его бывшего хозяина, которого он до сих пор ненавидел. С огромной скоростью подвижное тело дракона струилось по тоннелю. Вдруг одной стены у тоннеля не стало, и вместо нее появилась титаническая раскаленная рука. Два десятиметровых магмовых пальца схватили извивающегося как червяка дракона и утащили в недра земли. Двадцатиметровая элементаль, которую недавно поглотил несчастный сорокаметровый дракон, была любимым зверьком двухсотметрового элементаля-полубога, контролирующего всю зону вулканов, а привлекать к себе любое внимание сущности такого уровня мелким созданиям категорически не рекомендуется.

Работа 14. Плановая

Наплевав на прежний план,
Я залез в аэроплан…

(девиз первопроходцев)

Двухдневное путешествие в тумане вдоль реки Чегурдынки, как это и ни удивительно, прошло без неприятных происшествий. В самом начале пути сердце уколола непонятная тревога, при этом Рыжик замер на месте, испуская волны телепатического ужаса. Потом вдруг земля загудела — и кот, моментально успокоившись, отправился дальше. Сколько потом я ни пытал рыжего телепата о том, что случилось, — Рыжик мне так ничего толком и не рассказал.

«Заступник нас спас», — один-единственный раз ответил мне кот непонятной фразой, а потом и вовсе начал уводить разговор в сторону, стоило мне к нему вернуться.

Весь день кот неохотно вспоминал о том случае, ничего конкретного не говоря, а на следующее утро и вообще перестал понимать, о чем я это толкую — память у кошек на неприятности, из которых не надо делать выводов, достаточно короткая. Меня непонятная ситуация помучила немного, но вскоре я тоже выкинул из головы загадочное происшествие и занялся более полезными занятиями.

Мы шли вдоль берега, по-прежнему обходя все опасные места, о которых я заблаговременно узнавал по сканеру. К концу второго дня вечный туман начал потихоньку рассеиваться, и мы заночевали на вершине небольшого холма. Впервые за долгое время над нашими головами появился небольшой клочок чистого неба, покрытый крупными, как лесные орехи, звездами.

— Завтра вечером к морю выйдем, — мечтательно протянула Лия, дожевывая кусок сушеного мяса.

— Рыбки поедим, — оскалился огр, при этом умудряясь обеспокоено поглядывать на свой живот, изрядно уменьшившийся с начала путешествия.

— Что дальше планируем? — спросил тролль, и выжидающе посмотрел на меня.

У нас с Васизом потихоньку наладились отношения, но я ничего не забыл и мысли об отмщении периодически посещали одну дурную голову — но удобный случай все никак не хотел предоставляться.

— Идем вдоль берега в сторону Порт-о-Тролля, до ближайшей рыбацкой деревушки, — озвучил я дальнейшие планы. — Там покупаем что-нибудь вроде баркаса, и уже на нем отправляемся в приморский город.

Далее мы начали обсуждать тонкости предстоящей каботажной экспедиции. До Порт-о-Тролля, крупного морского центра, где мы планировали нанять судно для путешествия к Архипелагу, нам предстояло преодолеть около полутора тысяч километров вдоль морского берега. Путешествие на баркасе могло прилично сэкономить время.

В принципе, я прекрасно знал, где находится ближайшая приморская деревенька гоблинов, но она меня не устраивала. Во-первых, потому, что в ней жили исключительно гоблины, и при прокладке плана ИскИн ее в свое время забраковал. Во-вторых, она находилась всего в дне пути, но в направлении, противоположном Порт-о-Троллю. Приморское село, имеющее забавное название Папуасово, меня устраивало значительно больше. Оно хоть и находилось в двух днях езды, зато в нужном направлении. Помимо всего прочего, там меня ждал агент-тролль из числа местного населения. Джисталкер, замаскированный под тролля-торговца, должен был оставить у него большой шпионский контейнер для меня. Опять подходил срок смены снаряжения и оборудования.

Вечером мы вышли к морю. Зеленые волны несли свои буруны, вынося их пеной на берег. Красное закатное солнце осветило наши радостные клыкастые лица, когда мы скинули доспехи и с веселыми криками бросились в холодную соленую воду. Хотя при пересечении зоны вулканов ничего и не случилось, все мы чувствовали какое-то нервное напряжение, которое с каждым нашим шагом к морю постепенно спадало, но полностью пропало только после того, как мы окунулись в соленые волны. Даже Рыжик, который обычно не любил водные процедуры, с разбега забежал в море, правда тут же выскочил из воды и, пока мы купались, сидел на берегу, забавно отфыркиваясь и умываясь лапой. Кота тоже как будто подменили — могучий кошачий вожак сидел на берегу и излучал жизнерадостность, как какой-нибудь малюсенький котенок. Одним словом, море — это хорошо!

Чуть в стороне от поймы Чегурдынки, где мы расположились на ночлег, на мелководье оказалось огромное количество крабов. После пятидневной диеты на сушеном мясе желающих продолжать питаться сушениной не оказалось и вскоре, сидя у уютно потрескивающего костра, все захрустели аппетитными

клешнями, ножками и панцирями. По вкусу крабы немного уступали лесным паукам, в мясе недоставало изысканной нежности, но после долгого похода эстетствующих особ в нашем отряде не нашлось, и все уплетали крабов с треском за ушами.

— В начале перехода через вулканы у меня сердце сжалось, как однажды во время службы в хирде, тогда нас гнумы на перевале зажали, — сказал Дехор, когда мы наконец насытились.

— Я тоже почувствовал себя очень неуютно, — поддержал я огра.

— А я ничего не заметила, — сыто улыбнулась Лия. — Там в десяти шагах ничего видно не было.

Остальные члены нашего отряда тоже не ощутили ничего необычного в том переходе. Значит только я, огр и кот что-то почувствовали.

«У огра наверно, есть зачатки талантов ведуна», — сказал я Рыжику.

«Знаю, но он очень слабый, даже слабее тебя», — ответил мне рыжий нахал, который сам чистить крабов не захотел и свалил эту неблагодарную работу на меня.

«Ты с ним можешь говорить, а мне не сказал об этом?» — удивился я, очищая от хитиновой скорлупы сочное и аппетитное крабовое мясо.

«Не, говорить с ним не могу. Но в этом походе огр научился очень хорошо чувствовать мое настроение», — объяснил мне Рыжик, отобрал у меня вкусный кусок еды и тут же забыл обо всем.

«Интересно получается — значит, навыки можно развивать не только в детском возрасте?» — подумал я вставая на вахту и глядя на друзей, укладывающихся спать. — «Не хотелось бы развиться до уровня бабы Тори и уйти жить в леса».

«Тебе это не грозит, ты бездарь», — поспешил успокоить меня рыжий негодяй, который к тому времени наконец-то наелся, и передал мыслеобраз зеленого котенка, застывшего над аппетитной мышью и не знающего как с ней поступить.

В ответ я кинул в него крабовой скорлупой, но не попал.

На следующее утро мы отправились к морскому селу Папуасово. Хорошей дороги не имелось, и огр никак не мог набрать приличную скорость бега, поэтому путешествовали мы черепашьим темпом (максимум километров двадцать за час преодолевали). Зато и сил Дехор тратил не так много, а с учетом того, что я настрелял приличное количество свежей рыбы, да еще и крабов мы набрали изрядно, настроение огра при взгляде на свой живот постоянно улучшалось.

На дневной стоянке решили отдохнуть подольше и расположились там до следующего утра, благо место попалось удобное во всех отношениях. В небольшой оливковой роще нашлась шикарная полянка с чистейшим ручейком — грех такое было упускать. Мы находились в непрерывном движении уже почти двадцать дней, и усталость поднакопилась изрядная. Рыжик и Дехор сразу пошли осматривать окрестности, Лия взяла на себя функции повара, Хоб и Васиз занялись обустройством лагеря, а я впервые за много дней оказался предоставлен самому себе. Безделье непривычно порадовало, и я решил прогуляться, отправившись в сторону, противоположную той куда пошли кот и огр.

Я шел, напевая какой-то мотивчик, вдоль берега ручья в отличном расположении духа. Приморский бриз мыл мои волосы, косточка оливки каталась на языке, отдавая ореховым вкусом, а солнце ласкало зеленую кожу, принимая ее за свежую траву. Вдруг я увидел оркитянку Джину, и у меня перехватило дыхание. Сиреневые глаза, как когда-то давным-давно, заглянули мне прямо в душу, кровь тут же ударила в голову, и я никак не мог начать дышать.

— Ой-ой-ой, какие мы впечатлительные, — раздался пронзительный скрипучий голосок, совершенно не похожий на низкий и чувственный голос Джины.

Тут я понял что, оказывается, поперхнулся оливковой косточкой, и начал кашлять. Как только косточка вылетела у меня изо рта, с прекрасной оркитянкой произошла мгновенная и при этом какая-то абсолютно не эффектная метаморфоза. Так бывает, когда мы обознаемся в толпе — вот казалось, только что перед тобой стоял близкий приятель, и через мгновение ты уже не понимаешь, как мог принять за доброго друга этого совершенно незнакомого индивидуума. Правда в этом случае все было гораздо хуже, ибо за прекрасную высокую оркитянку я принял старенькую сморщенную гоблинку в аляповатом наряде, которая и размерами-то была меньше минимум раза в три. Гоблинка сидела на крохотном пеньке оливкового дерева и ехидно поглядывала на меня ясными и умными глазками.

— Здравствуйте, бабушка, — растерянно пробормотал я.

— И тебе привет, человек Тим из другого мира, — ласково проскрипела в ответ старушка, вдруг взлетела и сделала два резких круга у меня над головой.

Когда я потряс головой и проморгался, то понял — старушка не двигалась со своего пенька, и ее стремительный полет — не более, чем галлюцинация.

«Наверно я заболел, или надышался каких-то местных

наркотических трав», — пронеслось в голове.

— А вот и не угадал, — поспешила порадовать меня гоблинка.

— Вы очень сильная ведунья! — пришла в мою голову первая здравая мысль, все наконец-то объясняющая.

— Можно сказать и так, — согласилась старушка и по-доброму мне улыбнулась, сверкнув крепкими молодыми клыками. — Вот решила взглянуть на тебя, иномирянина первого.

— Да я не первый вовсе, — замялся я. — Много тут наших.

— Эти не в счет, — категорически отрезала гоблинка, еще раз внимательно на меня взглянула, и протянула с удовлетворением: — А чего, очень даже ничего!

— В смысле? — удивился я непонятной фразе старушки.

— Будешь смысл везде искать — найдешь, да не тот! — укоризненно произнесла бабушка, и мне почему-то стало стыдно. — Вот, считай познакомились. Ну ладно, некогда мне…

Тут я моргнул, и бабушки не стало. Больше того — на месте сухого пенька, на котором пару секунд назад сидела вполне материальная пожилая гоблинка в цветастом сарафане, стояло совсем молоденькое оливковое деревце.

«Тихо шифером шурша…», — пришли в голову великие народные стихи про крышу, и я отправился дальше на прогулку по оливковой роще, недоверчиво озираясь и зыркая по сторонам в поисках загадочной старушки.

Вернувшись в лагерь, я не стал никому рассказывать об этом непонятном происшествии. Лия к тому времени приготовила отличную рыбью похлебку, чем-то напоминающую японский суп миссо, Васиз и Хоб обустроили лагерь, а Рыжик и Дехор вернулись с прогулки, не найдя ничего интересного. Честно признаюсь, рассказать про забавную и загадочную старушку очень хотелось — но я побоялся того, что меня просто не поймут. Да я и сам бы однозначно отреагировал на любого, кто мне начал рассказывать про летающую старушку-гоблинку, порой похожую на прекрасную оркитянку и растворяющуюся иногда в воздухе. Так что я в задумчивости (мало ли почему орки иногда задумываются!) присел на камне у костра и грустно выхлебал четыре миски супа — уж больно вкусно Лия его приготовила. Разыгравшийся аппетит немного меня успокоил (у больных людей аппетита не бывает, абсолютно точно знаю!), и я выкинул из головы непонятную старушку.

Отдых в оливковой роще по беззаботности больше напомнил корпоратив на природе, который как-то раз организовал Рудольф Иванович для сотрудников фирмы «Гном-Инст». Правда эля мы

выпили на всех всего одну бутылку (в отличие от того случая, когда водки было выпито два вагона и маленькая тележка), зато каждый глоток просто согревал душу. Под вечер гоблины решили уединиться, и ушли ночевать отдельно, а остальные сидели у костра и говорили о преимуществах настоящей мужской дружбы (в хорошем смысле слова!). Тролль покаялся в том, что подставил меня со скакашками, а я пообещал, что моя месть когда-нибудь будет так же ужасна. Потом Дехор затянул походные песни хирда, и мы с Васизом ему по мере сил подпевали. Рыжик ходил между нами, как полноправный член мужского коллектива, и выклянчивал у всех рыбку. Одним словом, получился полноценный мальчишник, а в такой атмосфере говорить о непонятной старушке, встреченной неподалеку, мне и вовсе расхотелось.

Утром неспешно двинулись дальше. Ничего не предвещало беды, и поэтому ее (беды) так и не приключилось. К вечеру спокойно достигли цели нашего верхового путешествия, приморского села Папуасово. Честно сказать, местные жители называли село немного по-другому, но первый джисталкер, забредший сюда, попал прямо на праздник, посвященный какой-то богине, защитнице окрестностей. Увидев приближающееся карнавальное шествие, парень догадался надеть на лицо половинку кокосового ореха, который он в этот момент как раз доедал, и только поэтому не был сразу же съеден. Все жители села, одетые в набедренные повязки из пальмовых листьев и в маски из половинок кокосов, пили и плясали, воспевая прелести и мудрость защитницы этих мест, и говорить о чем-либо другом отказывались наотрез в течение всего дня. Джисталкер находился тут без подзаряжающего кота, и поэтому, так ничего и не добившись, весь день пил и плясал вместе со всеми, и вскоре отправился восвояси. Благовония и крепкий эль отшиб, по-видимому, обоняние у хищников, так что парня так и не учуяли. В отчете он обозвал скачущих гоблинов пигмеями, а пляшущих троллей — синекожими папуасами. Когда на Земле узнали, где парень умудрился невзначай побывать, то его поздравили со вторым рождением и сразу же после поздравлений отобрали джисталкерскую лицензию. Село шутники из джисталкерского комитета тут же окрестили в Пигмеево, но чуть позже узнали, что такое название уже существует — так первые джисталкеры назвали крупное поселение гномов в экваториальных лесах Этой Стороны, поэтому вскоре село переименовали в Папуасово.

Наш въезд в Папуасово напоминал торжественный парад по

случаю освобождения населенного пункта от османского владычества доблестными русско-шотландскими войсками — разве что волынка не играла, и барабаны не стучали. Впереди гордо вышагивал Дехор, помахивая в воздухе оплавленной рукояткой булавы, за ним подпрыгивала парочка куникулов с боевитыми гоблинами на спинах, а следом степенно вышагивали наши волки. Дети, а так же взрослые тролли и гоблины, выстроились вдоль пути нашего шествия, и весело приветствовали боевой приграничный отряд. Мы сильно отличались даже по виду от мирного населения глубинных районов Той Стороны, почти не испытывающих давления возможного «гнумского» нашествия. Жителей граничных районов с Этой Стороной на всей остальной территории Той Стороны называли «приграничниками» и очень уважали.

Вскоре мы уже заняли комнаты в местном трактире, который содержал как раз наш тролль-агент. Когда хозяин ввел меня в комнату, оборудованную большой купелью с горячей водой, он многозначительно взглянул мне в глаза и указал взглядом на кровать, после чего вышел, уводя с собой Рыжика, которого я просил покормить. Заглянув под роскошное ложе, я обнаружил там шпионский джисталкерский контейнер, замаскированный под большой камень. При помощи своих отпечатков пальцев и электронного ключа, заложенного в память стрикета, я вскрыл контейнер, достал оттуда новые вещи и снаряжение, упаковал туда же все старые шмотки и снова запер высокотехнологичный кусок скалы. После этого положил на краю купели коллоидную маску и клыкастую вставную челюсть (уже новые) и растворил в воде капсулу с зеленой краской. Через пару минут залез в воду с головой и стал дышать через соломинку, выжидая положенные десять минут.

В большой таверне, полной гоблинов и троллей, в одной из комнат находился человек. В зеленой воде, налитой в купель, размерами в полтора раза превышающую обычную ванну, лежал немного нервничающий джисталкер и дышал через соломинку. Через десять минут человек вылез из воды, тщательно вытерся зеленым полотенцем, лежащим на краю купели, после чего ловко засунул в рот клыкастую челюсть и нацепил коллоидную маску. Через секунду его уже нельзя было отличить от орка, и джисталкер немного перевел дух. После этого человек достал из кошелька, недавно лежащего в воздухонепроницаемом контейнере, небольшую капсулу и бросил ее в воду. Через пару минут ярко-зеленая вода потеряла свой интенсивный оттенок и купель стала выглядеть как обычная ванная после того, как ее

примет человек (или орк) который до этого не мылся с мылом дней десять.

Работа 15. Приморская

Лучший разрушитель любого плана — окружающая нас действительность.

(плач строительной фирмы после подписания плана сдачи жилья)

Плаванье — это процесс! К нему надо подходить соответственно. Если вам предстоит долгий судоходный круиз, а вы сухопутная мышь (как я, например) и не изволили к нему подготовиться — ожидайте много мелких неприятностей. Для начала качка. Для меня до сих пор загадка, ведь если вы отправляетесь в прогулочное путешествие на яхте на денек-другой — никакой тошноты почти никогда не случается. Зато если впереди долговременное водное путешествие — морская болезнь гарантированно вцепится в ваши внутренности уже через час, и вы будете долго ощущать на своем желудке каждую волну. Потом названия. Ну почему нельзя говорить о кухне и туалете, а обязательно надо с умным видом выдавать про камбуз и гальюн? Фок-шток-брамсель, якорный батор! Как же меня все это бесит… А ведь и вправду почему-то нельзя. Загадка.

Ладно, болезнь побороли, название выучили. Думаете все? Как бы не так! Существуют два варианта. Первый самый ужасный — это если вы пассажир. Что бы вы ни делали — непонятная скука вцепится в ваш мозг и будет его грызть. При взгляде на темные волны вам будут приходить мысли о потопленных кораблях, а в штиль в голову полезут страхи глубинных вод. Привыкнуть к морским необъятным просторам — дано не каждому. Если вы матрос — то немного легче, но тоже ничего хорошего. Оказывается на любом, даже самом маленьком, кораблике столько работы! И вы, как самый неквалифицированный мореплаватель, обязательно будете всю ее делать. А если сделаете, то найдется какой-нибудь шутник, из бывалых морских волков, который заставит вас после этого делать работу ненужную и бесполезную, к примеру, точить якорь.

Якорь точить меня, по счастью, не заставляли, но всю грязную работу на корабле, который мы купили в селе Папуасово по рекомендации агента-тролля, делал я, хоть в теории и являлся командиром отряда. А куда деваться, вот сами посудите:

Лия оккупировала камбуз, да и готовила она на самом деле лучше всех. Хоб великолепно справлялся с системой парусов баркаса, которая была ненамного проще парусного снаряжения старинной испанской каравеллы. Юркий гоблин как обезьянка летал по сложной системе канатов между двумя мачтами и тремя парусами, вовсю используя магию Тверди для укрепления узлов и веревок, так что на это место претендовать было бы, по меньшей мере, самонадеянно с моей стороны. Можно было попытаться взять на себя рулевые функции, но опять же тролль с этим справлялся на порядок лучше. При этом рулевое колесо оказалось совмещено с магическим механизмом, упрощенным подобием дирижабельного двигателя, так что Васиз порой прилично добавлял скорости баркасу при помощи магии Стихий, а я этого сделать никак не мог. Огр при переходе от одного борта к другому прилично наклонял судно, так что гонять его по кораблю было небезопасно. Да еще палуба под ногами Дехора подозрительно сильно скрипела, так что из огра шустрый палубный матрос никак бы не получился. Рыжик работать почему-то тоже не захотел. Вот и осталась для грязной работы на корабле единственная кандидатура — моя.

Впрочем, работы было не так уж и много, хотя в принципе и не мало — я сильно не напрягался, но особо-то не скучал. Зато за день мы начали покрывать около пятисот километров (против ста пятидесяти наземных), хотя и двигались в среднем с все той же скоростью примерно двадцать километров в час, ой простите, я хотел сказать — около одиннадцати узлов. Правда верхом мы ехали не больше десяти часов в день и по извилистым прибрежным тропам, а тут плыли полные сутки почти по прямой. Кстати, наших волков и куникулов пришлось продать, так как после села Папуасово мы планировали передвигаться исключительно по воде. Со Снапом мне не хотелось расставаться, но обрекать бедное животное на долгое морское путешествие было не только бессмысленно, но и жестоко по отношению к умному ездовому волку.

Огр за три дня путешествия на корабле полностью отъел свое пузо (трудолюбивая гоблинка устроила ему десятиразовое питание), и теперь выглядел не хуже, чем до начала путешествия, что его ужасно радовало. Под усиленный дополнительный паек попал и кот, и я впервые заметил у Рыжика что-то вроде небольшого животика — обычно в эту рыжую прорву еда уходила без видимых внешних изменений. Когда мы подплывали к Порт-о-Троллю, все выглядели бодрыми и полными сил — было совсем не похоже на то, что наш отряд только что совершил долгое, достаточно трудное и опасное путешествие.

Я с нетерпением ожидал того момента, когда мы достигнем приморского города. В моем воображении конечный пункт нашего плавания выглядел как пиратская Тортуга, и Порт-о-Тролль меня не разочаровал. Город расположился на склоне огромного холма, утопающего в зелени. У подножия горы лежала большая бухта, защищенная от всех ветров и полная причалов — центр местной жизни, городской порт. Наш скромный рыбацкий баркас полностью потерялся на фоне бортов могучих океанских бригантин и каравелл, стоящих у причала. Впрочем, рядом со средневековыми величавыми парусными кораблями я заметил парочку весельных галер, как срисованных с судов древних греков, что-то вроде драккара викингов и небольшой кораблик, похожий на утюг, явно напоминающий паровой броненосец. Конкретно к какой-либо эпохе земного мореплавания этот порт другого мира отнести было невозможно.

На первый взгляд на причалах царила полная неразбериха, но опытный тролль не поддался на провокацию и встал на якорь чуть в стороне от основных рейдов акватории порта. Вскоре от берега к нам рванула лодка лоцмана, и через двадцать минут наш баркас оказался пришвартован среди двух десятков яхт и шхун, сопоставимых с ним по размерам у крайнего северного причала. С этой минуты мы находились уже на территории Порт-о-Тролля. Далее последовали таможенные формальности, оплата лоцмана и причала, регистрация и прочая бюрократическая шелуха, преследующая любого путешественника. Территорию порта мы покинули только под вечер, вымотанные гораздо сильнее, чем за все время трехдневного морского каботажного плавания, лишний раз подтвердив известную истину — разумные двуногие создают друг другу гораздо больше трудностей, чем это удается природным бедствиям и катастрофам.

* * *

С тех пор, как наш несчастный баркас встал у северного причала, прошло две недели. Мне уже казалось, что в этом портовом городишке я пробыл целую вечность. Единственное разнообразие внес агент-джисталкер, передавший мне очередной шпионский контейнер. Под присмотром кота я обновил раскраску и снаряжение, и на следующий день вернул заполненный использованным оборудованием приемник, на этот раз выполненный в форме бочонка с элем. Казавшееся поначалу несложным, дело достижения Архипелага встало передо мной в

полный рост в своей почти невыполнимой красе.

Кораблей, капитанов и матросов, способных пересечь опасный океан, в Порт-о-Тролле было предостаточно, но они не соглашались ни за какие деньги потерять из виду берег без надежного кормчего. Оно и понятно — спутниковой навигации в мире Ворк не существовало, как впрочем, маяков, радиобуев и прочих вспомогательных средств ориентирования в бескрайних водных просторах. Я бы мог при помощи своих приборов спокойно указывать направление но, во-первых, у меня не было лицензии и авторитета кормчего, а без этого все мои умения ничего не стоили — ни один капитан мне бы свой корабль не доверил. Во-вторых, я мог задать только общее направление, но о течениях, рифах и прочих опасностях на пути имел смутное представление. Одним словом, высококвалифицированный кормчий был нам жизненно необходим.

Капитан в мире Ворк (как впрочем, и на Земле в начале эпохи мореплавания) — лицо важное, но второстепенное. Жизни пассажиров и экипажа находятся в руках кормчего — прокладчика курса корабля. Кормчий прокладывает курс по звездам и компасу, определяет примерное положение шхуны, накладывая его на линии, нанесенные в его морском журнале. Корабельный журнал мира Ворк — магическая книга, где записаны детальные наблюдения кормчего, побывавшего раньше в местах предполагаемого нахождения. Журналы являются главной ценностью кормчего и охраняются подчас серьезнее, чем иные сокровища. Их ведут поколения кормчих, и передаются эти ценные рукописные базы данных от отца к сыну.

В корабельных книгах записываются курсы по магнитному компасу между портами и мысами, места причаливания и проливы. Там отмечаются отмели и глубины, цвет воды и состав дна. Указывается, как корабль может попасть в назначенное место, и как из него выплыть. Сколько дней необходимо идти определенным курсом, чтобы достичь пункта назначения. Роза ветров для каждой территории. Время штормов и штилей, где ремонтировать корабль и где пополнять запасы провизии, где друзья и где враги. Бухты и гавани, приливы и отмели, глубины и рифы, в общем — все, что нужно для безопасного плавания.

Необходимым уровнем квалификации для морского путешествия к Архипелагу обладали три кормчих, живущих в Порт-о-Тролле. Два из них находились в долгосрочном плавании, и предполагаемое их возвращение планировалось где-то через полтора-два месяца. Третьим был огр, по имени Менар, но имелась одна небольшая проблема — у огра было два младших

брата. Вернее, вопрос стоял не в самих братьях, а в их роде занятий. Братья состояли охранниками при кормчем, а старший брат по совместительству со своей основной профессией держал один из местных тотализаторов боев без особых правил. Эти схватки, называемые тут «матросскими драками» и устраиваемые еженедельно на главной площади города, являлись главным развлечением населения приморского городка. Надо ли говорить, что младшие братья кормчего на протяжении последних пяти лет были бессменными чемпионами Порт-о-Тролля? Вернее, чемпионами они становились по очереди, так как между собой братья, которых звали Никор и Димор, никогда не дрались.

Менар не плавал тоже около пяти лет. С последнего своего плавания огр привез достаточно денег, чтобы организовать свой бойцовский бизнес в родном городе и, имея под рукой двух великолепных спортсменов, сумел приумножить начальное состояние и вовсе не горел желанием отправляться в опасное путешествие.

— Нет, это безнадежно, — расстроено сказал я, глядя на движения Дехора.

— Мне бы щит и булаву, — сморщился как ребенок огромный огр. — Тогда я бы один обоим братьям по шее надавал.

— Без правил и без оружия бои, — в который раз монотонно повторил я.

— Не понимаю я глубинщиков этих, — недоуменно поддержала отставного сержанта Лия. — Какой смысл руками махать бестолку?

— Уважаемая приграничница, не мешай нам, пожалуйста, — попросил я гоблинку, на что она показала мне язык и повернулась к Хобу с целью продолжения прерванного для ехидного замечания разговора.

Глубинщиками приграничники называли все остальное население, но это не имело никакого отношения к тому, чем мы сейчас занимались. А занимались мы боевыми упражнениями в хлеву, который арендовал я за небольшие деньги исключительно для тренировок. Хотя занимались — это излишне сильно сказано. Я пытался учить Дехора, но отставной сержант обучаться не желал. Вернее он хотел, но результата не было. А тренировались мы с одной целью — я хотел разорить Менара, чтобы потом купить его услуги кормщика. Для выполнения этого грандиозного плана надо было всего лишь побить на ринге одного из его младших братьев.

Честно сказать, арена боев была открыта для всех бойцов, но против огров драться без оружия обычно никто почему-то не

хотел. Так что хотя в теории это были просто матросские драки, на практике я бы назвал данный вид спорта «матросские драки огров». Да я и сам, честно признаюсь, поначалу не горел желанием выходить на ринг против четырехсоткилограммовых громил, поэтому решил немного поднатаскать Дехора. В теории для того, чтобы участвовать в боях, надо было служить матросом или обладать кораблем, — в нашем случае эту роль играл старенький рыбацкий баркас, купленный в селе Папуасово и забытый на северном вспомогательном причале.

Решение натренировать огра оказалось несколько самонадеянным — за неделю сделать из отставного сержанта чемпиона по боям почти без правил у меня не получилось. С оружием в руках Дехор творил чудеса — булава весом в полцентнера в его лапище летала, как веер в руках китайского танцора. Кулак огромного огра легко вогнал бы в землю какого-нибудь Илью Муромца по пояс, а вот как уворачиваться от ударов отставной сержант понятия не имел. Все его блоки были наработаны на оружие — пустые руки он не блокировал принципиально, обосновывая свою огрскую лень тем, что якобы «опасности не чувствует». Все мои вопли о том, что при отсутствии доспехов и рука может стать опасным оружием, огром игнорировались. Ну и попадать по движущейся цели пустой рукой у Дехора получалось из рук вон плохо.

Завтрака я Дехора сегодня практически лишил, дав вместо полноценного приема пищи всего одну тарелку супа, на что отставной сержант почти не возражал, так как от безделья уже успел нарастить себе живот, значительно перекрывающий обычное пузо среднестатистического огра. После завтрака я сразу потащил Дехора на тренировки, и за нами привычно увязались остальные члены отряда. Сегодня начался очередной выходной, и ближе к вечеру нам предстояло провернуть аферу, под названием «гастролер», причем подсадной уткой будет по-прежнему служить отставной сержант, и я продолжал его усиленно тренировать. На это безобразие с улыбками поглядывали Лия, Хоб и Васиз, которые уже выучили свои роли. Комментировать наши с Дехором потуги ребята устали за неделю тренингов, так что в основном мы тренировались молча.

Впрочем, назвать этот цирк тренировками можно с большой натяжкой. Я прыгал как мартышка вокруг Дехора и старательно бил его, проверяя уязвимые точки этой горы мяса, а отставной сержант лениво отмахивался от меня, как от надоедливой мухи, причем совершенно безрезультатно — я продолжал жужжать у него прямо под ухом.

В старом амбаре, на окраине Порт-о-Тролля, происходило интересное действо. У стены амбара стояли стулья, на которых сидели два гоблина и тролль. Магические бойцы разговаривали между собой, почти не обращая внимания ни на что вокруг. Под ногами у магов развалился большой рыжий кот и лениво наблюдал за событиями, происходившими в центре амбара. В центре свободного пространства джисталкер и огромный огр пытались изображать драку. Джисталкер старался действовать по принципу великого Мухаммеда Али — порхать, как бабочка, и жалить как пчела. Порхать у него получалось достаточно уверенно, а вот с процессом «жалить» дело обстояло значительно хуже. Отставной сержант был огромен даже для огра и удары, которые должны были действовать на него как уколы пчелиного жала, воспринимались им не более чем комариные укусы. После них могучий огр только почесывался и продолжал махать в воздухе руками, больше похожий не на рукопашного бойца, а на сеятеля из небезызвестного творения господ Ильфа и Петрова.

Работа 16. Предбоевая

Игра «морской бой» сильно отличается от матросской драки

(наблюдение в портовом кабаке)

Праздники имеют много общих свойств, но главный их признак — приподнятое настроение всех вокруг. В обычный день вы выходите на улицу и видите массу унылых или деловых лиц, имеющих общую черту — серую озабоченность. Совершенно иное дело — праздник или даже просто выходной день. Те же люди, что вчера спешили мимо вас с напряженно сжатыми губами, сегодня представляют совершенно иную картину. Радость от предстоящего события (у каждого своя причина) написана на лицах большими буквами — и от этого вы тоже испытываете душевный подъем, даже если для вас этот день ничем не отличается от остальной недели. Поэтому я люблю праздники, даже если для меня они являются днями рабочими.

Матросские драки обычно начинаются под вечер, когда жар южного солнца уже прилично спадает, и центральная площадь города погружается в тень от окружающих ее высоких (порой четырехэтажных) зданий. Мы решили прийти пораньше и отобедать в любой из многочисленных таверн с великолепнейшей приморской кухней, расположенных в близлежащих домах. В знакомых и друзьях у контактной аристократки находился уже весь город, поэтому мы шли, сопровождаемые приветственными возгласами как величальным хором. Зайдя в малюсенькую таверну, мы расположились за единственным столом этого заведения и заказали фирменное блюдо — огромного осьминога, фаршированного креветками в оливковом масле.

— Не понимаю, как ты собираешься победить ограчемпиона? — в который раз завела шарманку Лия, аккуратно нарезая аппетитно пахнувшее щупальце, размерами превосходившее мою руку. — Ты Дехору-то ничего толком сделать не можешь.

— Скоро все сама увидишь, Лия, — отмахнулся я, врубаясь со своей стороны в огромное блюдо, стоящее перед нами на круглом подносе.

— Нет, правда Тим, расскажи, — поддержал гоблинку тролль, занимаясь тем же, что и вся наша компания, то есть отрезал от

центрального блюда вкусные куски и переправлял себе на тарелку, а затем запускал их по отработанному маршруту в клыкастый рот.

Уговорить меня не удалось даже тогда, когда мы доели огромного осьминога, причем основная часть нежнейшего мяса досталось гоблинам и Рыжику. Сам я не налегал на еду и внимательно следил за тем, чтобы огр не переедал. Правда к отставному сержанту вместе с животом вернулась умеренность, и Дехор теперь ел немного.

— Давайте еще разок пройдемся по плану, — предложил вместо объяснений я, когда мы доели основное блюдо и неспешно потягивали эль, вольготно расположившись за большим круглым столом, освобожденным услужливой троллькой-трактирщицей от лишних блюд.

— Я дерусь, — весело прогудел Дехор и сыто икнул.

После этого мы одновременно ехидно и оценивающе взглянули на огра, проговорили предстоящие действия каждого, расплатились с хозяйкой заведения и вышли на площадь. Народ уже начал потихоньку подтягиваться. Перед главным событием предстоящего увеселения, матросскими драками, коренным жителям и гостям Порт-о-Тролля предлагалось послушать музыку. Все члены нашего небольшого отряда приготовились к предстоящему шоу, собираясь действовать максимально продуктивно, а я еще раз прокрутил в голове предстоящую работу.

Дело в том, что вызвать местного чемпиона на бой сразу невозможно. Для того чтобы подраться с одним из братьев кормщика надо пройти предварительный отбор. Естественно, если бы все увидели мои бойцовские способности заранее, то о разорении организаторов одного из тотализаторов речи уже бы не велось. Для прохождения предварительного отбора мне и нужен был отставной сержант.

На середине покрытой брусчаткой площади, углубляющейся к центру в форме перевернутой вьетнамской шляпы и немного напоминающей амфитеатр, возвышался каменный помост двухметровой высоты и пятнадцатиметрового диаметра. На этой приподнятой арене и должны были вскорости начаться ожидаемые всеми матросские драки. Вокруг неогороженного канатами круглого ринга оставалась примерно пятиметровая свободная зона, в которой находились только спортсмены и тренеры. Оно и понятно — в процессе боев огромные огры иногда как птички слетали с ринга, и если бы эти парящие горы падали на зрителей, то вполне вероятны были бы несчастные случаи со

смертельным исходом, ибо к прилетевшей на голову четырехсоткилограммовой туше не всякий морально готов. За мертвой зоной располагались примерно пятнадцать рядов сидений, куда предприимчивые городские власти продавали билеты по достаточно приличной цене. За сидениями следовали стоячие места, которые были абсолютно бесплатны, поэтому на матросские драки собиралось почти все население городка. Сейчас на каменном помосте играл оркестр, и под бодренькую музыку площадь постепенно заполнялась праздничным народом.

Мы перемигнулись с нашими гоблинами, после чего Лия и Хоб отошли от огра и затесались в праздношатающуюся толпу. Я и тролль исполняли роль тренерской команды при гигантском спортсмене, поэтому мы подошли к помосту и встали рядом с другими соискателями чемпионского титула, после чего я начал внимательно изучать предстоящих соперников Дехора. Рыжик привычно путался под ногами.

Два мнущихся у помоста огра как противники отставному сержанту в подметки не годились. Типичные деревенские увальни-силачи, желающие попытать счастья в большом городе. Не думаю, чтобы они обладали какими-нибудь серьезными боевыми умениями — обычные рыбаки, могучие бесспорно, что вполне естественно для огров. По идее Дехор должен был каждого из них примитивно задавить массой — отставной сержант был выше среднестатистического огра почти на огромную огрскую голову.

Претендент на звание городского чемпиона, которого тоже необходимо было победить по пути к нашей цели, понравился мне значительно меньше пары деревенских увальней. Во-первых, у него был достаточно небольшой для огра живот, что говорило о хорошей подвижности спортсмена. Во-вторых, в движениях этого огра присутствовала характерная медвежья грация, одновременно указывающая на хорошую подвижность и ловкость бойца. При этом развитая мускулатура груди и рук указывала на невероятную силу атлета. Одним словом, это был очень опасный парень, хотя братья-чемпионы, сидящие в первом зрительском ряду, производили еще более серьезное впечатление. При взгляде на этих двух огров, одновременно мощных и быстрых (для огров, естественно), у меня начинали возникать серьезные сомнения в возможностях осуществления нашего грандиозного плана.

«Если ничего не получится — дождемся другого кормщика, всего месяц-другой потеряем, не так уж это и страшно», — занялся я самоуспокоением, что немного улучшило настроение.

Тем временем оркестр на постаменте прекратил свою бодрую

игру и начал освобождать место для предстоящих увеселительных мероприятий. Устроители начали совещаться, кого из бойцов выпускать на постамент первыми, жучки забегали между сидений, принимая ставки. Народ, стоящий за рядами сидений, колыхнулся к двум большим помостам, на которых принимали ставки городские работники тотализатора. Лотереи — любимое развлечение жителей Порт-о-Тролля, и тотализатор кормщика Менара был далеко не единственным подобным предприятием городка, но остальные конторы по продаже азарта не являлись нашей целью. Краем глаза я заметил как Лия и Хоб сделали небольшие ставки на предстоящий бой (устроители определились с жеребьевкой и первой назначили схватку между деревенскими силачами), и устремил внимание на постамент.

Правила матросских драк чем-то напоминают свод кодексов борьбы сумо. Только тут для достижения результата делать можно почти все, кроме ударов в паховую область и использования для боя могучих клыков, которыми все разумные хищники умели при случае действовать весьма умело. И еще один нюанс — если в сумо борьба прекращается при выталкивании соперника за круг или при касании им коленом помоста, то в матросских драках Порт-о-Тролля такой исход боя не предусмотрен. Если соперник оказывается на полу, то его следовало спихнуть с постамента, и при этом самому удержаться на вершине. Если упавший с каменного помоста соперник желает продолжить бой, то он должен снова забраться на двухметровое возвышение — при этом ему можно (и даже нужно) мешать любыми способами (в том числе ударами рук и ног по голове оппонента). Победителем считается тот, кто в течение примерно трех минут остается на постаменте в гордом одиночестве, не пуская соперника на боевую площадку. Ну и, конечно же, победа присуждается бойцу, если соперник выбывает из боя в результате тяжелой травмы или глубокого нокаута. Вот такое вот веселенькое времяпрепровождение.

Деревенские увальни забрались на помост, раздевшись до пояса, и замерли, ожидая начала состязаний. Маленький юркий гоблин в красном балахоне, стоящий на середине постамента, застыл, подняв ручки вверх, ожидая отмашку судейской бригады. Судьи, сидящие на четырех высоких стульях по краям постамента, замерли, глядя на служителей городского тотализатора. Денежный вопрос в предстоящем шоу явно играл далеко не последнюю роль. Принимающие ставки служители на двух помостах дали отмашку, после чего судьи величаво кивнули гоблину, маленький рефери в красном махнул ручками и

моментально убежал с места предстоящего боя. Тут же оркестр, расположившийся неподалеку от главного помоста, по меткому выражению великого классика «урезал марш». Матросская драка началась.

Огры заревели и бросились друг на друга. Через долю секунды бравурную оркестровую музыку заглушил звук столкнувшихся лбов деревенских силачей. Толпа восторженно ахнула и в предвкушении уставилась на зрелище. Впрочем, увальни всех разочаровали — лобовое столкновение оказалось самым интересным пунктом увеселительной программы. Бить могучими кулаками по физиономии оппонента огры благоразумно отказывались, резонно опасаясь поранить руки о торчащие клыки. Два бойца уперлись друг в друга лбами и толкались, мутузя оппонента кулаками и ладонями по груди и животу. Такая несерьезная деревенская драка продолжалась минуты три, потом один из атлетов начал сдавать, потихоньку отступая. Дойдя до края помоста и не заметив опасной ситуации (боец усиленно сопротивлялся давлению на свой лоб), огр оступился и под хохот толпы свалился с помоста. Ошеломленный деревенский силач сидел на камнях и тряс головой, в попытках прийти в себя. За ним с помоста с не менее изумленным видом наблюдал победитель, изредка ударяя себя могучей рукой в грудь при этом ревя что-то победное. Дальнейшие три минуты под свист и улюлюканье толпы упавший с помоста огр старался взобраться обратно, а соперник его примитивно сталкивал вниз, не стесняясь иногда проделывать это могучими пинками. Под конец судьи остановили эту деревенскую возню, признав победителем силача, оставшегося на постаменте.

Следующим пунктом программы стояло выступление славного отставного сержанта. Я хлопнул Дехора по могучей спине, и огр полез на помост. Напротив него стоял победивший деревенский силач, и в глазах парня при взглядах на нашего гиганта мелькала плохо скрываемая робость.

— Вот так и проигрывают бои еще до начала схватки, — шепнул я троллю в его длинное синее ухо.

— Да, спекся он, габариты Дехора оценив, — согласно кивнул Васиз, и добавил чуть презрительно: — Не боец…

— Давай вперед не забегать, — одернул я тролля, чтобы не сглазить, и Васиз согласно кивнул в ответ.

Бой отставного сержанта с деревенским силачом не принес никаких неожиданностей. Когда гоблин в красном взмахнул ручонками и резво ускакал с помоста, давая сигнал к началу следующей хватки, соперник нашего огра собрался духом и с

диким криком полетел на Дехора. Столкновения лбами не получилось, и деревенский силач с размаху ткнулся лбом в грудь отставного сержанта. Дехор выдохнул, грозно сверкнул глазами и пошел вперед впечатывая ноги в каменную поверхность постамента. Его соперник уперся руками в живот врага и ногами пытался затормозить неумолимое продвижение отставного сержанта. Победила масса и сила — Дехор шел вперед, почти не замечая упиравшегося в его живот огра. Через пять секунд деревенский силач под гогот толпы слетел с помоста. Когда пришедший в себя после падения с постамента соперник начал залезать на помост для продолжения схватки, Дехор ему мешать не стал. Деревенский силач разбежался, но отставной сержант не дал ему снова ударить себя головой в грудь, а ловко перехватил летящего на него пузатого атлета, развернулся и сноровисто дал под зад сопернику могучего пинка, добавляя скорости разогнавшемуся огру. Под гогот толпы деревенский силач пролетел по воздуху метров пять и растянулся прямо у ног зрителей переднего ряда, потом, кряхтя, поднялся с брусчатки, на которую он с грохотом приземлился, и снова лезть на помост отказался наотрез. Дехор закончил первый бой за явным преимуществом.

Теперь на пути к схватке с чемпионом города стоял только претендент. Огр, размерами ненамного уступающий Дехору, вскочил с первого ряда сидений и двинулся к постаменту. При взгляде на этого огра, которого в приморском городке все знали под кличкой Осьминог, у меня заныло под ложечкой. При огромных габаритах бойца живот его был невелик (имеется ввиду для огра). Дехор пренебрежительным взглядом окинул невыдающееся пузо соперника, и я после этого занервничал еще сильнее. Претендент плавно перетек на постамент и застыл напротив отставного сержанта. Гоблин-арбитр что-то пискнул и убежал с помоста, махая руками как маленький красный вентилятор — схватка началась.

К чести отставного сержанта, бросаться на спокойно стоящего и ухмыляющегося соперника он не стал — по-видимому, сказались мои уроки, на которых наш огр четыре раза пробил собой стену амбара после ловкой подножки, каждый раз едва не стоящей мне оттоптанной ноги. Осьминог это оценил, и соперники медленно двинулись навстречу друг другу. В центре постамента огры встретились, и воздух загудел от могучих ударов по корпусу, которыми начали обмениваться гиганты. Через полминуты обмена мощными тычками претендент скривился и

отступил, уже понимая, что отставной сержант бьет значительно сильнее, чем он.

После этого произошел перелом боя. Осьминог начал метаться вокруг Дехора, наносить несильные с виду удары и тут же отступать, ведя за собой соперника по кругу аренного камня. Минуты четыре отставной сержант преследовал быстрого врага, а потом начали сказываться потрясения, полученные им при коротких джебах и хуках более опытного соперника. Так бы бой вскорости и закончился — но тут сыграло свою роль то, что Дехор все-таки был приграничником, а Осьминог, при всей своей силе и опытности, являлся достаточно мирным глубинным огром. Отставной сержант из последних сил рванулся к сопернику, чего претендент явно не ожидал от изрядно ослабевшего врага, обнял его за плечи и оба огра полетели с постамента. Дехор при этом умудрился нанести Осьминогу пару ударов головой по лицу прямо в полете, после чего два огромных тела плюхнулись на брусчатку, при этом отставной сержант оказался сверху и его выдающийся живот благодаря силе гравитации сыграл на нашей стороне.

Такое падение полностью вышибло дух из претендента, но и наш боец с огромным трудом поднялся на ноги. Кряхтя как баба Торя, Дехор едва смог залезть обратно на постамент, и там под восторженный гул толпы отстоял, качаясь как маятник, положенные три минуты, за которые к Осьминогу сознание так и не вернулось.

— Ты лучше всех, — прошептал я, хлопоча вокруг едва сидящего на стуле огра и не обращая внимание на кота, который обеспокоено вертелся под ногами. — Ты просто не представляешь, какой ты молодец.

— Ты меня успокаиваешь, — негромко прогудел Дехор в ответ. — У него удары, как змеиные укусы, силу вытягивающие. Ты был прав, когда говорил мне про пустую руку.

— Не важно, главное ты сделал, — успокоил я могучего отставного сержанта. — Чудом, но победил.

— Я думал меня еще и на чемпионов хватит, но даже с места двинуться не могу, — прошептал бледный огр. — Целый день в хирде со щитом, бывало, бегал, гнумов гоняя, а тут за пять минут боя спекся.

— Это другая нагрузка, не переживай, — ответил я, делая точечный восстановительный массаж Дехору. — С любым из братьев ты бы все равно не справился без оружия, так что выдал, считай, по максимуму.

— Может боец драться дальше? — подскочил к нам с

вопросом гоблин-арбитр. — Финальный бой ждет публика. Или объявлять конец боев на сегодня?

— Замена будет, — сказал я судье в красном балахоне.

— У вас на кораблике еще один огр имеется? — удивился гоблин. — Приграничник хоть и великий воин, но я-то вижу, что он на сегодня уже не боец.

— Я буду драться, — ответил я гоблину в красном и, поглядев на его обалдевшую физиономию, ехидно поинтересовался: — А что, нельзя?

— Все вы, приграничники, абсолютно сумасшедшие ребята, — широко раскрыв глаза выдавил гоблин. — Тебя же любой из братьев-чемпионов раздавит как лягушонка.

— Это мы поглядим, — с самоуверенным видом выдал я, хотя никакой уверенности и не ощущал.

Гоблин посмотрел на меня как на полного идиота, после чего убежал советоваться с другими судьями. Как только арбитр от нас отбежал, ко мне тут же ненавязчиво присоседилась Лия.

— На Дехоре неплохо подняли, — прошептала мне куколка-вампирчик. — Почти удвоили сумму.

— Как только разрешат бой — сразу все на меня ставьте, и только на тотализаторах кормщика, — дал я ценные указания, на что Лия кивнула и снова затерялась в толпе.

— Точно не передумаешь драться? — опять спросил подскочивший ко мне гоблин в красном.

— Будет бой, — отрезал я.

— Все, иду объявлять, — решил арбитр, и ускакал на арену.

Толпа на площади недовольно гудела, раздосадованная задержкой зрелища. Наконец на аренный постамент выскочил арбитр в красном балахоне и пронзительно заверещал, перекрывая гул толпы:

— Финальный бой состоится между бойцами Тимом и Никором. Никор на протяжении пяти лет вместе со своим братом являются бессменными чемпионами Порт-о-Тролля! Тим простой приграничный… — тут гоблин сделал паузу, прокашлялся и заверещал в два раза громче: — …Орк! Впервые за последние пятнадцать лет в матросской драке, главном развлечении Порт-о-Тролля, участвует не огр!

Толпа испуганно примолкла, не веря словам главного арбитра матча. В это время на двухметровый каменный помост арены громадным прыжком взлетел могучий огр, поднял вверх руки, толщиной с человеческое туловище и грозно зарычал. Толпа взорвалась аплодисментами и приветственными выкриками в честь действующего чемпиона. Как только гул толпы

стих, с другой стороны на постамент вскарабкался джисталкер, рядом с могучим огром выглядевший как маленький щупленький первоклассник на фоне чемпиона борьбы сумо. Все в толпе ошарашено замолчали, на этот раз не веря собственным глазам. Потом кто-то (наверняка какой-нибудь мерзкий тролль) негромко хихикнул. Через тридцать секунд стены домов, окружающих главную площадь города, довольно ощутимо подрагивали от могучего смеха. Хохотали все.

Работа 17. Быстротечная

Кто начинает, тот и выигрывает.

(откровение дворового авторитета… шахматного)

Победить можно по очкам, нокаутом или за явным преимуществом. Это если в боксе. В борьбе предусмотрена возможность сдаться (при болевом или удушающем приеме), а так же имеются броски, дающие победу, да еще плюс возможность произвести удержание. В матросской драке Порт-о-Тролля чистых победных бросков не существует (хотя как мне бросать огра — просто не представляю), по очкам победа тоже не признается. Сдаваться сразу чемпион города почему-то тоже не захотел. Оставалось всего два исхода, которые меня полностью устраивали:

Первый — продержаться на помосте три минуты, предварительно сбросив четырехсоткилограммовую тушу вниз, не давая чемпиону в течение этого времени забраться обратно на постамент. Кстати, три минуты — это очень много, попробуйте вслух посчитать: «Одна тысяча один, одна тысяча два, одна тысяча три…», и так далее вплоть до одной тысячи ста восьмидесяти, после чего вы все сразу поймете.

Второй — послать огра в тяжелый нокаут или нанести травму, с которой невозможно продолжать бой. Тогда тренерская команда может сдать поединок, даже если боец остался на постаменте — для меня этот момент является актуальным: так как тащить волоком тушу весом с полтонны, да еще по шершавому камню, невероятно трудно. Вот такой небогатый выбор.

Как я уже говорил, на фоне огра я выглядел как первоклассник рядом с акселератом-десятиклассником, но, на самом деле, все обстояло не так ужасно. К примеру, самец шимпанзе при среднем весе в сорок килограммов, против восьмидесяти у взрослого мужчины, обладает силой в четыре раза превышающую человеческую (рекорд — почти четырехсоткилограммовый вес, поднятый одной рукой). Соотношение силы и скорости человека и огра тоже далеко не прямое.

Рывковая сила у меня, если учитывать пропорции тела, на

килограмм своего веса значительно больше чем у Дехора. В теории я могу поднять штангу, в два раза тяжелее себя самого, а для самого сильного огра работа с четырьмястами килограммами — предел возможностей. А вот с выносливостью при работе с относительно небольшими весами у огров дело обстоит значительно лучше, чем у людей. К примеру, пятидесятикилограммовой булавой Дехор может махать часами (правда он в этом плане профессионал экстра класса), я же предметом, весом дюжину килограммов, долго не помашу. Если говорить о скорости, то рывковая скорость человека (или орка — тут практически идентичная ситуация), тоже значительно превышает огровскую. Огры медленно разгоняются и медленно тормозят. Правда, в отличие от человека, огр может разгоняться очень долго.

Так что любой огр, при своих габаритах тяжелоатлета, скорее стайер, чем спринтер. Если бы чемпион Порт-о-Тролля, с которым мне предстояло драться, обладал взрывным рывком моего одноклассника Дмитрия в период его хорошей физической формы, да еще и помноженный на три с учетом огровского веса, то я на помост не полез бы ни при каких обстоятельствах — проще тогда уж под сверхзвуковой межконтинентальный поезд броситься, как Анна Каренина. Но простым этот бой я бы тоже не назвал. Огру достаточно меня поймать, а после этого упасть сверху — и все, вместо джисталкера на постаменте останется симпатичный блинчик. Удар огра будет напоминать удар бревном — вроде бы и медленно, но если попадет, то полетишь почему-то очень далеко после этого. В общем, доложу я вам, — непростое это дело, огров бить.

Как только гоблин-арбитр ускакал с помоста, размахивая в воздухе широкими красными рукавами, как машет флажками красотка из группы поддержки школьной баскетбольной команды, бой начался. Но начался он как-то немного неправильно. Мы с Никором стояли каждый на своей стороне и не делали никаких движений. На зверской физиономии чемпиона застыло удивленное и обиженное выражение — драться с плюгавым орком (с точки зрения огра) признанный силач считал ниже своего достоинства. Я тоже не спешил нападать, ибо уверенно стоящий на двух могучих ногах огр вызывал у меня некоторую оторопь.

«Если он не будет нападать, то я с ним ничего не смогу сделать», — промелькнула в голове мысль, и я вспомнил наши бои с Лерой-Ягуарой.

В принципе, всю стратегию и тактику боев с оградами я

спланировал, исходя из опыта боев с Лерой, только на этот раз в роли легкого и верткого соперника должен будет выступить некий стокилограммовый джисталкер. С ловкой белокурой бестией у нас имелась негласная договоренность — нападал всегда я. Тогда ситуация выравнивалась — боевитая блондинка часто ловила меня на встрече, поворачивая почти айкидошными финтами мою силу против хозяина. Если я уходил в глухую защиту, то Лере приходилось гораздо хуже, хотя иногда она и просила меня поработать от обороны, чтобы опробовать какой-нибудь новый прием, пришедший в ее умную блондинистую головку. Все-таки хорошие удары по голове даже из блондинки могут сделать Эйнштейна! Ну, это я что-то отвлекся…

Деваться было некуда, публика начала скучать и посвистывать, а за пассивное ведение боя думаю, рефери отдал бы предпочтение действующему чемпиону и поражение засчитал мне, поэтому я решительно двинулся к огру. Когда я подошел к гиганту, Никор стоял, уперев руки в боки, и улыбался во все клыки, глядя на меня сверху вниз. Никакой опасности он во мне не видел.

— Так да? — спросил я, задрав голову и глядя прямо в снисходительно прищуренные глазки.

— Букашка, иди на свой баркас пока живой, — добродушно рыкнул огр, и толпа разразилась дружным гоготом.

— Ладно, — спокойно сказал я.

В принципе огр был размером примерно с гоночного раптора, которого я ударом кулака в лоб почти сбивал с ног. В процессе боя постоянно находишься в движении, и поэтому нанести полноценный удар непросто. В данной же ситуации чемпион расслабился и не ожидал от меня ничего серьезного. Послав тело на правую ногу, я крутанул таз, волной зацепив плечевой пояс, добавил энергию движения в поворот корпуса вокруг позвоночника, потом направил кинетическую энергию тела в левую руку и выстрелил ей в область печени спокойно стоящего чемпиона. Над притихшей толпой раздался плотный щелчок, кулак глубоко вошел в огромный живот огра, после чего Никор удивленно выдохнул и сделал шаг назад. В глазах бойца застыло удивление.

«Сейчас он придет в себя и меня убьет», — молнией мелькнула мысль, и я начал действовать.

Мысль о собственной безвременной кончине придала мне сил, и я повторил удар в то же место, после чего с зашагом и разворотом ударил туда же правым локтем. Огр стоял, и до его огромного организма начала доходить характерная «черная боль» корпусного нокаута. Со страху я на этом не остановился, сделал

быструю разножку, после чего провел классический маваша гери чудан, с поправкой на то, что я бил в область печени, находящуюся почти в двух метрах над поверхностью вместо положенных метра двадцати, да еще с учетом живота пришлось бить немного сверху. Огр начал падать.

«Если он сейчас упадет на помост, то я его не сдвину», — посетила голову следующая разумная мысль, и я изо всех сил уперся в плечо огра и начал толкать его вбок.

Мои старания увенчались успехом, и чемпион упал не на меня, а в сторону, после чего скатился с помоста и разлегся на брусчатке, отключившись от окружающего мира.

В полной тишине один из судей перевернул большие песочные часы, отсчитывающие положенные три минуты. Народ испуганно притих. Тут с места встал второй чемпион и над главной площадью Порт-о-Тролля раздался могучий рев. И как вы думаете, что заорал спортсмен, который еще ничего не знал о состоянии здоровья своего брата? А вот и не угадали, ибо огр проревел всего одно слово:

— Нечестно!

После этого заорали все одновременно. Огр рванулся в мою сторону, на его пути скалой встал Дехор, а Висиз развел руки в стороны, и между ними сверкнула молния. После этого солидный старший брат-кормщик схватил за руку Димора и что-то ему сердито сказал. Чемпион остановил свой порыв, но продолжил яростно буравить меня глазами. К лежащему без движения поверженному чемпиону подскочили лекари (Лия в том числе). Площадь гудела — все спорили со всеми. Предметом спора являлся наш короткий бой. Больше всех кричали арбитры матча.

Судьи сначала грешили на магию, но на площади помимо Висиза и Хоба находилось довольно много магов (хотя мои друзья были тут самые сильные), и этот вопрос быстро закрыли. Потом начали говорить о том, что я напал раньше положенного срока, что тоже довольно быстро опровергли. Периодически от помостов с тотализаторами подбегали ребята, и что-то шептали судьям, после чего спор разгорался с новой силой. По организаторам было видно, что исход поединка никого не устраивает, но как признать его нечестным — никто не знал. Соблюдены все правила.

— Все жутко недовольны, мы же потом корабль не наймем никогда, — тихонько сказал я троллю. — Весь город волком на нас смотрит…

— А что делать? — развел руки в стороны Висиз, не забывая сосредоточенно поглядывать по сторонам. — Но ты немного

перестарался, это уж точно. Больше тем, что зрелища всех лишил.

Лучший способ нажить врагов — это лишить людей зрелищ. Все римские сенаторы и императоры, которые пробовали это сделать, плохо кончили. Во все времена лозунг: «Хлеба и зрелищ!», правит миром. Самые жестокие диктатуры всегда давали возможность людям выпустить пар. Да что говорить о далеком прошлом, если даже Майку Тайсону в цивилизованной Америке конца двадцатого века легко простили откушенное на ринге ухо соперника (кто-то из менеджеров даже в заслугу ставил) — а вот несколько боев, выигранных им нокаутом на первых минутах матча, хоть и добавили боксеру фанатов, но резко снизили посещаемость боксерских поединков в целом. Хотя я зрителей в этой ситуации прекрасно понимаю. Купил человек билет, заплатив неплохую сумму, потом перся через полгорода, только место свое занимал минут пятнадцать. Приготовился хорошо провести вечер и получить удовольствие от любимого вида спорта — а ему раз, и через двадцать секунд говорят, что он свободен, как птичка, и кина больше не будет. Нокаут, конечно, дело хорошее — но тут, как мы говаривали в школе, птица «фламинго-обломинго» махнула своим розовым крылом прямо перед носом. Я бы тоже в той ситуации пару раз сходил на стадион, а потом смотрел такое шоу исключительно по гашеку.

— Пойду с судьями переговорю, — решился я.

— Если что, мы тут, — прогудел отставной сержант, я кивнул ему и направился к кучке арбитров.

— Приветствую уважаемых судей, — вежливо сказал я, и мне в ответ солидно кивнули три гоблина в красных балахонах, полуголый тролль, обвешанный золотом и солидный орк в атласном костюме. — Понимаю ваши затруднения и хочу сделать предложение.

— Мы внимательно слушаем, — сказал гоблин, махавший руками на постаменте.

— Вы признаете бой спорным и объявляете повторный поединок, а мы на это не возражаем, если все ставки на тотализаторах не отзываются и проценты по выплатам не меняются, — сказал я, взглянув на беснующегося Димора. — Чемпиона у вас два, так что второй бой будет вполне оправдан. Естественно, делать повторные ставки разрешается по новым условиям.

После этого судьи сгрудились, и о чем-то увлеченно зашептались.

— А на каком основании мы объявим переигровку поединка? — вновь спросил меня главный гоблин, когда судейское совещание закончилось.

— Ну, к примеру… — я ненадолго задумался, потом взглянул на свою холщевую рубашку и сказал: — Я не разделся по пояс.

— Спорно, это же не оружие и доспехи, — с сомнением протянул главный арбитр. — А хотя народ возражать, думаю, не будет особо-то…

— Да уж, ото-ж, всяко-разно, точняк, — нестройно подхватила судейская бригада, еще раз показав превосходство строевого люда перед несобранными штатскими.

— Вот и договорились, — заключил я, развернулся и отправился к своим друзьям, ожидающим меня у нашего законного места.

— Ну что там у вас? — первым делом спросила меня Лия, присоединившаяся к нашей группе.

Никора к этому времени привели в сознание, и огр уже сидел рядом с братьями, бледный и с несчастной физиономией, грея ладонью живот в районе печени. Ближайший месяц чемпиону надо будет поберечься от резких движений.

— Повторный поединок сейчас у меня будет, со вторым братом, — сказал я.

Все мои соратники взорвались от негодования, причем громче всех возмущался огр. Васиз делал круглые глаза, качая головой, Лия на чем свет кляла глупых глубинщиков, подошедший Хоб грозно пищал о том, что все в этом городе подлые обманщики, а Дехор ревел страшнее динозавра и окружающие нас жители Порт-о-Тролля старались отойти от рассерженного огра подальше. Против повторного боя не возражали только Рыжик и я.

«Чего наши расшумелись?» — удивился кот, вернувшийся к нам на шум и готовый к драке.

«Не согласны с тем, что я второй раз драться буду», — объяснил я рыжему помощнику.

«А, я думал что-то серьезное. Когда побьешь второго огра, позови меня», — разочарованно передал Рыжик, и снова убежал на охоту — в приморском городе имелись бесчисленные полчища крыс, было где развернуться талантам рыжего ловца.

«Самому бы иметь такую же уверенность во мне», — с теплотой подумал я о коте и бросил взгляд в сторону чемпионов.

— Чего расшумелись, — умерил я пыл бойцов отряда. — Я им сам это предложил.

— Ты самый сумасшедший орк на свете, — скорчив ехидную гримасу, выдала куколка-вампирчик.

— Может, я с ним подерусь? — предложил пришедший в себя Дехор.

— Нам победа нужна, а ты еще от претендента не до конца

отошел, — прервал я неуместное геройство все еще немного бледного огра. — Вон едва на ногах стоишь.

— Зато местный чемпион после нежностей Тима даже стоять не может, — ехидно прищурившись, выдал Хоб, глядя на сидящего в неудобной согнутой позе Никора, и все мои друзья дружно загоготали.

Ряды сидений, расположенные вокруг каменного постамента, организаторы празднества отодвинули назад еще примерно на три метра — уж больно много в этот день оказалось порхающих огров, и зрители высказали вполне резонные опасения. В свободном пространстве осталось два участка, на которых расположились бойцы финального поединка и их группы поддержки. На почетном северном краю рядом с ареной располагалось три огромных стула, которые оккупировали могучие огры. В центре восседал богато одетый кормщик и обеспокоено поглядывал налево. Слева от него скривился на сидении немного бледный огр, держащийся за правую верхнюю часть живота и обеспокоено прислушивающийся к своим ощущениям. Боец справа от старшего огра тоже иногда встревожено поглядывал на травмированного брата, после этого перенося яростный взгляд на группу соперников. На западной части свободного пространства перед ареной на небольшом стуле сидел джисталкер, и пытался хоть как-то пристыдить своих друзей. Громадный огр, два гоблина и тролль стояли полукругом вокруг него и хохотали как полоумные непонятно над чем. Из толпы как из леса выглянул большой рыжий кот, скептически дернул ушами и, не найдя для себя ничего интересного, развернулся и скрылся, посчитав крысиную охоту гораздо занимательнее предстоящего несерьезного мероприятия.

Работа 18. Вялотекущая

Выглядит-то это вяло…
Как катком меня помяло.

(про схватку в партере борцов-тяжеловесов)

Вся площадь с удивлением смотрела на наш отряд, что еще больше провоцировало моих друзей на смех. Впрочем, ребятам было немного неудобно, и вскоре откровенный гогот перерос в сдавленное хихиканье. Народ, находившийся неподалеку, недоуменно переглядывался. Внимание окружающих от нашего немного неадекватного поведения отвлек гоблин-арбитр, который выскочил на помост и сбивчиво начал объявлять наши договоренности. Впрочем, как и ожидалось, особых возражений не последовало — погудев немного для порядка, жители Порт-о-Тролля рванулись к помостам-тотализаторам делать новые ставки на предстоящий бой. Арбитр довольным взглядом окинул площадь, видимо радуясь, что объявление сложно давшегося судейской бригаде решения прошло без сучка, без задоринки, и ускакал к возглавляемой им кучке.

— Хорошо, что драка без правил, — пробормотал я, глядя на судей.

— Это почему? — поинтересовался Васиз.

— Точно бы засудили, — буркнул я, и наша компания снова растянула клыкастые рты в заразительных улыбках.

Лия и Хоб все нужные ставки сделали еще в прошлый раз, поэтому наша дружная команда не стала разбегаться и осталась рядом со мной, ожидая начала боя. Я украдкой наблюдал за кормщиком, который что-то негромко говорил Димору. К владельцу частного тотализатора подошел один из жучков, принимающий ставки и что-то вполголоса ему сообщил. Менар отмахнулся от жучка, продолжая разговор с братом. Ровно через пять секунд к кормщику подошел второй продавец и так же встревожено о чем-то сказал. Следом подтянулся третий, а за ним четвертый распространитель. Менар обеспокоено взглянул в нашу сторону, и натолкнулся на мой оценивающий взгляд. Кормщик, без сомнения обладающий великолепной хваткой, памятью и аналитическим складом ума, при этом понимающий многое, что было недоступно простым ребятам, замер, глядя на нас. Потом что-то шепнул своему жучку-распространителю. Вертлявый тролль, к которому обратился Менар, глянул на Лию и кивнул.

После этого кормщик еще раз окинул меня взглядом с головы до ног, и снова склонился к брату-бойцу, о чем-то его напряженно спросив. В ответ Димор зарычал.

«Второй бой будет немного сложнее», — пришла в голову здравая мысль, правда в тот момент я не представлял, насколько она окажется пророческой.

Тем временем на помост снова выскочил главный арбитр и замахал руками, требуя тишины. Толпа на площади гудела в предвкушении зрелища. Наконец все немного утихли, и гоблин в красном балахоне заверещал:

— Переигровка финального боя состоится между бойцами Тимом и Димором. Димор и его брат Никор на протяжении пяти лет являются бессменными чемпионами Порт-о-Тролля… — тут гоблин закашлялся и бросил настороженный взгляд на нашу группу, после чего завопил снова: — Его соперник Тим — специально обученный военный… орк! И снова в матросской драке Порт-о-Тролля будет биться не огр!

На этот раз никто на площади гоготать почему-то не стал, и даже наоборот — меня поприветствовали не менее воодушевленно, чем действующего чемпиона. Первым на постамент запрыгнул огр. Я встал со стула, получил пару ободряющих хлопков по плечам от друзей, и тоже забрался на каменный помост. Арбитр посмотрел на меня, перевел взгляд на огра, замахал руками и, как Карлсон подхваченный своим пропеллером, быстренько улетел с помоста. Матросская драка началась снова.

Прикрыв локтем печень, огр рванулся на меня, чем-то напоминая атакующий бульдозер (во всяком случае, глаза яростно горели, как фары гусеничной дизельной техники). Я стоял на месте до последнего момента, потом обозначил корпусом удар левой в область печени, а сам нырнул под левый локоть огра (даже пригибаться почти не пришлось) и провел зацеп ноги. Огромная левая нога огра запнулась о его правую (я зацеп придержал еще немного, для надежности) и могучее тело потеряло равновесие. Как чемпион красиво летел с постамента!

Впрочем, надо отдать ему должное, упал огр удивительно ловко для его огромной массы. И вообще, если Дехор грацией напоминал носорога, то Димор своими движениями больше походил на медведя. С постамента огр не грохнулся о брусчатку, как я от него ожидал, а удивительным образом кувыркнулся через голову, и через секунду уже стоял перед помостом, рыча от ярости. После этого огр разбежался и попытался эффектно запрыгнуть на двухметровый каменный бортик. Я это ожидал и

прыгнул навстречу под некоторым углом, ногой немного подправив траекторию величавого полета соперника. В результате у Димора не получилось красиво запрыгнуть на постамент — боец ударился об угол и остался внизу, рыча от боли.

«Добился только того, что разозлил огра, хотя куда уж больше-то», — мелькнула здравая мысль о моих скромных достижениях в этом бою, и я сосредоточился на противнике.

Димор плюнул на внешнюю красоту и залез на помост без лишней эффектности, зато весьма эффективно. Когда соперник весом в четыре центнера стоит или двигается, упираясь на три точки опоры, то что-либо против него предпринимать стокилограммовому легковесу бессмысленно. Я, правда, честно пытался не дать огру взобраться на двухметровый постамент, но рука толщиной с человеческое туловище, которой он просто махал перед собой, отогнала меня как свернутая газетка муху. Забравшись на постамент, Димор согнулся и начал меня ловить почти в идеальной Греко-римской борцовской стойке. Это не входило в мои планы, и я начал от него бегать, порой демонстрируя просто чудеса акробатического искусства — мой соперник был достаточно проворен для огра. Единственное, что меня спасало — боец опасался за свою печень, и поэтому все мои угрозы-финты в этом направлении его немного тормозили.

Минуты четыре он меня ловил, а я от него бегал, по мере возможности нанося короткие удары по рукам и ногам. Пробить могучие мышцы огра оказалось достаточно сложной задачей, и никакого результата от моих потуг видно не было. Настроение публики поменялось, и теперь все улюлюкали, глядя на мои метания по каменной арене. Мне, впрочем, было на это наплевать, и из-за сиюминутной славы «отважного летчика и моряка» я не желал навечно превращаться в плоский коврик, который огр мог бы потом использовать для вытирания ног, постелив его в своей прихожей.

Впрочем, хоть я и достаточно выносливый, в этом плане даже самый двужильный человек в подметки любому огру не годился. И в теории, если огр меня будет гонять достаточно долго, то скорее рано, чем поздно, наступит момент, когда я примитивно выдохнусь — после чего соперник меня поймает и… что-то мне неохота продолжать тему. По-счастью Димор этого не знал, и вскоре оставил свои безуспешные попытки меня нежно обнять. И вообще — я считаю, что мне до этого момента просто исключительно везло. Мои огры-соперники не имели опыта ведения рукопашного боя с представителем другой расы. Я же достаточно хорошо изучил возможности этих гигантов, неделю

мучая Дехора, причем (как я понял позже) отставной сержант обладал значительно большей мышечной массой, чем даже каждый из братьев-чемпионов, и пробивать его было на порядок сложнее, чем любого обычного огра.

Краем глаза я заметил, как мои друзья обеспокоено наблюдают за боем, а рядом с кормщиком и его согнувшимся на стуле побитым братом суетится вертлявый тролль, который до того указал Менару на Лию. Но тут Димор сменил тактику, и я снова все свое внимание уделил бою. Огромный огр перестал ловить мое верткое тельце, и начал махать руками в воздухе, изображая из себя ветряную мельницу. Но если отставной сержант, когда проделывал это упражнение, выглядел донельзя нелепо, то действующий чемпион махал многопудовыми кулаками в воздухе даже где-то как-то грациозно. Первую минуту огр пытался ударить меня, и я без труда уходил от медленных хуков и апперкотов. Потом Димор сменил тактику, и начал работать по зонам — двигаться стало на порядок труднее. Я продолжал кропотливую работу, при каждом удобном случае нанося удары по рукам и ногам противника, придерживаясь единственно возможной тактики, под названием «вода камень точит», причем каплями служили мои несерьезные короткие удары, а роль камня играли гранитные мышцы огра, покрытые толстым слоем амортизирующего жира.

Скорее всего, школа земных боевых искусств в моем лице так бы постепенно и неэффектно доконала гораздо более могучего бойца, но случайность, управляемая умелой рукой кормщика, вмешалась в наш поединок. Уходя в сторону, предварительно показав всем телом удар в область печени, я коротко хлестнул правой между бицепсом и трицепсом левой ручищи огра, и тут мой затылок взорвался. Голова сразу загудела как от хорошего джеба сэнсэя. По каменному полу проскакал кокосовый орех, как шарик пинг-понка цокает по кафельному полу, я непроизвольно оглянулся и краем глаза заметил вертлявую синекожую фигуру, рванувшую в толпу. Вдогонку метнулись одновременно Васиз и Хоб, и тут воздух у меня в груди неожиданно закончился, и еще — я вдруг полетел. Лечу, это значит, я лечу…

Я лежал на мягкой стенке огромного пузыря. Мне хотелось не шевелиться и спать в этом уютном тепле. И тут я услышал знакомый скрипучий голосок.

— Глазки открываем, не спим, не спим!

Открыв глаза, я обнаружил себя, лежащим на мягкой поверхности то ли облака, то ли тумана. Половина моего тела

утопла в белой субстанции. В пяти метрах надо мной парила давешняя старушка-гоблинка, встреченная в оливковой рощице неподалеку от Папуасово. Бабушка смотрела на меня, и ее глаза чуть лучились теплым желтым светом.

— Больно бьют наши огры, да? — по-доброму улыбаясь, произнесла старушка. — Это тебе не в своем мире с человеками силушкой меряться.

— Я что, умер? — немного обалдев от окружающего антуража, поинтересовался я.

— Нет пока, в гости тебя взяла, — ответила гоблинка, и вдруг помолодела.

— А вы кто? — достаточно спокойно спросил я, так как почти весь свой запас удивления к этому времени израсходовал.

— Тебе не знать простительно, — успокоила меня хозяйка этого странного места. — Дать бы тебе месяцок-другой в лечащей люльке вашего мира проваляться, за ошибки глупые. Но время сейчас за тебя, да и сама недоглядела…

И тут белый свет крутанулся перед глазами как при головокружении…

Я лежал на брусчатке почти в десяти метрах от каменной арены-постамента. Рядом валялся опрокинутый ряд сидений, а надо мной хлопотала Лия. Над нами возвышался Дехор и клокотал от ярости, злобно поглядывая в сторону кормщика.

— Показалось, — радостно выдохнула куколка-вампирчик, и с облегчением взглянула мне в глаза.

— Что тебе показалось? — спросил я удивленно.

— Что у тебя все ребра слева переломаны. Когда тебе в грудь кулак чемпиона попал, очень громкий хруст раздался, — ответила служительница Некро. — И еще, когда без сознания лежал, я чуть надавила на ребра — ты всем телом сильно дернулся.

— Да вроде все нормально, — ответил я, глубоко вздохнув и вставая на ноги. — Я про сломанные ребра сам столько рассказать могу…

— Убежал метатель кокосов, — расстроено объявил вернувшийся Хоб. — Шустрый больно, да еще и местный — все улочки тут знает.

— В отличие от нас, — недовольно подтвердил слова друга запыхавшийся Васиз.

— Не суть, — прервал я ребят и спросил, обращаясь к Лие: — Я бой проиграл?

— Нет еще, — ответила гоблинка и указала взглядом на песочные часы судьи.

Оказывается, времени прошло совсем немного — около минуты. После этого я кинул взгляд на постамент. На каменном помосте стоял Димор, и с недовольным и одновременно немного виноватым видом смотрел на меня. Время утекало.

— Все, потом будем разбираться, — решительно отмел я все и рванулся в бой.

Впрочем, рванулся — это немного сильно сказано. Правильнее было бы сказать — рванулся и тут же остановился, не дойдя собственно до самого боя. Вы спросите, мол почему я не пошел и, кипя от яростного негодования, сразу же не начистил физиономию огру? Отвечу честно: я бы с радостью, да обстоятельства не позволили. А заключались обстоятельства в бортике, высотой два метра, над которым возвышался собственно огр, который вовсе не горел желанием пускать меня обратно на арену. Нет, в принципе перемахнуть через двухметровый забор для меня трехсекундное дело, как впрочем, и забраться на постамент с гладкими стенками высотой два метра, но только при одном немаловажном условии — если на вершине нет четырехсоткилограммового парня, который не хочет, чтобы я это умение продемонстрировал окружающим.

Я стоял у подножья постамента и в сомнении смотрел вверх. Сверху на меня скептически поглядывал Димор, изредка несильно топая ногой, от чего так же тихонечко потряхивало всю округу. В часах судей утекал песок.

«Попробую», — решился я.

Резко присев, я прильнул к двухметровой стене постамента, характерным образом «отводя глаза» огру и держа его фигуру на краю взгляда, после чего плавно перетек вдоль круга на пять метров в сторону. После этого одним нерезким движением, не теряя соперника из поля периферийного зрения, подтянулся, и через «выход силой» одним замедленным рывком встал на краю каменного помоста. Сделав два неспешных шага и остановившись в пяти метрах за спиной Димора, я щелкнул языком.

После того как огр оглянулся на звук, мне на долю секунды показалось, что его глаза выскочили из орбит — настолько сильно он их выпучил от удивления.

— Как… — выдавил из себя чемпион.

— А вот так, — развел руками я, после чего сжал кулаки и пошел вперед.

Не знаю уж почему — то ли от удивления, то ли от моих ударов (а может и от всего сразу), но мне показалось, что огр двигается в два раза медленнее, чем раньше. Я же наоборот — ощутил небывалый прилив сил, серьезно добавив скорости движениям и силу ударам. Через двадцать секунд маневров не

помню точно после какого по счету удара костяшками пальцев между бицепсом и трицепсом, у Димора отказала правая рука. Еще через полминуты после очередного моего лоу-кика действующий чемпион вдруг споткнулся, после чего завалился и упал передо мной на четвереньки. Вернее огр стоял на согнутой в колене правой ноге и левой руке. Могучая правая лапища огра висела, касаясь каменного помоста, а «выключенная» левая нога чуть дрожала, не желая служить в качестве опоры. Я не удержался и два раза провел маваша-гери по действующей руке соперника, удачно отключив и ее, после чего Димор завалился вперед, упершись лбом в аренный камень и не в силах сделать ни единого движения, а затем и вовсе упал на бок.

На каменном постаменте стоял джисталкер и смотрел на огра, лежащего у его ног. Лицо поверженного могучего атлета кривилось от сильной боли, при этом боец не мог пошевелить обеими руками и одной ногой. Джисталкер перевел взгляд на кормщика, сидящего на стуле и нервно поглядывающего на побитого брата.

— Как же мне его с постамента сбросить, — тихонько пробормотал джисталкер.

После этого человек, глядя в глаза кормщику, указал на поверженного огра и потом медленно провел тем же пальцем себе по горлу. Это явилось последней каплей, переполнившей чашу беспокойства старшего брата за своих родственников. Кормщик встал со стула, подошел к судье и негромко что-то произнес. Через десять секунд на арену выскочил главный арбитр и громко выкрикнул всего одну фразу:

— Чемпион побежден!

— …побежден, побежден, побежден… — прокатилось эхо, подхваченное сотней голосов из толпы.

Работа 19. Отправная

Уплыл, махая якорем –
И все морячки плакали…

(матросская песенка,
сочиненной в детсаде № 3)

Каждый новый этап жизни ознаменовывается хлопотами. Отводят впервые ребенка в детский садик — ручеек слезок, волнение родителей, детские страхи и прочие полузабытые взрослыми людьми ужасы. Дальнейшее хождение в детсад происходит по накатанной колее. Первый школьный звонок — уже более осознанный и запоминающийся праздник, но тоже сопровождаемый морем хлопот (цветы училке, наряд первоклашке, опять же переживание пап и мам, и так далее). Позже школа на многие годы превращается в рутинное времяпрепровождение, иногда напоминающее нудную работу, — хлопотливое дело, но с праздником первого звонка несравнимое. Далее выпускные и вступительные экзамены, диплом, выход на работу, смена деятельности, пенсия и, как венец хлопотливости, похороны. Вот и я, готовя новый этап путешествия, вместо того чтобы праздновать в одной из таверн удачное окончание боя занялся хлопотливой работой.

Сразу после завершения поединка прошел что-то вроде допинг-контроля, в том числе магического. После этого мероприятия, завершившего мою короткую и успешную карьеру кулачного бойца в славном приморском городке, начались долгие и нудные переговоры с кормщиком. Рассчитал я правильно и денег для полного погашения всех билетов тотализатора, оказавшихся на руках Лии и Васиза, у Менара не хватило. Дебаты с кормщиком длились весь оставшийся вечер с переменным успехом, но, в конце концов, мы пришли к общему знаменателю.

Кстати, переговорный процесс был один раз удачно прерван. В самый разгар торговли с крысиной охоты вернулся Рыжик и сообщил мне весьма интересную новость. Я решил сделать небольшой перерыв и пригласил кормщика с более-менее пришедшими в себя братьями-бойцами на прогулку. Неподалеку от солидного кабака, где мы сидели в отдельном кабинете и разговаривали о делах, собрался народ и потешался над одним троллем, который, как выяснилось, оказался недостаточно вертляв.

«Смотрю я — наши за ним бегут. Ну, я ударил по нему страхом и тоже решил погоняться, иногда страху добавляя», — объяснил свои действия рыжий телепат.

После своего точного броска кокосовый исполнитель начал уносить ноги, и наткнулся на Рыжика. Синекожий наемник и так до смерти перепугался двух могучих магов, рванувшихся за ним вдогонку, и поэтому хулиганство рыжего разбойника легло на благодатную почву. Далее кот гонял тролля по городу точечными телепатическими ударами около часа, по истечении которого обезумевший и обессиленный преследуемый не нашел ничего более умного, чем попытаться укрыть свое синее тельце в канализационной трубе, ведущей от жилого дома в ближайшую сточную канаву, где благополучно и застрял.

Извлеченный из узкой вонючей трубы (как он только умудрился туда залезть — не понимаю!) трясущийся тролль представлял настолько жалкое зрелище, что я об него мараться не стал и решил просто отпустить несчастное синекожее создание. Дехор, правда, не удержался и дал свободу метателю кокоса могучим пинком, после которого тролль, как рассказали позже окружающие, побил мой рекорд, пролетев по воздуху гораздо дальше, чем я после удара кулака Димора.

Потом мы вернулись в таверну и переговоры с кормщиком, чувствующим себя после всего этого ужасно неловко, пошли гораздо успешнее. В принципе, изначально я хотел заплатить огру за путешествие приличную сумму, но из-за его финта с кокосовым орехом проявил жесткость, и высококвалифицированный специалист фактически достался нам абсолютно бесплатно — кормчему после подписания контракта отошли только лотерейные билеты, полученные нами как выигрыш за бой. Хотя в принципе, судя по реакции, Менар и сам был не против того, чтобы отправиться в долгое путешествие, так как он засиделся на одном месте. Все-таки кормчий — потомственный путешественник, и сидение в спокойном городе не могло удовлетворить совсем еще не старого огра.

После окончания официальной части вечера мы закатили грандиозную пьянку, пройдясь по всем кабакам и тавернам Порт-о-Тролля. Жители приморского городка еще долго будут вспоминать нашу разнузданную компанию. Слава победителя огров летела впереди и, скорее всего благодаря этому, все прошло без неприятных эксцессов — но разудалые приграничные души моих друзей развернулись в ту ночь во всю ширь. Начав в самых дорогих заведениях и пройдя все ступени грехопадения, мы закончили вечер в одном из портовых кабаков, в окружении

толпы поклонников, которых до смерти напоили за наш счет. На следующий день пришлось даже послать сигнал с просьбой о финансовой помощи через агента-джисталкера, ибо средств на радостях я потратил значительно больше запланированного и выбился из всех смет.

Следующий день, как и вся последовавшая за ним неделя, снова начался с хлопот — и тут помощь кормщика оказалась неоценима. Все это время огр работал, бегая не покладая ног и заглаживая свою вину. Менар нашел нам корабль с капитаном и командой, великолепный современный фрегат, способный делать в среднем далеко за двадцать узлов, используя попутные ветра и магические агрегаты. Сам участвовал в переговорах на нашей стороне, значительно подвинув капитана в цене. Помог с закупкой провизии, проинспектировал состояние корабля. Пристроил наш баркас, при этом договорился о скидках за уже прошедшее время стоянки. Свой тотализатор Менар не прикрыл, оставив его на Никора, который чувствовал себя еще немного неуверенно. Димор уже на следующее утро сносно передвигался, изредка потирая ушибленные ноги и руки — при этом братья-чемпионы стали моими фанатичными поклонниками, и каждый вечер мы проводили в нашем амбаре, где я показывал ограм всякие боевые тонкости. Правда я уже выступал в основном в роли тренера, заставляя работать между собой Димора и Дехора.

Кстати, отставному сержанту мы справили новую булаву в лучшей местной кузнице, и когда боец показал, насколько он хорош с оружием в руках — авторитет приграничника в глазах братьев-чемпионов вознесся на небывалую высоту. Действительно, умение неплохо драться Никора и Димора было в мире Ворк не более чем баловство — отставной же сержант владел серьезным боевым искусством. Через пару дней оба брата смотрели на нашего гиганта так, как молоденькие спортсмены, недавно поступившие в органы, восхищенно взирают на матерого оперативника.

Все хорошее рано или поздно кончается — закончился и наш отдых в Порт-о-Тролле. Накануне я совершил очередную смену снаряжения и провел омовение в зеленой ванне, так что был всегда готов — почти как древний пионер. Ранним утром у центрального причала порта собралась большая толпа провожающих, в основном состоящая из родственников моряков с приличными вкраплениями наших новоприобретенных знакомых, да и просто любопытствующих на берегу присутствовало в избытке. Капитан задвинул прощальную речь, потом несколько красивых слов сказал кормщик, и магический рупор передали

мне, как представителю заказчика. О чем говорить я понятия не имел, поэтому воодушевленно проорал:

— После этого плаванья все мы станем богаты!

И сразу передал магический рупор обратно Менару. Моя короткая речь имела оглушительный успех и последовавшая вслед за ней овация значительно перекрыла по громкости жиденькие аплодисменты, которыми незадолго до этого наградили отработанное выступление капитана и проникновенные слова кормщика.

После этого настал черед священников, и начали выносить портреты местных святых. Надо сказать, что до этой минуты верования мира Ворк меня абсолютно не интересовали. Я, конечно же, знал ритуалы, в нужных местах произносил необходимые слова, делал все положенные жесты и движения — но в целом относился к этому как к некоему антуражу, обязательному в окружающей действительности.

Честно признаюсь — к религии у меня сугубо научный подход. Главный вопрос религиозных споров — есть ли бог. Я считаю это в корне неверным. Вот судите сами:

Одна из научных аксиом заключается в том, что параллельные линии не пересекаются. Почему не пересекаются, точно ли не пересекаются, и к чему это они не пересекаются — никого не волнует, ибо не пересекаются, и все тут! Это один из постулатов, на которых основана целая наука, под названием геометрия Евклида. Ну, конечно не только на этом, но и на этом тоже (если конкретно, то это пятый постулат).

И вот нашелся парень, который решил — параллельные линии пересекаются! И создал свою науку, которую назвали его именем — я про геометрию Лобачевского, первую из неевклидовых геометрий. Стройная теоретическая наука, очень полезная при решении огромного количества вопросов. Соответственно, аксиома у Лобачевского звучит по-другому — параллельные линии где-то там пересекаются! Ну не совсем так, но что-то вроде того…

«Бог есть», — это аксиома, на которой построена великолепная помощница жизни человечеству, под названием Религия. Соответственно: «Бога нет», — тоже не более чем аксиома, на которой выстроен Атеизм, для очень многих людей являющийся серьезным вспоможением по этой трудной жизни. Надеюсь, разницу между словами «факт» и «аксиома» все понимают. И о чем тогда дискутировать — какая из геометрий лучше, Евклида или Лобачевского? Ученые почему-то не сходятся грудью в яростных дебатах, ломая свои и чужие головы об вопрос:

«Пересекаются или нет параллельные прямые линии». Зачем люди исступленно спорят на тему: «Есть ли бог?» — я просто не понимаю! Выбери одну из аксиом, выстрой на ней свое мировоззрение, живи по нему и не мешай жить другим — а хорошо ли ты прожил или не очень — уж пусть решают потомки. Ну, это не более чем мое мнение, так что заострять на нем Ваше внимание не буду и вернусь к повествованию.

Полубогов и ангелов-хранителей в мире Ворк имелось предостаточно, и основное количество их называли «духами». Причем на Этой Стороне предполагалось, что хорошие парни приходят со светлого неба, а Та Сторона признавала в основном ребят с темных небес. Помимо целого сонма больших и мелких полубогов для различных важных дел и профессий, особо стояли хозяева-покровители мест. В частности, Порт-о-Тролль и приморское село Папуасово имели одну и ту же хранительницу, в честь которой проходил небезызвестный карнавал, в котором участвовал непутевый джисталкер, принявший троллей за папуасов. Изображения хозяйки этих мест несли десятки радостно поющих гоблинов, одетых в белые туники. Меня очень заинтересовали рисунки, изображающие хранительницу приморья, гоблинку называемую «госпожа Фа», и я склонился к Лие.

— Почему темная госпожа на одних рисунках совсем молоденькая, а на других дряхлая старушка, — спросил я куколку-вампирчика, которая застыла в благоговении, склонив голову перед рисунками.

— Госпожа Фа не имеет возраста, и молодеет или стареет исходя из того, какое у нее в данный момент настроение, — шепнула мне маленькая аристократка.

«Очень интересно», — пораженно подумал я, вспоминая историю своих отношений со странной летающей старушкой.

— Сейчас внесут древний портрет, который рисовали еще тогда, когда госпожа Фа была обычной гоблинкой, главой приморской гоблинской диаспоры, — восторженно выдохнула Лия. — Этот портрет неразрушим и является главной святыней города! Нас удостоили чести.

— Очень интересно, — озвучил я свои мысли и замер, ожидая дальнейших событий.

Вскоре к нашему кораблю подошла процессия гоблинов в золотистых туниках, которые с религиозным преклонением несли большой портрет, искусно выполненный масляными красками. На картине была изображена малютка-гоблинка, девчонка-подросток

с озорной клыкастой улыбкой. Приглядевшись внимательнее, я неожиданно понял — девчушка на портрете совсем не так мала, как кажется. Пожалуй, изображена была достаточно зрелая молодая красавица, немного старше нашей Лии — при этом я был с ней явно знаком. Через долю секунды, после того как я моргнул — на меня с портрета мудро взглянула пожилая величественная аристократка. Затем цепкие глаза древней как мир старухи глянули с холста в самую душу, после чего в том же порядке произошла обратная метаморфоза до девочки-подростка. Все это случилось без единого движения на портрете, как бы невзначай, немного напоминая то, как мы издали подходим к огромному плакату и по мере приближения различаем все больше деталей, в корне меняющих видимую картину.

Очнулся я потому, что меня за руку сильно дернула Лия. Я потряс головой, чувствуя легкое головокружение, и с благодарностью взглянул на куколку-вампирчика. Маленькая аристократка с пониманием улыбнулась, и тихонько прошептала:

— Многие сходят с ума, глядя на этот портрет. На него смотреть без боязни можно только тогда, когда молишься госпоже Фа.

— Спасибо, — задумчиво пробормотал я.

В принципе, встреча с диковинной старушкой в оливковой роще неподалеку от Папуасово почти вылетела из моей головы. Странный случай после пропущенного на ринге удара тоже вполне вписывался в общую картину мира — посмотрел бы я на галлюцинации, которые придут в вашу голову после того, как многопудовый кулак могучего огра окажет воздействие непосредственно на ваш хрупкий человеческий организм. Единственное, что меня в этом случае насторожило — полное отсутствие травм после удара, полета и приземления на твердую неровную поверхность.

Вообще-то я спокойно отношусь к синякам, шишкам и ссадинам, даже если эти царапины — большие рваные раны. Все мое тело носит следы активной джисталкерской жизни, которые благодаря медицинскому регенерационному креслу едва заметной паутиной покрывают всю кожу. Я не фотомодель какая-то, чтобы за красоту своей задницы волноваться. Но эта ситуация была невероятна — в бессознательном состоянии пролететь почти десять метров после удара (дух из меня вышиб Димор весьма качественно), опрокинуть ряд с сидениями, и при этом не получить ни единого синяка, даже в том месте, куда прилетел кулак огра! Просто фантастика.

Но это ладно, в жизни всякое случается, гораздо больше меня удивлял другой факт — паутина шрамов на левом боку бесследно

рассосалась. Как будто я прошел дорогую косметическую операцию, причем на небольшом участке кожи — остальное мое тельце по-прежнему было мелко нарезано, а затем быстренько заштопано и заживлено. Часть груди, предплечья, живота и ребер слева имели такой вид, как будто туда никогда глубоко не входили различные металлические предметы, после которых мне приходилось порой неделями не вылезать из медицинских аппаратов. Даже шрам от прививки оспы, отмечавший мое левое предплечье почти с младенческого возраста, бесследно пропал.

«Интересно, узнаю я когда-нибудь, что же тогда произошло в действительности?» — подумал я, поражаясь непонятности мира, который совсем недавно не представлял для меня никакой загадки.

«А чего там узнавать-то? Когда в следующий раз верхняя к тебе обратится — попроси ее вернуть шрамы, и всего-то», — неожиданно сказал Рыжик.

«Так ты все знаешь?» — удивился я.

После этого до самого отправления я мучил кота, пытая его вопросами как гестаповец партизана (разве что лампой в глаза не светил), на что рыжий умник, искренне удивляясь моей непонятливости, честно отвечал, при этом ситуация совершенно не прояснилась. Да, он знал что «верхняя» меня посетила. Да, он знает, что есть могучие сущности, например «старушка», ураган или землетрясение. Нет, он не может говорить с ними, так же как с ураганом и землетрясением. Да, он ее боится, так же как ураган или землетрясение — но совсем не так как хищного динозавра. И вообще — этот разговор состоялся всего по одной причине — ему жалко моих красивых потерянных шрамов. Их можно попросить обратно — но только когда на меня снова обратят внимание. Раз обратила — может снова заинтересоваться. Нет, он точно не знает, может больше никогда, а может прямо сейчас объявиться. И вообще — хватит задавать глупые вопросы, которые даже новорожденные котята не задают. И вообще — когда будут кормить котов?

Пришлось достать вяленое осьминожье щупальце и угостить рыжего обжору, после чего, естественно, уже ни о каких расспросах речи больше не велось. Я смотрел на довольно урчащего кота, с удовольствием уплетающего вкусного осьминога, и думал о том, как же мало, в сущности, нам известно об окружающем мире. Чем успешнее двигается вперед наука — тем становится понятнее, как же, оказывается, мы мало знаем. Развитие всегда идет по спирали — может, уже наступил новый виток, и вскоре мы, как наши далекие предки, сможем советоваться с богом напрямую (ну или с высшим разумом,

создателем, словом — с Ним), и даже получать ответы на правильно поставленные вопросы…

Впрочем, долго предаваться философскому настроению мне не удалось, так как корабельный колокол пронзительно загудел от удара своего языка, перебивая все умные мысли. Матросы, в основном юркие гоблины, реже тролли и орки, суматошно забегали, управляя под зорким взором кормчего парусной и причальной снастью. Четыре могучих огра-мичмана встали на лебедки и быстро вытащили из воды якоря. Огромный парусно-магический фрегат отдал концы, дрогнул всем корпусом и буквально через пару минут уже стремительно набирал скорость, летя к выходу из портовой бухты. Мы отправились в дальнее плаванье.

Едва фрегат начал свое величавое движение, команда тут же разбежалась по всему кораблю — для каждого нашлось важное дело, а на корме остались только пассажиры, которые продолжали махать провожающим. Основной фигурой машущей группы являлся огромный огр, качающий правой рукой как стрелкой гигантского метронома. На его правое плечо ловко, как мартышка, взобралась хорошенькая гоблинка и в ее руке трепетала сорванная с головы яркая дамская шляпка. Подол красочного платьица маленькой аристократки бился на ветру как небольшое знамя и иногда негромко хлопал огра по физиономии, на что великан не обращал никакого внимания. На левом плече огра не менее комфортно расположился гоблин, машущий неведомо откуда взявшейся красной лентой. Слева от гиганта стоял тролль в балахоне и болтал в воздухе магической тросточкой-приспособлением. Изредка стихийный маг что-то шептал, подняв над головой палочку, и в воздух взлетала яркая искра, буквально через десять секунд превращающаяся в небольшое черное облачко, в котором полыхали малюсенькие молнии. Джисталкер стоял по правую руку от тролля и тоже увлеченно махал руками, отдавая дань морской традиции. Под ногами у всех вертелся большой рыжий кот, усугубляя праздничную атмосферу. Вскоре фрегат вышел на морской простор, быстро набрал скорость и скрылся за горизонтом — и только цепочка черных тучек еще недолго висела невысоко в чистом небе, но вскоре и они каплями пролились в бездонное синее море.

Работа 20. Круизная

Наши корабли — самые кораблятые корабли в мире!

(социалистический лозунг)

Гигантомания мира Ворк не обошла своим вниманием и корабль, на котором мы плыли к Архипелагу. Пропорционально фрегат, носящий имя «Гордость Приморья», относился к своему земному прототипу примерно так же, как огр соотносится с человеком. Под кормой судна находился своеобразный «моторный» отсек, где имелось устройство, схожее с магическими агрегатами, которыми оборудованы все дирижабли. Но корабельный двигатель значительно уступал по мощности дирижабельному мотору, и это неудивительно — могучая и опасная магия Огня на кораблях не использовалась. Зато размер агрегата поражал воображение, и на порядок превышал величину двигателей цеппелинов. Поразительно то, что вся эта махина приводилась в движение одним-единственным дежурным магом Стихий, и мощность работы двигателя фактически не зависела от силы управляющего мага. Нашего тролля сразу же записали в график дежурств, остальные члены отряда заполучили ранг пассажиров и в основном бездельничали. Кстати, средняя скорость «Гордости Приморья» тоже была недостижима никакими парусниками Земли, и составляла чуть более двадцати пяти узлов.

В девятнадцатом веке рекордсмен русского флота, корвет «Оливуца» показал в условиях, близких к идеальным, скорость около восемнадцати с половиной узлов. Средняя скорость парусных кораблей того времени редко превышала двенадцать узлов. Конечно, современные земные парусные яхты могут летать над водой со скоростью под сто километров в час, но, во-первых, рекорды ставят в уникально рассчитанных условиях и на это способны считанные экипажи на ограниченном количестве лодок. Во-вторых, современная рекордно-спортивная яхта по устройству находится ближе к космическому челноку, нежели к паруснику древности, ну и, в-третьих — сделаны эти гоночные яхты не из примитивного дерева, а из материалов, использующихся при строительстве самолетов и космических кораблей.

Скорость нашего фрегата сильно зависела от ветра, но не так критично, как у парусников эпохи Магеллана. Даже при полном штиле, на одной магической машине, «Гордость Приморья» могла

держать больше десяти узлов, а при удачном стечении обстоятельств (попутном ветре, небольшой волнистости и так далее) фрегат летел над водой с непостижимой скоростью семьдесят километров в час (рекорд семьдесят два с половиной, если верить показанию стрикета). От Порт-о-Тролля до первых островов Архипелага лежала водная поверхность протяженностью около десяти тысяч километров, но, несмотря на то, что иногда нам удавалось за день проходить почти тысячу километров, путешествие продлилось больше месяца. Столь долгий круиз обуславливался тем, что наше судно редко плыло по прямой, постоянно меняя маршрут из-за подводных течений, рифовых гряд и массы иных условий, про которые совершенно все знал единственный член команды фрегата — кормчий Менар, вооруженный своим корабельным журналом.

Два раза за время плавания к Архипелагу я просил кормчего изменить маршрут и оставить меня ненадолго на небольших одиноких рифах, в целях уединения для молитв и советов с богами.

«Без помощи духов с темного неба мы слепы, как новорожденные котята. Мне надо говорить с духами», — делая максимально сумасшедшие глаза, начинал говорить я каждые полчаса не кому-то лично, а ветру за бортом, после чего все матросы и офицеры корабля начинали почитать меня почти как святого.

Первый раз этот маневр проделали через пару недель плавания. Как только я оказался в благословенном одиночестве на небольшом необитаемом островке (удачно спрятавшись за высокой скалой), с меня сразу слетела вся возвышенная благообразность. Сделав себе компенсирующую инъекцию, я перенесся в камеру старта «Гном-Инста», где быстро сменил снаряжение и оборудование, принял ванну с краской и обновил запас химии. Приятели-предприниматели вывалили на меня кучу сведений, а авторитетный шеф Рудольф Иванович постоянно находился неподалеку, оказывая моральную поддержку. Ничего интересного, наподобие вечернего приема, на который я угодил разок по возвращении, не произошло, разве что вокруг покореженной мной Гашек-камеры теперь находилась круглосуточная охрана, состоящая из двух бодигардов с винтокрылами. Обратный перенос настроили неподалеку от острова, в пяти метрах под водой. Оказавшись на глубине, я выплыл на поверхность и тихонько выбрался на одинокий риф — на корабле, стоящим в трех кабельтовых от острова, никто ничего не заметил.

Второе возвращение, случившееся еще через пару недель беззаботного морского круиза, заслуживает отдельного рассказа. Поначалу все пошло по отработанному сценарию. За пару дней до запланированного переноса обратно на Землю я кардинально изменил поведение и стал натыкаться на матросов, офицеров и стены, стараясь самостоятельно не останавливаться — прекращал движение, только уткнувшись в преграду на пути. Для пользы дела пару раз свалился в воду и меня с шутками и прибаутками вылавливали из соленых волн, разворачивая судно и объявляя: «Орк за бортом!». При этом я не забывал задумчиво бормотать о духах, богах и небесах — словом, выглядел как законченный религиозный маньяк в тяжелой стадии психического расстройства. Поэтому, когда я попросил Менара немного изменить маршрут, чтобы можно было спокойно пообщаться с духами наедине, команда фрегата (и мои друзья в том числе) вздохнули с облегчением — на этот раз своим нелицеприятным поведением мне удалось всех достать до печенок. Оказавшись на островке, я укололся компенсатором и блаженно замер, греясь под южным солнышком.

Перенесшись в зал старта, я не успел выйти из роли и со счастливой улыбочкой идиота переступил порог джикамеры. Оказавшись в офисном помещении, я тут же был подвергнут внезапной атаке. Атаковала меня воздушное полуголое создание, благоухающее современным парфюмом и выглядевшее так, как будто оно только что сошло со страниц глянцевых журналов.

— Иииии! — завизжало гламурное виденье, схватило меня за шею и впилось в мой клыкастый рот страстным и влажным (я бы даже сказал — немного слюнявым) поцелуем.

Целоваться с клыкастым парнем надо уметь, но сие создание этому обучено явно не было, зато старательно компенсировало свою полную некомпетентность в данном вопросе нешуточным энтузиазмом. Не зная как себя вести, я в недоумении посмотрел на приятелей-предпринимателей, стоящих рядом и наблюдающих за всем этим безобразием с таким видом, как будто все происходит именно так, как и положено. Неподалеку топтался великий и могучий шеф, радостно глядя на непонятную сцену.

Стоя на месте, я развел в сторону руки, всем телом безмолвно вопрошая: «Что же тут происходит, якорный батор!». Фактически на моем нижнем левом клыке висело произведение гламурных искусств и пыталось розовым шаловливым язычком лизнуть правый верхний резец, а Саня и Дима делали мне страшные глаза, при этом ничего не объясняя.

— Сцена возвращения снята, — объявил усталый человек,

носивший фланелевый коричневый костюм в крупную клетку, оранжевый шарф и бордовый берет. — Теперь в бассейн…

Леночка (этот ужас, только что висевший на шее, оказался никем иным, как моей же бывшей секретаршей), отпустила на волю мои клыки и звонко произнесла:

— Так я рада тебя видеть, любимый…

После этого я подавился, закашлялся и вообще — чуть не помер от неожиданности. И только тогда на помощь пришли бывшие одноклассники, стуча меня по спине и объясняя сложившуюся ситуацию, которая, по моему глубокому убеждению, явно вышла из-под контроля. Оказывается, пока меня не было, произведение искусства, которое я соорудил при помощи лома, набрало рейтинг популярности, значительно превысивший известность скромного проекта, которым занималась небольшая фирма под названием «Гном-Инст». По версии пиар-компаний, которым Руди отдал на откуп данное направление, дело обстояло так:

Некий орк, известный зодчий у себя на родине, совершенно случайно перенесся в наш мир (этим чудом в перьях оказался, конечно же, именно я). Тут он (талантливый юный орк) увидел прекрасное создание, которое безмерно полюбил (на эту роль претендовало много желающих, но наша офисная курица напряглась и победила в этой гламурной гонке, так как имела некоторое стартовое преимущество). Тут же зодчий из иного мира изваял прекрасную скульптуру (понимаете, о чем речь?), после чего судьба-разлучница в лице не до конца развитых технологий («Гном-корпорация» напрягает все силы, чтобы дальше развивать это направление — счет для добровольных пожертвований прилагается) разлучила влюбленных. И только раз в месяц (ладно хоть не раз в неделю — я бы точно рехнулся!) влюбленным предоставлялась возможность для недолгого свидания. Раз в месяц два сердца, разлученные почти непроходимыми стенами между мирами, которые изредка удается пробивать современной науке, ведомой «Гном-корпорацией» (делайте ваши вклады в передовые технологии!), ненадолго соединялись, и этот счастливый момент могла лицезреть вся прогрессивная (читайте слезливо-сентиментальная) общественность.

Я пробовал возмущаться и орать — но вмешался Руди и быстро меня убедил в необходимости побочных заработков. Я попытался бежать — но мне не позволили, и я еще минут пятнадцать плескался в джакузи с полуголой Леночкой, утробно рыча от ярости (что выдавалось за любовное орочье воркование). Наконец-то все, что запланировано в этом любовном ужастике, было снято (ладно хоть я все это время был в коллоидной маске,

так что позор мой прошел инкогнито). После этого я с каменным лицом выслушал последние новости от Руди и одноклассников, погрузился в зеленую краску, в которую Леночка за мной, по счастью, не последовала, безмолвно сменил снаряжение и оборудование, а потом быстренько сбежал в мир Ворк, где чувствовал себя значительно спокойнее, чем на сумасшедшей родной планете.

Возвратившись обратно на корабль, я еще пару часов пребывал якобы «под впечатлением» от общения с духами (на самом деле меня просто всего трясло от негодования), и «уставшего шамана» старались лишний раз не беспокоить. Потом все вошло в прежнюю колею, и скучнейшее путешествие продолжалось (чему я был безмерно рад).

Единственным абсолютно не скучающим существом на корабле оказался Рыжик, который за пару дней облазил фрегат от киля до кончиков мачт, и вскоре нашел себе бесконечное занятие. Рыжий охотник занялся любимейшим делом всех котов — ловлей крыс. Неистребимые корабельные пассажиры-грызуны и в мире Ворк тоже являлись бичом всех морских путешествий, и кот был постоянно занят. Впрочем, занятие это великолепно вознаграждалось — за каждую пойманную крысу, принесенную им повару в камбуз, рыжий обжора получал порцию мяса, в три раза превышавшую вес пойманного грызуна.

Кстати, морские магические путешествия в мире Ворк имеют по сравнению с земным парусным плаванием еще одно неоспоримое преимущество — запасы питьевой воды на фрегате не нужны. Для любого мага холода получить чистую питьевую воду из соленой морской волны — трехсекундное дело. Да и Васиз мог при помощи стихийной магии получать влагу прямо из воздуха, хотя корабельному магу Холода (по совместительству главному коку) добывать питье из соленых вод было гораздо сподручнее.

Один раз за все время плавания на горизонте появился корабль Этой Стороны, но ни мы, ни они не поменяли своего курса, и вскоре белый парус потенциального противника скрылся за горизонтом. Больше ничего интересного так и не произошло до самого Архипелага.

Первый большой остров возник на горизонте ровно через месяц нашего спокойного морского круиза. На площади чуть больше двух квадратных километров, находились экваториальные джунгли, окруженные со всех сторон песчаными пляжами. Все на корабле ужасно радовались и готовились к высадке, желая

ощутить под ногами твердую землю, по которой жутко соскучились после месяца качки на шаткой палубе. Наша дружная компания вместе с кормчим стояла на носу судна, когда фрегат заплыл в небольшую бухту и начал притормаживать свой величавый полет над водой.

— До брачного сезона квурков еще три месяца, — наклонившись ко мне, сказал Менар. — Успеем с их проводником весь Архипелаг облазить.

— Хорошо бы, — вместо меня согласилась Лия. — А то не хочется убивать квакушек, мне они симпатичны.

— Мы его заранее отпустим, за месяц до брачного сезона, — сказал опытный кормщик, и маленькая аристократка кивнула, соглашаясь.

— Никогда не видел квурков, — улыбаясь, пробормотал я.

— Тебе они понравятся, — хитро прищурившись, сказала Лия.

На многих небольших островах Архипелага живут-поживают небольшие разумные амфибии, носящие название «квурки». Называют их так за манеру речи, сильно напоминающую кваканье обычных лягушек. Сходство с жабами и лягушками заключается еще и в лапках этих существ, тонких и сильных, снабженных перепонками между пальцами. Телом же эти создания походят более на рыб, чем на земноводных, даже имеют длинный полупрозрачный плавник, расположенный вдоль позвоночника, и небольшой русалочий хвостик. Голову квурки имеют опять же почти что рыбью, но расположенную хоть на короткой и малоподвижной, но все же шее. Передвигаются квурки на задних лапах, снабженных длинными пальцами с перепонками, и по земле эти забавные создания двигаются походкой человека, забывшего снять ласты. Передние лапки квурков обладают ловкими и цепкими пальчиками, вполне способными держать орудия труда и войны, правда наличие перепонок немного ограничивает их подвижность. Половина квурков владеют магией Холода примерно на уровне слабеньких магов Этой и Той Сторон. Стоя на ногах, взрослый квурк ростом примерно мне по грудь, а от кончика носа до хвостового плавника размер крупного самца достигает полутора метров.

Раз в год у квурков случается брачный сезон. Они уходят жить в море и метать икру. На долгий месяц разум покидает этих существ, и они превращаются в диких зверей — в них просыпается стайный хищнический инстинкт, и стаи квурков бросаются на все в пределах видимости. Старики и молодняк, не достигшие совершеннолетия или вышедшие из брачного возраста, на этот период впадают в спячку и зарываются в песок —

остальным находиться в это время в местах обитания квурков опасно для здоровья.

В другое время года это забавные и добрые создания, питающиеся в основном морской капустой и насекомыми. В трюме имелась большая бочка, полная личинок огромных мух, которой мы собирались купить услуги проводника и лоцмана — квурки знают гигантский водный лабиринт, называемый Архипелаговое море, как свои пять перепончатых пальцев. А еще они делают отлично пальмовое вино, и поэтому на берег в деревеньку квурков каждый на корабле стремился всей душой.

Огромный морской фрегат остановился в островной бухте, дрогнув могучим корпусом, и четыре якоря с плеском погрузились в воду, качественно обеспечивая надежную стоянку. Тут же был спущен последний парус, и гудение магического агрегата в недрах судна впервые за месяц полностью утихло. Вскоре на воду была спущена шлюпка, и первая партия морских путешественников отправилась к гостеприимному берегу. На веслах огромной лодки, размерами сопоставимой с земным рыболовным баркасом, сидели два огра. Кормщик и отставной сержант гребли, с удовольствием разминая могучие тела. На носу лодки стоял джисталкер, а у его ног вертелся большой рыжий кот, заинтересованно поглядывая на близкий берег. Рядом с человеком важно стоял синекожий тролль, а подле него довольно улыбались всему миру два гоблина. Еще десяток матросов из команды фрегата сидели на скамейках, расположенных вдоль бортов шлюпки. Каждый взмах огромных весел пожирал метров пять морской ряби, отделяющих путешественников от вожделенного берега. На белом песке пляжа пара десятков квурков подпрыгивали на месте и гортанно курлыкали, заменяя собой целое болото лягушек. В руках каждый островной абориген держал как чашу половинку кокоса, полную молодым пальмовым вином.

Работа 21. Штурманская

Налево пойдешь — коня потеряешь.
Направо пойдешь — голову сложишь.
Прямо — движение запрещено.

(дорожные знаки)

Шлепая по палубе ластами и забавно переваливаясь на тонких ножках, ко мне подошел квурк Влик и с надеждой уставился своими влажными окулярами, донельзя похожий на глянувшую через аквариумное стекло рыбку-телескопа. Я стоял у фальшборта «Гордости Приморья» и скептически осматривал очередной остров, к которому мы только что подошли. Надежды на то, что этот кусок суши устроит Рыжика, имелось немного — наш фрегат подплыл, если уж честно, к совсем небольшому островку. Рыжий ловец крыс ненадолго вылез из трюма, недовольно глянул на меня, потом соизволил посмотреть на берег в пятидесяти метрах от судна и снова повернулся ко мне.

«И надо тебе было из-за несерьезного пустяка меня отвлечь в самый ответственный момент? Я почти поймал его», — обвиняющим тоном выдал кот и снова нырнул в недра трюма.

Противостояние Рыжика и крысиного короля являлось самым обсуждаемым процессом на судне. Вся команда делала ставки, кто на кота, а кто на крысу. Симпатии тоже разделились примерно поровну — многие верили, что если крысы уйдут с корабля — всех ждет несчастье. Разок рыжий воин вступил в бой с увертливым главным грызуном и даже откусил тому ухо — но в самый ответственный момент к королю подоспела подмога, и десяток огромных крысиных гвардейцев атаковал ошарашенного кота, — половина серых солдат полегла за своего господина на поле боя под ударами могучих лап, но король спасся.

Честно сказать — со скуки я сам увлекся этим противостоянием и действительно чувствовал себя немного неловко, отвлекая Рыжика от серьезного дела на такое незначительное мероприятие, как осмотр очередного острова. Но деваться было некуда — работа есть работа.

— Нет, Влик, снова не тот остров, — повернувшись к квурку, сказал я. — Большой нужен.

— Большой-большой ква-ждый раз, — недовольно проквакал наш проводник, забавно раздувая горловой пузырь. — Где-где я

найду ква-м столько мест без ква-ды?

— Не сердись, квакуш, — с улыбкой сказала Лия, стоящая неподалеку. — Хочешь рыбку соленую?

— Да-ква-й, — немного повеселел забавный ихтиандр, и пошлепал к гоблинке, потом не удержался, оглянулся и укоризненно сказал: — Ква-тит мучить квурка.

Взяв у улыбающейся маленькой аристократки кусок вяленой рыбы, Влик еще раз обиженно глянул на меня, потом сиганул через фальшборт и через секунду скрылся под килем корабля. Квурк, когда обижался, прыгал за борт и отсиживался под водой в гордом одиночестве. В принципе, Влик был прав — он уже вторую неделю болтался с нами по Архипелаговому морю. За день мы осматривали пять-шесть островов, на некоторые даже высаживались и долго бродили по ним — и рыжий эксперт все безапелляционно браковал. Первое время я любовался красотами Архипелага, но через пару дней эти метания мне надоели, и череда прекрасных островов, жемчужин южного моря, слилась в моей голове в один непрерывный пляж. Впрочем — мы не осмотрели и десятой части раскинувшегося перед нами великолепия, так что имелся хороший шанс застрять тут еще на два-три месяца.

«Может, у меня в предках все же был Менделеев?» — подумал я, глядя на прозрачные морские волны, сомкнувшиеся над оскорбленным в лучших чувствах квурком.

Говорят, что Периодическая таблица, которую мы все изучали в школе на уроках химии, пришла к своему создателю во сне. Может это и так — уж чересчур она гениальна, судите сами: химик призвал физику себе на службу, привязал атомные веса к их химическим свойствам, и благодаря этому открыл несколько новых элементов, да еще и сам исправил (как позже оказалось — совершенно правильно) атомные веса уже известных. Понятно, что продавцу мороженного вряд ли приснилось бы что-то подобное — тут сыграло свою роль подсознание человека, много думающего над проблемой, и только поэтому случилось «сверхчувственное откровение».

Мне же почти неделю снилась карта Архипелага, которую я периодически вытаскивал из памяти трикета — и один из огромных островов, размером где-то между Кубой и Мадагаскаром, пульсировал в этом сне теплым желтым светом. Свечение это было до боли знакомым, но воспоминания о том, где я мог подобное видеть, ускользали. Когда сон пришел ко мне в третий раз, я невольно задумался о странном случае, произошедшим с господином Менделеевым, и уже не мог

отделаться от этой мысли, — при этом светящийся на карте остров продолжал посещать меня каждой ночью. Обида Влика оказалась последней каплей, подточившей мою материалистическую решимость не обращать внимания на всякие глупости вроде толкования сновидений или хиромантию.

— Квурка из воды вытащите, вскоре мы отплываем, — сказал я Лие и направился к кормчему согласовывать курс.

В каюте Менара мы просидели почти два часа. Карта Архипелага в его корабельном журнале никак не желала накладываться на интерактивную картину, снимаемую трикетом с микроспутников, запущенных на орбиту вокруг мира Ворк. Но, в конце концов, мы определились с конечным пунктом назначения, и Менар начал думать над прокладкой курса, ожидая Влика и желая посоветоваться с нашим проводником.

— Что, тоже откровения духов? — пошутил кормчий, когда мы наконец-то определились, какой из островов является целью на этот раз.

— Можно сказать и так, — стеснительно улыбнувшись, ответил я, абсолютно не уверенный в правильности своих действий.

— Приснился что ли этот остров тебе? — ехидно поинтересовался Менар, с интересом взглянув на меня.

— Ну, нет, — засмущался я окончательно. — Не настолько уж я и верю во все это, чтобы согласно своим снам плавать…

— Ну-ну, — ехидно протянул огр, и в этот момент вошел квурк.

Разговор Менара с Вликом происходил около часа, в течение которого я присутствовал в комнате, стараясь не отсвечивать — обидчивый квурк виновником нелепых метаний «Гордости Приморья» по всему Архипелаговому морю считал меня. Я себя очень неудобно чувствовал перед добрым и бесхитростным аборигеном, который искренне не понимал — чем заказчика не устраивают прекрасные острова его родины. Рыжика Влик воспринимал как домашнее животное, но так как сам относился скорее к рыбам, никакого умиления при виде рыжего пушистика не испытывал и старался просто его не замечать. Впрочем, кот платил квурку той же монетой.

Когда Влик понял, о каком острове ему толкует Менар, с квурком произошла забавная метаморфоза. Глаза-телескопы еще больше выпучились, хотя секунду назад это и казалось невозможным, чешуя на лице поменяла свет с серебристого на розовый, после чего квурк оглушительно заквакал, перейдя на родную речь. Стрикет в меня язык квурков не загружал, поэтому

сразу включился подстрочный перевод квакающих звуков, издаваемых нашим проводником:

— Ква-кву-квикквакува! — возмущенно выдал Влик, что означало: «Мы так не договаривались!»

— У меня дома три жены, восемнадцать детей и триста четырнадцать мальков! — возмущенно продолжил квакать на своем языке наш проводник. — А вы хотите, чтобы я своим спинным плавником кормил бездушных рыб! Мы все там умрем!

После того, как квурк завершил свою полную возмущения пламенную речь, он покинул каюту кормщика, потом прошлепал своими ластами по палубе и снова плюхнулся за борт, — наш проводник как всегда оскорбился и под килем корабля решительно выражал свой протест.

— Ты что-нибудь понял? — удивленно спросил я Менара.

— Опять обиделся болезный, — добродушно прогудел огр. — Через часок вылезет обратно, тогда и поговорим.

Когда квурк пришел в себя и вернулся на борт корабля, он уже достаточно информативно освятил свою первоначальную реакцию. Я действительно выбрал один из самых неудачных островов на всем Архипелаге. В принципе ни крупных хищников, ни серьезных природных аномалий на острове, носящем среди местных аборигенов название Квиш, что приблизительно переводится как Лабиринт, не было — но от этого проще там жить не становилось, и вот почему:

В центре острова возвышалась огромная гора, увенчанная громадным кратером. В незапамятные времена, когда этот вулкан стал потухшим, в недрах горы поселился великий древний маг, основав там свою лабораторию. Долго ли проводил он там эксперименты — никому неизвестно, об этом предания умалчивают, зато последствия его научной деятельности не заметить трудно. После смерти великого мага (от старости, несчастного случая, либо по какой иной причине — никто не знает) случилось обычное для мира Ворк событие — магия вышла из-под контроля. И вот уже на протяжении тысяч лет из недр горы периодически выползают весьма неприятные создания, многие из которых почему-то жаждут уничтожить все живое и разумное, что им попадается под руку (или под то, что они в данный момент держат в руках). Главным отличием инфернальных тварей из вулкана от всех остальных обитателей этого мира — сочетание рогов, копыт и жутких клыков.

Кстати, по этому поводу вспомню известную историю, произошедшую с выдающимся зоологом конца восемнадцатого века, великим классификатором Жоржем Леопольдом Кювье.

Ученика зоолога, нарядившегося бесом и ввалившегося к учителю с воплем: «Съем!», ученый осадил на научной основе. «Копыта, рога имеются — значит, ты животное травоядное, и поэтому никак не можешь съесть меня», — ответил великий классификатор и продолжил неспешно заниматься своими делами. Хотя если бы ученик крикнул: «Укушу!», то шутки не получилось бы — копытные могут больно кусаться. А вот если бы он крикнул: «Бодну!», — тогда господину Кювье действительно стоило бы опасаться, правда, в основном за свою репутацию — такие ученики могут ее здорово подпортить.

Так вот — рога, копыта и плотоядные инстинкты — явления несовместимые. Так что минотавры и сатиры в природе существовать не могут — не едят мяса рогатые создания. Вернее такая ситуация возможна в одном случае — все эти жуткие рогоносцы должны быть травоядны. И тут вступает в силу вот такая вещь — если ты с утра до вечера жуешь травку — очень трудно стать разумным. Обладание рогами (я в прямом смысле слова) с гарантией идентифицирует живность как скот. А домашний и дикий скот, как известно, может обладать любыми качествами, кроме одного — выдающегося ума.

Тут вырисовывается прямая зависимость — рога-травоядность-тупость. Земные генные инженеры так и не смогли создать умное рогатое существо — в этом плане даже лошади, обладающие копытами и лишенные украшений на голове, значительно умнее любого представителя рогатых. Все попытки создать рогатого умного хищника у друидов древности мира Ворк тоже, насколько я знаю, закончились неудачей. Да и пословицы редко идентифицируют животных с рогами как персонажей, достойных подражания — баран, козел и олень тому характерные примеры. Правда, лось и бык являются олицетворением силы — но силы глупой и грубой, не вызывающей серьезного уважения — со львами и тиграми эти звери уж точно не сравниваются.

Вернемся к ситуации на Лабиринте: вылезая из недр потухшего вулкана, рогатые хищные твари, поголовно владеющие магией Огня, расползаются по всему огромному острову, сея на своем пути смерть и разрушения. Лезут монстры, внешне чем-то напоминающие демонов из компьютерных игрушек про адские бездны, не постоянно, а скорее волнами. Я думаю, что древний маг каким-то непостижимым способом открыл в недрах горы портал на родину этих существ, некое место схожее с адской бездной. После определенного времени пребывания в мире Ворк их выбрасывает обратно в свой мир, — точно так же, как и земных джисталкеров. Но если мои коллеги с Земли ведут себя тут тихо,

стараясь не привлекать к себе лишнее внимание — то рогатые инфернальные создания подобной скромностью не грешат. Правда, территорию острова жуткие твари не покидают, даже более того — к воде стараются близко не подходить. Правило, гласящее, что магия Огня плохо работает вблизи больших водных масс, работает и для этих адских исчадий.

В принципе, такая ситуация меня, как представителя компании «Гном-Инст», вполне устраивала. Наличие серьезного отвлекающего фактора как раз обговаривалось при организации совместного поселения двух сторон — единственный сложный момент заключался в том, смогут ли объединенные силы бойцов мира Ворк противостоять инфернальным рогатым тварям. Но это можно было выяснить одним способом — практикой. Несмотря на достаточно большое количество информации о мире Ворк, об опасностях острова Лабиринт известно совсем немного. Опять же — устроит ли это место рыжего привереду? Одним словом, задача поставлена была отнюдь не теоретическая — на остров надо было плыть.

Заседание в каюте кормчего закончилось — собравшиеся за столом начальники наконец-то приняли важное решение. Квурк, как всегда недовольный, на этот раз протестовать не стал и пошел искать утешение у доброй гоблинки, которая единственная понимала тонкую душевную организацию обидчивого аборигена. Огр вышел на палубу, и вскоре команда фрегата забегала, готовясь к отплытию. Джисталкер присоединился к членам своей команды, которые собрались на корме и дышали свежим воздухом, наполненном морской влагой. Чуть в сторонке маленькая аристократка успокаивала квурка, который привычно жаловался куколке-вампирчику на окружающую несправедливость. И только большой рыжий кот не стал покидать недра трюма из-за такого несерьезного дела, как очередное отплытие — ведь его серый враг не дремал!

Работа 22. Результативная

Тут никто не виноват, –
Получите результат.

(плакат в приемном покое роддома № 7)

Остров, который я про себя называл не иначе как «Лабиринт» (в самом-то деле — не Квишем же называть будущую родину магического университета), мы увидели на горизонте поздним вечером. Два дня неспешного плаванья по Архипелаговому морю не принесли неожиданностей — затянувшийся морской круиз скукой впился в мозг. Чайки нудно орали, рыбы за бортом были те же, что и вчера, ровная теплая погода действовала на нервы, и ужасно хотелось перемен. Кстати, самые интересные события на фрегате происходили по-прежнему в трюме — война кота и крыс достигла своего апогея. Правда, Рыжику не хватало компаньона и будь на борту хотя бы еще один член его прайда — крысам пришлось бы несладко. А в одиночку как только кот не мучился, используя все свои телепатические возможности для трюмной охоты — крысиный король неизменно избегал всех ловушек, одним своим существованием бросая вызов рыжему врагу.

Квурк, несмотря на свою жуткую нелюбовь к острову, оказался на высоте — «Гордость Приморья» по его маршруту подошла к очень удобной и глубоководной бухте, защищенной от всех ветров. Когда до берега оставалось чуть меньше одного кабельтова, кормчий отдал команду и за борт полетели якоря. Солнце зашло за горизонт уже достаточно давно, и над берегом царила тропическая ночь.

«Глянешь на остров?» — без особой надежды поинтересовался я у кота, шуршащего в трюме, и ответа естественно не получил.

— Когда будем остров осматривать? — спросила Лия, которой, как и всем остальным, хотелось на берег.

— Наверно завтра, — неуверенно протянул я. — Зависит от Рыжика.

— Не дело это твой кот затеял, — обеспокоено включился в разговор Менар. — Ладно, ему пока не везет, а что делать будем, если охота будет удачной?

— Ты опять про его войну с грызунами? — поинтересовался я, дождался согласного кивка и привычно возмутился: — И ты тоже в этот бред веришь?! Даже если вдруг Рыжик и убьет крысиного короля, это вовсе не означает, что крысы сразу уйдут.

— А что будет, если уйдут? — вопросом ответил кормщик.

— Будет фрегат без крыс! — гордо заявил я.

— Полтора месяца в пути, команда нервничает, это раз, — в который раз завел свою шарманку огр. — Когда крысы с корабля бегут — очень плохая примета, это два.

— Глупо верить в суеверия. Обычно крысы бегут, если течь незаметная есть в борту, — обыденно парировал я. — А тут абсолютно ясно, от чего такое на этот раз может случиться.

— Тебе общаться с духами никто не мешает, хоть и не верят этому особо-то, — продолжил гнуть свою линию кормчий. — И ты с уважением относись к морским поверьям…

Далее мы продолжили ленивый спор, потом в полемику вступили мои друзья (причем Лия и Дехор были на стороне кота, а Хоб и Васиз за крыс, то есть за суеверия), затем в дискуссию втянулись капитан и офицеры, а еще через десять минут весь корабль погряз в дебатах. В общем, так и закончился обычный, ничем не отличающийся от других денек.

Рыжик из трюма не вышел даже на завтрак, чего с ним никогда не случалось — обычно проще было повернуть вспять реку, чем заставить кота свернуть с дороги к камбузу. Все мои попытки привести рыжего охотника в чувство и заставить делать дело, ради которого мы пересекли полпланеты, разбились о стену недопонимания — Рыжик просто не представлял себе то, что можно бросить охоту на самом интересном месте. Железный характер и выдержка природного хищника пересилили мою слабую волю, и я покорно ждал на палубе у трюма погоды, постоянно сопровождаемый обиженным взором телескопических глазок квурка.

В конце концов, все кончается — закончилось и наше ожидание. На секунду мне показалось, что в воздухе раздалась барабанная дробь, как перед выходом на арену цирка главной звезды представления, и из трюма торжественно вышел Рыжик. В зубах рыжий охотник крепко держал тушку огромной одноухой крысы, размахивая ей в воздухе как победным флагом. Половина присутствующих на огромной палубе фрегата (а там собралась практически вся команда) радостно завопили, приветствуя великий кошачий подвиг, достойный увековечивания в любых хрониках противостояния котов и мышей. Другая половина скептически нахмурилась, ожидая дальнейших неприятностей. Все, заключавшие пари и делавшие ставки в импровизированно организованном тотализаторе (жители приморья не могут без этого) ринулись получать свои выигрыши. На палубе поднялся такой шум и гвалт, что я снова почувствовал себя почти как на площади Порт-о-Тролля, во время боя — но на этот раз я

выступал всего лишь в качестве группы поддержки.

«Вот!» — гордо сказал Рыжик, подойдя ко мне и продемонстрировав свой трофей.

«Я тобой горжусь», — улыбаясь, ответил я и почесал победителя за ухом.

После этого рыжий герой гордо прошествовал мимо расступившейся команды фрегата и торжественно положил у ног главного кока серое доказательство своей доблести. Глава корабельного камбуза в этом противостоянии был всей душой на стороне кота (крысиные банды часто совершали набеги на святая-святых любого повара — продуктовый склад), поэтому он вознаградил победителя высшей кухонной наградой — торжественно вручил огромный копченый окорок, раз в десять превышающий вес побежденной крысы. Кот принял вознаграждение с прирожденным аристократическим достоинством и радостно побежал ко мне.

«Ну, теперь-то мы можем осмотреть остров?» — поинтересовался я, когда Рыжик уселся у моих ног и с удовольствием занялся вкусной наградой.

«Сейчас, подкреплюсь немного — а то всю ночь охотился, устал немного», — ответил кот, не отрываясь от своего увлекательного занятия.

— Собираемся, сейчас на берег поплывем, — объявил я, на что кормчий солидно кивнул, а члены нашего отряда оживились и засуетились.

— Поглядим, что это за твари рогатые, — прогудел Дехор, помахивая новой булавой. — Заодно в деле испытаю новое оружие.

— Разомнемся, — деловито добавил Хоб, и боевые приграничники довольно осклабились.

— Ква-тастрофа!!! — в этот момент раздался квакающий вопль квурка.

Влик стоял на палубе и указывал тоненьким пальчиком, снабженным перепонками, куда-то вниз. Телескопические глазки квурка на этот раз достигли полного совершенства в сложном искусстве выпучивания. Все, кроме Рыжика, ринулись к борту фрегата, и корабль чуть дрогнул, немного просев на левую сторону, которая была обращена к берегу. Событие, происходящее за бортом, было достойно преданий средневековья — без помощи дудочки крысы покидали корабль и бросались в воду. Сплошной поток серых тел, похожий на живой ручей, стекал из всех щелей «Гордости Приморья» в соленую воду. Правда, в отличие от крыс из средневековой легенды, корабельные воришки тонуть не

собирались, и серый поток морских пиратов устремился к близкому берегу.

В принципе в этом нет ничего удивительного — обычная серая крыса хоть и не особо любит воду, но, тем не менее, может без особого труда плыть около семидесяти двух часов. Меня гораздо больше интересует другой факт — как мастер-дудочник из жуткой сказки умудрился утопить в обычной речке полчища крыс со всего города? Тут имеется два варианта: первый — если дудочник был великим пловцом, и непрерывно водил за собой крыс по реке туда-сюда более трех суток; второй — мастер мог дышать под водой или имел водолазное снаряжение. Правда во втором случае остается загадкой — как средневековый музыкант при этом умудрялся продолжать играть на дудке? Ну ладно, не будем вдаваться в тонкости, уподобляясь форумным правдолюбам — пусть легенда останется легендой.

На фрегате, тем временем, поднялся жуткий гвалт. Орали все. Команда была на грани бунта — исход крыс разжег нешуточные страсти. Кое-кто начал даже бросать нехорошие взгляды на Рыжика, но когда Дехор, при всей своей толстокожести обладающий невероятным чутьем на любую опасность, несколько раз рыкнул, махнув пятидесятикилограммовой булавой, недовольные перенесли свое внимание на менее опасные предметы окружающей обстановки.

— Отвезу кота на остров, сам тут разбирайся, — сказал я кормщику.

Менар кивнул недовольно, после чего мы начали спускать на воду малый шлюп, больше не реагируя на возмущенно кипящую команду судна. Через пять минут наш отряд уже плыл на небольшой лодке к близкому берегу — кроме нас на борту находились два мичмана-огра и гоблин, корабельный маг стихий — все болельщики Рыжика, до этого выигравшие на тотализаторе неплохие суммы и довольно поглядывающие на рыжую звезду, не обращающую ни малейшего внимания на восхищенных поклонников.

Высадившись на берег, мы оставили у лодки членов экипажа и двинулись вглубь острова. Впереди простиралась сухая холмистая местность, сплошь поросшая густым кустарником, с периодически встречающимися проплешинами южных лесов. Я не торопил Рыжика, давая тому возможность почувствовать окружающую атмосферу, но меня не покидало чувство — мы наконец-то нашли то, что нужно. Понятно, что остров размером с Великобританию за небольшую прогулку весь осмотреть невозможно — но этого и не требовалось. Мы уже успели

побывать не так давно на почти таком же огромном участке суши — рыжему эксперту тогда хватило пятиминутной прогулки по берегу для того, чтобы выдать свое твердое «нет». Теперь же мы бродили около получаса, а пушистый специалист все никак не мог вынести окончательный вердикт.

«Тут коты жить могут, но очень много опасностей — ты должен будешь помогать защищать котят и поляну прайда», — наконец-то определился Рыжик, после чего выжидающе уставился на меня в ожидании ответа.

«Куда ж я от тебя денусь», — ответил я, не удержался и передал образ выводка маленьких зелененьких котят, которых защищает огромный орк с рыжей шевелюрой.

Кот шутку оценил, толкнул меня мягкой лапой и мы остановились.

— Определились, устраивает этот остров, — ответил я, обращаясь к своей команде. — Полдела сделано, осталась совсем немного.

— И что еще надо сделать? — добродушно прогудел огр.

— Мелочи, — отмахнулся я. — Уплыть отсюда, потом с духами посоветоваться на острове, потом обратно домой на другой край света добраться, потом кота в кошачий лес доставить, потом целый прайд сюда через полмира перетащить — и все!

— Ну, это несложно, — согласился Хоб и мы, естественно, заржали как целый табун лошадей.

Обратная дорога к шлюпке показалась мне гораздо короче — мы весело пикировались, кидались в тролля ветками, а кот и гоблинка затеяли догонялки (хотя Рыжик, я думаю, поддавался). Подойдя к берегу, мы застали необычную картину — члены команды, которые должны были нас ждать и встречать, чутко бдя за окрестностями, стояли лицом к воде, соответственно к нам спиной. Подойдя к лодке, мы не стали предъявлять претензий за плохую караульную службу всего по одной причине — как статуи застыли рядом, открыв рот и смотря на бухту. А там было на что посмотреть:

Сплошной серый поток, не так давно стремившийся покинуть деревянную коробку, в которой свирепствует рыжий пушистый хищник, неожиданно изменил направление — крысы возвращались на корабль. Из всех кустов неподалеку от берега стремительно выбегали серые сутулые тени, не обращая ни малейшего внимания, ни на нас, ни на кота, ныряли острыми мордочками в волны и старательно гребли когтистыми лапками к кораблю. Метрах в пятидесяти от судна веер грызунов, тонким

слоем покрывающий мелкую рябь бухты, превращался в толстый серый жгут, который упирался наш корабль. По моему скромному мнению, даже навскидку невооруженным глазом было явно заметно — возвращалось крыс значительно больше, чем недавно покинуло фрегат (на радость противникам Рыжика). Даже более того скажу — поток зверьков не собирался в ближайшее время иссякать.

«Кошачье место, говоришь?» — не удержался я от ехидного вопросика.

«Уж точно не крысиное», — с достоинством парировал Рыжик, которого исход грызунов ничуть не удивлял.

— Они что, из-за кота теперь отсюда бегут? — пораженно спросил Дехор.

— Ну да, — съязвил тролль. — Мы сейчас вернемся на корабль — обратно рванут.

— Они уже почти полчаса так, — пораженно выдавил огрмичман, оставшийся у лодки караульным. — Наверное, раза в два уже больше вернулось.

— Чего это с ними? — удивленно озвучила Лия наш коллективный вопрос.

Тут раздалось злобное громкое шипение, и из кустов метрах в ста от нас выскочила мелкая рогатая тварь. Размерами рогатая нечисть была раза в два меньше Рыжика. Длинной пастью, снабженной кривыми клыками, исчадие бездны схватило блажащую крысу, мы услышали неприятный хлюпающий звук, и крыса исчезла. Ловко мотнув головой, тварь насадила на рога еще одного грызуна, схватила пастью третьего, недовольно зыркнула в нашу сторону отсвечивающими огнем зрачками и скрылась в кустах. Все это заняло несколько секунд. Тут же появился еще один хищный рогач, потом еще один и вскоре мне показалось, что затряслись все прибрежные кусты. Злобные демоны явно опасались воды, ведя себя рядом с морскими волнами так, как мы бы действовали, находясь неподалеку от расплавленной магмы.

— Так вот кого крысы боятся, — пробормотал Хоб, оглядел наши застывшие от удивления фигуры и веско добавил: — Сматываться надо.

Совет немного запоздал — из кустов выскочило штук пятнадцать мелких бесов и мерзко шипя, бросились к нам. Огрымичманы и корабельный маг застыли в ужасе. Мои же друзья показали явное превосходство приграничных жителей над глубинщиками в военных вопросах. Начал я — сорвав с плеча арбалет, я одиночными выстрелами стал бить по набегающему стаду рогатых (очередью не стрелял — ситуация была далека от критической, и поэтому не следовало привлекать лишнее

внимание). Ребята даже магическую связку делать не стали — Васиз молниями а Хоб каменным градом устроили достойный прием мелким бесам. Огр рыкнул, и через секунду его булава опустилась на хребет первого рогача, оказавшегося в опасной близости от могучего отставного сержанта — тварь оказалась достаточно крепкой, но ей это не помогло, и тушка врага оказалась вбитой в прибрежный песок. Демоны, несмотря на присутствие рогов, оказались не совсем уж глупыми — почувствовав на своей шкуре нашу силу, стадо развернулось и сбежало в кусты, оставив на берегу десяток трупов. Через секунду тела поверженных тварей с хлопком пропали, покинув мир Ворк и вернувшись в свою адскую бездну.

— Что-то слабоваты они как-то, — прогудел Дехор, махая булавой. — Даже не размялся толком.

— Это самые мелкие твари, — сказал я, просматривая на линзах стрикета имеющуюся информацию. — Скоро могут крупные создания пожаловать, с ними так просто не справимся.

— Так чего мы тут стоим тогда? — возмутилась практичная аристократка и первой запрыгнула в лодку.

До корабля мы добрались практически моментально — мичманы-огры уселись на весла и гребли как два электромотора, уважительно поглядывая на пятидесятикилограммовую булаву. Авторитет огромного приграничника среди всех глубинных огров и так был велик, но после того, как Дехор демонстрировал свои боевые умения (незаурядные даже для бойцов огровского хирда), другие ходячие горы начинали относиться к отставному сержанту минимум как к полубогу. Да я и сам при постоянном общении с добродушным гигантом частенько забывал, какая же это на самом деле безжалостная боевая машина. Даже Лия, обычно не признающая никаких авторитетов после демонстраций боевых умений Дехора начинала поглядывать на него с уважением (это притом, что отставной сержант фактически служил у нее привратником). Ну, тролль и гоблин всегда общались с громадным воином с должным пиететом. Единственный член нашей команды, который относился к огромному бойцу фактически как к своей подвижной собственности, был рыжий умник — за это кот позволял огру иногда держать себя на руках и чесать за ухом.

Возвращение на корабль было почти триумфальным — после возврата крыс (по моему мнению, вернулось раза в три больше, чем уходило) с Рыжика сняли все обвинения. Когда мы привычно устроились на корме отходящего от берега фрегата (поток крыс почти иссяк, но захватили мы далеко не всех желающих попасть

на борт) и кот расположился у моих ног — к нам начали подходить с извинениями представители крысиной фракции. Последним подошел кормщик и положил на гору гостинцев перед Рыжиком большой кусок копченой трески.

— Извините, ваше кошачье величество, я был неправ, — серьезно произнес Менар, чем меня приятно удивил.

«Скажи ему, что я не в обиде», — неожиданно сказал кот, и вдруг кивнул кормчему.

— Ваши извинения приняты, — не стал сбивать я тожественную обстановку панибратским заявлением рыжего аристократа.

Ошарашенный огр кивнул коту в ответ и поспешил ретироваться.

— Менар, к ближайшему острову подведи, пожалуйста, фрегат, — весело крикнул я ему вдогонку. — С духами пора посоветоваться.

Кормчий остановился, медленно оглянулся и с тяжелым вздохом взглянул на меня, потом развернулся и пошел раздавать распоряжения команде фрегата. Через три часа корабль уже бросил якорь неподалеку от одинокого рифа.

Огромный парусник величаво возвышался над синими волнами южных широт. С борта фрегата спустили самый маленький двухместный шлюп, который резво поплыл к одинокой скале. Веслами профессионально работал огр-мичман, быстро везя своего пассажира к малюсенькому острову. Через пять минут лодка уже неслась обратно, оставив человека на каменистой скале. Оставшись в одиночестве, джисталкер начал замедленное выполнение ката каратэ, с максимальным напряжением мышц тела на каждом движении, которое все на корабле привычно воспринимали как благостный танец, обязательный перед общениями с духами странного вероисповедания заказчика. Завершение упражнений совпало с сигналом, означающим падение подзарядки от присутствия кота мира Ворк. Джисталкер лег на камни, став незаметным с борта фрегата, быстренько разделся, вколол себе компенсирующую инъекцию и расслабился в ожидании джипереноса. Через пару минут как будто легкая тень от облака (при безоблачном небе) накрыла лежащего на камнях человека, раздался чуть слышный хлопок, и скала опустела.

Работа 23. Военная

И маневры, и война — важны одинаково …

(командирская мудрость)

Редкостная удача посетила меня при возвращении на Землю — в камере старта компании «Гном-инст» посторонних не было! Присутствовали: великий и ужасный шеф собственной персоной, мои приятели-предприниматели и пара-другая сотрудников рангом пониже — на этом список закончился. Ах, да — на другом конце камеры старта сиротливо приютилось искореженное произведение искусства, по обеим сторонам от которого привычно скучали два огромных бодигарда с винтокрылами.

— Что тут случилось, пока я работал? — удивленно глядя на Рудольфа Ивановича, поинтересовался я, переступив порог джикамеры и надевая махровый халат. — Население планеты вымерло от мутаций? Или за время моего отсутствия все переселились в другие миры?

— Так обед же, — улыбнулся Руди, и все встало на свои места.

— Совсем забыл, обед это святое, — согласился я, и мне вдруг ужасно захотелось земной кухни. — А героев-стахановцев мира Ворк будут кормить? А то не вылезаю из забоя уже который год!

— Насчет годов ты немного преувеличил… — сразу начал принижать мои заслуги шеф.

— Так ты же сам постоянно торопишься, — пробурчал Дима.

— Точно! Сам виноват! — заорал Саня.

— Надо срочно исправлять ситуацию! — перехватил я нить разговора. — Во время обеда заодно и доложу о своих, не побоюсь этого слова, грандиозных успехах.

Информация о положительном результате зажгла глаза моих собеседников огоньком интереса, и вскоре мы уже сидели в отдельном кабинете великолепной столовой компании, где я, под обильный стол, ставил всех в курс последних достижений. Надо сказать, что я больше говорил, чем ел — после первого же кусочка, показавшегося каким-то пресным, мне вдруг жутко захотелось кровавого бифштекса или свежей рыбы. И вообще, я вдруг понял, что после доклада мне тут делать совершенно нечего — а там меня терпеливо ждет полный корабль народа. Поэтому, перекачав все данные с моего стрикета на компьютер

Димы, я тут же заторопился обратно в мир Ворк.

Быстренько побежал в комнату с джакузи и полежал в зеленой водичке. Потом, под придирчивым взглядом наших специалистов, обновил необходимое снаряжение. Всю одежду я давным-давно сменил на облачение местного производства (оставленную в мире Ворк), и поэтому вес оборудования, подлежащего замене, прилично сократился. Едва обсохнув после ванны, я буквально через пару минут, сопровождаемый понимающими (читайте ехидными) взглядами земных приятелей, перешагнул порог гашек-камеры.

Еще через две минуты я тихонько выполз из морской воды на островок, с другой стороны от корабля, и разлегся на горячих камнях. Обсохнув, я лежа оделся (самый неудобный момент возвращения), после чего встал и начал махать руками, оповещая наблюдателей с корабля о том, что общение с духами благополучно завершено. Вскоре я уже стоял на борту парусника под сочувственными (читайте язвительными) взорами друзей из мира Ворк, ощущая что-то вроде дежавю. Во взглядах, которыми меня награждали на корабле хищников чужого мира, ощущались те же чувства, которые не так давно читались в глазах людей мира родного.

«Отношения общества к определенному человеку — это как почерк или отпечатки пальцев. Сугубо индивидуальное человеческое свойство, которое в моем конкретном случае изменить можно только вместе с ДНК-цепочкой», — пришла в голову странная мысль.

«Это потому, что ты смешной. Поэтому я тебя люблю», — дополнил мысль непосредственный Рыжик и потерся о мою ногу.

Я почесал рыжего умника за ушком, тяжело вздохнул и окунулся с головой в корабельную тоску морского круиза.

Интересная штуковина эта скука. В процессе скучания время тянется невероятно долго, зато потом все это вспоминается как один мучительный миг. Если же жизнь насыщена событиями, то воспоминания о пройденных минутах могут занять целые часы. Субъективное восприятие времени вообще не поддается четкому определению: бывало, чувствовал, что жду чего-то почти вечность, — а на самом деле проходили минуты. И наоборот: вот, казалось, буквально пару минут назад решил в интернете полазить — а уже и ночь прошла. Чую, что обманывают меня, а вот как — не понимаю!

Две недели страданий от безделья на борту фрегата проходили мучительно долго, хоть потом и вспомнить-то было

нечего. Сделав все необходимые телодвижения (столкновения со стенами и командой, бормотание с сумасшедшим выражением лица полного идиотизма и прочие прелести маскировки) я в очередной раз довел всех до точки кипения в точно выверенное время, и меня доставили на одинокий островок в безбрежном океане.

Оказавшись в зале старта, я не сразу понял, куда это меня занесло. Во-первых, по всему помещению носились военные. Во-вторых, все гашек-камеры, обычно пустовавшие, мигали огоньками, сигнализируя о том, что они обеспечивают нахождение джисталкера в другом мире. В-третьих, в уголок зала испуганно забились полуголая секретарша Леночка и ее пиар-группа, на которых не обращали ни малейшего внимания (в прошлое свое появление в качестве звезды лав-стори, офисная курица вела себя так, как будто она была пупом земли как минимум).

Как только я перешагнул порог своей джи-камеры, ко мне сразу рванулись две группы — первая во главе с плотоядно улыбающейся Леночкой, вторую возглавлял стадионный инструктор по стрельбе, у которого я проходил обучение. Ни Рудольфа Ивановича, ни приятелей-предпринимателей видно не было.

— Дорогой, ну наконец-то! — взвыла секретарша, выражая этим такую нешуточную страсть, что у меня заныло под ложечкой.

— Самоучка, ты как раз-то мне и нужен, — деловито перебил ее стрелковый инструктор, после чего группа бойцов ловко оттеснила от меня пиар-команду Леночки (за что я им был безмерно благодарен).

Рослые молодцы стрелкового инструктора стеной ограждали нас от беснующейся пиар-группы, а сам стрелок встал передо мной, сцепив руки за спиной, и покачивался на каблуках, оценивающе глядя мне в глаза (ладно хоть я маску орка успел снять).

— Самоучка, у тебя же есть диплом бластерщика? — прищурившись, спросил он.

— Профессиональная вторая категория! — непроизвольно вытянувшись по-струнке, отрапортовал я.

— Неплохо-неплохо, — уважительно качнул головой инструктор, и начал прохаживаться перед шеренгой своих бойцов, несокрушимой плотиной стоящих на пути пошлой киноиндустрии. — У меня как раз во взводе прикрытия некомплект. Рекрутирую-ка я тебя на одну операцию. А то

бластерщиков полно, джисталкеров тоже вагон и маленькая тележка, а вот джи-бластерщиков совсем нет.

— Вась, куда Тима мобилизуешь без моего ведома? — неожиданно раздался ироничный голос шефа.

— Руд, у меня некомплект, сам же знаешь, — тут же начал оправдываться инструктор перед внезапно появившимся откуда-то Рудольфом Ивановичем. — Сам же урезал расходы на боевую часть, где я тебе спецов такого класса достану?

— Ты шеф по боевым операциям, ты и думай, — усмехнувшись, отрезал грозный начальник. — А Тима использовать в качестве пушечного мяса — это все равно, что гвозди электронным микроскопом заколачивать.

— Тогда я отменяю последний этап операции, — взорвался стрелок. — По уставу бластерное прикрытие в акции такого уровня предусмотрено, а у меня три новобранца джи-бластерщика, пороху не нюхавших, да контуженый сержант с заскоками — вот и все отделение тяжелого оружия.

Шеф иронично вздернул бровь (не иначе как от меня научился) на что инструктор просто взорвался от негодования:

— И ничего смешного в этом нет! Без артиллерийского прикрытия возможно все, вплоть до полной катастрофы! — заорал эксперт, потом взял себя в руки и сухо добавил: — Я прошу отстранить меня от командования.

— Ну, этого, батенька мой, мы себе позволить никак не могём… — завел шеф свою шарманку, профессионально прикидываясь валенком, я тут же воспользовался спором начальства и тихонько подошел к Диме и Сане, теперь неизменной свите главы «Гном-инста» (прямо как Фагот и Бегемот при Воланде).

— Что тут происходит? — шепотом спросил я у приятелей-предпринимателей.

— Война! — шепеляво проорал Саня (это он так пытался говорить тихо).

Дима был менее словоохотлив, но значительно более информативен, и быстро загрузил в мой стрикет последнюю базу данных. Естественно, все события касались острова Лабиринт в мире Ворк, а конкретно — процесса его зачистки от инфернальных рогатых тварей.

Сразу же после моего сообщения о нахождении подходящего места для жительства кошачьего прайда фирма «Гном-инст» развернула лихорадочную (я бы даже сказал — лихую) деятельность. Задача оказалась не очень сложной — мобильные группы в СВЗ зачищали остров, а тем временем группа

подрывников примитивно взорвала ход из жерла вулкана, перекрыв инфернальным тварям доступ в мир Ворк. Правда вот уже пару дней потухший многие тысячи лет назад вулкан проявляет все признаки активности, но зато остров уже практически зачищен от рогатых монстров, и основные силы землян собрались во всеоружии у места предполагаемого прорыва.

Насчет «основных сил землян» это я немного пошутил. На самом деле за Землю в данном конкретном случае выступали джисталкеры, нанятые фирмой «Гном-инст» по всему свету, укрепленные лучшими силами московского джисталкерского комитета — вот и все войска. Сила конечно грозная (одних пехотинцев в СВЗ под лазерным ружьем имелось чуть более полусотни), но, конечно же, в подметки не годная любой государственной регулярной армии — думаю пара тяжелых танков не оставила бы от нашей рати и мокрого места. Но у танка имеется один, правда, в нашем случае критический, недостаток — его в мир Ворк перебросить невозможно.

Хотя зачистка острова прошла на удивление легко — профессионалы, ведущие эту операцию, расслабляться не собирались и проводили подготовку строго по уставу. И вот этот самый устав требовал присутствия артиллерии при предполагаемом боестолкновении с неизвестным противником. В нашем случае роль тяжелого оружия выполняли мобильные ранцевые бластеры.

Сидя в стационарной огневой точке стрелять из бластера просто — задал цель, и дави на гашетку. Спутниковая или любая другая удаленная система наведения берет под контроль организацию и осуществляет безопасную стрельбу. Дело в том, что выстрел из бластера при некоторой удаче (вернее — неудаче) может навредить стреляющему гораздо серьезнее, чем противнику — отдача, отвод тепла и, самое главное, электромагнитный импульс как от атомной бомбы, выводящий из строя все электрооборудование. Под выстрел электронику необходимо отключать — и в ДОТе этим занимается оборонный компьютер. В танке уже хуже — можно неудачным выстрелом обездвижить всех союзников в полукилометровой округе. Стрельба из ранцевых бластеров — это уже что-то из области мастерства. Стрельбы из РБиК-7м (ранцевый бластер имени Калашникова седьмая модификация) в составе отделения это уже искусство — и я этим искусством владею (обучался много лет). Долго рассказывать все тонкости, вкратце — стреляешь совсем без приборов на ощущениях четко по таймеру за застрельщиком. Кстати, дипломированные бластерные отделения в девяноста

девяти процентах случаев побеждают аналогичные роботизированные соединения — вот такой пердимонокль.

Тем временем спор между командиром и шефом затянулся. Вскоре мне надоело присутствовать статистом, поэтому я быстренько влез со своим компетентным мнением.

— Шеф, а что если я сейчас туда отправлюсь, а ты тем временем замену мне быстренько соорудишь в двух местах, — предложил я. — Как найдешь спеца, все обратно возвернем.

— Где это в двух местах? — не понял Руди мою гениальную мысль.

— Сначала возьмем парня с меня ростом, вот хотя бы его — ткнул я пальцем в одного из подручных инструктора, убедился в нормальной реакции слушателей и продолжил: — Наденешь на него орочью маску и клыки как-нибудь в рот засунешь — и на островок его в океан, пусть лежит медитирует.

— И… — заинтересовался шеф.

— Тем временем твой лучший сотрудник отправится на войну, а ты займешься поиском бластерщика. Найдешь — я вернусь обратно, и все пойдет по старому плану, — закончил я излагать гениальную идею.

— А что, хорошая мысль, — встрепенулся военный.

— А мы как же, — вдруг подала голос Леночка, и ее пиар-группа задвигалась, привлекая к себе внимание.

Шеф и командир недовольно взглянули в их сторону, дружно сплюнули и вернулись к серьезному вопросу.

— Ладно, это может получиться… — протянул шеф, и мы разбежались в разных направлениях заниматься важными делами.

Чем дольше я работаю в фирме, тем больше убеждаюсь — я тут самый умный. Не прошло и десяти минут, как я, облаченный в обычный бронекостюм с тяжелым ранцевым бластером за спиной и в руках, уже докладывал старику-ветерану о том, что готов поступить в его распоряжение. Происходило все уже в мире Ворк у подножья гудящего вулкана. В небе носились СВЗ, на грешной земле пехотинцы в таких же, как у нас бронекостюмах с лазерными ружьями производили сложные маневры и построения, а поверхность ощутимо вздрагивала, как перед извержением. Наше отделение находилось неподалеку от штабной палатки.

— Рядовой Тим, предъявить компенсуру, — скомандовал ветеран после того, как я закончил доклад.

— Есть! — гаркнул я, и отщелкнул нарукавный медбокс.

— Вот, хоть и необстрелянный, как и вы, зато сразу видно,

что человек серьезный, — проверив наличие препарата, ветеран укоризненно повернулся к трем солдатикам, в бронекостюмах и касках с забралами, выглядевших как космодесантники из мыльных опер. — Не то, что мелочь пузатая, которых обратно гонять пришлось…

«Компенсурой» называют усиленную компенсирующую инъекцию, которые все джисталкеры терпеть не могут. Еще бы — во-первых, она в раз в десять дороже обычной, во-вторых, после ее применения приходится пару-тройку дней валяться в медицинской регенерационной камере. Ну и состояние денек-другой после применения ужасное — постоянно хочется умереть. Единственное достоинство — мгновенный обратный перенос. Хотя, думаю, ощущение при катапультировании из горящего самолета тоже достаточно неприятное — но это вовсе не повод для снятия катапульт с самолетов.

Закончив с официальной частью, я встал в строй, после чего наш сержант убежал к штабу за приказами. Солдатики расслабились и загомонили.

— Летуны опять всю работу сделают, мы просто так простоим, смысла нет бластерщиков тут держать, — мне показалось, что ребята сказали это хором, и одновременно замолчали, ожидая моей реакции.

— По уставу положено, — солидно возразил я, напомнив сам себе брюзжащего старика.

— Так летуны все зачистили, дня три уже ходим туда-сюда по острову без толку, только сержант ругается, — снова сообщили мне солдатики, и я опять не понял, кто конкретно из них какую часть предложения сказал.

— Ну и ладно коли так, — снова с достоинством ответил я, и чуть не подавился от комичности ситуации — веду себя как товарищ Сухов, а сам такой же новобранец необстрелянный.

Солдатики меня неожиданно зауважали и отошли в сторонку, вполголоса переговариваясь о тяжелой доле артиллерии в современных условиях. Тем временем вернулся сержант, построил нас и начал ставить перед отделением боевую задачу.

— Вон ту высотку приказано занять, — махнул рукой ветеран в сторону холма, находящегося неподалеку, и вскоре мы выдвинулись в указанном направлении.

Часа через четыре после того, как мы заняли позицию, над вулканом закурился дымок, и земля затряслась. Вскоре из кратера появились первые волны рогатых монстров. Над горой как пчелы над ульем кружился рой наших летунов в СВЗ, которые

как в тире начали отстрел противника. Очереди из лазерного и кинетического оружия оставляли просеки в рядах рогатых тварей — технология легко побеждала примитивных представителей инфернальной бездны.

— Опять все летуны сделают, зря мы бластерщиками стали, так и простоим тут, — вновь загомонили солдатики, завидуя конкурирующим войскам.

— Отставить разговорчики, — веско приказал командир. — Солдат спит, деньги идут, все хорошо…

И тут я вдруг почувствовал, что что-то поменялось. Сначала над вулканом взлетел десяток крылатых рогатых тварей, и бросились на наших летунов. В воздухе закружились дуэли. Летающих демонов над вулканом становилось все больше и больше, и бойцы в СВЗ начали захлебываться, не успевая уничтожать вертких противников. Пехота ринулась на помощь, и схлестнулась с волнами наземных демонов. Потом земные бойцы дрогнули и начали организованно отступать. Настал и наш черед, и отделение стало разряжать тяжелые бластеры.

— Смотрите наверх! — вдруг закричал сержант.

Я бросил взгляд на вершину вулкана и замер в удивлении. Над кратером появилось сооружение, одновременно ажурное, как радиовышка, при этом похожее на громадный кристалл. Что бы это не было — нам (землянам) от него ждать ничего хорошего не приходилось.

— Переносим огонь на объект! — скомандовал ветеран.

Бластерный огонь пришелся не по нраву рогатым тварям, и на нас ринулись наземные волны, которые внизу отлично сдерживала пехота прикрытия. Ситуация вполне контролировалась — так бы мы постепенно и уничтожили демоническое нашествие, но тут произошло следующее событие. На поверхность из вулканических недр вылезла большая непонятная конструкция, отдаленно напоминающая танк, и из медных труб, расположенных по всей ее поверхности, начали вылетать огромные огненные шары, которые с треском врезались в наших летунов. Вскоре один СВЗ был сбит, и с грохотом врезался в землю у подножья горы. После этого странный танк сбил еще пять наших аппаратов, и летуны отступили. Как я узнал позже, после двух-трех попаданий СВЗ просто терял управление — магией выжигалась вся электроника. Джисталкеров спасло только катапультирование-компенсура.

Крылатые рогачи не стали преследовать летунов и перенесли внимание на пехоту — приступили к обстрелу небольшими огнешарами наземных бойцов. Пехота дрогнула, и начала отступать к палатке штаба — мы остались без прикрытия.

— Приготовить компенсуру, мы уходим! — скомандовал ветеран.

— Отставить, — остановил я хмурых солдатиков. — Еще повоюем…

— За неподчинение командиру на поле боя — расстрел! — завопил ветеран.

— Как старший по должности в коммерческой организации, ведущей данные военные действия, принимаю решение об увольнении командира отделения за трусость на поле боя, — как по писанному выдал я.

— Да пойми ты, щенок! — заорал ветеран. — Не по уставу без прикрытия из бластеров стрелять.

— Будем воевать или спорить? — иронично поинтересовался я.

— Делайте что хотите, — сдался ветеран, и через секунду с хлопком пропал.

— Что застыли? — спросил я у солдатиков. — Огонь!

Про нас командование забыло, по-видимому, сосредоточив внимание на управлении пехотой и авиацией — оно и понятно, бластерные войска отключены от эфира (в силу технических причин) и управление ими осуществляется по старинке — гонцами-курьерами, посылкой которых в сложившейся неразберихе никто не озаботился. Отделение же продолжало стрелять только потому, что враги не ожидали дерзости от четырех не защищенных бластерщиков. Думаю, из-за энергичности огня демоны предположили, что здесь сосредоточены наши главные силы. Раз пять нас пытались атаковать, я переводил режим стрельбы на веерное поражение (новобранцы повторяли мои действия) — и набегающие отряды рогатых тварей сметало с высоты. Вскоре нам удалось повредить странную конструкцию на вершине. — Вот хорошо, попали, есть! — оживились мои солдатики. — Продолжаем огонь, — уже достаточно уверенно приказал я, и все бойцы продолжили бить в направлении непонятного объекта. — Отлично! Я опять попал! Вон как скособочило! — оживленными выкриками сопровождали каждый меткий выстрел ребята. Из-за азарта удачной стрельбы мы поздно заметили опасность. Непонятная конструкция у подножья развернула в нашу сторону жерла труб и в нас полетели огнешары. Однако наша оживленная стрельба от этого не утихла, а только сменила направление. Четыре бластера снова были переведены на средний огонь, и мы начали маневрировать на плоской вершине, вступив в артиллерийскую дуэль с инфернальным танком. Бойцы были все так же бодры и веселы.

Раз пять мы замечали, что внизу, близко от нас, показывались пешие демоны, и быстренько отгоняли врагов веерными зарядами. — Круши! — при каждом выстреле приговаривал я, слегка пьяный от давление на барабанные перепонки, всем телом чувствуя гудение тяжелого ранца за спиной и ладонями ощущая могучие импульсы в жерле ствола. В дыму и грохоте от взрывающихся огнешаров я метался по высотке, выбирая место для стрельбы, и за мной как за отцом-командиром двигались солдатики, повторяя не только маневры, но и выражение моего лица, возгласы и, самое главное, направление стрельбы. Из-за всего этого шоу страха не было, напротив — мне становилось все веселее и веселее. Мне казалось, что играю в великолепную компьютерную игру — я находился в состоянии, похожем на лихорадочный бред или алкогольное опьянение. Инфернальные твари пытались снести наше неполное отделение, вцепившееся в высотку и удерживающее атаку главных сил противника. Я же пребывал как будто виртуальном мире геймера — эффективность стрельбы моих юнитов (так я называл про себя солдат отделения) напрямую зависела от точных попаданий отца-командира (меня, то есть). Каждый удачный выстрел бластера в моих руках сопровождался добавочным огнем моих ботов-юнитов. Враги мне представлялись не более чем виртуальными демонами, которыми полны все шуттеры с незапамятных времен — просто я находился в данный момент на самом сложном режиме (обычно называемый «адским») без права на ошибку, но и играл почти как бог! Машину у подножья мы разбили на редкость быстро — вообще непонятно, как она умудрилась до того нанести отрядам наших летунов такой урон. Впрочем, вскорости из жерла вылезла еще одна такая машина, и мы продолжили артиллерийскую дуэль. В самый разгар поединка я заметил фигурки, копошащиеся у конструкции, поврежденной нами первоначально. Вражеские юниты восстанавливали поврежденный объект. — Переносим огонь на первую цель! — скомандовал я, и бойцы отделения послушно выполнили приказ. После того, как ремонтники были отброшены от разбитого механизма, я оставил одного из своих бойцов доламывать непонятный объект, и мы втроем ловко разгромили вторую огнешаровую машину. empПод солнцем мира Ворк схлестнулись армии двух других миров. На высотке, господствующей над полем боя, вело свой танец-маневр отделение огневой поддержки. Рюкзаки за плечами бойцов гудели, наполняя огромные энергетические кристаллы в стволах смертоносной начинкой. В какой-то момент, определяемый по обострившемуся чутью, джисталкер делал полшага вперед, приседал на одно колено и производил выстрел. Когда из жерла в

руках человека вылетал энергетический сгусток, во всех рюкзаках раздавался синхронный щелчок, сигнализирующий об отключении. Тут же все бойцы отделения по очереди повторяли маневр за командиром, и четыре смертоносных заряда с интервалом в одну секунду накрывали поле боя. Рогатые исчадия бездны в тот день на своей шкуре почувствовали прописную истину, известную каждому солдату Земли со времен императора Наполеона, который первый и произнес крылатую фразу: «Артиллерия — бог войны!».

Работа 24. Отработанная

От работа! Но,
Отработано…

(стишок
квалифицированного спеца,
недовольного своим местом
работы)

Увидев коллегу-джисталкера в маске орка, спокойно развалившегося на островке посреди океана, я вдруг почувствовал укол ревности. Это был мой островок, на парне была моя маска, в двух кабельтовых стоял на якоре мой фрегат, на котором находились мои друзья и мой кот — одним словом, это было мое место! — Тссс! — зашипел я на парня из воды и, заметив скошенные в мою сторону орочьи глазки (ну и глупо же я выгляжу со стороны), продолжил шипение: — Сссматывассся отсссюда… Впрочем, моя замена была только рада освободить чужое место и коллоидная маска на лице бойца просияла нешуточным облегчением — в тот момент я вдруг понял, что улавливаю все тончайшие аспекты мимики орков (а так же гоблинов, огров и троллей), которые первое время ускользали от моего восприятия. Парень укололся компенсирующей инъекцией, и мы с ним замерли в ожидании — я в воде, а он на остывающих камнях (солнце уже почти касалось линии горизонта). — Как тут, все тихо? — шепотом спросил я, поборов совершенно необоснованно проснувшуюся ревность. — Да вроде нормально, — прошептал в ответ коллега. — Пару раз делегации приплывали, так я зажмуривался и не реагировал, якобы в коме валяюсь. Ампулы с запахом, правда, закончились, а кот меня подзарядил немного — так что я бы скоро сам уже укололся. И тоскливо тут, заняться нечем… — Ясно, — прервал я словоохотливого паренька, явно заскучавшего от многочасового безделья. — Соблюдаем маскировку. Парень понял, притих и через пару минут с легким хлопком освободил островок — после этого я незаметно вылез из воды и в гордом одиночестве разлегся на теплых камнях. Только расслабился, обсыхая под ласковыми лучами закатного солнышка — нервы не выдержали, и меня затрясло. Наступил так называемый «нервный откат» после боя. Я лежал с закрытыми глазами, и перед моим мысленным взором снова проносились все перипетии прошедшей баталии и последующих за ней событий: empАртиллерийское сдерживание

картечно-веерными импульсами атак рогатых тварей, накатывающих волнами на нашу высотку. Фактически зенитный отстрел летучих демонов, попробовавших сбросить нас с господствующей высоты воздушными налетами. Третий магический танк, который двойным попаданием огромных огнешаров выбил у меня одного бойца, ранив парня и повредив его ранцевый бластер. Надо сказать, что геройский джи-бластерщик не покинул поле боя, а мужественно остался в заграждении, вооруженный одним лазерным пистолетом. Пару раз мне казалось что все — нас сейчас сомнут. Страха в тот момент не было — накатывали лишь злость и сожаление о том, что не удержали высоту. Но удача не покинула наше безумное отделение, и высоту мы удержали до прихода подкрепления. Сначала небо потемнело от тучи бойцов в СВЗ (Руди прислал дополнительно более ста летунов, успев организовать доп-набор на всех мировых наемнических биржах). Затем вернулась пехота прикрытия, а вскоре я услышал характерную бластерную канонаду с соседнего холма — заработала еще одна артиллерийская батарея. Потом прибежал гонец из штаба, и нас отозвали в тыл. Прекратив ведение огня, я включился в эфир (во время бластерной стрельбы отделение отрезано от информационного поля), и на нас обрушились приказы и поздравления. И только тогда я с удивлением узнал — мы сдерживали напор превосходящих сил противника более четырех часов. — Самоучка! — заорал в эфире стрелковый инструктор, радостно поблескивая белками глаз. — Служили бы мы сейчас в армии — не ушел бы ты без ордена! С меня причитается! — Ладно, командир, чего уж там, — засмущался я. — Ты, главное, ребят моих не забудь — орлы! — Не волнуйся, отдельно поощрим, — успокоил меня военный (солдатики довольно, но при этом тихонько, загомонили) и, прищурившись, пообещал: — А с контуженным ветераном я потом сам разберусь. Давно ему на пенсию пора… — Мне бы обратно, — запросился я, не желая заострять внимание на этом моменте. — А то там меня уже почти десять часов дожидаются, как бы чего не случилось… — Понимаю, что не один мой фронт на тебе, — посерьезнел командующий. — Жалко мне тебя отпускать, но что ж поделать.

— Справитесь? — не удержался я от риторического вопроса.

— Теперь да, — серьезно ответил командир, и отдал мне честь.

Обычно я использовал этот военный жест только в качестве насмешки, но теперь, приложив правую руку кончиками пальцев к опаленному забралу бронешлема, я вдруг почувствовал, что отдал

честь на полном серьезе. Этим простым жестом я отдавал дань уважения поколениям русских воинов, со времен Ярослава до наших дней, при этом ставил себя в этот ряд, обязуясь, в случае необходимости, служить и защищать свою землю до последней капли крови.

Возвращение в офис я бы назвал триумфальным. Едва я пересек порог гашек-камеры — сразу попал в крепкие руки наших военных, и меня начали качать. Взлетая под потолок, я думал только о том, что никогда еще в нашем мире не подвергался чествованиям. В мире Ворк меня частенько прилюдно хвалили, вручали ценные призы и подарки, награждали и поощряли — а вот на родной Земле я всего этого великолепия был лишен. И вот наконец-то (на старости лет, кхе-кхе) меня оценили по заслугам. Впрочем, подлетал я беспокойно — брыкался и вырывался из цепких лап людей в форме, снедаемый тревогой за изнывающих на фрегате друзей. Спас меня Рудольф Иванович, пообещав лишить весь военный отдел фирмы только что выписанной премии, если меня тотчас же не отпустят. Как только мои ноги ощутили твердую поверхность, они рванулись в направлении джакузи с зеленой краской. Только краем глаза успел заметить в уголочке ревущую Леночку во главе своей пиар-группы, по-прежнему всеми игнорируемую.

Значительно позже я узнал, как происходил разбор полетов, даже более того — тщательный анализ моих экспрессивных действий на высотке: неподчинение старшему по званию, втягивание необстрелянных солдатиков в военную авантюру и прочие почти штатские истерики. И вот какая странная получилась ситуация — все иностранные эксперты осудили мои действия, разве что японские специалисты признали, что я действовал практически как истинный самурай, и неподчинение мое вполне обосновано, ибо сержант «потерял лицо». Зато наши командиры встали за меня стеной, в полной уверенности, что я поступил единственно правильно, и в очередной раз продемонстрировал миру душу российского солдата, заключающуюся в исконном: «Русские не сдаются!»

Впрочем, у меня на все есть единственное оправдание — я просто не мог поступить иначе. Я чувствовал, что мы можем удержать эту высотку. Я много лет готовился к этому моменту. Мы были сильнее, и я не мог позволить своим бойцам отступить — иначе потом долгие годы гнал бы воспоминания об этом случае из головы, полный стыда за свою трусость и сожаления об упущенных возможностях.

А насчет поддержки командования — она имела место быть

исключительно из-за наших удачных действий на поле боя. Сбросили бы нас демоны с высотки, — ни о каких восхвалениях речи бы не велось, и даже наоборот — всех собак бы на нас навесили да во всех неудачах обвинили, и выступало бы мое бравое артиллерийское отделение в качестве полковых козлов отпущения. Думаю, не будь наши действия на высотке столь успешными — не видать мне последующей поддержки отцов-командиров, как своих ушей без видеонаблюдения. Впрочем, такова жизнь, и я знал на что шел, прекрасно понимая, что меня спасет только великое и сакраментальное: «Победителей не судят». Так оно и вышло — остальное считаю домыслами и вымыслами.

Кстати, вспоминаю по этому поводу одну историю:

Давным-давно в перманентно воюющую Японию попал европеец, и так случилось, что он предстал пред очи будущего сегуна, тогда еще просто местного правителя нескольких провинций. Разговорились они о политике, и будущий сегун (далеко не единственный претендент на единовластие в постоянно воюющей самурайской стране) спросил с негодованием: «Что может оправдать бунт против правителя?!». Европеец, тоже знатный боец, воюющий за Англию, бунтующую в те времена против владычества Испании, так прямо и заявил: «Успех бунта». Правитель провинций прилюдно осудил неумного дикаря, но в душе согласился с ним, полюбил и приблизил, со временем сделав вторым после себя человеком в Японии.

Вот и мой бунт признали обоснованным исключительно из-за успеха. Впрочем, что-то я повторяюсь.

Тем временем солнце опустилось за горизонт, и настали сумерки — камни на островке посреди бескрайнего океана начали остывать. Я, к этому времени обсохнув и одевшись, встал и начал устало махать руками. Вскоре от фрегата отделился шлюп, на котором к моему островку направлялась целая делегация, во главе с Лией. Лодка подошла, и меня заботливо приняли на борт могучие лапы огров. Я и правда что-то сдал — навалилась усталость и сонное состояние, естественный нервный откат. Хотелось только одного — спать. Даже шевельнуться было безумно лень, и я доверил свою обмякшее тельце Дехору, который внес меня на борт на руках, как обычно носил рыжего лентяя.

— Весь день валялся на солнышке, а гляди, как вымотался, — бормотали все, глядя на меня, укатанного полностью. — Видно, в самом деле, непросто это с духами общаться…

«Все сложилось на редкость удачно. Мало того, что никто не заметил моего десятичасового отсутствия, даже наоборот —

только авторитета себе добавил», — подумал я, почти отключаясь.

«Ты где был? Ушел в свой мир, меня тут бросил! Я волновался», — тут же вывел меня на чистую воду рыжий детектор правды.

— Потом объясню, — зачем-то вслух пробормотал я Рыжику и отключился.

Проснулся следующим утром, голодным как целый кошачий прайд. Вскочив на ноги, сразу наперегонки с котом побежал в корабельный камбуз. Завтрак плавно перешел в обед, а за ним последовал сладкий послеобеденный сон. Потом я отъедался еще пару дней, пришел в себя окончательно — и корабельная скука навалилась на меня снова. Военные похождения, случившиеся недавно, уже казались преданьем старины глубокой и вспоминались как ужасно веселое времяпрепровождение. Время вновь потекло мучительно и незаметно.

Даже очередное возвращение на Землю для замены оборудования прошло без особых эксцессов. Единственным немного неприятным моментом стало упорство Леночкиной пиар-группы, которая твердо решила наверстать упущенное, и мне пришлось, под сочувственным взглядами шефа и приятелей-предпринимателей, немного поплескаться с полуголой красоткой в джакузи. Правда, я нашел себе отличное развлечение — наша офисная курица, оказывается, ужасно боится щекотки, чем я тут же подло и воспользовался. Так что восторженно-сентиментальных зрителей, с нетерпением ждущих репортажа с очередной встречи влюбленной междумирной парочки, на этой неделе ждал колоритный сюрприз. Чувственные стоны красотки в последней записи иногда прерывались практически ультразвуковым взвизгиванием и породистым кобыльим ржанием.

Обратное плавание в Порт-о-Тролль заняло почти на неделю больше времени — как сказал кормчий, из-за менее удобной, чем в противоположном направлении, розы ветров и карты течений. И вот, наконец, настал день, когда «Гордость Приморья» пришвартовалась на центральном причале порта — наш долгий морской круиз закончился. Вечером мы закатили пир, на который была приглашена практически вся команда фрегата — там же я произвел полный расчет с Менаром, в последний момент не удержавшись и оплатив великолепному кормчему его отличную работу по высшему тарифу. Огромного огра щедрость заказчика тронула до глубины души, и он клятвенно пообещал не брать

ближайшие полгода заказы, чтобы дождаться нас (предстояло еще добраться до Лабиринта с целым кошачьим прайдом).

Капитану я тоже добавил премию к обещанной оплате, так что он и команда «Гордости Приморья» изъявили желание дождаться столь щедрого заказчика, кроме конечно же, обговоренного случая военных действий — в случае широкомасштабной войны с Этой Стороной фрегат подлежал мобилизации.

Следующий день пролетел в приготовлениях к отправке. Нашему отряду настолько надоело плавать, что лишние пара-тройка дней неспешного путешествия по берегу безопасного Приморья казались до такой степени предпочтительнее каботажного плавания, что даже не возникло вопроса, стоит ли покупать рыбацкий баркас. Волки и куникулы, купленные в приморском городке, в подметки не годились чистопородным скакунам, на которых бы добрались в свое время до Папуасово — но выбирать было особо не из чего. Утром последующего дня мы уже покинули Порт-о-Тролль, провожаемые Менаром, рядом с которым теперь снова постоянно находились его братья-телохранители.

До Папуасово добрались без эксцессов, и там нас ждал приятный сюрприз — наши волки и куникулы никуда не делись. Снап узнал меня и радостно рыкнул, Лиин Ушастик тоже заверещал, увидав свою хозяйку, но больше всего своим умным подчиненным обрадовался рыжий унтер-офицер — все попытки Рыжика управлять приморскими верховыми хищниками разбивалась о тупость последних. Обменяв с небольшой доплатой приморских кляч на великолепных чистопородных верховых животных, мы начали передвигаться значительно быстрее, и Дехор снова стал самым медленным в нашем отряде.

В оливковой роще, месте встречи со странной старушкой, мы снова отдохнули, и я отправился в одиночестве бродить по окрестностям, непонятно на что надеясь. Естественно, никаких неожиданных свиданий не случилось. Потом мы неспешно добрались до реки Чегурдынки, потихоньку пересекли зону вечных туманов рядом с вулканами и добрались до гейзерного плато, где я отмокал после путешествия на скакашках.

Тролль поколдовал с одним из гейзеров, и тот начал выбрасывать в воздух вместо обычного пара сверкающую всеми цветами взвесь. Вскоре небо над нами напоминало одну огромную радугу, правда, цвета на нем располагались вперемешку, полностью игнорируя очередность спектра. Впрочем, данное шоу длилось совсем недолго — буквально через десять-

пятнадцать минут небо приобрело обычный лазурный оттенок. Этим представлением тролль сообщил своим болотным родственникам о том, что мы тут ожидаем транспорта.

У гейзеров мы заночевали, а утром нас уже ждали две огромные скакашки, обе запряженные на этот раз в листы с гордым названием «кабинетка» — тролли решили над нами больше не издеваться. Впрочем, вид огромных плезиозавров напомнил мне о некоторых неприятных моментах нашего путешествия, и всю дорогу я поглядывал на Васиза, гадая как бы ему отомстить. Оригинальные идеи не торопились посетить мою умную голову, поэтому я отложил мысль об отмщении на неопределенное будущее.

Расплатившись по прибытии на пологий берег реки У с троллями, мы отправились в степь. Обратная скачка по степной равнине прошла в том же темпе, что и предыдущая. Пару раз мы схлестнулись с рапами, но огромных стай нам, к счастью, не встретилось — так что можно сказать, что мы просто разминались, а не воевали. Когда на горизонте показался каменный муравейник, именуемый Огрбургом, я вдруг подумал, что уже начал привыкать к тому, что наше путешествие никогда не закончится. Мы странствовали долгих четыре месяца.

Отряд подъехал к городу перед самым закатом, когда огромные огрбужские ворота уже готовили к закрытию. Оставив в волчьей гостинице своих верховых зверей, путешественники с радостными лицами направились к Оргбургу. Впереди вприпрыжку неслись гоблины, за ними как худая синекожая обезьяна спешил сутулый тролль, а следом печатал громадные шаги огр, держа на руках большого рыжего кота. Последним легкой трусцой бежал джисталкер с радостно-озабоченным выражением лица. Для человека и кота, в отличие от остальных членов отряда, этот этап путешествия еще не закончился.

Работа 25. Чувствительная

Разбила мне сердце ее красота,
Мне жизнь не мила — я и прыгнул с моста.
С ума меня точно свела та краса –
Проплавал по речке четыре часа!

(неизданные стишки первого эмо — Пьеро)

Разговор происходил в маленьком доме Лии. Участвовали в разговоре: одна гоблинка, один джисталкер и один кот. Хотя, кота можно не считать, так как он напрямую в разговоре деятельного участия не принимал, лишь изредка в особо сложных моментах оказывая мне моральную поддержку. А речь шла о самом непонятном и неприятном для меня аспекте человеческих отношений, а если конкретнее — то о чувствах, так их растак.

— Уже четыре года ведешь себя как трехгодовалый гоблиненок, который обижается на весь свет и прячется в чулане, — распалялась гоблинка. — И даже теперь он, видите ли, ломается как невеста на выданье! Неудобно ему!

— Лия, ну что я ей скажу? — пробовал отбиваться я.

— Ты что, совсем дурачок? — искренне возмутилась куколка-вампирчик. — Скажи хотя бы (тут Лия сделала глуповато-восторженное лицо): Привет! Как дела!

— Я уже что-то подобное сказал на предпоследней встрече, — недовольно пробурчал я. — Как меня только тогда Правитель не казнил, до сих пор не пойму.

— Ну, сравнил. С тех пор ты основательно пообтесался, совсем уже не тот грымский, — солидно возразила маленькая аристократка, и вдруг довольно хихикнула, видимо вспомнив ту идиотическую ситуацию, в которую я попал больше четырех лет назад.

— Не, — затряс головой я. — Не могу я с ней встречаться, и тем более что-то там просить. Давай лучше какой-нибудь другой способ придумаем.

— Уже два дня непрерывно сидим и думаем, — резонно возразила Лия. — И периодически четыре месяца до того размышляли, на протяжения всего путешествия обсуждая с тобой этот вопрос — так ничего и не придумали. А сейчас вот раз — и придумаем! Мечтай…

В принципе гоблинка была, как всегда, абсолютно права — но мне совершенно не хотелось этого признавать. А дело состояло в следующем: для успеха следующего этапа операции по переселению кошачьего прайда на остров Лабиринт мне необходимо было воспользоваться одним из своих многочисленных знакомств в мире Ворк, — напрячь, так скажем, старые связи. Вот только в данной ситуации слово «связь» приобретает двоякий смысл.… Впрочем, давайте по порядку.

От Порт-о-Тролля до Лабиринта кошачий прайд перевезти на фрегате достаточно просто. Доставить котов до самого приморского города — задача уже значительно сложнее. Перевозить зверей на СВЗ не выход — могучих взрослых бойцов еще можно было бы уговорить, а вот с кошками проблема встанет ребром и, скорее всего, последует твердый отказ, да и котят пушистые дамы мучить не позволят.

Та же проблема встает в полный рост при полетах на драконе — хотя эта проблема более-менее решаема. Тут другой вопрос — лететь на Гоше к Огрбургу напрямую не выйдет из-за вопросов маскировки (представителя Той Стороны при полете над территорией Этой Стороны примитивно собьют, да и пролетать над Огрбургом без коллоидной маски хищника форменное самоубийство), а при полете к Острову встает проблема временного лагеря в опасном лесу тех мест. Причем этот временный лагерь должен быть практически постоянным — пока доставишь к дирижабельному острову весь прайд, пройдет масса времени. Да и потом тоже никто больше десяти билетов на рейсовый дирижабль (это в идеале) для котов не продаст. Одним словом — задача сложная, муторная и почти неподъемная.

Ну, предположим, доставили мы прайд к Огрбургу. Как дальше быть? В теории можно организовать что-то вроде кошачьего каравана — но это только в теории. На практике пешком переправить через степь лесных котов невозможно. Беременные кошки, котята и юные непоседливые подростки вроде Сусанина с гарантией приведут это мероприятие к закономерному завершению — полному краху. Гонять кошачий караван по территории Этой Стороны до северных портов светлокожих варваров тоже неумный ход: во-первых, по той же причине; во-вторых, это все-таки лесные коты средней полосы а не снежные барсы.

Выход из ситуации был, и достаточно простой — я на таком выходе уже разок летал лет пять назад. Частный дирижабль. Правда, над океаном на дирижабле передвигаться не стоило — большие водные массы отрицательно сказываются на одной из

составляющих дирижабельных двигателей, а именно ее огненной части. Причем собственно вода никак не влияет на магию Огня, а вот реки и озера, а тем более моря и океаны оказывают на нее сильное компенсирующее воздействие. На том же Острове цеппелины никогда не опускаются ниже уровня самой высокой точки острова — дирижабельной вышки, да и то при взлете двигатели едва могут набрать двадцать процентов обычной мощности. Так что о полете на Лабиринт речи не велось, да этого и не требовалось — достаточно было доставить прайд до Порт-о-Тролля.

Сложность вопроса состояла в том, что частные дирижабли в мире Ворк гораздо более редки, чем личные самолеты на Земле. Единственный известный мне аппарат принадлежал Правителю орков оргбуржской провинции, отношения с которым у меня как-то не сложились, причем изрядная доля вины в этом была именно моя. Правда, последние пару лет Правитель жил в столице, оставив управление краем на своего наместника, вернее наместницу. И вот именно с ней ушлая гоблинка и хотела заставить меня разговаривать. Как вы уже наверно догадались, наместницей края была прекрасная оркитянка, которую звали Джина — во всяком случае, я ее именно так и называл, правда, с тех пор прошло уже больше четырех лет.

За четыре года провинциальная оркитянка из небольшого бедного (но знатного) рода сделала головокружительную карьеру. Попав в фаворитки к Правителю, Джина не остановилась на достигнутом, считая себя уже на вершине успеха. Как и было ей обещано своему повелителю, оркитянка организовала отряд женской стражи, который сама же заслуженно возглавила — мечницей девушка являлась изрядной, да и силой она ненамного мне уступала. Через год слава о женском батальоне Правителя оргбуржской провинции прогремела на всю Ту Сторону, и у Джины отбоя не было от претенденток. Через пару лет женская стража стала одним из элитных подразделений, на уровне огровского хирда.

Параллельно Джина начала развивать инфраструктуру женской стражи — боевые подразделения не состоят на гособеспечении, — к примеру, содержание того же хирда огров лежит на городском бюджете Огрбурга. В экономической области оркитянка тоже преуспела — не буду вдаваться в подробности, но вот уже около года женская стража Правителя огрбуржской провинции является одним из самых хорошо вооруженных и великолепно экипированных воинских формирований.

Но самое главное случилось полтора года назад, во время

очередной небольшой войны между Сторонами. Стража Джины отлично проявила себя в боевых столкновениях и один раз спасла Правителя от неминуемой смерти, потеряв больше половины состава — желтолицые всадники Великого Хана степи разгромили набег Той Стороны, и войскам, ведомым Правителем, пришлось бежать.

Вскоре Джина стала главным доверенным лицом руководства, и когда государственная надобность возникла в присутствии царственного орка в столице, где его семья жила уже года три, никто особо-то и не сомневался в том, кого Правитель поставит Наместником — так оно и случилось.

Все эти сведения в течение четырех лет мне постоянно доносила гоблинка, хотя я маленькую аристократку об этом вовсе и не просил. При этом Лия продолжала изредка встречаться со своей бывшей подругой, взлетевшей на небывалую высоту — и каждый раз, со слов куколки-вампирчика, высокопоставленная оркитянка интересовалась у нее новостями о неком незначительном грымском парне по имени Тим.

— Нет другого выхода, — продолжила тем временем Лия. — И хватит уже шарахаться от Джины.

— Неудобно мне, — буркнул я. — Не виделись почти пять лет, и вот на тебе — появился и сразу клянчить…

— Так ты же не просить будешь, а предлагать. На ее шее сейчас провинция висит, плюс надо всю свиту Правителя в столице кормить, — в который раз возразила гоблинка. — Финансы лишними не бывают, а дирижабль простаивает в основном — раза четыре в год Правителя сюда привозят, и все.

— А чего его тогда тут держат? — удивился я.

— Так его год в столице в главном ангаре держали, но там аренда жуткая, плюс к этому либо столичный экипаж нанимать, а это расходы немаленькие, либо оргбуржцев в столице содержать, что тоже недешево, — рассказала Лия. — А так Правитель оттуда свистнет, и дирижабль улетел, остальное время вроде как тут обитает, что гораздо практичнее.

— Понятно, — улыбнулся я понимающе, подумав о том, что в экономических вопросах Лия компетентна не хуже Джины. — И все равно, неудобно мне…

— Неудобно было соблазнять беззащитную девушку, а потом бросать, — тут же включила женскую солидарность куколка-вампирчик.

— Это кто кого бросил! — задохнулся я от возмущения.

— Все равно, ты виноват, — нелогично заявила Лия, переключив женскую солидарность на безотказное оружие

слабого пола — непостижимую женскую логику. — Мог бы и побороться за девушку.

— Лия, ты сошла с ума? — продолжил возмущаться я. — Ты же там присутствовала, нас бы вместе и казнили! Меня за дело, тебя за компанию.

— И что? — непосредственно поинтересовалась гоблинка. — Это повод для того, чтобы отказываться от любви?

«И тут лав-стори, нет мне покоя», — подумал я, зарычал от возмущения и, прервав бесполезный разговор, отправился на кухню к Дехору.

«Держись», — посочувствовал мне Рыжик, проявив во всей красе мужскую солидарность, и отправился за мной подкрепить силы, растраченные на моральную поддержку.

Такая осада продолжалась три дня, и под конец я сдался. Хотя, если уж честно, другого выхода просто не было — дирижабль Правителя был жизненно необходим для проекта. Сказать, что Лия обрадовалась — это просто ничего не сказать. Для маленькой интриганки столь славное событие, которое она взялась организовать в своем доме, по степени значимости значительно опережало четырехмесячное путешествие, которое мы вместе совершили.

Приготовления к Дружескому Ужину (именно так, с большой буквы) Лия затеяла просто грандиозные, по ее меркам — и при этом наотрез отказалась воспользоваться моими финансами, мотивируя это тем, что она сама может устроить прием в своем доме. Хоб и я выступали актерами-статистами. Ушлая аристократка сделала ряд покупок и перестановок, и я вынужден был признать — обстановка в ее маленьком зальчике для приема гостей стала чем-то напоминать убранство таверны «Золотой Окунь», где произошло в свое время мое знакомство с прекрасной оркитянкой, да и с самой гоблинкой. Главным блюдом должно было послужить (как мне Лия под большим секретом рассказала) уха из магнитной рыбы, которая вне дирижабельного острова стоила целое состояние. Так же маленькая аристократка заказала тот же сорт вина, которые мы в свое время уничтожили при знакомстве в огромном количестве.

Организация Дружеского Ужина затянулась, и я решил не томиться в ожидании — тем более что и в самом деле немного нервничал. Раз уж появилось свободное время, я взялся за доставку Рыжика в кошачий лес, для подготовки прайда к эмиграции — ибо подумал, что даже если с дирижаблем Правителя не получится, так все равно вопрос этот придется как-

нибудь решать — а котам (в особенности кошкам и котятам) надо основательно подготовиться. Следующим утром мы с Рыжиком уже вылетели на дирижабле к Острову. Полет прошел нормально, и тем же вечером кузнец Клир на своем парусном шлюпе перевез нас на берег озера. Оставив Рыжика на полянке, где мы обычно приземляли Гошу, я отошел от кота на разряжаемое расстояние, и вскоре перенесся в камеру старта фирмы «Гном-Инст». Там меня снова забросили в мир Ворк, уже неподалеку от бабы Тори. Поднявшись на горку к вредной старушке, я ее разбудил, узнал о себе много нового и интересного (как это бабулька-хорошулька умудряется так меня костерить, что каждый раз до костей пробирает — ума не приложу!) и вскоре вылетел на Гоше в сторону Острова. Всю ночь благополучно проспал в седле. Когда мы приземлились, нас с драконом встретил хмурый кот.

«Что вы так долго?» — недовольно сказал мне Рыжик вместо приветствия.

«Так сразу я же к тебе на Гоше полетел, даже не задержался нигде ни на секундочку», — немного возмутился я, расседлывая дракона.

«Бросаешь друга уже второй раз», — обвинил меня кот, явно имея в виду историю с заменой на островке.

«Ну, извини, дела же были важные. Тем более я тебе тогда все рассказал, хоть ты и не слушал», — покаялся я, глядя на валяющегося в траве Гошу, чешущего взопревшую спину.

Впрочем, пока я переседлывал дракона рыжий непоседа уже отошел от депрессии одиночества и в отличном настроении начал вертеться под ногами. Обратный полет тоже прошел без лишних эксцессов и, оставив Рыжика неподалеку от кошачьего леса (хоть рыжий хитрец и пытался заставить меня проводить беззащитного зверька до главной поляны прайда), я прыгнул обратно на Землю.

На земле меня взяла в оборот пиар-группа Леночки, а я в тот момент думал только о прекрасных сиреневых глазах оркитянки, которую не видел около пяти лет. Что я делал, сказать не могу, так как точно не помню — но в результате вся съемочная группа хлюпала носами и тихонько вытирала глаза платочками. Тогда же у нашей офисной курицы я впервые в жизни увидел что-то похожее на настоящее чувство (правда, по-моему, это было чувство удивления) когда меня провожали обратно в мир Ворк.

Прыгнув неподалеку от Огрбурга, я вскоре с чувством выполненного долга почти полдня отсыпался у Лии, а когда проснулся — для Дружеского Ужина еще не все было готово! Куда все-таки милые дамы тратят столько времени при подготовке к

любому мало-мальски праздничному событию — для меня загадка. Правда, это было к лучшему — без кота я почти разрядился, поэтому мне пришлось переместиться на Землю и, накачавшись там под завязку джитази, вернуться обратно.

Наконец все было подготовлено и согласовано. Лия, Хоб и я сидели за столом, сервированном как в «Золотом Окуне», и ждали Наместницу. Наконец раздался стук каблучков, дверь открылась и на пороге застыла самая красивая в мире оркитянка.

— Милочка, только тебя и ждем, — весело прощебетала Лия, вскочив с места.

Через секунду девушки уже обменялись дружескими поцелуйчиками, а я стоял и во все глаза смотрел на Джину. На скуле у правого уха на прекрасной коже цвета свежей травы появился тонкий и длинный шрам, который ничуть не портил красивое лицо девушки. В легких движениях прирожденной фехтовальщицы, раньше легких и порывистых, появилась какая-то величавая грация. Цепкий взгляд оркитянки выдавал воина, привыкшего повелевать, и в тоже время управленца, рассчитывающего каждый свой шаг. Вместо былой бесшабашной феминистки, когда-то боровшейся за женское равноправие, передо мной стояла Наместница, великолепно справляющаяся с тяжелым бременем власти. Потом Джина взглянула на меня, и ее сиреневые глаза мгновенно вскипятили кровь в жилах, одновременно при этом умудрившись заморозить весь воздух в легких.

У богато накрытого стола стояли два гоблина и, взявшись за руки, ехидно поглядывали на развернувшееся перед ними представление. Оркитянка прищурилась и, улыбаясь немного напряженно, смотрела на джисталкера, который не мог оторвать свой взор от прекрасных сиреневых глаз. Потом Наместница сделала четыре шага и остановилась напротив человека, сердце которого, гулко ухнув, свалилось в какую-то бездну.

— А ты совсем не изменился, орк Тим, — сказала прекрасная оркитянка, ласково улыбнулась и провела острым ноготком по его подбородку.

— А ты, Джина, стала еще красивее, — выдохнул человек, хоть в голове его стучала совсем другая мысль, возникшая совершенно не ко времени.

На самом деле джисталкер думал о том, что надо бы изготовителям коллоидных личин начать делать на его масках лишние морщинки, и постепенно состарить лицо лет на пять как минимум.

Работа 26. Кошачья

Почему-то коты, в отличие от кошек, сами по себе почти не гуляют.

(цитата из журнала Плейбой)

Кроватью маленькая аристократка могла гордиться по заслугам — на ней нашлось бы место для брачных игрищ слонов или рапторов. Огров, думаю, на Лииной кроватке вольготно разместилось бы штучек пять-шесть, а уж всякой мелочи вроде людей или орков — просто без счета. Что на такой белоснежной равнине делала всего лишь одна малюсенькая гоблинка — для меня загадка, которую я не имел ни малейшего желания разгадывать. В тот момент я был занят гораздо более приятным делом — смотрел на самую красивую в мире оркитянку, закутанную в легкую белоснежную простыню и сладко спящую.

«Джина-Джина, что же ты со мной творишь?» — подумал я, любуясь девушкой и вспоминая вчерашний день.

Застолье, немного натянутое поначалу, после трех бутылок вина разлилось во всю ширь. Мы вспоминали ту рыбалку, на которой я и Хоб обыграли девушек. Теперь уже все знали, что это было сделано не совсем честно, но меня никто не обвинял и даже наоборот, — в заслугу ставили эти блесны, как военную хитрость. Между делом Лия и Джина обсудили вопрос аренды дирижабля — гоблинка взяла на себя роль моего делопроизводителя, за что я был ей жутко благодарен, ибо сам с прекрасной оркитянкой говорить о делах немного затруднялся. Как и предполагала маленькая аристократка, вопрос оказался дорогим, но легко решаемым — что меня, как представителя могучей финансовой структуры, как нельзя более устраивало.

В теплой и дружественной обстановке мы засиделись допоздна. Когда все, наконец-то, встали из-за стола и вышли провожать Джину — только тогда я понял, как высоко в местной табели о рангах стоит Наместница Правителя. У дома Лии стояли примерно двадцать элитных бойцов огрского хирда, плюс к тому — великолепный экипаж, запряженный шестеркой таких породистых волков, рядом с которыми мой Снап выглядел бы как дворняга. Если честно — это была вообще первая карета, которую я видел в вечно пешеходном Огрбурге. Тепло с нами попрощавшись, Джина села в экипаж, и правительственный

лимузин, сопровождаемый огро-джипами охраны, с большой скоростью унесся прочь.

Когда мы вернулись к столу, Лия и Хоб вдруг с хитрыми лицами куда-то засобирались, заговорщически перешептываясь. Впрочем, винные пары, витающие в голове, привели меня в снисходительно-мечтательное настроение, и я не придал значения тому, что вскоре остался один в доме. Заняв огромную кровать Лии, я приготовился засыпать — и тут дверь в гоблинский альков открылась и на пороге изящной статуэткой застыла самая красивая девушка в двух мирах.

— Джина, что ты здесь делаешь? — ничего более умного, чем этот дурацкий вопрос, почему-то не посетило мою голову.

— Пять лет назад я не пришла в таверну старого Моба, хотя один орк меня там и ждал, — промурлыкала оркитянка. — А я не люблю оставлять за спиной долги…

Говоря эту фразу, Наместница шла вперед крадущимися тигриными шажками, а на последнем слове вдруг прыгнула, опрокинув меня спиной на белоснежные простыни. Сев сверху, Джина прижала мои руки к простыням и ее губы оказались в сантиметре от моих клыков.

— Ты опять проиграл, — тихо сказала прекрасная оркитянка.

— Два-ноль в твою пользу, — прошептал я, и наши губы встретились.

Одно могу сказать точно — мои клыки Джине целоваться совсем не мешали, больше ничего толком не помню…

Сиреневые глаза распахнулись, и через неуловимую долю секунды в них уже не было ни капли сонливости — оркитянка проснулась как хищница, впрочем, она ей и была. Черный острый ноготок скользнул по моей шее, и еще полчаса жизни куда-то выпало…

— Почему мне тебя постоянно хочется съесть? — неожиданно спросила Джина, когда мы пили чай на небольшой гоблинской кухоньке. — Или хотя бы укусить?

— Мне тебя тоже, — попробовал отшутиться я.

— Нет, серьезно Тим? — не поддалась на провокацию оркитянка. — Я тебя может быть, именно поэтому и забыть не могу.

«Неужели чует?», — похолодел я, но виду не подал.

— Тоже все помню, провалов в памяти не имею, — начал я переводить разговор на другие рельсы. — И при этом мне кусаться совсем не хочется.

— У мужчин все по-другому, — задумчиво произнесла Джина, потом встряхнула косицами и внимательно посмотрела на

меня. — Может, останешься пожить в Огрбурге? Мне сейчас помощник нужен. Очередная война на носу — на все меня не хватает. Заодно и видеться чаще будем.

— Джина, это невозможно, — вздохнул я, радуясь тому, что тему укусов закрыли. — Да и Правитель мне голову снимет…

— С Правителем у нас уже не те отношения, — пресекла вопрос Наместница. — И он понимает, что я тут одна.

— Все равно я не могу, у меня дела, — сказал я, продолжая тонуть в глубине сиреневых глаз.

— Ты несвободен? — сверкнув очами, якобы невзначай поинтересовалась прекрасная оркитянка.

— У меня нет спутницы, но я занят очень важным для тейпа делом, — дипломатично ответил я, гадая как бы перевести разговор на что-нибудь менее взрывоопасное. — И вообще, мне прямо сейчас надо бежать. Меня ждет жуткое количество дел.

— Подождут, — отрезала Джина.

Честно сказать, я и сам бы забросил все, но этот момент игнорировать было невозможно. Без подзаряжающего кота я мог находиться в мире Ворк около десяти часов, и сейчас этот срок истекал. Датчик подзарядки пищал аларм в ухе уже непрерывно, сигнализируя о том, что меня может выбросить на Землю в любую секунду.

— Когда-нибудь я тебе все объясню, обещаю, — сказал я, глядя в рассерженные прекрасные глаза. — Но сейчас просто поверь, я очень хочу остаться, но мне надо уходить.

— Загадочный ты парень, Тим, — недовольно хмыкнула Джина. — Куда ты сейчас уйдешь-то? Дом окружен — мышь не проскочит.

— Я уйду, — мягко улыбнулся я.

— Сможешь незаметно пройти мимо моих бойцов — я не обижусь, — уверенно улыбнулась в ответ Наместница. — Но ты не сможешь, и никто не сможет.

— Спасибо за то, что не обидишься, — искренне поблагодарил я, быстро поцеловал Джину и скрылся за дверью.

Через полминуты я уже выходил из камеры старта в зале «Гном-Инста». Ко мне тут же бросилась сидящая в засаде Леночка во главе своей пиар-группы, но я непроизвольно издал такой рык, что порыв съемочной команды как-то ненавязчиво угас, а наша офисная курица, гузкой почуяв опасность, стремглав унеслась куда-то.

— О, ты рыкнул точно так же, как тогда, когда свой архитектурный шедевр создавал, я запись раз двадцать просмотрел, — раздался довольный голос Рудольфа

Ивановича. — Лом дать?

— Обойдусь, — буркнул я, остывая. — Но пусть они ко мне сейчас не суются, настроения нет совсем.

— А что, не получилось с дирижаблем? — забеспокоился Руди.

— Наоборот, все прошло очень удачно, — снова рассердился я, и отправился в раздевалку, сопровождаемый недоуменным взглядом шефа и его свиты, которую составляли мои же бывшие одноклассники.

Лежа в зеленой водичке и дыша через соломинку, я в тишине начал размышлять:

В принципе, надобности в моем присутствии в славном городе Огрбурге не было. Обговорили мы все еще вчера, до того как вино полилось рекой. Вопрос оплаты висел на Лие, которая имела доступ ко всем моим банковским счетам в мире Ворк на Той Стороне. Место, куда надо пригнать дирижабль, гоблинка тоже прекрасно знала — я выбрал скалу неподалеку от холма бабули-хорошули, так что затруднений возникнуть по идее не должно. Разговаривать с Джиной теперь, когда я улизнул у нее из-под носа — это считай бросать Наместнице вызов. Я еще немного поразмышлял, и решил отправиться в кошачий лес.

Прайд Рыжик собрал большой. Престиж рыжего Вожака, за время нашего отсутствия, взлетел на необычайную высоту — он стал кем-то вроде героя легенды в кошачьем лесу. Результатом окрепшего авторитета стали двенадцать семейных пар, восемь котов-подростков, четырнадцать совсем мелких котят и пять Старших котов, среди которых находилась верная спутница Рыжика, красавица Халва. Черные, белые, серые, пятнистые, полосатые, однотонные — поначалу все они в моем сознании слились в один огромный пушистый ком. Меня эти непосредственные создания воспринимали как первого заместителя Рыжика, и завалили мелкими делами. Честно сказать, я с одним-то рыжим компаньоном толком не справлялся — а тут более полусотни котов мира Ворк оказалось на шее. Состояние мое первое время полностью укладывалось в два слова — легкая паника.

Впрочем, вскоре я пообтерся, и бегал по лесу вокруг скалы, на которой планировалось наша встреча с дирижаблем, постоянно окруженный десятком котят и котов-подростков. Расчищал поляны, разделывал добычу, решал споры, организовывал школы и играл с совсем мелкими котятами — одним словам, работал Старшим котом. Рыжий лентяй и тут занял самое удобное место. Непосредственным управлением жизни прайда Вожак не

занимается — его время наступает только в экстренной ситуации. Я же, как близкий друг кошачьего вождя, автоматом получил статус Старшего, но на уровень с великим и ужасным рыжим руководителем в сознании кошачьего народа не встал, и как следствие — меня мгновенно завалили работой.

Дирижабль прилетел через три дня, за которые мы с Халвой организовали хаотичную кошачью толпу в строгое полувоенное подразделение, именуемое прайдом. Спутница Рыжика обладала железной волей, твердым характером и могла добиться беспрекословного подчинения даже от самых беспокойных котов-подростков, заводилой которых был, конечно же, Сусанин. Рыжий главарь спускался порой со своих заоблачных вершин (он избрал для медитаций уединенно стоящее дерево) чтобы поесть, поддержать все наши с Халвой решения своим авторитетом, и снова скрыться в ветвях, в тишине и спокойствии предаваясь возвышенным мыслям о будущем благополучии прайда под могучей рыжей лапой.

Подлетающий дирижабль коты заметили первыми, и я встречал летучий корабль на плоской вершине холма. Безветренная погода была на нашей стороне, и цеппелин застыл примерно в десяти метрах над землей. Матросы спустили концы, после чего за борт прыгнул тролль Васиз и плавно спланировал на землю. Когда мы с троллем закрепили канаты на магических якорях, которые он быстренько соорудил, к нам десантировался Дехор. Вскоре могучий огр практически в одиночку окончательно пришвартовал дирижабль, который прочно встал дном, снабженным полозьями как брюхо вертолета, на вершину холма. После этого на землю спрыгнула Лия и бросилась ко мне.

— Тим, что ты там натворил? — вместо приветствия спросила гоблинка.

— Где? — не понял я, всеми мыслями погруженный в кошачьи проблемы.

— Джина искрила молниями как грозовая туча, — выдала маленькая аристократка. — Прихожу я домой, а там вместо тебя полный дом подчиненных Наместницы, все дрожат, а она молча метается между ними как тигрица и только рычит иногда.

— А, понял. Да ничего в принципе такого не сделал, — дошло до меня, о чем это твердит Лия. — Попрощался и ушел, всего делов-то.

— Как это, — не поняла гоблинка, потом на ее клыкастом личике забрезжило понимание. — Ты хочешь сказать, она с тобой не попрощалась? То есть, она тебя не отпускала?

— Ну да, — согласился я.

— Ты сумасшедший, орк Тим, — обреченно вынесла вердикт

маленькая аристократка. — И мы все за это поплатимся.

От подробного разбора моих недостатков всеми членами нашей компании я был избавлен началом кошачьего парада. Поток, состоящий из пушистых разноцветных спин, показался у подножья холма и потек вверх по крутой каменистой поверхности. Во главе шествия величественно передвигался рыжий начальник, за ним, придавая солидность мероприятию, степенно шагали Старшие коты, а следом, весело мурча, скакали остальные участники усатого нашествия.

Мельком я взглянул на лицо Дехора, и с полминуты не мог от него оторвать взгляд, тоже улыбаясь. Огромная физиономия огра светилась от счастья как огромная лампочка — он от одного-то Рыжика млел, а тут наш гигант просто растаял. Впрочем, неземное удовольствие огра не мешало ему заняться делом — расположением котов на корабле руководил Дехор.

Надо сказать, что таких больших дирижаблей, как у повелителя оргбуржской провинции, больше не было. Оно и понятно — предполагалось, что Правителя будет сопровождать десяток бойцов, а на всей остальной территории Той Стороны лицом провинции считался хирд огров. Соответственно, дирижабль был построен для перевозки дополнительного десятка гигантов, что составляло около пяти тонн веса. Весь прайд Рыжика весил меньше, так что с грузоподъемностью у летучего корабля проблем не возникло. Правда, десять огров по сравнению с кошачьим прайдом обладали огромным достоинством — компактностью.

Пятьдесят с гаком котов, по моему мнению, заняли весь дирижабль. Коты, кошки и котята находились везде. Причем, эти непоседливые создания не могли сидеть на одном месте — кошачья масса постоянно передвигалась. Но если взрослые коты при погрузке и размещении на цеппелине лишних хлопот не доставили, то про котят и молодых котиков я такого сказать не могу. Маленькие пушистые комочки затеяли игру — кто грамотнее смоется с борта судна. Потом они выстраивались в очередь, и снова заносились на борт. Эдакая бесплатная карусель. Притом что отвести глаза любому двуногому кроме меня им труда не составляло — погрузка грозила затянуться до бесконечности.

«Рыжик, мы так никогда не взлетим!» — взмолился я, когда мы в сотый раз подняли на борт одних и тех же котят.

«Сейчас все устрою», — успокоил меня рыжий руководитель, и чуть присел на задние лапы.

— Не волнуйтесь, сейчас будет… — начал говорить я,

собираясь подготовить команду и мой отряд к предстоящему представлению, но не успел.

Рыжик издал рев, один из лучших в своей жизни. Неподготовленная команда дирижабля присела на корточки и зажала уши. Лия, Хоб и Васиз выпучили глаза и открыли рот, немного ошалев от оглушающего звука. Даже я, неоднократно до этого слышащий рев котов мира Ворк, ошарашено затряс головой. И только Дехор с гордостью взглянул на Рыжика, донельзя довольный невероятным достижением своего любимца.

Начальственный разнос принес плоды — погрузка закончилась за две минуты, и вскоре дирижабль отшвартовался и начал подниматься в воздух. Через пять минут маги-двигателисты загудели, и летучий корабль рванулся с места, быстро набирая высоту. Коты, занимающие все свободное место на борту, испуганно притихли, прислушиваясь к новым для себя ощущениям. Два гоблина и тролль примостились у борта на скамейке, стараясь не задевать шевелящиеся пушистые спины. Рядом с ними пристроился молодой орк, маг огня, составляющий с Васизом сменную пару двигателистов. Огромный огр устроился на палубе, и его со всех сторон облепили котята, чувствуя, что из великана можно вить веревки любой длины. Капитан и штурман занимали нос судна, одно из двух мест (помимо двигательного отсека), куда доступ котам был строго воспрещен. Полет на этот раз происходил без матросов, работу которых выполняла боевая команда джисталкера. Человек, благодаря стараниям которого и происходил этот полет, устало сидел на единственном кресле и, воспользовавшись кратковременной передышкой, отдыхал от организационных мероприятий, счастливо закрыв глаза — оказаться хотя бы ненадолго быть предоставленным самому себе в некоторых социальных коллизиях становится главной жизненной ценностью.

Работа 27. Возвратная

Уходя по-английски из ресторана, не забудь расплатиться…

(надпись на бите вышибалы)

Неприятный момент набора высоты, который раньше я ужасно не любил из-за нагрузок на барабанные перепонки, оказался самым лучшим временем полета. Коты, испуганно притихшие на долгие минуты подъема, как только дирижабль набрал крейсерскую скорость, моментально осмелели. Как закономерное следствие этого — мой покой закончился.

Первым делом Сусанин начал процесс исследования летучего корабля. Все бы ничего — но кот-подросток решил, что ему обязательно надо взглянуть на все снаружи, и пополз по борту вниз к килю, а я этого сразу не заметил. Добравшись до полозьев, котик взглянул на землю далеко внизу и страшно напугался высоты — как следствие подняться наверх не смог и начал жутко орать, как земная домашняя кошка, впервые застрявшая на вершине дерева.

Гоблины смогли бы вниз слазить запросто, но вытащить наверх кота, вес которого немного превышал их собственный, клыкастым малышам было не под силу. Тролль спал, набираясь сил для дежурства в качестве мага-двигателиста. Пришлось за Сусаниным лезть мне — ну не огра же было посылать за котом, в самом-то деле! Доставив котика на борт, я сдал его не Рыжику, а строгой Халве. Сусанин мужественно стерпел десяток оплеух, которым черная кошка наградила шалопая, и притих ненадолго. Надо сказать, ситуация сыграла мне на руку — ор испуганного кота-подростка надежно отпугнул беспокойных пушистиков от борта судна.

Только я вздохнул спокойно, на горизонте нарисовалась следующая проблема, имеющая название — туалет. Вы когда-нибудь пробовали установить, в какой очередности пятьдесят кошек должны ходить во всего одну туалетную комнату? Мой вам совет — никогда не пробуйте. Благо, Дехор был готов на любые жертвы во имя своих пушистых идолов, поэтому этот вопрос я повесил на него, почти на все время воздушного путешествия сделав из огра туалетного привратника.

Как только более-менее наладилась очередность посещения туалетной комнаты, котята сразу же захотели пить. Потом есть.

Потом спать. И так без конца!

Я метался часа три по всему дирижаблю, решая невероятное количество проблем. Под конец, полумертвый от усталости, я присел на краешек скамейки, середину которой занимал спящий Васиз, отдыхающий от моторной вахты. Новенькие сапоги тролль поставил под скамью и громко храпел. Ко мне тут же подошел Сусанин, и потребовал отвести его в туалет без очереди, иначе он за себя не ручается. Тяжело вздохнув, я с завистью взглянул на спящего тролля, и тут неожиданно вспомнил огромных болотных плезиозавров, которых называли скакашками. Подозреваю, что в тот момент мое лицо осветила неприятненькая улыбочка, впрочем, на душе моей пели птички, а вокруг скребли когтями кошки, и каждая из них желала опорожнить свой мочевой пузырь. Пошептавшись с Сусаниным, я ему намекнул на кое-какую возможность решить его проблему, поглядывая на сапоги Васиза, после чего с самым невинным видом ушел на другой конец палубы.

Тут наступила временная передышка, я присел в уголке и легкой полудремой отключился от хлопот. Впрочем, вскоре меня вырвал из блаженного состояния полусна дикий рев, который бальзамом лег на мою измученную душу. Орал тролль. Васиз стоял рядом со скамейкой в мокрых сапогах и изрыгал из глубины своего трольльского естества столь витиеватые словопостроения, что я на секунду даже ему позавидовал. Оказалось что, проснувшись, наш маг сразу запрыгнул в свои сапоги, и только после этого до него дошла вонь, производимая выплеснутой наружу его ступнями кошачьей мочи. Коты с достоинством отходили от орущего Васиза, с царственным видом выражая полное недоумение, но в разноцветных глазах хитрых созданий я прочитал затаенную насмешку — с этой секунды тролль был обречен.

К сожалению, долго наслаждаться сладким чувством справедливого возмездия мне не позволили обстоятельства — в этот момент я почувствовал, что дирижабль идет на посадку. Пройдя мимо путающейся под ногами кошачьей массы на свободный от пушистого влияния нос корабля, я обратился за разъяснениями к капитану, солидному седому орку, уверенно ведущему летучий корабль на посадку.

— Уже прилетели в Порт-о-Тролль, командир? — шутливым тоном поинтересовался я.

— Конечно нет, шеф, — ответил капитан, хитро прищурившись.

— Тогда в чем дело? — продолжил вопрошать я, и чтобы не было неясностей, добавил: — Это вопрос.

— Выполняю распоряжение Наместницы, — с ехидцей в глазах отрапортовал старый орк. — Если на борту будет присутствовать некий орк Тим, то произвести посадку в Огрбурге.

— Понятно, — пробормотал я, и присел рядом, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию.

Впрочем, особо размышлять-то было не о чем. Произвести террористический захват летучего корабля нецелесообразно, да и невозможно — мало того, что капитан и маги-двигателисты готовы скорее погибнуть в бою, чем подчиниться силе, так еще и вся наша команда будет в этой ситуации явно не на моей стороне. Больше ничего умного в голову не пришло, поэтому я решил положиться на волю рока и встретится с разгневанной Джиной, в надежде как-нибудь выкрутиться.

— Капитан, одна просьба, — сказал я, все взвесив. — Когда мы приземлимся, и я буду отсутствовать, можно поднять корабль в воздух, чтобы котята не разбежались?

— Без проблем, — согласился старый орк. — Во всем остальном ты по-прежнему шеф.

Встреча в аэропортовской башне Огрбурга прошла достаточно торжественно — четыре могучие девицы (две оркитянки и две тролльки) из женской гвардии Наместницы взяли меня в коробочку, и повели как преступника через весь город. Дальше — хлеще. Во дворце Правителя меня доставили прямо в зал суда пред светлы очи Наместницы, окруженной советниками — и вот там уже грозная Джина лично выдвинула обвинения. В зале суда за длинным столом стояло огромное кресло Правителя, в данный момент пустующее. Все остальные места были заняты свитой Наместницы, с почти гастрономическим интересом меня изучающие. Зрителей, к счастью, не было — впрочем, отсутствовал и адвокат, не предусмотренный местной юриспруденцией.

— Что ты можешь сказать в свое оправдание, некто известный в Огрбурге как достойный орк тейпа Грым по имени Тим? — закончила прекрасная оркитянка свою гневную речь, в которой я обвинялся во всех смертных грехах.

На секунду я задумался, так как обвинения мне вменяли по местным меркам — серьезнее некуда. В общем, со слов Наместницы выходило то, что я воспользовался запретными знаниями, данными мне неправильными духами светлого неба (считавшимися на территории Той Стороны лживыми и изменчивыми созданиями), и перенесся прямо из Огрбурга в

кошачий лес. В принципе, на самом деле практически так оно и произошло (разве что знания были вовсе не запретные, а просто неместные), но признаваться было как минимум неразумно — наказание за все это предусматривалось достаточно кардинальное и называлось очищение огнем, старое доброе аутодафе.

— Если наместница разрешит, то я продемонстрирую, каким образом обошел охрану, — уверенно сказал я.

— Приступай, — после секундной паузы сказала оркитянка.

Присев и крутанувшись на месте, я характерным образом «отвел глаза» охраняющим меня бойцам женской стражи, держа их в поле периферийного зрения, после чего скользнул между ними в сторону стола. Оказавшись под столом, я перебрался на другую сторону и выполз из-под него прямо под ноги Джины. Наместница широко раскрыв глаза смотрела на меня, виновато поглядывающего на нее из-под стола, свита испуганно отшатнулась, а две телохранительницы Джины направив на меня мечи, застыли, ожидая команды. За моей спиной удивленно перекликались потерявшие меня охранницы.

— Так ты ведун, — пробормотала красавица, после чего расстроено прошептала: — Просто взял и ушел…

— Едва успел на дирижабль, — виновато сказал я, молясь в душе, чтобы время отлета совпало.

Видимо мои молитвы были услышаны, так как Джина сразу вскинулась:

— Не ври! На этом дирижабле ты не улетал.

— Я так же глаза отвел контролерам, — пустился я врать во все тяжкие. — Готов оплатить все издержки и штрафы.

— Это мелочи, — отмахнулась Джина.

— Зато оплата стоянки дирижабля в Порт-о-Тролле в течение пары-тройки месяцев, которые мы будем плавать к Архипелагу, совсем не мелочи, — тонко намекнул я на финансовый вопрос, и в прекрасных сиреневых глазах мелькнула долгожданная расчетливость.

Как сказал в свое время Аль Капоне: «Добрым словом и револьвером можно добиться большего, чем просто добрым словом». Оспаривать не буду, но пользоваться этим не умею. Зато для себя твердо уяснил другую истину, которую сформулировал бы так: «Даже если ты прав на все сто — все равно учитывай финансовые интересы». Деньги вообще играют серьезную роль в жизни разумных существ. Даже, казалось бы, такая отрицающая бренное злато вещь, как творчество, и то подчинено финансовым законам. Достоевский все свои великие произведения писал

исключительно за деньги, даже больше того — брал финансы вперед, под еще ненаписанное. Про великого Шекспира ходят легенды, что он творил только для того, чтобы купить дом в Лондоне, и как только купил — писать перестал, так скажем: «миссия комплит».

Взять тех же звезд рок-н-ролла. Глушат себя всем, чем можно, умирают молодыми — и все в ажуре! Поступают согласно законам жанра — альбомы продаются, продюсеры и фанаты довольны. В Америке конца двадцатого, начала двадцать первого века одна чернокожая звезда (естественно, исполнитель репа) любила пистолетом помахать, и как следствие была достаточно быстро застрелена — так потом лет десять подряд каждый год новый альбом выходил на радость всем, из огромного количества прижизненных записей поп-дивы. А один мой друг стадионы собирал своим волшебным голосом, поэтическим талантом обладал громадным — но имел пристрастия, несовместимые с шоу-бизнесом — казино и компьютерные игры. Как следствие — отказ от него продюсеров и полное прекращение творчества. Не мешай великому золотому тельцу — и делай что хочешь, преступил этот закон — прощай известность. А непризнанный талант — он и в Африке непризнанный талант, и место ему на полузабытом пыльном чердаке. Вот такая вот высшая несправедливость, и поделать с этим ничего нельзя.

Вернусь к собственно истории. Вскоре произошло превращение судебного процесса в процесс переговорный. Что характерно — если на заседании, решающем вопросы жизни и смерти, присутствовала вся многочисленная свита Наместницы, то к прениям, на которых решался вопрос кошелька, мало кто оказался допущен. Еще одна немаловажная подробность — если на прошлом мероприятии я стоял, окруженный вооруженной охраной, то теперь я сидел на втором по почетности месте, причем мы, естественно, переместились из аскетического зала суда в роскошную приемную Наместницы. Когда переговоры дошли до своего логического завершения, пришлось послать гонца на дирижабль за Лией, в цепких лапках которой сейчас находились все ниточки управления моими финансами в мире Ворк. Вскоре появилась гоблинка и с управителем Наместницы приступила к решению практических вопросов перевода финансов, а мы с Джиной отошли в сторонку.

— Говорю тебе не как Наместница, — негромко проговорила оркитянка, и добавила, еще понизив тон, явно имея в виду наше последнее расставание: — Я очень рассердилась, никогда так больше не делай.

— Извини, но я очень торопился, — покаялся я. — Очень важно для нашего тейпа переселение котов.

— Кстати, зачем это вам? — заинтересовалась девушка. — Все не было времени спросить.

— Будем там небольшой город организовывать, — почти честно ответил я. — А все грымские орки котов обожают, и жить без них не могут.

— А ты там будешь Правителем? — невзначай спросила Наместница.

— Что-то вроде того, — не стал отрицать я, так как только карьерный вопрос мог примирить бывшую феминистку со сложным моментом моего бегства.

— Понятно, — просияла Джина, лишний раз убедившись в родстве наших меркантильных душ. — Как обстроитесь, пошли весточку. Может, в гости приеду.

— Обязательно, — искренне ответил я.

— И ко мне заезжай, если что, — добавила Наместница, и заглянула мне в глаза.

— Обязательно, — как попугай повторил я, чувствуя, что у меня в груди все полыхает.

Впрочем, на этот раз прекрасная оркитянка не стала испытывать свои чары, просто для того, чтобы лишний раз убедиться в своей надо мной власти. Вскоре аудиенция окончилась, и мы с Лией поспешили обратно на дирижабль, болтая по пути.

— Я уж думала, что ты все, спекся, — говорила маленькая аристократка, пока мы неслись по объемному лабиринту Оргбуржских улочек. — А ты и на этот раз выкрутился.

— Нас так просто не возьмешь! — гордо заявил я, едва успевая за шустрой гоблинкой.

— Впрочем, я в тебя верила, — успокоила меня Лия. — А то что бы я тут с твоими котами делала?

— Это да, — согласился я, и мысли о дирижабле, полном пушистых пассажиров, придали мне дополнительной прыти.

Когда мы выскочили из главных ворот и побежали к башне, над вершиной которой величественно висел дирижабль Правителя, соединенный с площадкой приема длинной веревочной лестницей, я увидел спешащую сутулую фигуру. Впереди, метров на пятьдесят обгоняя нас с Лией, бежал Васиз, причем, как я успел заметить, в новых сапогах.

«Ну-ну», — ехидно подумал я, рванувшись к башне вслед за стремительной гоблинкой.

«Что ты там так долго?» — неоригинально обвинил меня

Рыжик, когда мы забрались по веревочной лестнице на борт летучего судна.

«Я тоже тебя люблю», — достойно ответил я рыжему прокурору, и переключил внимание на седого капитана.

— Теперь можем лететь туда, куда нужно? — вежливо поинтересовался я, глядя в насмешливо прищуренные глаза старого орка.

— Как прикажете, шеф, — кривовато улыбаясь половиной клыкастого рта, ответил капитан и пошел к штурвалу.

Дирижабль, сверкая в лучах заходящего солнца золотистым баллоном, формой напоминающим громадный мяч для регби, устремился к небу, с большой скоростью набирая высоту. Яхта, выполненная из ценных пород дерева, служила гондолой дирижабля и была окруженная искрящимся магическим куполом. На корме судна два мага гудели, держась руками за блистающий медными частями механизм, похожий на двигатель первых автомобилей на паровой тяге. Из больших труб за их спинами вырывался белый пар, превращаясь в хвост инверсионного следа. Седой капитан застыл у руля, занятый управлением и лишь изредка поворачивал голову к штурману. Джисталкер расслабился в единственном кресле на палубе, который он честно делил с большим рыжим котом. Впрочем, краем глаза человек следил за своими пушистыми подопечными, большинство из которых привычно затихли на время взлета, переживая неприятные для чуткого кошачьего вестибулярного аппарата минуты. Но несколько котов-подростков, не обращая внимания на неприятные ощущения, внимательно следили за синекожим троллем, который собирался прилечь на скамейку с целью вздремнуть, но никак не мог решиться снять с ног новые сапоги.

Работа 28. Перелетная

Мы летали, мы летали,
Наши крылышки устали…

(разминочная считалочка ангелочков)

Верховое (для огра пешеходное) путешествие от Огрбурга до Порт-о-Тролля у нас заняло около месяца, при этом мы ужасно спешили — зато неторопливый полет на дирижабле продолжался всего двое суток. Правда, мне показалось, что я устал за эти два дня гораздо больше, чем за весь месячный турпоход. Время опять выкинуло свой парадоксальный фортель, и в моей памяти двухдневный перелет занимает гораздо больше места, чем месячная поездка. Впрочем, мои мучения были несопоставимы с трудностями Васиза — все эти два дня тролль не спал, опасаясь за свои сапоги, и от нервов отстоял фактически тройную вахту у горячего магического двигателя. Сусанин и его подростковая банда все это время вертелись неподалеку, не спуская с вожделенных сапог хитрых кошачьих глазок.

Остальные члены нашего боевого отряда на все время дирижабельного полета превратились в обслуживающий персонал для котов. Дехор, как я уже упоминал, занимался туалетной комнатой, Лия с Хобом круглые сутки готовили еду, а я носился по всему летучему кораблю, решая невероятное количество мелких проблем.

Рано ли, поздно ли, но все заканчивается во всех мирах — окончился и наш дирижабельный полет. При подлете к Порт-о-Троллю перед капитаном встала серьезная проблема, связанная с отсутствием профессионального аэропорта. Строить дирижабельную башню в приморском крае необходимости не было, так как не летали сюда цеппелины — наш прилет был вообще первым за всю историю существования городка. При этом Порт-о-Тролль располагается на склоне горы и мест, пригодных для посадки, практически не имеет. Впрочем, я еще во время полета предложил капитану одну идейку, и теперь эта мысль им блестяще воплощалась в действительность — летучий корабль садился на центральной площади города, прямо на каменный помост, где происходят матросские драки. Благо мы прилетели в день будний и каменная арена, возвышающаяся над площадной брусчаткой, была абсолютно свободна.

Ранним утром дня, следующего сразу за выходным и называющимся на Земле понедельником, над центральной площадью Порт-о-Тролля происходило действо, которое местные жители запомнят очень надолго. Многие лета старики будут вспоминать этот день, и делить время на: до «прилета котовьего дирижабля», и после этого достопримечательного события. Хотя по мне, так ничего особо выдающегося и не произошло — на вершину горы в кошачьем лесу приземляться было на порядок сложнее, разве что многочисленных зевак при посадке там не присутствовало.

Первым, как всегда, вниз медленно спланировал Васиз, и начал сооружать прямо на помосте магические якоря. Следом за ним спустился по лесенке я, и мы вдвоем с троллем начали аккуратно опускать дирижабль. Вскоре с высоты пяти метров к нам десантировался Дехор, и процесс посадки значительно ускорился.

Когда дирижабль коснулся полозьями помоста, в голове у меня что-то как будто громко щелкнуло, я почувствовал все признаки джи-переноса и очутился в смутно знакомой туманной сфере. На меня усмешливо смотрели цепкие глаза старой гоблинки, стремительно молодеющей на всем протяжении разговора.

— Ну что тебе сказать, Тим из другого мира, — сказала полубогиня. — Ты почти справился.

Надо сказать, что хоть раньше я и хотел задать массу вопросов странной псевдо-старушке, но в тот момент ничего в голову не пришло — уж очень я озаботился сложным моментом препровождения кошачьего прайда на фрегат. На мой взгляд, полубогиня решила встретиться со мной как всегда очень не вовремя.

— Не волнуйся, ничего с котами не случится без тебя, — упредила мой невысказанный вопрос странная старушка, выглядевшая в тот момент уже как пожилая аристократка. — Подарим-ка мы тебе кое-что.

После этих слов хранительница приморья подлетела ко мне и коснулась сначала коллоидной маски, а затем моей зеленой руки. Ощущения стекающего с лица студня, в который превратилась маскировочная личина под рукой госпожи Фа, периодически преследуют меня до сих пор. Ровно через секунду я стоял перед полубогиней с чистой белой кожей и ничем не прикрытым человеческим лицом.

— Вот, — довольно произнесла молодая гоблинка. — Теперь нормально…

Это событие поймало меня на глубоком вдохе, и видимо только поэтому я выжил — выдохнуть в тот момент мои легкие просто отказывались от ужаса.

— Сейчас подправлю кое-что, — деловито произнесла малышка-гоблинка, и мне показалось, что ее руки залезли куда-то в глубину моей грудной клетки.

— Все, свободен, — улыбнулась мне госпожа Фа, и туманная полусфера рассеялась вместе с ее хозяйкой.

Я стоял с белой кожей и неприкрытым лицом посреди толпы хищников Той Стороны, и даже клыков у меня во рту не было. Паника волной хлестнула мозг, отключая его от управления ситуацией. Нахождение рядом подзаряжающих котов не давало мне возможности использовать компенсирующую инъекцию, пришлось пойти на крайние меры — я со страху оглушил себя компенсурой. И тут случилось невероятное — могучая химия не подействовала! Вернее подействовала, но частично — все неприятные ощущения навалились на меня по полной программе. Меня кинуло в жар, одновременно затошнило и бросило в дрожь. Руки и ноги отнялись, а желудок скрутила судорога, выворачивая всего меня наизнанку. Единственное отличие от обычного воздействия компенсуры на человеческий организм в моем случае заключалось в том, что я остался в мире Ворк.

Через долю секунды я снова оказался в облачной сфере госпожи Фа.

— Вот паникер, — укоризненно улыбнулась древняя старушка, сидя рядом со мной, скорчившимся на полу в позе эмбриона. — Так ведь и помрешь ненароком, трусишка.

Надо сказать, если мое состояние в эту минуту и отличалось от смерти, то только в худшую сторону. Это был первый, и надеюсь последний, раз в жизни, когда я применил эту жуткую химию. Оно и понятно — на земле катапультировавшихся компенсурой джисталкеров сразу транспортировали в медицинскую регенерационную камеру, в которой бедные парни отмокали пару-тройку дней. Оставшись в мире Ворк, я этого удовольствия был лишен, и как следствие — получил незабываемые ощущения. Теперь при одном слове «компенсура» меня охватывает дрожь и я согласен скорее помереть, чем снова испытать на своем организме это благословенное средство.

— Спасай тебя теперь, — сварливо приговаривала полубогиня, водя руками над моим корчащимся в конвульсиях тельцем. — Не мог подождать секунду, сразу дезертировать решил.

Когда благодаря стараниям снова начавшей стремительно молодеть гоблинки я смог хоть что-то более или менее воспринимать, госпожа Фа сотворила со своим туманным мирком очередную метаморфозу. Я вдруг почувствовал себя сидящим в кресле-качалке, закутанным в теплый плед. За окно бушевала вьюга, а рядом потрескивал горящий камин. На меня навалились цветочные переживания детства — я ощущал себя мальчиком лет пяти, подхватившим простуду. Бабушка Фа только что отпоила меня малиновым вареньем, и после приятных лечебных процедур рассказывала сказку. Я был разобижен на нее по какой-то детской, непонятной ни одному взрослому, причине — на что добрая бабуля совсем не обижалась, с мудростью прожитых лет понимая надутого малыша.

— Теперь все у Тима будет хорошо, — ритмично приговаривала бабушка Фа, рассказывая сказочку. — Тима не будет теперь никогда волновать внешний вид.

— Почему? — широко раскрыв глаза, спросил я, краешком сознания удивившись своим детским интонациям.

— А потому, мой маленький, что теперь Тима везде будут считать своим, — ласково улыбнувшись, объяснила добрая бабуля. — Тим и так был неплохим ведуном, а теперь его восприятие вступает в непроизвольную реакцию с настроем любой толпы, всегда обладающей групповым сознанием.

— И что тогда получится? — наивно спросил я, изо всех сил борясь с желанием пососать пальчик (неприлично большим мальчикам сосать свои пальчики).

— Люди Земли умеют примитивно манипулировать общественным сознанием, — с доброй улыбкой продолжала рассказывать тетя Фа. — Тим, не грызи ногти!

— Извини, тетенька, — покаялся я, пряча обе руки за спину.

— Под воздействием информационного поля человек, не знающий ничего о другом индивидууме, уже составляет определенное мнение о нем, — продолжила с улыбкой большая девочка Фа. — Например, в начале двадцать первого века многие не слышали и не видели некоего Зверева, но имели о нем четкое понятие благодаря информационному полю тогдашнего интернета.

— Понятно, — энергично закивал головой я.

— Так вот, теперь джисталкер Тим обладает такой же способностью, но на значительно более высоком уровне. Лицо человека для хищников немного неприятно, но Тима все будут воспринимать так же, как вы воспринимаете Шрека из ваших мультиков. Вроде и людоед, а вроде как и хорошенький, при этом давний знакомый, — продолжила объяснение умненькая девочка

Фа. — Все, кто его знает, будут проецировать свои представления о Тиме на остальных, как бы «заражая» своим восприятием чистое место, отведенное в других мозгах под него.

— А если Тим попадет в место, где никто не будет его знать? — спросил я о себе в третьем лице, как это часто делают совсем маленькие детки.

— Тогда его внешность просто никто не запомнит, или запомнит таким, каким Тим хочет выглядеть для окружающих, срисуют образ из его воображения, — с улыбкой объяснила старенькая бабушка Фа. — А если Тим окажется в месте, где его воспринимают по-разному, то произойдет смещение в общественном сознании, и новый образ Тима, наиболее устраивающий всех, займет место в головах.

— Понятненько, — сказал я, и вдруг неожиданно даже для самого себя добавил: — Хочу писать!

Через минуту (пописать в голубенький ночной горшок с розовыми слониками успел) я уже осознавал себя взрослым человеком, и мне стало ужасно неудобно за свое инфантильное поведение.

— А это детство было обязательным? — немного сумбурно сформулировал я свое недовольство.

— Детская психика помогает любому лечению, ваша медицина до этого еще просто не доросла, — с улыбкой ответила гоблинка, великолепно поняв то, о чем я хотел спросить. — Есть еще вопросы? А то чуть сам себя не угробил…

— А помимо ведической маскировки, что я теперь еще могу? — тут же спросил я.

— Все, надоел, — неожиданно сказала полубогиня, и я снова оказался на площади Порт-о-Тролля, окруженный друзьями и котами.

Немного неуверенно оглядевшись, я начал наблюдать за своими друзьями, вернее за их реакцией на мой внешний вид. Наблюдать было абсолютно не за чем — хищники не реагировали на человека, находившегося меж ними. Вернее реагировали, удивляясь моей заторможенности, но по-прежнему считали меня обычным орком. Как я узнал чуть позже, всем показалось, что я совершенно не вовремя затеял молитву своим богам, по типу моих советов с духами на островах. Более того — никто за мной не наблюдал, из чувства корректности. Госпожа Фа рулила этим миром с присущей ей твердостью и ненавязчивостью — из нее бы вышел идеальный джисталкер.

— Тим, только тебя ждем, — наконец не выдержала Лия. —

Мы тут торчать вечно будем? Коты уже разбегаются.

«Отпустила тебя верхняя?» — тут же влез Рыжик.

«Вроде да», — выдохнул я и повернулся к нашей гоблинке.

— Так кого ждем-то? Пошли в порт, — возмущенно сказал я, сделав хорошую мину при плохой игре.

Лия скептически оглядела меня с головы до ног, ничего для себя нового не нашла (хоть я в это почти не верил), махнула рукой и первой устремилась в узкую улочку, ведущую к порту. Я двинулся за ней, за мной пристроились гоблин, огр и тролль, а следом за нами потекли коты.

По пути к нам присоединился кормчий Менар, сопровождаемый своими братьями-бойцами, и начал передо мной отчитываться. Надо сказать, слушал я его вполуха, наблюдая за котами и по-прежнему удивляясь тому, что мою бледную безклыкастую физиономию не воспринимают как чуждую данному месту и времени. Вскоре процессия, сопровождающая кошачий ход, вышла к порту и направилась прямиком к «Гордости Приморья», на котором уже знали о нашем появлении — с борта фрегата к причалу был спущен помпезный трап. Опережая нас, на корабль спешила команда — в свое время я предупредил, что мы долго не будем задерживаться в Порт-о-Тролле, и полувоенный фрегат четко выполнял взятые на себя обязательства.

Когда Рыжик ступил на борт плавучего судна, произошло событие, заставившее меня забыть о своей белой коже. И хотя подобную картину я наблюдал уже второй раз, она снова захватила все мое внимание, впрочем, не только мое — вся команда фрегата и зрители на причале замерли, наблюдая редкое зрелище — крысы бежали с корабля.

Надо сказать, на этот раз никто из членов команды не обвинял котов в создании плохой приметы, и симпатии были полностью на стороне пушистых пассажиров. Однако сами коты не смогли удержаться, и через минуту солидный кошачий парад, до того двигающийся от дирижабля к кораблю практически стройными рядами, разбился — началась самая большая крысиная охота, которую мог наблюдать Порт-о-Тролль за все время своего существования.

— Что делать будем? — спросила меня Лия, наблюдая с борта судна за метающимися по всему порту пушистыми молниями.

— Шеф, какие распоряжения? — вторил ей кормщик.

— Ловить их будем, что ли? — подал свою реплику Васиз, с опаской переводя взгляд с занятых охотой котов на чудом

спасенные сапоги.

— Тут неподалеку имеется, по-моему, самое большое в городе питейное заведение? — спросил я у кормщика, и он кивнул в ответ. — Пойдем все туда, там ждать веселее.

Вскоре в портовый кабак переместилась половина команды фрегата во главе с капитаном, вся наша компания и кормщик с братьями. В тесном зале таверны все едва поместились, зато выпивки нам хватило с лихвой, а это было в данной ситуации гораздо важнее. До самого вечера мы накачивались элем, пока коты очищали порт от крыс. Я подумал в тот момент, что все, что ни делается — делается к лучшему. Пушистые охотники снимали стресс дирижабельного путешествия самым естественным для себя способом. Второй фактор — долгий морской круиз, тем более при отсутствии крыс на борту судна, будет непоседливым усатым охотникам жутко скучен. Пусть коты разомнутся, пока мы тренируем спиртным наши желудки.

Еще немного интересовало, не поменяется ли восприятие меня, как орка, у хищного окружения от обильных возлияний. К несчастью, меня по-прежнему воспринимали очень дружелюбно, и я на протяжении всей грандиозной портовой пьянки отбивался от нашего тролля, который быстренько накидался и постоянно лез ко мне целоваться (чисто мужская дружба).

Когда стемнело, мы свернули праздник возвращения, и огромной полупьяной компанией отправились на корабль. Коты к тому времени охоту закруглили (как я узнал значительно позже, с того момента крысы в порту не появлялись больше года) и ожидали нас всем прайдом на борту фрегата. Размещением пушистых охотников на плавучем судне все это время занимался преданный Дехор, отказавшийся принимать участие в попойке, повсюду сопровождая своих ненаглядных котиков.

Я поинтересовался у не совсем трезвого Менара, возможно ли отплытие корабля при таком количестве пьяных членов экипажа и кормщик уверил меня в том, что на скорость и качество плавания употребление эля в столь ничтожных количествах (все остались на ногах) повлиять никак не может. Тогда я дал добро на отплытие, после чего с трудом дополз до своей каюты и с чувством выполненного долга сном праведника отключился от забот.

На огромном морском фрегате ударил гонг, что послужило началом величавого движения корабля. Команда, большая часть которой на берегу едва стояла на ногах, почувствовав под собой шаткую палубу тут же резво забегала по всему плавучему судну.

Правда, особо разогнаться матросам не давали пассажиры с хвостами, заполонившие фрегат от трюма до кончиков мачт — коты находились везде. Фрегат быстро набрал скорость, вышел из защищенной портовой бухты и устремился к темнеющему горизонту. Джисталкер тихонько храпел в своей каюте, и ему не было никакого дела до усталого тролля, уже третий день не снимающего с ног новые сапоги, натершие синекожему страдальцу изрядные мозоли. Впрочем, тролль от недостатка внимания не страдал — пушистая подростковая банда не выпускала его из вида на протяжении всего этого времени, отвлекшись всего один раз — на большую крысиную охоту.

Работа 29. Плавательно-финишная

Все течет, все плывет,
Ничего не меняется…

(переосмысление Гераклита)

Тринадцатый день плавания ознаменовался ужасающим событием. Весь корабль поднял на ноги жуткий вопль тролля — ему нагадили в сапоги, неосмотрительно оставленные без присмотра. Противостояние Васиза и Сусанина закончилось убедительной победой последнего. Команда корабля, состоящая из азартных жителей приморья, сразу поспешила получать выигрыши, заключенные в организованных ради такого случая тотализаторах — столь славная битва котов и тролля не могла остаться без внимания прожженных игроков. Покаюсь, именно я все это время осуществлял информационную поддержку этой тайной борьбы, разъяснив кормщику (а он соответственно остальным) суть конфликта.

Позже тролль попросил капитана спустить за борт шлюпку, и провел часть дня в ней, влекомый за фрегатом на канате. Сначала Васиз очень долго чистил свои боты, потом спустил их за борт в сетке, решив вымочить остатки всепроникающего запаха, а сам завалился спать прямо в утлом суденышке, впервые за две недели в полном спокойствии.

Вволю поглумившись над мерзким скакашечным шутником (ну злопамятный я, что ж поделать), я попросил Менара подыскать подходящий островок для того, чтобы в тишине и спокойствии пообщаться с духами — пора было менять снаряжение, хоть оно и работало на удивление хорошо. Опять же средства маскировки мне стали не нужны, а я за четыре с лишним месяца привык начинать готовить команду к тому, что мне надо пообщаться с духами, ориентируясь по неприятному вкусу, возникающему от начала деструктуризации вставной клыкастой челюсти. В данный момент я этого вкусового датчика был лишен — из-за чего выбился на пару-тройку дней из графика.

Мое возвращение ознаменовалось легкой паникой — то, что я вышел из джикамеры без коллоидной маски, при этом с кожей, не выкрашенной в зеленый цвет, было тут же замечено. Леночкина пиар-группа, рьяно ринувшаяся ко мне, резко остановилась, как болид, налетевший на бетонную преграду. Лица пиарщиков и самой звезды лав-стори перекосило от неожиданности, как капот

того же болида после лобового столкновения.

Впрочем, сериальная команда была мгновенно оттеснена от меня людьми шефа, который появился как чертик из коробочки, как всегда внезапно и непонятно откуда.

— Провал? — напряженно спросил Рудольф Иванович.

— С чего ты взял? — удивился я, не поняв ничего толком.

Я, признаться, забыл о том, что мое лицо не прикрыто коллоидной маской — к хорошему привыкаешь быстро, отвыкаешь медленно и вообще — в этой жизни лучше не расслабляться. Общеизвестная истина.

— На тебе лица нет, — пошутил шеф.

— А, ты про маску? — дошло до меня. — Все, произошла адаптация. Теперь она мне не нужна.

— Ты серьезно? — удивился на этот раз Руди. — Впервые такое в моей практике.

— Мало того, это вообще впервые в истории джисталкерства, — уточнил я. — И ты понимаешь, какая на тебе лежит грандиозная задача?

— Какая? — просто спросил глава «Гном-Инста», не став умничать, что было немного не в его стиле.

— Сделать так, чтобы меня не забрали в поликлинику для опытов, — поставил я перед ним знак вопроса в полный рост. — А то отберут твоего лучшего сотрудника для препарирования и вдумчивого изучения с расчленением, а проект-то и провалится.

— Логично, — согласился Руди. — Вводим режим стратегической секретности.

Через пару минут все были твердо уверены (а если кто-то и не был, то сам виноват), что я появился не из джикамеры, а из обычного телепорта, дизайн которого исполнен под стандартную Гашек-камеру. Этот телепорт (работающий только с лицами, имеющими высший допуск секретности), ведущий, кстати, в кабинет шефа, тут же появился на нужном месте. Сама джикамера перекочевала во все тот же начальственный кабинет, у дверей которого встали два телохранителя с винтокрылами огневой поддержки.

Попутно решился вопрос, который до сего момента не давал мне спокойно жить на протяжении трех месяцев — меня избавили от участия в съемках мыльно-оперного сериала! Руди минут двадцать проорал по мобильнику — и вскоре вся пиар-братия во главе с нашей офисной курицей навсегда покинула гостеприимную территорию фирмы «Гном-Инст». Леночка рванула не куда-то, а прямиком в Голливуд, чтобы там сняться в главной роли теперь уже в полнометражном блокбастере на ту же

идиотскую тему — лавстори с орком на Земле-матушке. На главную мужскую роль претендовали с десяток звезд мировой величины, чему я безмерно обрадовался, ибо меня в этом списке не было. Шедевральное произведение моих вооруженных ломом шаловливых ручек, охраняемое как картина Леонардо, тоже было увезено на фабрику грез следом за блондинистым чудом в перьях, так что впервые за долгое время на территории, подконтрольной фирме «Гном-Инст», воцарилась действительно деловая атмосфера.

Саня и Дима настраивали джикамеру в уголке кабинета, мы с Рудольфом Ивановичем пили кофе, когда шеф вдруг замер (оказывается он все это время, разговаривая со мной, параллельно сидел в виртуале) и окинул меня немного испуганным взглядом.

— Что случилось? — встрепенулся я, довольный необычной реакцией мудрого руководителя.

— Ты не просто адаптировался, ты еще и проапгрейдился, — сказал Руди и, заметив мой недоуменный взгляд, пояснил: — Пришли данные проверки твоих вещей. Все как новенькое после двух недель пребывания в мире Ворк. Ни малейшего следа деструктуризации.

— Ого, — удивился я. — Вот это подарочек…

— Колись, что там было? — серьезно спросил Руди.

— Ты не поверишь все равно.

— После всего этого я поверю хоть во вмешательство богов, — не подумав, ляпнул мудрый шеф.

— Угадал, — буркнул я.

— Что?!!

От удивленного возгласа вечно спокойного и насмешливого Рудольфа Ивановича приятели-предприниматели прекратили настройку оборудования и потрясенно воззрились на нас.

— Продолжайте, — строго кивнул парням шеф, отвлекшись на секунду от меня, после чего проявил во всей красе свой могучий профессионализм, взял себя в руки и уже с прежней смешинкой, глубоко спрятанной в глазах, вернулся к разговору, закончив почти шепотом: — Хотя никакого другого объяснения и нет, в принципе.

— Уху, — хмуро согласился я. — Честно, Руди, рассказали бы мне такое — в жизни бы не поверил…

— Да я и не верю, можешь не рассказывать, — усмехнулся шеф. — Будем считать, что у тебя есть тщательно охраняемое ноу-хау. Мне так проще жить.

— Договорились, — облегченно выдохнул я, так как

обнародовать историю своих отношений с госпожой Фа мне очень не хотелось (особенно бесил меня ночной горшок со слониками).

— Непонятно каким образом достигнутый успех устраивает меня значительно больше, чем всем понятный провал, — выдал афоризм Руди. — Так что у тебя по-прежнему полная свобода действий. Отчеты за тебя продолжат писать наши сказочники.

Через пятнадцать минут я уже стоял в джикамере, ожидая отправки в мир Ворк. В небольшом кабинете шефа, который донельзя походил на комнату отдыха в затрапезном офисе, снимаемом когда-то в незапамятные времена (почти год назад) приятелями-предпринимателями, Саня и Дима под присмотром Руди совершали обыденные действия по моему отправлению в мир Ворк. Я стоял в Гашек-камере и размышлял о великом движении жизни по спирали. Естественно, отличался кабинет шефа от нашей горе-конторки как бриллиант чистой воды от куска оплавленного закопченного стекла — но суть-то от этого не менялась. Тот же человек отправлялся в прежний мир практически по совершенно аналогичным делам. Со стороны движение по спирали представляется тяжелым подъемом наверх, но есть определенный ракурс (если смотреть сверху) где это движение представляется бестолковым бегом по кругу. Кстати — не только с высоты, но и с самого дна тот же вид. Применим ли этот подход к социальным и общечеловеческим отношениям?

Додумать философское откровение мне, как всегда, не удалось, так как в ушах щелкнуло, и я оказался в мире Ворк на небольшом островке. В трех кабельтовых стоял на якоре огромный фрегат Той Стороны, на котором, как я был в этом твердо уверен, уже накопилась масса неотложных дел, требующих моего непосредственного участия.

Я почти ошибся — за время моего отсутствия почитай ничего и не случилось. Разве что Сусанин пытался по канату пробраться на лодку к Васизу, свалился в воду и чуть не утонул — благо Дехор был начеку, нырнул в морскую пучину и вытащил шалопая. Потом Сусанин носился по всему кораблю, преследуемый разъяренной Халвой, в результате кошачьими когтями оказались изодраны два паруса. Вернее порвано полотен было больше, но остальные еще худо-бедно подлежали восстановлению. Правда, эта мелочь служила только фоном — один матрос (по счастью нетяжелый гоблин) нечаянно наступил на хвост совсем маленькому котенку, в результате его мать ментальными ударами

страха загнала обидчика своего сынишки за борт. Матросы, оскорбившись за своего товарища, попытались сеткой поймать кошку и тоже искупать ее в море, но набежали другие коты и все сторонники мокрого гоблина тоже отправились за борт. Тут взбунтовалась вся команда, но на сторону котов встал Дехор, и за борт снова полетели тела. Как вы понимаете, все это происходило на фоне испуганного ора Сусанина, улепетывающего по всему фрегату от разъяренно шипящей Халвы. В результате за мной даже лодку не послали, и мне пришлось добираться до фрегата вплавь.

Первым делом, уговорив Халву простить Сусанина, я остановил драку на палубе, обуздав уговорами для начала разъяренного Дехора, а чуть позже пообещав команде по кружке эля. Далее последовала процедура раздачи каждому по кружке янтарного напитка, полностью примирившего матросов с кошачьим нахальством. Возмущенных котов тем временем успокоила пришедшая в себя Халва, разбудив и призвав на помощь Рыжика, до того момента мирно дремавшего под всю эту котовасию. После, попросив Хоба помочь поминавшему недобрым словом всех святых боцману привести в порядок парусную снасть, я отправился к Менару и дал тому добро на отправку. Вскоре фрегат олицетворением мира и спокойствия направился в сторону Архипелага.

«Удачно на Землю сгонял, почти ничего и не произошло», — удовлетворенно подумал я, развалившись на корме в кресле-качалке и с удовольствием поглядывая на утлую лодочку, влекомую за фрегатом на канате. В шлюпке ворочался полусонный тролль, пытаясь пристроиться поудобнее. Вожделенные котами сапоги по-прежнему отмокали в морской водичке.

Наутро тролль запросился обратно на палубу, потом наступила его вахта у двигателя, а после дежурства Васиз в утлое суденышко лезть почему-то не захотел. «Война за Сапоги» вялотекуще тлела еще дня три и закончилась полной и беззаговорочной капитуляцией законного сапоговладельца. Днем, при большом скоплении народа, Васиз вышел из своей каюты, неся на вытянутых руках наполненные благоухающие сапоги, и торжественно запустил их в полет прямо с борта плавучего судна. Предмет кошачьих претензий шлепнулся в волны и камнем сгинул в морской пучине, а гордый победитель, главарь подростковой кошачьей банды, начал принимать заслуженные поздравления от всей команды. Сусанина до самого окончания плавания баловали разными вкусностями игроки, заработавшие

на противостоянии кота и тролля целое состояние.

Наконец настал день, когда «Гордость Приморья» подошла к той же удобной и глубоководной бухте, защищенной от всех ветров, на берегах которой мы подверглись нападению мелких демонов. На Лабиринте дислоцировался взвод земных летунов в СВЗ, с командиром которых я уже провел переговоры в эфире пару дней назад, используя стрикет. Ситуация на острове надежно контролировалась — атаки демонов к этому времени почти прекратились, и лишь изредка рогатые одиночки пробовали прорвать периметр обороны, организованный по последнему слову земной военной науки вокруг остывшего вулкана.

Когда до берега оставалось чуть меньше одного кабельтова, кормчий отдал команду и за борт полетели якоря. Солнце висело высоко в небе, и над берегом царил тропический день, поэтому ни один момент операции под названием «Кошачий десант» не остался незафиксированным. На фрегате оказалось огромное количество шлюпок — я и не предполагал, что их столько имеется. Весь кошачий прайд был спущен на берег за один раз. Пока команда корабля под присмотром капитана производила погрузку пушистых бойцов в десантные плавстредсва, весь мой отряд стоял на палубе и наблюдал за этим примечательным событием. Вскоре к нам присоединился кормчий Менар.

— Все по плану, шеф, — доложил мне мореход.

— Отлично, — кивнул я в ответ. — Как и планировали, я остаюсь.

— Не волнуйся, Тим, — подала реплику Лия, мой верный финансовый директор в мире Ворк. — По прибытии со всеми сполна расплачусь.

— Пожалуй, я тоже останусь тут, — неожиданно прогудел Дехор, до сего момента со слезами на глазах наблюдавший за тем, как его любимцы покидают фрегат.

Лия для порядка минут пять уговаривала отставного сержанта передумать, но во всем, что касалось кошек, огромный огр был тверд и непреклонен. Хотя, могучий союзник на новом месте прайду не помешает, так что я не особо возражал.

— Пусть остается, — неожиданно вступился за Дехора Хоб. — Может, мы скоро сюда к нему и Тиму вернемся.

— Ни за что на свете, — выдавил Васиз, глядя на свои босые ступни, после чего уши у всех присутствовавших неподалеку заложило от нашего громкого гогота.

Гоблины весело хихикали, прижимая ручонки к животам, огр

задирал голову и утробно выл, а тролль присаживался на корточки и ухал как сова, хлопая себя по коленям и поглядывая на свои босые пятки. Я от ребят не отставал — скупые мужские слезы в три ручья текли по моему мужественному лицу, к счастью плакал я исключительно от смеха. В тот момент мерзкий тролль был мной прощен полностью за свою шуточку с плезиозаврами.

Вскоре я и Дехор, окруженные со всех сторон котами во главе с Рыжиком, уже стояли на песчаном пляже бухты и провожали уходящий в море фрегат. На корме судна стояли тролль и два гоблина, которые тоже махали в ответ провожающим. В руке Лии билась сорванная с головы яркая шляпка, трепеща в такт подолу красочного платьица. Слева от нее расположился гоблин, машущий неведомо откуда взявшейся синей лентой. Справа от маленькой аристократки стоял босой тролль в балахоне и делал пассы в воздухе магической палочкой. Изредка стихийный маг что-то шептал, подняв над головой палочку, и в небо величаво поднималась маленькая искорка, через десяток секунд превращающаяся в небольшое темное облачко, полыхающее миниатюрными молниями. Вскоре фрегат быстро набрал скорость и скрылся за горой, ограждающей вход в бухту — и лишь несколько начавших таять облаков остались висеть невысоко в голубом южном небе, показывая путь уплывающего фрегата с моими друзьями.

— Ладно, я схожу, осмотрюсь тут, — сказал я Дехору. — Примерно пару недель меня не будет, не волнуйся.

— Не переживай, Тим, — ответил могучий огр, почесывая за ухом Сусанина, ставшего за время путешествия его любимчиком. — Я тут за всем присмотрю.

«Располагайтесь тут. Если срочно нужен буду — летунам сообщите, я приду», — сообщил я Рыжику.

«Ладно», — дал согласие на мою увольнительную рыжий начальник, после чего быстренько отогнал Сусанина от Дехора и удобно расположился у гиганта на руках, закрепив таким манером свой незыблемый авторитет.

Огр, окружный всеми котами прайда, скрылся в кустах и я со спокойной душей укололся компенсирующей инъекцией.

— Разрешите доложить! — рявкнул я, вываливаясь из джикамеры и увидав Рудольфа Ивановича, задумчиво сидящего за своим столом.

— Надеюсь, все удачно? — прищурился шеф.

— Задание выполнено, коты переселены! — гаркнул я, не выходя из образа.

— Молодец! — поддержал игру Руди.

Я молча пожирал начальство глазами, и через полминуты шеф не выдержал:

— Чего хочешь в качестве поощрения?

— Долгосрочный оплачиваемый отпуск! — тут же рыкнул я, всем своим видом демонстрируя бодрую усталость от непосильных трудов.

— Возражений не имею! — степенно ответствовал Рудольф Иванович. — Пара недель устроит?

— Рассчитывал на пару месяцев! — якобы обиженно рявкнул я, в душе довольный донельзя.

— Три недели максимум! — ничуть не тише меня заорал шеф.

— По рукам, — тут же вышел я из образа «сержанта из учебки».

— Но мобильник не выключаешь, — тут же ввернул Руди, я кивнул в ответ, после чего мы хлопнули по рукам.

— Все три недели буду вести полурастительный образ жизни, — поделился я своей мечтой с шефом. — Смотреть старинные плоскоэкранные фильмы, есть, спать и…

— А что ты тут сидишь? — деланно удивился шеф. — Ты уже минут десять как в отпуске.

Через полчаса я уже валялся с книгой в своей кровати и впервые за невероятно долгий отрезок времени никуда не спешил.

Эпилог

Вывод в конце книги, как и лишение свободы, называется заключением.

(известный писатель, заметки из острога)

К концу третьего дня отпускного безделья решился я выйти в мир. До этого даже мысль о том, что надо покинуть периметр стен своей небольшой квартирки, ни разу не пришла в голову.

«Прокачусь-ка на болиде», — подумал я, встал с кровати и отправился в гараж.

Честно скажу — давненько не испытывал такого разочарования. Нет, все было в ажуре — мотор рычал аки зверь лесной, ускорение привычно вдавливало тело в сидение, круги МКАДа нарезались, как колбаса острым ножиком — а вот удовольствия от езды куда-то пропало. Меня не покидала мыслишка, что я сейчас детством балуюсь (хоть к бабушке Фа под крылышко, к горшочку со слониками) — и от этого безопасная езда на сверхскоростном автомобиле по московским улицам казалась пресным и слегка инфантильным занятием. В конце концов, я просто устал ездить под темным небом по освещенным московским трассам, загнал машину в подземный гараж и отправился спать с чувством легкого разочарования в жизни.

Следующим утром решил посетить игровой компьютерный клуб «Динамо». Зайдя в бар при клубе, я не увидел никаких принципиальных изменений — все было как обычно. Геймеры отдыхали после виртуальных поединков, заключали сделки и просто тусовались, создавая видимость насыщенной событиями жизни. Меня тут же завлекли за один из столиков, где сидели компьютерные коммандос, и их бессменный лидер Фокс начал, надувая щеки, рассказывать, как они победили крутую бразильскую тиму из Рио-де-Жанейро. Сказать, что это мне было неинтересно — это ничего не сказать! Если проводить аналогии, то я начал относиться к своему прежнему увлечению играми так же, как профессиональный геймер смотрит на пятилетнюю девочку, всерьез кормящую виртуального щенка-тамагочи. Занятие, безусловно, важное — но я-то уже не ребенок, к сожалению (опять голубенький горшок перед глазами замаячил, якорный батор…). А при попытке Фокса уговорить пострелять под его чутким руководством мне стало совсем уж не по себе и,

придумав какое-то несуразное оправдание, я сбежал из компьютерного клуба. Больше никогда в жизни не переступил порог ни одного виртуально-игрового заведения.

В полном душевном расстройстве, выйдя из компьютерного клуба «Динамо», я не придумал ничего более умного, чем отправиться в стрелковый дворец «Лужники». Стреляя по мишеням, постоянно ловил себя на мысли, что чушью маюсь — если уж и отрабатывать стрельбу, то делать это надо с ранцевым бластером во главе своих солдатиков. Чуть не побежал на джисталкерский закрытый стадион — остановило только то, что я нахожусь в законном отпуске, и появление на рабочем объекте вызовет массу кривотолков, в результате которых меня куда-нибудь обязательно припрягут.

«У сэнсэя почти год не был!» — посетило меня, наконец-то, конгениальное озарение в коридорах стрелкового дворца, и я оттуда прямиком отправился к Андрею, непревзойденному мастеру боевых единоборств.

— Какой парень посетил мой старый подвальчик! — радостно воскликнул сэнсэй, увидав меня, и тут же начал глумиться: — Ты пришел меня избить?

— От тебя живым уйти достижение, — отшутился я, поздоровавшись с наставником. — У нас с тобой игра в одни ворота, и этими воротами всегда являлась моя физиономия.

— Не пререкайся с учителем, — хмыкнул Андрей. — Иди, переоденься быстренько, сейчас я тебе буду давать тумаков.

После чего я прошмыгнул в раздевалку. Древний шкафчик одежды, к которому не подходил около года, встретил меня радостным миганием сенсорных датчиков, гудя и приводя в порядок мою тренировочную униформу, и через пару минут я уже стоял напротив сэнсэя на татами, с удовольствием вдыхая запах свежевыстиранного кимоно, привычно облегающего плечи.

— Что попробуем сегодня? — хитро прищурившись, спросил Андрей, давая мне право выбора вида единоборства.

— Давай без правил, — предложил я. — Давненько что-то в медицинском кресле не валялся …

— Желание клиента — закон! — ехидно выдал учитель, и схватка началась.

— Ну-ка стоп, — буквально через полминуты боя сказал Андрей, остановив поединок. — Ты что тут делаешь?

— В плане? — удивился я. — Вроде неплохо держусь, всего один удар пропустил, причем не критичный…

— Ты тут валенком не прикидывайся, — рассердился

сэнсэй. — И нечего на ринге филонить.

— Да в полную силу дерусь, — возмутился я в ответ.

— Ты кому это говоришь? — на полном серьезе спросил мастер единоборств. — Либо ты сейчас полностью выкладываешься, либо вон из моего зала, и я тебя знать больше не знаю!

«Вот привязался!» — подумал я с неудовольствием и совершенно непроизвольно, характерным образом крутанувшись на месте, отвел глаза своему учителю по методике ведовства.

— Вот! — удовлетворенно выдохнул сэнсэй, после чего прикрыл веки и продолжил бой вслепую.

В тот раз я победил. Побил великого учителя. Первый раз за двадцать с лишним лет порой почти ежедневных попыток. И знаете, что было в этой победе самое странное? Ни за что не догадаетесь. То, к чему я стремился пару десятилетий, наконец-то свершилось — и меня это ничуть не взволновало. Приведя в чувство бездыханного сэнсэя, и оттащив его в регенерационное кресло (пробить печень человеку оказалось значительно проще, чем огру), я поболтал с ним, дал обещание заглядывать в зал по мере возможности и с чувством какой-то безысходности отправился домой. Зайдя в квартиру и пометавшись по комнате, как тигр по клетке, бухнулся с расстройства на кровать и уснул, не дождавшись десяти часов вечера.

Утром встал, сделал легкую разминку, почистил зубы, выпил чашечку кофе — и понял, что сейчас волком взвою от безделья. Шел пятый день моего отпуска. Подойдя к окну, уперся лбом в холодное стекло и начал глядеть на Москву, которая суетливо неслась по своему вечному кругу. Над заливом летали парашютисты, привязанные к яхтам, ажурная башня моста находилась на своем привычном месте, завлекая посетителей голорекламой. Ничегонеделанье, как хороший удар по голове, спровоцировало приток крови к мозгу, в результате чего меня посетили философские мысли, чайками слетевшиеся на дармовой хлебушек. Оно и понятно — серьезному, занятому человеку предаваться бессмысленной философии обычно некогда.

Когда-то я всерьез задавался вопросом: «В том ли мире мы живем?». Теперь это кажется наивным — хотя наверно с таким же чувством внутреннего превосходства смотрит величественный первоклассник на деток, оккупировавших песочницу. Ну, не будем проводить аналогий и параллелей, а двинемся дальше.

Чуть позже решил, что изменением мира я занимаюсь, просто делая свое дело. Основополагающий принцип, формулировку

которого предписывают Като Старшему, Марку Аврелию, Льву Толстому, одновременно с этим считают французской поговоркой, а так же одним из принципов Карма Йоги: «Делай, что должен — и будь что будет». Хотя с этим можно поспорить, ибо тот же Маугли (имеется в виду настоящий дикарь, воспитанный зверьми, а не киплинговский лесной полубог) считал своим долгом бегать на четвереньках и жрать мясо, — и ничего другого делать не желал, да и не представлял как. Данный принцип предполагает то, что человеком получено правильное воспитание, и с самого детства в неокрепшую психику (открытую миру как чистая тетрадь школьника разумному, доброму, вечному) закладывались правильные общечеловеческие ценности. Примем как аксиому то, что у меня с этим все в порядке, и двинемся дальше.

Прошло много лет — и результат, как говорится, на все лицо. Напряженно работая над изменением мира, я пришел к совершенно логичному результату — мир изменил меня. Оно и понятно, к примеру — человек древности, садящийся по той или иной причине за весло галеры, хотел (или его заставляли) двигать вперед корабль, в результате он либо умирал от непосильных трудов, либо становился гораздо сильнее окружающих. Мир изменял человека для того, чтобы он лучше делал свое дело. Тренирующийся спортсмен постепенно изменяет свое тело, чтобы добиться большего результата. Менеджер по продажам с каждой удачной сделкой становится профессиональнее и профессиональнее. Часто печатая, секретарь начинает делать это быстрее. Изучая науки, люди становятся образованнее, и так далее.

Вывод — изменяя мир, мы одновременно изменяем себя, для того, чтобы нам было удобнее менять этот мир! Вот такое своеобразное движение по спирали — взбираемся на гору, выбиваясь из сил и одновременно насыпая эту гору все выше и выше. Вечная война со всемирной энтропией. Правда, в моем случае это произошло как-то уж чересчур кардинально.

«Для чего же, интересно, меня готовят?» — замер я, пораженный внезапным выводом из рожденного философского откровения, приближающего меня к тайнам мироздания.

Естественно, мироздание тут же дало излишне любопытному доморощенному философу щелчок по носу, дабы не подглядывал — раздался звонок мобильника, философское настроение слетело с меня, как кожура с перезрелого банана, и уже через секунду я бы не смог даже под пытками вспомнить, о чем только что так напряженно размышлял.

— Приветствую отдыхающих! — радостно выдал Рудольф Иванович, как только произошло соединение абонентов.

— Мое почтение высокому начальству, — ответил я безрадостно, всем своим видом выражая недоумение оторванного от заслуженного отдыха смертельно усталого человека. — Не иначе как пакость какую-то вы задумали, уважаемый, судя по бодрому началу?

— Да новости есть, плохие и хорошие, — не поддался на провокацию Руди, кидая моему любопытству древнюю приманку-заманушку. — С какой начинать?

— Вот Руд, я тебе одну вещь сейчас скажу, только ты не обижайся, — ехидно улыбнувшись, подмигнул я начальству, после чего вытянул вдоль тела левую руку ладонью вниз, потом повернул кисть тыльной стороной к полу, а затем развернул снова вниз ладошкой. — Знаешь, что это означает?

— Знаю, — хмуро ответил шеф и, вертя кистью правой руки на уровне своего пояса, проговорил речитативом: — Когда я был вот такой малец, у этого анекдота была вот такая борода.

— Так зачем же позоришься прилюдно? — назидательно спросил я, наткнулся на недоуменный взгляд Рудольфа Ивановича, и добавил укоризненно: — А вдруг я наш разговор сохраню для потомков, потом его издадут в моих мемуарах, и весь мир узнает о твоем искрометном чувстве юмора?

— Уговорил, новости сообщу в порядке, который назначу методом тоталитарного произвола, — выкрутился непотопляемый Рудольф Иванович. — Так больше устраивает?

— Вот это совсем другое дело, — притворно обрадовался я, и приготовился внимать. — Излагай.

Начал шеф с новости хорошей, я же начну с предыстории. Говорят, на заре кинематографа фильмы снимали за пару недель. Король немого кино Чарли Чаплин на заре своей карьеры только за один 1914 год снялся в тридцати четырех фильмах, что в среднем получается почти три фильма в месяц. Позже процесс изготовления продуктов киноиндустрии серьезно замедлился, и был период, когда на каждый киношедевр создатели тратили несколько лет. С развитием виртуалов скорость производства кинофильмов значительно увеличилась, и теперь при наличии готового и адаптированного к современной киноиндустрии сценария изготовление очередного шедевра занимает чуть больше недели — как и когда-то давным-давно производство какого-нибудь немого «кина», наглядный пример очередного витка спирали развития человеческой цивилизации. Может быть, именно поэтому я и не люблю современный кинематограф. Вот

лежит у меня душа к плоскоэкранным фильмам, изготовляемым моими предками по нескольку лет каждый, и хоть ты тресни! Гадать не буду, и вернусь к повествованию.

— От своих слов не отказываешься? — задал для начала Руди странный вопрос.

— Да я вроде как за таким ни разу замечен не был, — удивился и слегка обиделся я.

— Помнишь наш разговор перед тем, как ты взялся за дело?

— Провалами в памяти не страдаю, — по-прежнему удивленно и чуть обиженно ответил я шефу.

— И что я говорил? — ухмыльнулся Рудольф Иванович.

— Что ты со мной в равной доле во всех наших начинаниях, — ответил я.

— Ну, тогда получите свою половину, — хмыкнул шеф, и нажал у себя на какую-то кнопочку.

Мой наладонный комм пикнул, сигнализируя о новом денежном поступлении, я автоматом взглянул на голоэкран, и глаза мои тут же полезли на лоб — о существовании такого уровня денежных сумм я до сего момента имел только теоретические знания.

— Это что, — с трудом выдавил я.

— Это твоя доля. Тут все, — улыбнулся Руди. — За скульптурный твой шедевр, который грозятся скоро выставить в Лувре. За продажу прав на съемку фильма, за твои мучения в образе влюбленного орка и доля с мирового проката, побившего все рекорды в этом году.

— Так сняли уже фильм что ли? — задал я риторический вопрос, в ответ на который Рудольф Иванович только хмыкнул. — Да уж. Надо бы посмотреть, что ли…

— Продолжить изложение новостей? — ехидно прищурился шеф.

— А что, еще что-то есть? — ошарашено воззрился я на величайшего бизнесмена современности.

— Так это цветочки, — успокоил меня Руди. — Ну, так что, продолжать?

— Уху… — выдавил я, и вернулся к созерцанию наладонника, раздавленный неимоверным количеством нулей на своем счету.

— Руководство «Гном-корпорации» оценило твой вклад в развитие проекта, завещанного самим отцом-основателем, — скинув с себя шутливый тон, торжественно провозгласил шеф. — На очередном заседании совета директоров на джисталкера Тима переписан пакет акций.

— И что мне с этими акциями делать? — спросил я, в прострации созерцая свой счет, количеством нулей повергающий меня в священный ужас.

— Тим, ты дурак, или где? — возмущенно заорал Руди. — Я тебе перевел сейчас то, что можно пустить на карманные расходы!

— Это как это так? — вышел я из нирваны созерцания неземных богатств на своем счету.

— Во, начинаешь реагировать адекватно, — успокоился Рудольф. — Слушать можешь?

— Уху… — не стал умничать я.

— Теперь мы с тобой владеем контрольным пакетом акций «Гном-Инста», что влечет за собой вступление в права собственности двух процентов акций головного предприятия, собственно «Гном-корпорации», — начал шеф, взглянул в мои тупенькие глазки, тяжело вздохнул и продолжил: — Ладно, потом как-нибудь. Одним словом, теперь ты в списке Форбс самых богатых ребят России на шестьдесят четвертом месте, за мной сразу идешь.

— Так ты в списке миллиардеров находишься? А я даже и не знал… — удивился я.

— Ты неисправим, — выдохнул Рудольф Иванович. — Я тебе только что сказал, что и ты в этом списке имеешься. Тебе вообще теперь можно не работать до конца своих дней.

— Клево! — вырвалось у меня словечко родом из детства, на что шеф, издав мучительный стон, прикрыл рукой глаза и горестно пробормотал:

— С кем приходится работать…

Скептически взглянув на ерничающего Руди, я подумал о том, что за последние пять секунд шеф два раза произнес слово «работать». Рудольф Иванович не из тех людей, кто будет что-либо говорить просто так, и количество нулей на моем счету это отлично доказывало.

«Не иначе свои конторские приемчики снова на мне отрабатывает», — пронеслась в голове мысль, и я тут же поинтересовался с максимально наивным видом:

— Руди, неужели ты решил сообщить мне, как своему лучшему другу, позитивные финансовые новости исключительно для того, чтобы меня порадовать?

— Конечно поэтому тоже… — чуть замялся Рудольф Иванович.

— И твое искрометное начало про хорошую и плохую новость было просто неудачной шуткой, не имеющей никакого отношения

к действительности? — иронично вздернув бровь, спросил я, закрепляя достигнутое преимущество.

— Ладно, убедил, — шеф серьезно посмотрел мне в глаза. — Не совсем уж ты дурачок, есть в тебе что-то такое…

— Хватит КГБшные методики на мне отрабатывать, — прервал я Рудольфа Ивановича. — Колись давай, зачем позвонил.

— Хм, — хмыкнул шеф, профессиональная гордость которого не желала сдаваться так быстро.

— Ну, если у тебя нет никакого серьезного дела, то я, пожалуй, посплю еще?

— Ладно, — сдался Руди и перешел собственно к вопросу, по которому он мне позвонил: — Проблема тут возникла с твоим огром. Признаться честно, я немного упустил время.

— Что там с Дехором? — тут же забеспокоился я.

— Мы с котами контакты налаживали, а твой огр ребят в СВЗ начал воспринимать как врагов. Гоняться за летунами, булавой своей в них швыряться.

— Да пусть себе развлекается. Даже если и попадет случайно, ребятам в скафандре от этого ни жарко, ни холодно.

— Я тоже так подумал сначала, — ответил шеф. — Только он уже пять дней не спит, на все что шевелится, кроме своих кошек, бросается. Худеет…

— Что ж ты сразу за мной не послал! — возмутился я, тут же начав собираться.

— Да что-то поначалу значения не придал, потом подумал, что пошлю кого-нибудь замаскированного под орка или тролля, чтобы объяснили что к чему, — потупился Руди. — А теперь к нему без защиты и подойти-то боязно…

— Понял, собираюсь, — прервал я исповедь начальства.

— Да я в принципе не только из-за этого звоню, — честно признался правдивый начальник.

— А что там еще случилось? — замер я на месте.

— Провал двух групп, занимающихся рекрутингом на Этой Стороне, третья на грани провала, — развел руками Рудольф Иванович. — Я вот и подумал, может, ты по своим связям пройдешься? У тебя же есть друзья в руководстве Магического Университета Вихрь-города…

— Какие еще новости? — медленно проговорил я, с трудом сдерживаясь.

— Все вроде, — виновато улыбнулся Руди.

— Ладно хоть на Той Стороне у вас все хорошо, — выдохнул я с облегчением.

— Не сказал бы, — возразил шеф, увидел мои выпученные глаза и поспешил добавить: — Но я же в курсе, что твоя основная

команда Той Стороны сейчас на корабле плывет, так что вопрос терпит.

— То есть, ты с самого начала знал, что я все буду делать один? — прошипел я, зло прищурившись. — И все твои заморочки с ИскИном только для отвода глаз?

— Кстати, на том же совете директоров «Гном-корпорации» принято решение о назначении тебя губернатором острова местонахождения Земного Магического Института, что подразумевает твое главенство над всеми нашими ресурсами в мире Ворк, — скороговоркой выдал шеф, виновато пряча глаза. — Так что примите мои поздравления, господин Губернатор.

— Я ответа не услышал, — не дал я Руди возможности перевести разговор на другую тему.

— Огр худеет, — осторожно напомнил шеф.

— Ладно, выхожу, потом поговорим… — многозначительно пообещал я и дал отбой.

— Теперь ты можешь не работать до конца своих дней! Можешь ведь, если захочешь! — скептически сказал я, глядя в зеркало, после чего подмигнул своему отражению, быстренько оделся и браво побежал на службу…

20/09/2009